

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Н.В. Жилиякова, В.А. Есипова, В.В. Шевцов

**«СЕКРЕТНО. КОНФИДЕНЦИАЛЬНО»:
ЦЕНЗУРНАЯ ИСТОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ
ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX –
НАЧАЛО XX в.)**

Томск
Издательство Томского государственного университета
2022

УДК 070.13:94(571.16)

ББК 63.3(2)+76.0

Ж72

Рецензенты:

доктор исторических наук, зав. научно-исследовательским отделом
книговедения Российской национальной библиотеки *Н.Г. Патрушева*
доктор филологических наук, зав. кафедрой теории и истории
журналистики Новосибирского государственного университета *О.Д. Журавель*

Жилякова Н.В., Есипова В.А., Шевцов В.В.

Ж71 «Секретно. Конфиденциально»: цензурная история журналистики Томской губернии (вторая половина XIX – начало XX в.). – Томск : Издательство Томского государственного университета, 2022. – 374 с.
ISBN 978-5-907442-58-0

Монография раскрывает особенности цензурного надзора в российской провинции на материале периодической печати дореволюционной Томской губернии. Отдельные главы рассказывают о том, как было организовано цензурирование первой томской газеты – «Томские губернские ведомости», как разворачивались различные цензурные сюжеты, связанные с ведущими частными газетами Томска: «Сибирской газетой», «Сибирским вестником», «Сибирской жизнью». Представлены результаты исследований местных неподцензурных самодельных журналов и архивных дел, в которых отражена история неосуществленных изданий Томской губернии.

Для историков, журналистов, политологов, социальных антропологов и всех интересующихся историей России, Сибири, периодической печати, взаимоотношениями власти и общества.

УДК 070.13:94(571.16)

ББК 63.3(2)+76.0

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «“Секретно. Конфиденциально”»: цензурная история провинциальной журналистики (на материалах периодической печати дореволюционной Томской губернии)», № 19-012-00352А.

© Жилякова Н.В., Есипова В.А., Шевцов В.В., 2022
ISBN 978-5-907442-58-0 © Томский государственный университет, 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение (<i>Н.В. Жилиякова, В.В. Шевцов</i>)	4
Глава 1. Цензура неофициальной части «Томских губернских ведомостей» в контексте расширения программы правительственных изданий (1857–1917) (<i>В.В. Шевцов</i>)	34
Глава 2. Организация цензуры официальной части «Томских губернских ведомостей» в первые годы их выхода (<i>В.А. Есипова</i>)	74
Глава 3. «Сибирская газета» (1881–1888): границы свободы частной периодики (<i>Н.В. Жилиякова</i>)	88
Глава 4. «Сибирский вестник» (1885–1905): от цензурных «поблажек» до цензурной «немилости» (<i>Н.В. Жилиякова</i>)	141
Глава 5. «Сибирская жизнь» (1907–1919): четверть века под цензурным прицелом (<i>Н.В. Жилиякова</i>)	188
Глава 6. Томские неподцензурные самодеятельные журналы и цензура (<i>В.А. Есипова</i>)	237
Глава 7. Типологическое разнообразие изданий Томской губернии, не получивших цензурного разрешения (<i>Н.В. Жилиякова</i>)	304
Заключение	347
Алфавитный указатель имен	367

Введение

Цензура как предмет исследования

Цензура – неотъемлемая часть истории российской журналистики. Это история «тайная», скрываемая ее создателями от внимания современников и исследователей. Не только читатели, но нередко и сами сотрудники, издатели и редакторы не знали о конфиденциальной переписке, которая сопровождала процессы создания, существования и прекращения издания, в котором они работали. Отдельные сюжеты и повороты в истории газет и журналов кажутся нелогичными и труднообъяснимыми без посвящения в скрытые от посторонних глаз наблюдения, мнения и решения цензурного ведомства и властных структур, осуществлявших надзор за печатью. Многие из того, что в итоге оказывалось доступным для читателей, проходило через целый ряд согласований и правок, поэтому первоначальный авторский замысел или редакторская концепция той или иной публикации часто искажались, и приходилось понимать, о чем идет речь, читая между строк.

Обращение к «тайной» цензурной истории журналистики находится на пике исследовательского интереса. Это не случайно: долгое время (для того чтобы не вызывать соответствующих параллелей) «история цензуры считалась неприоритетной темой», «исследователи, работавшие в 1970–1980-е гг., помнят, что слово “цензура” убиралось из текстов, а темы, связанные с цензурой, считались неперспективными»¹. С 1990-х гг., в связи с изменением полити-

¹ Патрушева Н.Г. Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX– начале XX века. СПб., 2013. С. 7–8.

ческой ситуации в стране, исследование цензуры активизировалось в рамках идеологического и методологического плюрализма. В современных условиях цензура (и самоцензура как ее эманация) вновь возрождается в государственных, ведомственных и корпоративных СМИ под предлогом защиты общественно-политических и экономических интересов. Поэтому изучение дореволюционной цензуры актуально и позволяет ответить на многие вопросы современности, которая, между прочим, также приводит к своеобразному «парадигматическому сдвигу» в работах последнего десятилетия о цензурной практике дореволюционной России. Например, «использование и обобщение» опыта деятельности Главного управления по делам печати стало считаться «одним из условий совершенствования деятельности структурных подразделений системы МВД Российской Федерации, отвечающих за связь с общественностью, участвующих в учете и формировании общественного мнения»¹. Полуофициальные органы, открыто или негласно финансируемые местными властями – известные как официозы или «рептилии», теперь могут нейтрально определяться как «провинциальная субсидированная печать»². Консервативно-охранительные издания получают наименования «пресса конструктивного подхода», а революционные – «пресса деструктивного подхода», внедрявшая «легковесные, но нагнетающие напряженность идеи», привлекавшая «новых деятелей в ряды экстремистов». Наличие же цензора – «третьего лица», посредника между читателем и журналистом – «развращало» последнего «личной юридической безнаказанностью и возможно-

¹ Амбросьев А.В. Организационно-правовые основы деятельности главного управления по делам печати министерства внутренних дел Российской империи (1865–1917 гг.) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 3.

² Блохин В.Ф. Становление и развитие губернской периодической печати в России: вторая треть XIX – начало XX в. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2011. С. 19.

стью оправдывать свой непрофессионализм так называемым “произволом цензуры”»¹.

В настоящее время идет оживленное изучение цензурных фондов и отдельных дел Российского государственного исторического архива (РГИА), Государственного архива Российской Федерации и многочисленных региональных архивов. Ученые намерены восстановить максимально полную картину развития отечественной журналистики как в столицах, так и в ее регионах. В этом отношении сделано уже многое: изданы монографии, опубликованы статьи и специализированные сборники, проведены тематические конференции, защищены диссертации.

Возможно выделить несколько направлений в области изучения цензуры:

– ограничение свободы слова в печатных СМИ, интернет-пространстве, на радио и телевидении в XX – начале XXI в.²;

– цензура органов советской власти и антибольшевистских правительств в годы Революции и Гражданской войны¹;

¹ Курбакова Е.В. История казанской и нижегородской прессы 1811–1917 гг.: власть и общественные настроения российской провинции. Н. Новгород, 2008. С. 231–235, 285.

² См., напр.: Куликова С.А. Цензура гражданского общества или вандализм? (правовые итоги публичной дискуссии 2015–2016 гг. о цензуре и борьбе за нравственность в искусстве) // Цензура в России: история и современность. Вып. 8. СПб., 2017. С. 30–42; Жирков Г.В. Внешний фактор, электронный щит и электронная цензура // Там же. С. 59–76; Даугова Р.В. Контроль над региональным телевидением // Цензурный режим переходных эпох: К 200-летию со дня рождения председателя Комитета цензуры иностранной Ф.И. Тютчева: материалы Всерос. науч. конф., Санкт-Петербург, 19 ноября 2003 г. СПб., 2004. С. 51–53; Шабунина Н.Ю. Цензура на радио: от худсовета к формату // Там же. С. 109–118; Шадрин К.Н. Правовое положение газет, издававшихся в крупнейших административных центрах Восточной Сибири в 1921–1929 гг. // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2013. № 10 (81). С. 415–421; Тихий К.Т. Роль цензуры и самоцензуры в работе американских обозревателей в Советском Союзе в 1920–1930-е гг. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2012. № 1 (17). С. 26–31 и др.

– государственный надзор за книгоиздательством и библиотечным делом²;

– цензура в системе дореволюционной периодической печати.

В последнем интересующем нас направлении более двух десятков публикаций принадлежит Г.В. Жиркову³.

¹ Молчанов Л.А. «Она посягает... на политические известия исключительной важности»: белая цензура Сибири в годы гражданской войны (1918–1920 гг.) // История и современность : сб. ст. М., 2000. С. 50–62; Шереметьева Д.Л. Власть и пресса Сибири в период «демократической контрреволюции» (конец мая – середина ноября 1918 года) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2009. Т. 8, № 1. С. 129–134; Луков Е.В., Шевелев Д.Н. Осведомительный аппарат белой Сибири: структура, функции, деятельность (июнь 1918 – январь 1920 г.). Томск, 2007. 182 с.; Сарычева А.М. Меры советской власти по установлению контроля над печатным словом (1917–1922 гг.) // МедиаАльманах. 2017. № 2 (79). С. 62–70; Дударев С.С. Становление советской цензуры (1917–1920-е гг.). К 100-летию зарождения института цензуры // Вестник Ульяновского государственного технического университета. 2016. № 3 (75). С. 34–37; Батулин П.В. Существует ли дневник большевистского военного цензора? // История книги и цензуры. СПб., 2013. С. 147–153; Дашин А.В., Кириченко Е.В. Законодательство о цензуре и пропаганде на территории «Белого» Крыма // Вестник Самарского юридического института. 2016. № 3 (21). С. 19–22; Кириченко Е.В. Совершенствование нормативной основы деятельности цензоров в вооруженных силах Юга России (1919–1920 гг.) // Труды Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 56. С. 253–257 и др.

² Трояк И.С. Цензура и книжное дело Сибирско-Дальневосточного региона в 1970-е – первой половине 1980-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2006. № 3. С. 37–40; Строева А.А. Практика цензурного контроля над библиотечными фондами во второй половине XIX – начале XX в. (по материалам губерний черноземного центра) // Библиосфера. 2013. № 1. С. 31–38; Книжная культура Томска (XIX – начало XX в.). Томск, 2014. С. 13–28; Проблема читателя в Томске и Томской губернии в конце XIX – начале XX в. Томск, 2020. С. 18–23; Читатель и читательские практики Томска и Томской губернии (конец XIX – начало XX в.). Томск, 2020. С. 16–29 и др.

³ Жирков Г.В. История цензуры в России XIX века. СПб., 2000. 220 с.; Жирков Г.В. История цензуры в России XIX–XX вв. М., 2001. 368 с.; «У мысли стоя на часах...»: Цензоры России и цензура / под ред. Г.В. Жиркова. СПб., 2000. 260 с.; Жирков Г.В. Л.Н. Толстой и цензура // Известия Южного федерального универси-

Он указывает, что «о цензуре в России XVIII–XIX вв. написано немало, особенно в дореволюционное время. Достаточно сослаться на исследования А.В. Мезьер, А.М. Скабичевского, К.К. Арсеньева, Ал. Котовича, М.К. Лемке, Н. Энгельгардта. Кроме того, многие исторические журналы того времени (“Русская старина”, “Исторический вестник”, “Русский архив” и др.) печатали материалы и воспоминания о цензуре. Особую часть этой литературы составляют мемуары самих цензоров (П.А. Валуева, А.В. Никитенко, Е.М. Феоктистова и др.).

Во второй половине XX в. появились труды по истории цензуры Б.П. Валуева, П.А. Зайончковского, В.Г. Чернухи¹. Крупнейшим исследователем истории цензуры является Н.Г. Патрушева, работы которой посвящены правительственной политике в области печати, организации цензурного надзора, реформированию цензурного аппарата, биографиям цензоров и многим другим сюжетам².

тета. Филологические науки. 2009. № 2. С. 110–134; Жирков Г.В. Журналистика России: от золотого века до трагедии. 1900–1918 гг. Ижевск, 2014. 382 с. и др.

¹ Жирков Г.В. История цензуры в России XIX–XX вв. М., 2001. С. 4.

² Гринченко Н.А., Патрушева Н.Г., Раскин Д.И. Цензура в России XIX–XX вв. // Русские писатели, 1800–1917 : биогр. словарь. М., 2007. Т. 5. С. 775–791; Патрушева Н.Г. Главное управление по делам печати и организация надзора за периодикой в 1865–1905 годах // Известия Смоленского государственного университета. 2010. № 4 (12). С. 271–283; Патрушева Н.Г. Цензурные учреждения Российской империи и система карательной цензуры в начале XX века // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2016. Т. 213. С. 79–84; Патрушева Н.Г. Цензор в государственной системе дореволюционной России (вторая половина XIX – начало XX века). СПб., 2011. 268 с.; Патрушева Н.Г. Цензурные учреждения и цензоры в государственной системе пореформенной России // Александр II: трагедия реформатора: люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей. СПб., 2012. С. 148–174; Цензоры Российской империи, конец XVIII – начало XX века : биобиблиогр. справ. / руководитель проекта Н.Г. Патрушева. СПб., 2013; Патрушева Н.Г. Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX – начале XX века. СПб., 2014 и др.

Уже в 1990 г., в диссертации о цензурной реформе в России 1865 г., Н.Г. Патрушева сделала важный в методологическом отношении вывод о том, что «положение печати в стране определялось в основном не содержанием действующего закона, а той внутрисполитической обстановкой, в условиях которой этот закон применялся»¹.

Ряд монографий и статей принадлежат А.В. Блюму², П.С. Рейфману³, Л.П. Громовой⁴, В.Ф. Блохину¹, Л.М. Макуши-

¹ Патрушева Н.Г. Цензурная реформа в России 1865 г. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1990. С. 17.

² Блюм А.В. Местная книга и цензура дореформенной России (1784–1860) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1966; Блюм А.В. От неолита до Главлита: достопамятные и занимательные эпизоды, события и анекдоты из истории российской цензуры от Петра Великого до наших дней: собраны по литературным и архивным источникам. СПб., 2009.

³ Рейфман П.С. Цензура в дореволюционной, советской и постсоветской России : в 2 т. Т. 1, вып. 1. М., 2014. 232 с.; Рейфман П.С. Цензура в дореволюционной, советской и постсоветской России. Т. 1, вып. 3: 1855–1917 гг. М., 2017. 305 с.

⁴ Громова Л.П. Реформы и русская либеральная журналистика 60-х годов // Журналистика: права, возможности, ответственность : материалы науч.-практ. конф., Ленинград, 30 ноября 1989 г. Л., 1990; Громова Л.П. А. В. Головин и русская журналистика // Журналистика в изменяющемся мире. Ростов н/Д, 1991; Громова Л.П. Из цензурной истории газеты «Голос» // Журналистика и культура : материалы науч.-практ. конф., апрель 1993 г. СПб., 1993. С. 15–16; Громова Л.П. А.И. Герцен и русская журналистика его времени. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1994. 155 с.; Громова Л.П. Общественное мнение и цензурное законодательство в период реформ 1860-х годов // Журналистика – XX век: Эволюция и проблемы : тез. Междунар. науч.-практ. конф., 24–24 апреля 1996 г. СПб., 1996. С. 100–101; Громова Л.П. Цензоры и журналистика в эпоху реформ 1860-х годов // 200 лет российской цензуре : тез. науч. семинара кафедры истории журналистики, ноябрь 1996 г. СПб., 1996. С. 7–8; Громова Л.П. А.И. Герцен и русская журналистика его времени : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1997. 47 с.; Громова Л.П. В.Н. Бекетов – цензор «Современника» // Вестник Санкт-Петербургского государственного ун-та. Серия 2. Литературоведение. 1997. Вып. 3 (№ 16). С. 77–86; Громова Л.П. Из истории одного цензурного опыта: (Герцен в столичной периодике 1862 г.) // Средства массовой информации в современном мире : тез. науч.-

ну², А.В. Амбросьеву³, Г.И. Бельковой⁴, Е.В. Курбаковой⁵, М.А. Пшеничной⁶, М.В. Зеленову⁷, М.А. Бордакову⁸. Не обошли внимания эту тему и зарубежные авторы⁹. Значительный ряд

практ. конф., Санкт-Петербург, 23–24 апреля 1997 г. СПб., 1997. С. 153–154; Громова Л.П. Коммерция и журналистика: (ретроспективный взгляд) // Средства массовой информации в современном мире : тез. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 22, 23 апреля 1998 г. СПб., 1998. С. 84–85; Громова Л.П. В.Н. Бекетов – цензор «Современника» // У мысли стоя на часах...: цензоры России и цензура / под ред. Г.В. Жиркова. СПб., 2000. С. 85–100; Громова Л.П. А.А. Краевский – редактор и издатель : учеб. пособие. СПб. : СПбГУ, 2001. 156 с.

¹ Блохин В.Ф. Провинция газетная: государственное управление периодической печатью и становление газетного дела в российской провинции (1830–1870-е гг.). Брянск, 2009. 384 с.; Блохин В.Ф. «Путешествие из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева в сфере государственных интересов: «Радищев, рабства враг, цензуры избежал!» // Литература, язык, периодическая печать в жизни российского общества и государства (XVIII–XX вв.). Брянск, 2010. С. 55–80; Блохин В.Ф. Всевидящим ли было «цензурное око» государево? (Система государственного управления, цензура и проблема становления гражданского общества в России) // Гражданогенез в России. Брянск, 2009. С. 81–107.

² Макушин Л.М. Цензурный режим и журналистика: от «чугунного устава» 1826 г. до закона о печати 1865 г. : в 2 кн. Екатеринбург, 2009. Кн. 1. 264 с.; Кн. 2. 228 с.

³ Амбросьев А.В. Указ. соч.

⁴ Белькова Г.И. Петроград – главный центр цензуры в годы Первой мировой войны // Культура. Наука. Образование. 2016. № 2 (39). С. 133–137.

⁵ Курбакова Е.В. Губернская власть и пресса Российской провинции в 1811–1917 гг. (на материалах Казанской и Нижегородской губерний) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Н. Новгород, 2009.

⁶ Пшеничная М.А. Государственная политика в области цензуры печати в России XIX – начала XX веков : дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2002.

⁷ Зеленов М.В. Цензура: подходы к определению понятия // Ленинградский юридический журнал. 2013. № 1 (31). С. 94–103.

⁸ Бордаков М.А. Становление и развитие института цензуры на Дальнем Востоке России в 1901–1917 годах : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2018.

⁹ Foote I.P. Firing a censor: the case of N.V. Elagin, 1857 // Oxford Slavonic Papers. NS XIX. 1986. P. 116–131; Foote I.P. The St Petersburg Censorship Committee, 1828–1905 // Oxford Slavonic Papers. New Series. Vol. 24 (1991). P. 60–120. Есть

образуют специализированные работы о цензуре сибирской до-революционной печати современных тюменских, омских, ново-сибирских, иркутских и томских авторов – Ю.Л. Мандрики¹,

отдельное издание: Oxford, 1992. Сокращенный перевод: Фут И.П. Санкт-Петербургский цензурный комитет, 1828–1905 гг.: персональный состав // Цензура в России: история и современность : сб. науч. тр. СПб., 2001. Вып. 1. С. 47–65; Foote I.P. Counter-Censorship: Authors and Censors in Nineteenth-Century Russia // Oxford Slavonic Papers. New Series. Vol. 27. (1994). P. 62–105. Перевод: Фут И.П. Контр-цензура: авторы против цензоров в России XIX века // Книжное дело в России в XIX – начале XX века : сб. науч. тр. СПб., 2004. Вып. 12. С. 120–168; Balabuch H. Nie Tylko Cenzura: Prasa prowincjonalna Królestwa Polskiego w rosyjskim systemie prasowym w latach 1865–1915. Lublin, 2001. 313 с.; Cenzūra un cenzori Latviešu Gramatniecība. Līdz. 1918. Gadam. Rīga, 2004. 112 p.; Smith-Peter S. The Russian provincial newspaper and its public, 1788–1864. Pittsburgh, 2008. 60 p.; Smith-Peter S., Shevtsov V.V. Russian Society at a Provincial Scale. Ideas of Society in Provincial Newspapers, 1838–1875 // Canadian-American Slavic Studies. 2016. Vol. 50, is. 4. P. 439–464.

¹ Мандрика Ю.Л. Первые издания Сибири: генезис провинциальной прессы, ее региональная идентичность и стратегия развития // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология, Журналистика. 2005. № 1. С. 187–196; Мандрика Ю.Л. Провинциальная частная печать: генезис, стратегия развития // Западная Сибирь: история и современность: краеведческие записки. Тюмень, 2006. Вып. 8. С. 140–159; Мандрика Ю.Л. Провинциальная частная печать: спорные вопросы становления периодики Сибири. Тюмень : РИЦ ТГАКИ, 2007. 104 с.; Мандрика Ю.Л. Провинциальная частная печать и цензура // Вестник Московского государственного университета. Серия 10. Журналистика. 2008. № 1. С. 109–120; Мандрика Ю.Л. Цензура в негубернском городе на рубеже веков // Былое и мы: журналистика и литература в пространстве культуры. Воронеж, 2009. Ч. 1. С. 130–146; Мандрика Ю.Л. Тайна «губернских ведомостей»: к истории первых повременных изданий российской провинции (1857–1917 гг.) // Библиосфера. 2012. № 2. С. 9–14; Мандрика Ю.Л. От Конька-Горбунка на коньке горбатом: еще одна гипотеза о творчестве П.П. Ершова // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 2: История. С. 227–234; Мандрика Ю.Л. Цензура как регулятор идеологических рисков гласности: (практика применения законодательства о печати в сибирской провинции в XIX в.) // Труды ГПНТБ СО РАН. Новосибирск, 2013. Вып. 3. С. 9–26; Мандрика Ю.Л. Сибириада Степана Мамеева // Благотворители, книголюбы, библиотекари, читатели: Четвертые

В.В. Воробьева¹, Н.Н. Морозовой², А.А. Кузнецова³, В.В. Шевцова⁴, Н.В. Жилияковой⁵ и др. Целая серия работ, освещающих

Чукмалдинские чтения: материалы науч.-практ. конф. (Тюмень, 2 октября 2013 г.). Тюмень, 2013. С. 79–108; Мандрика Ю.Л. Цензура поэтики и поэтика цензуры: коллекция сведений о сибирской частной печати конца XIX – начала XX в. в жанре patch word. Тюмень : Мандр и Ка, 2013. 300 с.

¹ Воробьев В.В. Обращения в Главное управление по делам печати министерства внутренних дел Российской империи как источник по изучению истории периодических изданий Сибири в начале XX в. // Омские научные чтения – 2019 : материалы III Всерос. науч. конф. Омск, 2019. С. 298–300; Воробьев В.В. Законодательная регламентация правового положения сибирской периодики в конце XIX в. – 1914 г. // Азиатская Россия: люди и структуры империи. Омск, 2016. С. 274–281; Воробьев В.В. Проблема развития периодической печати Сибири в 1905 г. // Азиатская Россия во второй половине XIX – начале XX в.: проблемы региональной истории. Омск, 2008. С. 282–288.

² Морозова (Бессонова) Н.Н. Редакторы и цензоры Тобольских и Томских губернских ведомостей. 1857–1866 годы // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2006. Т. 5, № 1. С. 119–123.

³ Кузнецов А.А. Из истории взаимодействия чиновников МВД и периодической печати Восточной Сибири во второй половине XIX века // Вестник Востоčno-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2010. № 4 (55). С. 68–81.

⁴ Шевцов В.В. Губернские ведомости в законодательстве Николая I // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 308. С. 110–115; Шевцов В.В. Правовое положение официальной губернской прессы в системе периодической печати Российской империи // Былые годы. Российский исторический журнал. 2014. № 34. С. 572–581; Шевцов В.В. Цензурная практика в отношении губернских ведомостей Сибири // Цензура в России: история и современность : сб. науч. тр. СПб., 2015. С. 192–205.

⁵ Жилиякова Н.В. Цензорский корпус «Сибирской газеты» (г. Томск, 1881–1888) // Медиаисследования 2020. Барнаул, 2020. С. 123–132; Жилиякова Н.В. «Дело о медном пятаке»: Главное управление по делам печати в роли защитника «Сибирской газеты» // Журналистика в 2019 году: творчество, профессия, индустрия : материалы междунар. науч.-практ. конф., Москва, 6–8 февраля 2020 г. М., 2020. С. 357–359; Жилиякова Н.В. Специфика цензурного надзора за частной периодической печатью Томска конца XIX века // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 6. С. 21–32;

творческую биографию отдельных томских авторов, редакторов и издателей, подготовлена сотрудниками Томской областной универсальной научной библиотеки им. А.С. Пушкина – В.С. Костиным и А.В. Яковенко¹.

Таким образом, пробелы в истории цензуры заполняются интенсивно и во многих областях, однако наблюдается недостаток в работах, выполненных в широких хронологических рамках и использующих максимально доступный массив имеющихся источников. Выбор журналистики Томской губернии как модели для изучения взаимодействия печати и цензуры не случаен. Не вызывает дискуссий тезис о том, что история российской дореволюционной журналистики неотъемлемо включает в себя историю периодической печати отдельных российских регионов Европейской России, Сибири и Дальнего Востока. Однако провинциальная периодическая печать исследуется неравномерно и недостаточно системно, отчего до сих пор нельзя сказать, что мы располагаем полной картиной становления и развития журналистики России в це-

Zhilyakova N., Shevtsov V. Censorship of the Siberian Provincial Newspapers: Linguistic and Semantic Correction // EpSBS. 2020. Vol. 86. P. 483–487. URL: https://www.europeanproceedings.com/files/data/article/10030/10848/article_10030_10848_pdf_100.pdf (date of access: 10.12.2020); Жилиякова Н.В. Злой цензор, добрый цензор: специфика цензурирования первой частной газеты в Томске («Сибирская газета», 1881–1888 гг.) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 61. С. 256–270; Жилиякова Н.В. Цензурная история газеты «Сибирская жизнь» (1894–1919, г. Томск) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2009. № 3 (7). С. 102–115.

¹ Всеволод Алексеевич Долгоруков : сб. материалов / В.М. Костин, А.В. Яковенко ; ред. С.С. Быкова. Томск, 2013. 239 с. (Историко-краеведческий архив; вып. 5); Василий Петрович Картамышев : сб. материалов / В.М. Костин, А.В. Яковенко ; ред. С.С. Быкова. Томск, 2014. 302 с. (Историко-краеведческий архив; вып. 6); Валентин Владимирович Курицын (Не-Крестовский) : сб. материалов / А.В. Яковенко ; ред. С.С. Быкова, Л.В. Чередникова. Томск, 2017. 240 с. (Историко-краеведческий архив; вып. 7).

лом. В одних регионах (Нижний Новгород, Тюмень, Иркутск, Удмуртия и др.) исследования местной журналистики ведутся достаточно регулярно, выходят статьи и монографии¹, защищаются диссертационные работы². Другие же, в том числе области, входившие в дореволюционный период в состав Томской губернии, практически не располагают работами, которые бы описывали становление и развитие периодической печати на местах (Барнаул, Бийск и др.). Цензурная история сибирской периодической печати восстановлена далеко не полностью. Как правило, в научный оборот попадают материалы, связанные с выходом губернских ведомостей и ведущих газет – «Сибирь» и «Восточное обозрение» (Иркутск); «Сибирская газета», «Сибирский вестник» и «Сибирская жизнь» (Томск). Актуальной остается задача сопоставления и анализа уже изученной печатной версии периодических органов с ее «секретной», цензурной историей для реконструкции полной картины развития сибирской журналистики и ее персоналий – имен авторов и корреспондентов, которые появлялись на страницах периодики либо под псевдонимами, либо без подписей. Впрочем, даже фамилия автора нередко ничего не говорит исследователю, поскольку необходимы дополнительные сведения о его роде занятий, месте жительства, отношении к журналистике и т.д.

Итак, настоящая монография призвана помочь в дальнейшем изучении темы взаимодействия дореволюционной журналистики и цензуры, восстановлении авторского состава периодических изда-

¹ Андреева А.А., Петрова О.А. История журналистики Тюменского региона (1789–1929). Тюмень, 2013. 487 с.; Шинкарева А.П. Очерки истории издательского дела и печати Иркутска (1785–1920). Иркутск, 2009. 433 с.; Вахрушев А.А. Просветительская миссия печати и литературы в провинциальной России (на материале Вятской губернии XVII – начала XX веков). Ижевск, 2011. 274 с.

² См., напр.: Пугачев В.И. Динамика типологии нижегородской прессы : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2015. 274 с.

ний, открытии и описании новых типологических форм развития журналистики на конкретно-историческом материале Томской губернии.

Система цензурного надзора в России

Цензура как форма контроля государства за содержанием и распространением информации, а также система учреждений, осуществлявших этот контроль, возникла в России практически одновременно с периодической печатью. Первым цензором и редактором можно назвать царя-реформатора Петра I, принимавшего участие в цензурировании и редактировании первой российской печатной газеты «Ведомости»: «Он являлся не только инициатором издания, но также ее автором и редактором, сам участвовал в отборе материалов и в их исправлении. Сохранился ряд номеров с редакторской и корректурной правкой Петра, которые говорят о его стремлении к точности и ясности изложения. По его указанию иностранные слова в газете часто сопровождалось русским переводом»¹.

Официальный статус цензура приобрела в конце екатерининской эпохи: в 1796 г. появились указы, которые вводили первые должности цензоров в Санкт-Петербурге, Москве, Риге, Одессе и при Радзивилловской таможне. Екатерина II сформулировала основные задачи нового государственного института как «охрана интересов государства и полицейская функция»². Власть, осознав необходимость ограничения свободы слова, создала «первую организацию цензурного аппарата, опиравшегося одновременно на

¹ История русской журналистики XVIII–XIX веков : учебник / под ред. Л.П. Громовой. СПб., 2003. С. 26.

² Жирков Г.В. История цензуры в России XIX века. СПб., 2000. С. 9.

учебные и научные учреждения и полицию», а также выработала «первые цензурные регламентации»¹.

Последующие российские монархи пристально следили за процессом развития печати в России. Цензурный режим в стране во многом зависел от императора, поскольку последнее слово в решении важных проблем в области цензуры, как и любой другой отрасли государственного управления, оставалось за ним. В царствование многих монархов были периоды ужесточений и послаблений в цензурной практике.

Большую роль в формировании системы цензурного контроля сыграли и многие другие государственные чиновники: министры народного просвещения С.С. Уваров и А.В. Головнин, министр внутренних дел П.А. Валуев, цензоры А.В. Никитенко, А.В. Красовский, Ф.И. Тютчев, И.А. Гончаров, Е.М. Феокистов.

Задача организации и функционирования системы цензурного контроля, в соответствии с меняющимся течением общественно-политической жизни, была актуальна на всем протяжении существования Российской империи. Первый цензурный устав 1804 г. регламентировал режим печати на протяжении 20 лет. Второй, так называемый чугунный устав 1826 г., просуществовал недолго и был заменен в 1828 г. третьим, действовавшим очень долгое время. (Вся предварительная цензура работала по уставу 1828 г.) В 1863 г. цензура перешла из ведения министерства народного просвещения в министерство внутренних дел (МВД). Таким образом ее охранительные функции были усилены. Со второй половины XIX в. в роли сотрудников цензурного ведомства выступали в основном чиновники МВД. «Временные правила о цензуре и печати» 1865 г., принятые называть цензурной реформой, положившие начало переходу от системы предварительной цензуры к каратель-

¹ Жирков Г.В. История цензуры в России XIX века. СПб., 2000. С. 14.

ной, действовали почти 40 лет – до конца 1905 г., дополняясь новыми циркулярами. По этим правилам предварительная цензура отменялась только для правительственных и столичных периодических изданий по решению министра внутренних дел. В случае нарушения законов они подвергались судебному преследованию или административным взысканиям, что оставляло за государством возможность внесудебного воздействия на печать. В 1882 г. были приняты «Временные правила о печати», ужесточившие цензурный режим для периодической печати.

Главное управление по делам печати, созданное в 1865 г. вместо Главного управления цензуры, до 1917 г. являлось центральным цензурным учреждением и осуществляло контроль над печатью всей Российской империи. Цензура внутренняя, иностранная, драматическая, надзор за типографиями и книжной торговлей находились в его ведении. В отношении периодических органов Главное управление по делам печати выдавало разрешение или отвечало отказом на их открытие, рассматривало вопросы о наложении административных взысканий и возбуждении судебного преследования, наблюдало за исполнением судебных решений, занималось разработкой документации, регламентирующей деятельность цензурных комитетов и цензоров.

В начале XX в., на фоне активизации общественно-политической жизни страны и развития журналистики, все явственнее проявлялась необходимость реформирования цензуры, вплоть до ее отмены. Первая русская революция 1905–1907 гг. сделала возможными серьезные изменения в этом отношении. 24 ноября 1905 г. был принят указ «О временных правилах о повременных изданиях», 18 марта 1906 г. – указ «Об изменении и дополнении временных правил о периодической печати», 26 апреля 1906 г. – указ «О временных правилах для повременной печати». В результате предварительная цензура была отменена на всей территории

страны. Издание доставлялось типографией в комитет (или инспектору) по делам печати (в которые были переименованы цензурные комитеты и цензоры), но уже после его выхода. За нарушение законов издание несло ответственность только по решению суда.

Последующие попытки создания и утверждения нового закона о печати были прерваны Первой мировой войной, когда положение печати стало регулироваться законами военного времени («Положение о военных корреспондентах в военное время» 1912 г., «Временное положение о военной цензуре» 1914 г. и др.). Военная цензура в этот период «восстанавливала предварительный цензурный просмотр произведений печати военными цензорами, не допускало открытия типографий без разрешения военной власти и усиливало наказания за нарушение правил о печати»¹.

Цензура в провинции

Провинциальная цензура, в отличие от столичной, имела ряд принципиальных отличий. Частные издания находились здесь под действием предварительной цензуры, которая не была отменена цензурной реформой 1865 г. Только местные губернские ведомости, как и все другие государственные издания, были освобождены от предварительной цензуры, однако в этом же году специальным циркуляром Главного управления по делам печати разъяснялось, что цензорский просмотр со стороны губернатора (или иного лица по его выбору) для них сохраняется, с обязательным обозначением на каждом экземпляре «цензорского дозволения»². Только в 1881 г.,

¹ Патрушева Н.Г. Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX– начале XX века. СПб., 2013. С. 353.

² Сборник циркуляров и распоряжений МВД, относящихся до губернатора, вице-губернаторов, советников губернских правлений, канцелярий губернаторов,

уже при новом императоре, ведомости были освобождены от предварительной цензуры, с формулировкой об издании их «под ответственностью губернского начальства»¹.

В этом же указе от 30 сентября 1881 г. подтверждался внештатный и неспециализированный режим цензурирования частных провинциальных изданий, который возлагался на вице-губернаторов (без особого вознаграждения). Вице-губернаторы, в свою очередь, перекладывали эти обязанности на своих подчиненных, которые также воспринимали это как дополнительную, часто не оплачиваемую работу. К цензорской деятельности они не были подготовлены ни по образованию, ни по опыту, но чтобы не возить газеты и журналы в ближайший цензурный комитет в европейскую часть России, как это делалось для издаваемых в провинции книг, приходилось пользоваться услугами не совсем подготовленных чиновников. Количество местных изданий возрастало и, следовательно, возрастала нагрузка провинциальных цензоров. В 1865 г. в провинции насчитывалось 19 органов печати, «с широкими программами и богатым материалом для изучения местных условий быта и нужд населения»², а в 1881 г. – уже 81, причем 20 из них с периодичностью более трех раз в неделю. В 1880–1890-х гг. губернаторы ходатайствовали перед МВД об учреждении должности отдельно оплачиваемого цензора для работы с местной периодикой. Местная администрация стремилась переложить ответственность на специализированное должностное лицо.

На местах часто возникала нелепая ситуация, когда услуги внештатного цензора оплачивало само издание, которое он же и

губернских типографий, строительных и врачебных отделений, а также до городских и земских учреждений, с 1858 по 1896 г. М., 1896. С. 255.

¹ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. 3-е. СПб., 1885. Т. 1. № 420; РГИА. Ф. 776. Оп. 5. Д. 45. Л. 11–11 об.

² РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Д. 412. Л. 4.

просматривал. Например, в 1887 г. саратовский губернатор сообщал в МВД о том, что цензурирование «Саратовского листка» и «Саратовского дневника» осуществлялось отдельными советниками губернского правления, которые получали сверх ежегодно отпускаемых Главным управлением по делам печати 100 руб. в год, еще по 720 руб. от самих газет. Такой «установившийся годами практики порядок» губернатор справедливо признавал ненормальным – цензоры, находившиеся фактически на содержании у редакций, делали различные послабления и пропускали в печать статьи и известия, которые «при более правильной постановке цензуры не могли бы быть терпимы»¹.

В некоторых городах, где цензорской работы было особенно много, вице-губернаторы по-прежнему приглашали себе в помощь чиновников губернского правления за особое вознаграждение (так было, например, в Томске, Харькове, Саратове, Иркутске). В Томске с 1898 г. на вознаграждение чиновнику, цензуровавшему периодические издания, ежегодно ассигновывалось 400, затем 500 руб. в год². Сложившаяся система ставила порядок цензурирования частных изданий в зависимость от расположенности или, напротив, не расположенности губернского начальства к местному печатному органу. Большую роль играла личность цензора, который мог относиться к своим обязанностям формально и не особо внимательно или, наоборот, идейно и излишне ретиво. В июне 1881 г. в столичной газете «Страна» была напечатана серия статей с критикой томского губернатора В.И. Мерцалова и исполнявшего его обязанности М.А. Гилярова по поводу исполнения ими цензорских обязанностей. Член Совета Главного управления по делам печати Ф.П. Еленев выступил с предложением для восстановления авторитета местной власти

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Д. 412. Л. 110–110 об.

² Патрушева Н.Г. Цензурное ведомство... С. 269.

дать «Стране» третье предостережение, что означало ее приостановку, но в итоге обошлось только внушением редакции¹. Нередко местные цензоры не пропускали в печать то, что печаталось в столичных изданиях, боясь брать на себя ответственность, или, напротив, пропускали статью неблагонадежного автора. Например, в 1892 г. выяснилось, что брошюра «Ночь на Новый год. Сказка Ивана Брута», изданная в Томске в 1885 г. с дозволения местной цензуры, заключала в себе «открытую революционную проповедь» автора-народника Ф.В. Волховского и не была прислана в Главное управление по делам печати. В отчет на запрос томскому губернатору – кем было разрешено издание и почему, был получен ответ, что этот рассказ был напечатан в первом номере «Сибирской газеты» за 1884 г. с разрешения цензурировавшего газету председателя губернского правления².

В Главном управлении неоднократно отмечалось неудовлетворительное положение провинциальной цензуры. В докладе министра внутренних дел от 25 января 1889 г. о прекращении «Сибирской газеты» подчеркивалось, что советники губернского правления, «обремененные служебными занятиями <...> даже при всем добром желании не могут надлежащим образом выполнить задачу, не имеющую прямого отношения к их обязанностям и требующую от них, кроме усердия, известного литературного навыка и опытности»³. В 1899 г. императору Николаю II был подан доклад министра внутренних дел И.Л. Горемыкина, в котором он подчеркивал, что «из-за недостатка цензурных учреждений провинциальная печать не может развиваться нормальным образом и искусственно

¹ Жилиякова Н.В. Злой цензор, добрый цензор... С. 261–263.

² Жилиякова Н.В. Книжные проекты редакций сибирских газет (на примере томской «Сибирской газеты», 1880-е годы) // Текст. Книга. Книгоиздание. 2012. № 1. С. 89–97.

³ Патрушева Н.Г. Цензурное ведомство... С. 274.

сосредоточивается в немногих центрах»¹, и предлагал учредить штатные должности отдельных цензоров в ряде губернских городов. Однако правительство все откладывало и откладывало решение этого вопроса. С одной стороны, это позволяло экономить средства на отдельные штатные единицы, с другой – ограничивало в росте провинциальные типографии и издания, что отвечало усилению консервативно-охранительных начал во внутренней политике. Только 6 июня 1902 г. Николай II утвердил доклад министра внутренних дел В.К. Плеве о назначении особых чиновников для исполнения цензурских обязанностей в Харькове, Екатеринославе, Нижнем Новгороде, Саратове, Ростове-на-Дону и Томске².

В результате Первой русской революции были приняты новые Временные правила 1905–1906 г., по которым и столичные, и провинциальные издания были освобождены от предварительной цензуры и подчинялись единым законам. Однако местная печать по-прежнему цензурировалась более строго, и по-прежнему не хватало сил и средств для надзора за ней. Только в 16 провинциальных городах действовали отдельные цензоры, в других же цензурские обязанности по-прежнему были возложены на вице-губернаторов.

Цензура в Томске и Томской губернии

Томская губерния, одна из крупнейших российских дореволюционных губерний, существовала как самостоятельная административно-территориальная часть России с 1804 по 1925 г. В ее состав входили территории современных Томской, Кемеровской, Новосибирской областей, Алтайского края, Восточно-Казах-

¹ Патрушева Н.Г. Цензурное ведомство... С. 283–284.

² Там же. С. 285–286.

станской области и часть Красноярского края. В 1905 г. ее площадь составляла около 850 км². Первоначально губерния состояла из восьми уездов, к концу XIX в. – из семи: Барнаульского (центр – г. Барнаул), Бийского (г. Бийск), Змеиногорского (с. Змеиногорское), Каинского (г. Каинск), Кузнецкого (г. Кузнецк), Мариинского (г. Мариинск) и Томского (г. Томск).

Первая газета, появившаяся в Томске в 1857 г. – «Томские губернские ведомости», подлежала ведению общей цензуры – неофициальная часть утверждалась директором губернской гимназии, а официальная – вице-губернатором. С 1858 г. Сибирский комитет поручил цензурирование обеих частей губернаторам. Согласно «Временным правилам о цензуре и печати 6 апреля 1865 года», «Томские губернские ведомости», как и другие губернские и областные ведомости, формально-юридически освобождались от предварительной цензуры, с сохранением за ними фактического административного контроля со стороны губернской власти. Поскольку в Томске не было должности отдельного штатного цензора, то первая частная «Сибирская газета» начала выходить с 1881 г., также под контролем губернатора, который мог поручить цензуру доверенному ему чиновнику.

Из-за существующих цензурных ограничений история томской печати представляется неясной и прерывистой – неужели почти за четверть века, прошедших с момента выхода первой государственной газеты и до появления газеты частной, никто не пытался взяться за это дело? Благодаря обращению к архивным делам выясняется, что такие попытки были. В 1869 г. в Главное управление по делам печати были поданы прошения о разрешении на издание газет «Сибирский вестник» и «Сибиряк», в 1876 г. – газеты «Томский листок», в 1878 г. – газеты «Томский справочный листок». Все они были отклонены под различными предлогами, и только в 1880 г., благодаря содей-

ствию томского губернатора В.И. Мерцалова, удалось получить разрешение на выход «Сибирской газеты».

Необходимо отметить, что диапазон мнений современников о жесткости цензуры в Томской губернии был довольно широким – от «душительной» до «довольно мягкой». Разнообразные сюжеты, которыми оказалась полна история ведущих томских газет – «Сибирской газеты», «Сибирского вестника», «Сибирской жизни», свидетельствуют о сильном влиянии личностного фактора в деле свободы печатного слова и о постоянном контроле Главного управления по делам печати за взаимоотношениями цензоров и журналистов. Однако о непростых взаимоотношениях печати с цензурой томские читатели вовсе не подозревали, пока они не оказались лишены № 11 «Сибирской газеты» за 1881 г. Редакция пыталась предупредить читателей о причинах невыхода номера, однако томский цензор М.А. Гиляров (временно замещающий томского губернатора В.И. Мерцалова) воспрепятствовал этому. В кулуарах происходил активнейший обмен телеграммами и письмами между редакцией, томским цензором, Главным управлением по делам печати, министром внутренних дел, в которых обсуждались правомерность действий цензора, выяснялись взгляды участников процесса на цели и задачи провинциальной журналистики, а также на границы ее свободы. Практически все документы, в которых отразился этот интереснейший для истории провинциальной печати сюжет, не предназначались для обнародования.

Обращение к цензурным делам позволяет также дать ответ на вопрос о том, почему на протяжении почти всех лет своего существования «Сибирская газета» имела только еженедельную периодичность. Происходило это вовсе не по воле редакции, напротив, чуть ли не ежегодно она обращалась в Главное управление по делам печати с просьбой разрешить ей выходить хотя бы два раза в неде-

лю, но в ответ следовал отказ, поскольку газета заработала репутацию «вредной» и не оправдавшей ожидания местной власти.

В 1882 г., согласно новым «Временным правилам о печати», совещание министров внутренних дел, народного просвещения, юстиции и обер-прокурора Синода получило право запрещать любое периодическое издание или приостанавливать его на неопределенный срок. В Томске решением Совещания в 1888 г. был прекращен выпуск «Сибирской газеты» с универсальной для таких случаев формулировкой «за вредное направление». Произошло это неожиданно для редакции и читателей, однако вполне закономерно с точки зрения цензуры, поскольку к тому времени в ведомстве скопилось уже достаточно свидетельств неблагонадежности газеты, что было отражено в докладе начальника Главного управления о причинах прекращения ее выхода. Широкая же публика еще довольно долго надеялась на возобновление «Сибирской газеты», а редакция публиковала объявления о подписке на 1889 г., в свою очередь не подозревая, что судьба первенца частной печати в Томске уже решена.

В Томской губернии, как и во всей провинции, ощущался острый недостаток в высокообразованных чиновниках для исполнения цензорских функций, и только с учреждением должности отдельного цензора в 1902 г. в Томск стали прибывать кадры из центра. Первым исполнять эту должность в Томске стал А.Н. Пятов – выпускник юридического института Московского университета, прошедший подготовку в Главном управлении по делам печати. Его сменил в июне 1905 г. П.Т. Виноградов – выпускник историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, бывший цензором в Саратовской губернии. С 27 августа 1914 г. обязанности военного цензора в Томске выполнял инспектор по делам печати А.И. Милютин¹.

¹ Цензоры Российской империи, конец XVIII – начало XX века... С. 252.

Источники и методология исследования

Источниками настоящей работы служат дела различных фондов Государственного архива Томской области (ГАТО) и фонда Главного управления по делам печати РГИА. Они позволяют последовательно восстановить все этапы существования органа периодики, начиная от разрешения на его издание и заканчивая закрытием. Наибольший интерес в этом отношении представляют объемные дела, содержащие сведения о крупнейших газетах Томской губернии и Западной Сибири – «Сибирской газете»¹, «Сибирском вестнике»² и «Сибирской жизни»³. С их помощью возможно подробно осветить историю существования этих органов, оценку их роли в жизни города и губернии в губернаторских и цензурских отчетах, вопросы взаимодействия цензурных ведомств и сибирских редакций, причины возникновения и способы разрешения конфликтных ситуаций между ними. Особую ценность представляют цензурные правки текстов статей.

Литературоведы могут почерпнуть из этих дел данные о жизни и деятельности русских писателей и журналистов, попавших в Томск в качестве ссыльных. Так, сотрудниками редакции «Сибирской газеты» были К.М. Станюкович и Ф.В. Волховский, в газете публиковались Д.А. Мамин-Сибиряк и Г.И. Успенский. Историки получают материал для изучения политической обстановки в регионе⁴ и жизненного уклада различных слоев провинциального общества¹.

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 71. 271 л.

² Там же. Д. 19. Ч. 1. 495 л.; Ч. 2. 319 л.

³ Там же. Д. 26. Ч. 1. 254 л.; Ч. 2. 209 л.

⁴ Воробьев В.В. Либеральная периодическая печать Сибири в общественно-политической жизни края (1907–1914 гг.). Омск, 2003. 124 с.; Косых Е.Н. Буржуазная периодика в идейно-политической борьбе в Сибири накануне Октября (ав-

Обнаружены в РГИА дела на 2–3 страницах, на которые до этого мало кто обращал внимания, поскольку в них содержатся лишь ходатайства об открытии издания и отказы в этих просьбах. Как оказалось, таких несостоявшихся газет и журналов было множество. Например, «Пересмешник» и «Таежная тропинка» в Новониколаевске², «Молодые побеги» в Барнауле³ могли стать первыми сатирическими, детскими, художественными изданиями в этих городах. Этот факт важен не только для расширения знаний о типологических поисках и экспериментах провинциальных издателей, но и для дополнения общей картины развития общественной жизни и литературного процесса в Томской губернии.

При нахождении в архивных делах газетных листов с цензурными правками необходимо их сравнение с итоговым печатным вариантом, что определило обращение к корпусу самих газетных текстов – «Томским губернским ведомостям», «Сибирской газете», «Сибирскому вестнику», «Сибирской жизни» и другим изданиям. Это обращение необходимо и в контекстуальном смысле для понимания тематики и специфики томской и другой сибирской периодики. Всего было просмотрено около 100 наименований газет и журналов, издававшихся с 1857 по 1917 г.

Авторы обращались и к источникам личного происхождения – воспоминаниям, дневникам, мемуарам и письмам авторов, редакторов и издателей сибирской периодической печати XIX – начала

густ – октябрь 1917 г.) // Хозяйственное и культурное развитие Урала и Сибири в XIX – начале XXI вв. Томск, 2011. Вып. 3. С. 255–260.

¹ Гильденберг В.Н. Представления общества о крестьянских начальниках в сибирском социуме по материалам местной прессы в конце XIX – начале XX вв. // Омский научный вестник. 2012. № 2 (106). С. 21–25; Жеравина А.Н. Томск второй половины XIX – начала XX в. (по материалам дореволюционной печати). Томск, 2010. 402 с.

² РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Д. 28. Ч. 2. 2 л.; Д. 23. Ч. 2. 2 л.

³ Там же. Д. 4. 3 л.

XX в.¹ Часть из них была объединена в издании «“Сибирская газета” в воспоминаниях современников»². Данные источники способны пролить свет на кулуарные отношения, личностную позицию и неофициальные суждения во взаимоотношениях между редакторами, авторами периодических изданий и губернскими чиновниками, цензорами.

Методология настоящего исследования основана на трудах российских историков журналистики – Б.И. Есина, Г.В. Жиркова, Л.П. Громовой, Н.Г. Патрушевой, Е.И. Орловой, О.И. Лепилкиной, и может быть обозначена как комплексное историческое медиаисследование, включающее в себя анализ архивных дел, сопоставление известных и новых фактов из истории журналистики, историческую реконструкцию, историко-типологический метод. Подходы к изучению материала частично были апробированы в рамках выполнения авторами диссертационных исследований и многолетних работ по изучению дореволюционной печати России и Сибири. Исследование содержательной части газет и журналов при таком подходе сочетается с историко-типологическим методом, позволяющим изучать процесс формирования системы журналистики Томской губернии на протяжении исследуемого периода, а также с методом комплексного изучения периодического органа дореволюционной периодики, основанном на исследовании структуры издания, руководящего и авторского состава, издательских

¹ Макушин П.И. Газетно-издательская деятельность во времена царизма (Глава из воспоминаний) // Северная Азия. 1928. № 2. С. 91–100; Адрианов А.В. Периодическая печать в Сибири. Томск, 1919. 31 с.; Корш Е.В. Восемь лет в Сибири // Исторический вестник. 1910. № 5. С. 428–435; Чудновский С.Л. Из дальних лет // Вестник Европы. 1912. № 3. С. 162–187; Жебунев С. Отрывки из воспоминаний // Былое. 1907. № 5. С. 267–268; Адрианов А.В. «Дорогой Григорий Николаевич...»: письма Г.Н. Потанину / сост., публ. Н.В. Васенькина. Томск, 2007. 284 с.

² «Сибирская газета» в воспоминания современников / Н.В. Жиликова. Томск, 2004. 200 с.

особенностей, композиционно-графической модели. В ряде случаев в делах обнаруживалась первоначальная программа издания, которая затем корректировалась в процессе выпуска периодического органа печати; архивы также сохранили номера, изъятые из публичного обращения, – установление факта их существования и изучение содержания невозможно при обращении только к существующим газетным и журнальным подшивкам.

Исследовательская программа авторского коллектива представлена следующими этапами:

1) определение круга исследуемых изданий на основе научной литературы и каталогов периодики, находящихся в фондах Научной библиотеки Томского государственного университета, Российской национальной библиотеки, Российской государственной библиотеки; включение в этот круг обнаруженных на основании авторских разысканий изданий Томска, Барнаула, Бийска, Новониколаевска;

2) дополнение имеющихся сведений данными, полученными в результате фронтального просмотра и анализа оригиналов и оцифрованных копий (при наличии) периодических изданий: определение типа издания, его содержательных и оформительских особенностей, структуры номера; выявление направления издания, его целей и задачи (на основе программ изданий, редакционных выступлений); определение руководящего и авторского состава; расшифровка, по возможности, авторских псевдонимов;

3) поиск и прочтение архивных цензурных дел, хранящихся в ГАТО и РГИА, относящихся к журналистике Томской губернии; составление собственного «путеводителя по фондам», выявление дел, касающихся осуществленных и неосуществленных газетных и журнальных проектов Томской губернии;

4) анализ содержания цензурных дел, сбор сведений по изданиям Томской губернии, объединение данных из региональных и столичных архивов;

5) изучение донесений местных цензоров; уточнение авторского состава издания; знакомство с биографиями редакторов, издателей, сотрудников редакций и внештатных авторов изданий; анализ цензурных запретов, правок публикаций; работа с газетными и журнальными номерами, изъятыми цензурой из публичного доступа и сохранившимися только в архивных делах; уточнение тиражей изданий;

6) объединение данных по изданиям и данных по их цензурной истории, реконструкция полной истории журналистики Томской губернии с учетом выявленных фактов ее «секретной», цензурной части.

Фронтальный просмотр ряда архивных дел ГАТО и РГИА убедил авторов в том, что большая часть из них никогда не выступала в качестве источника для исследовательской практики (в листах использования отсутствуют сведения о том, что дела кем-либо поднимались и просматривались). Между тем сведения, находящиеся в них, чрезвычайно важны для реконструкции полной истории журналистики Томской губернии – истории не только осуществленных, но и неосуществленных изданий, раскрытия участия в периодике авторов, скрывавшихся под псевдонимами, освещения процессов цензурных вмешательств в составление газетных и журнальных номеров¹.

Подход, заключающийся в соединении истории «легальной» и истории «секретной» журналистики, содержащейся в архивах, стал возможен, поскольку в целом история периодической печати Томска уже написана. Не так подробно проработана история дореволюционной печати в Новониколаевске, Барнауле, Бийске, хотя и

¹ Журналистика Томска и Томской губернии в фондах Российского государственного исторического архива и Государственного архива Томской области: справочные материалы / авт.-сост.: Н.В. Жиликова, В.А. Есипова, В.В. Шевцов, М.В. Могилатова. Томск, 2021. 58 с.

здесь собраны данные, позволяющие «присоединять» к ним цензурные сведения. Также изучение цензуры, относящейся к журналистике Томской губернии, возможно благодаря накоплению значительного количества сведений о работе цензурного ведомства по всей России, что является большим подспорьем при сопоставлении процессов, относящихся к журналистике других российских регионов.

Обращение к изучению цензуры периодической печати позволяет объединить усилия представителей разных научных направлений: историков, филологов, культурологов, журналистов, социологов. Это способствует расширению тематического и концептуального спектра исследований, ведущихся на основе цензурных дел. Необходимость междисциплинарного подхода все чаще осознается авторами, которые пишут совместные статьи, выполняют научные проекты на стыке истории, журналистики, литературоведения и краеведения. Представляется, что такой подход является перспективным для исследовательской работы, подобной той, результаты которой представлены в настоящей монографии, объединяющей усилия историков (В.А. Есиповой и В.В. Шевцова) и журналистов (Н.В. Жилияковой).

Структура исследования

Материал монографии разделен на несколько глав, отражающих логику исследования.

Во Введении, подготовленном Н.В. Жилияковой и В.В. Шевцовым, представлена краткая характеристика основных направлений исследований в области цензуры, обозначены их ключевые проблемы и перспективы, приведены общие сведения о системе цензурного надзора на общегосударственном и провинциальном

уровнях (и, в частности, в Томской губернии), определены источники и методы настоящей работы, представлена ее структура.

Первая глава содержит результаты исследований В.В. Шевцова в области цензурной истории неофициальной части «Томских губернских ведомостей» в контексте общих изменений государственной политики в сфере цензуры и расширения программы местных правительственных изданий.

Вторая глава, о цензуре официальной части «Томских губернских ведомостей» в первые годы их выхода, стала возможна благодаря редким подшивкам газеты, хранящимся в Научной библиотеке Томского государственного университета и изученных В.А. Есиповой.

В следующих трех главах Н.В. Жиликовой раскрывается история взаимоотношений цензуры и ведущих томских газет – «Сибирской газеты», «Сибирского вестника» и «Сибирской жизни». В центре внимания – сюжеты, связанные как с преследованием газет со стороны цензурного ведомства, так и, напротив, их защиты цензурным ведомством от нападок властей и отдельных личностей. В данных главах описывается структура и содержание архивных дел, посвященных этим газетам, впервые представляются сведения о цензорском корпусе, раскрывается содержание и специфика цензорской работы, характеризуются обстоятельства приостановки или прекращения выхода издания.

В главе «Томские неподцензурные самодеятельные журналы и цензура» отражены результаты исследований В.А. Есиповой, связанные с возникновением и развитием томской самодеятельной школьной журналистики конца XIX – начала XX в. Представлен обзор этих изданий, освещены технические аспекты печати самодеятельных журналов, дана характеристика малоизученных журналов томских семинаристов.

Завершает монографию глава «Типологическое разнообразие изданий Томской губернии начала XX в., не получивших цензурного разрешения», подготовленная Н.В. Жиликовой и содержащая сведения об изданиях, открытие которых, по различным причинам, не было разрешено Главным управлением по делам печати.

Необходимо подчеркнуть следующее. Несмотря на все усилия, авторы не могут решительно сказать, что теперь история журналистики и ее цензуры в Томской губернии изучена полностью. Работа с архивными материалами – долгий и трудоемкий процесс, который будет продолжен и, несомненно, приведет к новым открытиям.

Авторский коллектив благодарит сотрудников Российской государственной библиотеки, Российской национальной библиотеки, Российского государственного исторического архива, Государственного архива Томской области, Научной библиотеки Томского государственного университета за неоценимую помощь и поддержку, которую они оказывали на всех этапах исследовательской работы.

Особую благодарность мы хотели бы выразить доктору филологических наук, профессору Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета Геннадию Васильевичу Жиркову и доктору исторических наук, заведующей научно-исследовательским отделом книговедения Российской национальной библиотеки Наталье Генриховне Патрушевой, благодаря чьим работам написана история дореволюционной цензуры России в целом и потому становятся возможными исследования по цензуре региональной журналистики.

Глава 1

Цензура неофициальной части

«Томских губернских ведомостей» в контексте расширения программы правительственных изданий (1857–1917)

В «Полном собрании законов Российской империи» содержится более 30 законодательных актов 1830–1881 гг., определявших программу губернских ведомостей и порядок их цензурирования. Это «Правила об издании губернских ведомостей» (1830)¹, «Положение о порядке производства дел в губернских правлениях» (1837)², «Учреждение губернских правлений» (1845)³, положения «О подчинении неофициальной части губернских ведомостей общей цензуре» (1851)⁴, «Об изменении программы губернских ведомостей» (1855)⁵, «О расширении программы некоторых губернских ведомостей» (1856)⁵.

¹ Высочайше утвержденное положение об издании губернских ведомостей // ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., 1830. Т. 5. Отд. 2. № 4036.

² Высочайше утвержденное положение о порядке производства дел в губернских правлениях // ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., 1838. Т. 12. Отд. 1. № 10304. § 86–96.

³ Высочайше утвержденное учреждение губернских правлений // ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., 1846. Т. 20. Отд. 1. № 18580. Ст. 142–175.

⁴ Высочайше утвержденное положение Комитета министров о подчинении неофициальной части губернских ведомостей общей цензуре. 27.02.1851 // ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., 1852. Т. 26. Отд. 1. № 24979.

⁵ Высочайше утвержденное положение Комитета министров, опубликованное 22 марта, об изменении программы губернских ведомостей // ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., 1856. Т. 30. № 29059.

мостей» (1863)¹, указ «Об освобождении губернских и областных ведомостей от предварительной цензуры» (1881)² и другие законоположения, действовавшие в составе «Сводов законов Российской империи» (издания 1842, 1857, 1876, 1890, 1906 гг.)³.

Более 20 основных циркуляров цензурного ведомства вводили новые или дополнительные требования, разъясняли или изменяли порядок издания и цензурирования губернских ведомостей, сообщали о нарушениях ими программы издания и предписывали следовать ее положениям. Это циркуляры и выписки из журналов Главного управления цензуры Министерства народного просвещения (1828–1862), Центрального управления по цензурному ведомству (1863–1865), Главного управления по делам печати министерства внутренних дел (1865–1917), Петербургского цензурного комитета (1804–1917)⁴. Меры правительства по контролю за со-

¹ Высочайше утвержденное положение Комитета министров, объявленное Сенату министром внутренних дел, о расширении программы некоторых губернских ведомостей // ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., 1866. Т. 38. № 40271.

² Высочайшее повеление, объявленное министром внутренних дел, об освобождении губернских и областных ведомостей от предварительной цензуры и о возложении на вице-губернаторов цензирования частных периодических изданий, выходящих в свет в губернских городах, в которых нет цензурных учреждений // ПСЗ. Собр. 3-е. СПб., 1885. Т. 1. № 420.

³ Свод законов Российской империи. Издание 1842 г. СПб., 1842; Свод законов Российской империи. Издание 1857 г. СПб., 1857; Свод законов Российской империи. Издание 1876 г. СПб., 1876; Свод законов Российской империи. Издание 1890 г. СПб., 1890; Свод законов Российской империи. Издание 1906 г. СПб., 1906; Свод законов Российской империи. Все 16 томов, исправленные по Продолжениям 1906 и 1908 гг. и дополненные позднейшими узаконениями, в четырех книгах. М., 1910.

⁴ РГИА. Ф. 560. Канцелярия министра финансов; Ф. 772. Главное управление цензуры Министерства народного просвещения; Ф. 775. Центральное управление по цензурному ведомству; Ф. 776. Главное управление по делам печати; Ф. 777. Петербургский комитет по делам печати; Ф. 785. Редакция газеты «Правитель-

держанием местной печати, в том числе и неофициальных частей губернских ведомостей, также представлены в материалах III Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии – жандармских донесениях, делах о диффамации, обзорах общественно-политической обстановки в губерниях¹. Ряд циркулярных предписаний по положению печати и цензуре был опубликован в ведомственных сборниках и справочниках².

«Томские губернские ведомости», как и ведомости Тобольской, Иркутской и Енисейской губерний, были учреждены в Сибири в конце 1856 г., в качестве шага нового правительства по сближению административно-правового положения сибирских губерний с внутрироссийскими (в которых массовое издание ведомостей

ственный вестник»; Ф. 1282. Канцелярия Министерства внутренних дел; Ф. 1286. Департамент полиции исполнительной МВД.

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109. Третье отделение Собственной Е.И.В. Канцелярии.

² Алфавитный указатель к сборнику циркуляров и инструкций МВД за 1858–1868 гг. / Д. Чудновский. СПб., 1874; Материалы, собранные особою комиссиею, высочайше утвержденною 2 ноября 1869 г., для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати. СПб., 1870; Сборник постановлений и распоряжений по делам печати с 5 апреля 1865 по 1 августа 1868. СПб., 1868; Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год: напечатан по распоряжению Министерства народного просвещения. СПб., 1862; Сборник распоряжений по делам печати с 1863 по 1 сентября 1865 г. СПб., 1865; Сборник распоряжений по цензуре с 1828 по 1862 г. СПб., б.г.; Сборник узаконений и распоряжений правительства по делам печати. СПб., 1878; Сборник циркуляров и распоряжений МВД, относящихся до губернатора, вице-губернаторов, советников губернских правлений, канцелярий губернаторов, губернских типографий, строительных и врачебных отделений, а также до городских и земских учреждений, с 1858 по 1896 г. М., 1896; Сборник циркуляров начальникам губерний по делам печати с 1-го сентября 1865 по 1 января 1870. СПб., 1870; Систематический указатель к сборнику циркуляров и инструкций МВД за время с 1 января 1858 по 1 января 1880 г. / Д. Чудновский. СПб., 1881; Собрание материалов и направлении различных отраслей русской словесности за последнее десятилетие в отечественной журналистики за 1863 и 1864 гг. СПб., 1865.

началось с 1838 г.). По представлению Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского генерал-губернаторов и рассмотрению Сибирского комитета 6 декабря 1856 г. был принят закон «О некоторых изменениях по управлению в Восточной Сибири и Западной Сибири», изменявший территориальное устройство внутри сибирских губерний, увеличивавший содержание чиновников и вводивший новые штаты. В системе губернского управления появлялась новая должность – «редактор губернских ведомостей, он же начальник газетного стола и начальник типографии», с годовым окладом в 400 руб.¹

Первоначально губернские ведомости Сибири подлежали ведению общей цензуры. Согласно указу 1851 г. о передаче цензуры неофициальной части от вице-губернатора к одному из училищных чиновников (вошедшему в «Свод законов» 1842 г. как примечание к прил. 167 к ст. 648²) и запросу, сделанному генерал-губернатором Западной Сибири Г.Х. Гасфордом в Министерство народного просвещения³, цензурировать неофициальную часть «Томских губернских ведомостей» было поручено наиболее активному и деятельному участнику их организации – директору томской мужской гимназии и директору училищ Томской губернии Ф.С. Мещерину. Аналогичное распоряжение было отдано по Тобольской губернии, где цензором неофициальной части «Тобольских губернских ведомостей» стал директор гимназии П.П. Ершов⁴.

¹ Именной, данный Сенату, опубликованный 10 января 1857 г., о некоторых изменениях по управлению в Восточной и Западной Сибири. 6.12.1856 // ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., 1856. Т. 31. № 31222.

² Высочайше утвержденное положение Комитета министров о подчинении неофициальной части губернских ведомостей общей цензуре. 27.02.1851 // ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., 1852. Т. 26. Отд. 1. № 24979.

³ РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 4149. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 1 об.

15 августа 1857 г. первый номер «Томских губернских ведомостей» увидел свет. Газета печаталась еженедельно по пятницам. Первым начальником газетного стола, смотрителем губернской типографии и редактором официальной части губернских ведомостей стал 26-летний столоначальник уголовного стола томского губернского правления, губернский секретарь М.С. Праволамский, занимавший эти должности с 1 августа по 12 ноября 1857 г. Он окончил тамбовскую семинарию со званием студента и в 1849 г. вступил в службу в Тобольском губернском правлении, а в 1852 г. перевелся в Томск¹. В ведении М.С. Праволамского находились составление официального отдела, а также техническая сторона дела – рассылка ведомостей, регистрация входящих статей и объявлений, учет расходов и доходов издания. За ведение, редактирование и цензурирование неофициальной части отвечал Ф.С. Мещерин².

В фондах Научной библиотеки Томского государственного университета (НБ ТГУ) сохранился редакторский вариант «Томских губернских ведомостей» за 1857 г. – в рукописном виде, с многочисленными правками различными почерками и резолюциями «печатать» и «набрать» в конце номера. Советник губернского правления О.Г. Павлов накладывал резолюцию: «По докладу начальника газетного стола набрать». С № 5 в качестве редактора официальной части указывался М.С. Праволамский; № 6 вышел с неофициальной частью и с резолюцией редактора неофициальной части: «Печатать дозволяется. Томск. 21 сентября 1857 г. Директор училищ Ф. Мещерин» (подробно о цензуре официальной части газеты см. гл. 2).

¹ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 2. Д. 964. Л. 304–309.

² В отличие от редактора официальной части, должность редактора части неофициальной не предоставляла прав государственной службы и поэтому не указывалась в адрес-календарях. В Томской губернии общим редактором как официальной, так и неофициальной частей стал, начиная с № 12–13 от 25 марта – 8 апреля 1866 г., Н.И. Стефанов.

Вопреки мнению о том, что в 1857 г. «Томские губернские ведомости» не имели неофициальной части, возникшему под влиянием объявления, помещенного в самой газете¹, неофициальная часть все-таки выходила в виде нескольких разрозненных номеров – она хранится в подшивке газеты за 1857 г. в Российской национальной библиотеке (Санкт-Петербург)² и о ней сообщает «Указатель географических, этнографических и статистических статей, помещенных в губернских ведомостях 1857 г.»³.

Через 2,5 месяца издания с газетой произошел неприятный инцидент. В № 12 от 1 ноября 1857 г. сообщалось об очередном пожертвовании золотопромышленника И.Д. Асташева в размере 3 тыс. руб. на открытие в Омске детского приюта и школы для девочек. По этому поводу было опубликовано следующее: «Господин генерал-губернатор Западной Сибири <...> изволил выразить г. Асташеву, за таковое его пожертвование на пользу общую, искреннейшую признательность. О чем, в исполнение предложения г. исправляющего должность томского гражданского губернатора, от 23 октября сего 1857 г., за № 4418, и публикуется повсеместно»⁴. Последнее предложение оказалось неверным, и томский губернатор А.Д. Озерский в резкой записке обращал внимание губернского правления на нарушение субordi-

¹ Томские губернские ведомости. 1857. № 1. 15 авг.

² Необычайное явление [Об Онуфриевском прииске барона Мершейд фон Гильзена и разливе р. Чалы] // Томские губернские ведомости. 1857. № 6; О необыкновенных происшествиях в губернии; О средстве против веснушек // Томские губернские ведомости. 1857. № 6; Письмо из Омска [О балах в доме генерал-губернатора Западной Сибири Г.Х. Гасфорда] // Томские губернские ведомости. 1857. № 13.

³ Геннади Г.Н. Указатель географических, этнографических и статистических статей, помещенных в губернских ведомостях 1857 года // Вестник Императорского русского географического общества. СПб., 1859. Ч. 25, кн. 3. Раздел IV. С. 43.

⁴ Томские губернские ведомости. 1857. № 12. 23 авг. С. 1.

нации: «...означенное опубликование предложено было отнюдь не по моему распоряжению, а по воле г. генерал-губернатора, — о чем ясно было сказано и в предложении моем за № 4418»¹. Возможно, это привело к тому, что М.С. Праволамский 12 ноября был переведен на должность частного пристава Юрточной части г. Томска². Вместо него с № 15 от 22 ноября весь номер газеты стал подписывать Ф.С. Мещерин.

8 августа 1858 г. цензура неофициальной части ведомостей была предоставлена Сибирским комитетом непосредственно местным начальникам губерний³. При возникновении «сомнений» им необходимо было обращаться к местным генерал-губернаторам как высшей цензурной инстанции⁴. После постановления Сибирского комитета, 24 октября 1858 г. томский губернатор уведомил об этом решении губернское правление и уже с 31 октября стал лично подписывать номера газеты, хотя фактически обязанности редактора неофициальной части до своего выхода на пенсию в 1859 г. продолжал исполнять Ф.С. Мещерин⁵. В «Адрес-календаре» в штате чиновников губернии с 28 ноября 1858 г. ре-

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 643. Л. 65 об.—66.

² Там же. Д. 964. Л. 908.

³ Высочайше утвержденное положение Сибирского комитета, объявленное Сенату министром внутренних дел, о предоставлении местным начальникам губерний цензуры неофициальной части губернских ведомостей, издаваемых в Сибири. 8.08.1858 // ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., 1860. Т. 33. Отд. 2. № 33459; В качестве юридического основания для этого решения Комитет избрал прил. 167 к ст. 648 «Свода законов», но без поправки, введенной положением Комитета министров 27 апреля 1851 г. о возможности цензурирования неофициальной части профессором или чиновником училища.

⁴ По Высочайше утвержденному положению Сибирского комитета. Распоряжение 2 сентября 1858 г. // Сборник распоряжений по цензуре с 1828 по 1862 г. СПб., б.г. С. 64.

⁵ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 643. Л. 67—70.

дактором официальной части значился титулярный советник А.И. Лалетин, принимавший участие в подготовке проекта газеты¹.

Общая ситуация оживления общественной жизни в стране, правительственная политика «управляемой гласности», участие в организации и развитии газеты сибирского «культурного меньшинства» способствовали появлению в неофициальных частях ведомостей Сибири второй половины 1850-х – середины 1860-х гг. оригинальных авторских текстов публицистического характера. Так, например, при введении суда волостных расправ в Западной Сибири окружной начальник г. Каинска В.И. Вагин на страницах «Томских губернских ведомостей» 1858 г. доказывал преимущества существовавшего мирского крестьянского суда, обеспечивавшего скорое и понятное крестьянину судопроизводство, в отличие от суда волостных расправ, который удорожал и усложнял его по причине своей удаленности и формализма чиновников².

Возражая профессору иркутской духовной семинарии М.В. Загоскину, который в «Иркутских губернских ведомостях» высказывал сходные мысли, но обращал внимание, что на мирском суде в определении правого и виноватого большую роль играют «подношения», оставляя в соборной избе одних «записных пьяниц»³, В.И. Вагин писал, что «нужно уничтожить причины, разрушающие народную нравственность, и особенно причины и поводы к пьянству»⁴. Оставить за крестьянами возможность выбора присяжных судей из своей среды по жребию (как предлагал М.В. Загоскин), В.И. Вагин считал менее целесообразным, чем существование открытого суда всей мирской сходкой, при которой, по мне-

¹ Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве на 1859–1860 гг. СПб. Ч. 2. С. 451.

² Томские губернские ведомости. 1858. № 48. 5 дек.

³ Иркутские губернские ведомости. 1858. № 46. 13 нояб.

⁴ Томские губернские ведомости. 1859. № 17. 1 мая.

нию автора, был менее вероятен подкуп и больше возможностей к достижению равновесия мнений. Не вступая в дискуссию по поводу крестьянского самоуправления, отметим сам ее факт, выходящий за рамки программы официальной газеты и цензурных ограничений, поскольку допускалось открытое обсуждение устройства местных государственных учреждений, оценка их целесообразности и специфики введения в Сибири и, наконец, «снизу» предлагались отличные от мысли правительства проекты их реформирования (еще при существующей николаевской системе управления и крепостном праве). Выходя на более высокий уровень обобщений, В.И. Вагин обращал внимание на общее несоответствие существовавшей в России судебной системы «коренному юридическому началу», поскольку в ней нарушался принцип разделения судебных и полицейских обязанностей, совмещение которых «существует еще в нашем законодательстве единственно потому, что наше судопроизводство не достигло еще полного развития»¹. Возможность публикации таких суждений в провинциальных губернских газетах обнаруживает знакомство авторов с направлением центральной прессы, которое можно было применить к местной сибирской жизни. Один из будущих идеологов сибирского областничества, Г.Н. Потанин писал, что после поражения России в Крымской войне «в воздухе веяло “новым духом”; журналы заговорили смелее, запрещение говорить о крепостном праве было снято; разоблачение злоупотреблений сыпалось как из рога изобилия; каждая новая месячная книжка производила переворот в наших взглядах»².

Генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев, прибегнув к склонности российской интеллигенции к критическому от-

¹ Томские губернские ведомости. 1859. № 17. 1 мая.

² Потанин Г.Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1983. Т. 6. С. 80.

ношению к окружающей действительности, использовал неофициальную часть «Иркутских губернских ведомостей» для повышения эффективности управления краем. В результате газета приобрела демократический характер как по количеству и социальному происхождению корреспондентов, так и по разнообразию тем и высказываемых мнений¹. Например, в корреспонденции из Енисейска сообщалось о высоких розничных ценах на хлеб, возникших по причине скупки купцами зерна у крестьян по низким ценам. При этом назывались конкретные фамилии виновников в данных спекуляциях². Публикация вызвала дискуссию, демонстрировавшую полярность мнений – «N. N.» поддерживал автора, считая статью «дельной и справедливой», изобличающей «ненасытных пиявок, сосущих кровь и жизнь им подведомственных людей»³.

Петрашевец-сибиряк Р.А. Черносвитов считал статью основанной на «ложных слухах», два других корреспондента из Енисейска вторили ему, что хлебная торговля «соединена с риском и может при случае то обогащать, то разорять», а статья «настроена наобум» и очерняет енисейское купечество⁴. Сам енисейский купец Данилов направил жалобу цензору – иркутскому гражданскому губернатору К.К. Венцелю. Он требовал объявить ему звание и фамилию автора (скрывавшегося под цифрами «106»). Ссылаясь на цензурный устав, К.К. Венцель отвечал, что редактор газеты должен объявлять имя и место жительства сочинителя только по требованию правительства, а не частных лиц, хотя, на всякий случай, отписал о случившемся генерал-губернатору.

¹ См.: Шевцов В.В. Неофициальная часть «Иркутских губернских ведомостей» в 1857–60 гг. как орган восточносибирской генерал-губернаторской власти // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. № 2 (18). С. 37–44.

² Иркутские губернские ведомости. 1858. № 47. 20 нояб.

³ Там же. 1859. № 1. 1 янв.

⁴ Там же. 1859. № 2. 8 янв.

Н.Н. Муравьев поддержал своего подчиненного, указав на то, что «ни происхождение из евреев, ни монополия торговля, ни корыстолюбие никому закон не вменяет в преступление или особенный позор». В подобных случаях Н.Н. Муравьев предписывал поступать по аналогии, в соответствии с действующими законами, т.е. сохранять имя автора в тайне¹.

В 1860 г. губернские ведомости Сибири оказались в новых цензурных условиях – если ранее они не находились в ведении Главного управления цензуры при Министерстве народного просвещения, поскольку верховной инстанцией для них в этом отношении были генерал-губернаторы, то с апреля 1860 г., по представлению Сибирского комитета, Александром II было определено доставить сибирским генерал-губернатором, под грифом секретно, все прежние и доставлять будущие циркуляры исходящие от центрального цензурного ведомства. Во многом этому способствовало направление «Иркутских губернских ведомостей», при обсуждении их некоторых статей, в марте 1860 г. Сибирский комитет пришел к выводу, что в ведомостях «иногда помещаются такие материалы, печатание коих вообще запрещено циркулярами Министерства народного просвещения и Главного управления цензуры»².

10 марта 1862 г. Главное управление цензуры упразднилось, а функции светской цензуры разделялись между Министерством народного просвещения, в ведении которого оставалось наблюдение за изданиями, подлежащими общей цензуре, деятельность местных цензурных комитетов и отдельных цензоров, и Министерством внутренних дел, на которое возлагалось наблюдение за содержанием печатных изданий государственных учреждений.

¹ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 24. Оп. 9. К. 1735. Д. 43. Л. 1–1 об., 3 об.–4.

² РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 5230. Л. 1 об.

Губернские ведомости, как и все государственные издания, освобождались от общей цензуры, но сохраняли над собой правительственно-административный контроль. Губернаторы могли поручать исполнение цензорских функций «лицам по своему выбору, с тем чтобы в сомнительных только случаях лица сии обращались к цензорам Министерства народного просвещения, а где оных не полагается – к директорам училищ»¹. «Во временных правилах по цензуре» 12 мая 1862 г. перечислялись темы, запрещенные к печати и сохранявшие свою силу предшествовавшие распоряжения по цензуре². 14 января 1863 г. цензурные комитеты и отдельные цензоры были переданы из ведения Министерства народного просвещения в Министерство внутренних дел³, а «Временными правилами о печати 1865 года» при МВД создавалось Главное управление по делам печати, ставшее основным учреждением цензурного ведомства Российской империи до 1917 г. Предварительная цензура столичных и всех правительственных изданий отменялась. В случае нарушения ими законов они подвергались судебному преследованию, а в случае «замеченного в них вредного направления» – административным взысканиям (что оставляло за государством возможность внесудебного воздействия на печать)⁴.

¹ Именной, данный Сенату, опубликованный 19 марта, о преобразовании цензурного управления, и упразднении канцелярии министра народного просвещения. 10.03.1862 // ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., 1865. Т. 37. № 38040. П. 5; Сборник распоряжений и постановлений по цензуре с 1720 по 1862 г. СПб., 1862. С. 466–468; РГИФ. Ф. 776. Оп. 20. Д. 412. Л. 1–5 об.

² Сборник распоряжений и постановлений по цензуре с 1720 по 1862 г. СПб., 1862. С. 469–482.

³ Именной, данный Сенату, о передаче цензурных комитетов и отдельных цензоров из Министерства народного просвещения в Министерство внутренних дел. 14.01.1863 // ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., 1866. Т. 38. № 39162.

⁴ Именной, данный Сенату, о даровании некоторых облегчений и удобств отечественной печати. 6.04.1865 // ПСЗ. СПб., 1867. Собр. 2-е. Т. 40. № 41988; Высочайше утвержденное мнение Государственного совета, о некоторых перемене

В рамках реформы печати и цензуры, П.А. Валуевым были реализованы предлагаемые им меры к расширению программы губернских ведомостей. 15 ноября 1863 г. Александр II утвердил соответствующее положение Комитета министров: в ведомостях, «в видах большего распространения их в народе и для возмещения издержек на их издание», было разрешено перепечатывать «политические известия», «правительственные распоряжения» и «руководящие статьи по предметам внешней политики и внутреннего управления» из официальных изданий – «Северной почты», «Русского инвалида» и «Journal de S. Petersburg».

Заемствование статей из центральных правительственных органов избавляло их от цензуры на местах, предусматривалось лишь «наблюдение» за такими перепечатками со стороны вице-губернатора. Доходы от издания ведомостей по расширенной программе могли использоваться для вознаграждения редактора газеты¹. Согласно предложению II Отделения Е.И.В. Канцелярии, расширение программы губернских ведомостей осуществлялось «в виде опыта» и касалось только Костромской, Саратовской, Тамбовской, Курской и Черниговской губерний, но в дальнейшем, по ходатайствам губернаторов в 1864 г., это положение было распространено на Вятскую, Пермскую, Олонецкую, Саратовскую, Тверскую, а в августе 1865 г. – на Томскую губернию².

Положение Комитета министров о расширении программы некоторых губернских ведомостей 15 ноября 1863 г. могло быть использовано для расширения программы неофициальной части га-

нах и дополнениях в действующих ныне цензурных постановлениях. 6.04.1865 // ПСЗ. СПб., 1867. Собр. 2-е. Т. 40. № 41990.

¹ Высочайше утвержденное положение Комитета министров, объявленное Сенату министром внутренних дел, о расширении программы некоторых губернских ведомостей. 15.11.1863 // ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., 1866. Т. 38. № 40271.

² РГИА. Ф. 775. Оп. 1. Д. 239. Л. 38–39 об., 40–42, 43–44 об., 45–49 об., 59–60, 73–74 об.

зеты, фактического узаконения перед лицом цензурного ведомства рубрик, не входящих законодательно в программу. Так, в декабре 1863 г., минуя Главное управление Западной Сибири, тобольский губернатор А.И. Деспот-Зенович напрямую обратился к министру внутренних дел П.А. Валуеву об изменении внешнего вида и внутреннего содержания «Тобольских губернских ведомостей». Неофициальная часть, по мнению А.И. Деспота-Зеновича, должна была содержать не только статьи, «относящиеся к статистическим, историческим, географическим и этнографическим описаниям губернии», но и фельетон, который должен «время от времени печатать местные известия, как из Тобольска, так и других городов губернии», с целью «по возможности, обрисовывать жизнь губернии»¹.

Министерство внутренних дел, соблюдая административную субординацию, запросило мнение генерал-губернатора А.О. Дюгамеля, который в апреле 1864 г. ответил П.А. Валуеву, что он согласен с предлагаемым тобольским губернатором форматом как «более соответствующим содержанию газеты и полезным в экономическом отношении» и не находит со своей стороны препятствий к принятию новой программы². В результате 4 июня 1864 г. Петербургский цензурный комитет, за подписью министра внутренних дел, разрешил увеличение формы издания «Тобольских губернских ведомостей», перестановку в газете отделов и перепечатку политических статей из официальных печатных органов, согласно положению 15 ноября 1863 г.³ Фельетон как не соответствующий изначальной программе ведомостей разрешен не был и продолжил свое существование на нелегальном положении. В результате в 1864 г. «Тобольские губернские ведомости» обратили на себя внимание цензурного ведомства как «отозвавшиеся о чи-

¹ РГИА. Ф. 775. Оп. 1. Д. 239. Л. 54 об.–57.

² Там же. Ф. 1286. Оп. 24. Д. 837. Л. 2–2 об.

³ Там же. Ф. 775. Оп. 1. Д. 239. Л. 61; Ф. 1286. Оп. 24. Д. 837. Л. 6.

новниках и канцеляриях присутственных мест вообще в выражениях решительно неуместных в официальном губернском органе»¹, и в 1865 г. полемические статьи на местные темы исчезли со страниц неофициальной части.

В 1863 г. редактором неофициальной части «Томских губернских ведомостей»² по назначению председателя губернского правления П.И. Фризеля стал 28-летний учитель томской гимназии Д.Л. Кузнецов. При недостатке сотрудников и материалов для неофициальной части, Д.Л. Кузнецов предложил столоначальнику по крестьянскому и инородческому вопросам Г.Н. Потанину участвовать в подготовке статей для неофициальной части. Г.Н. Потанин, а затем и прибывший в Томск Н.М. Ядринцев, нашли в Д.Л. Кузнецове если не единомышленника по своим идеям об «автономии Сибири», то хотя бы человека, способного выслушать и понять их взгляды. Так, по словам Г.Н. Потанина, в Томске завязался «культурный узелок»³. По субботам у Д.Л. Кузнецова устраивались редакционные вечера, в которых принимали участие и дамы – свояченица Кузнецова и дочери директора училищ М.Л. Попова⁴.

Период работы областников в составе редакции «Томских губернских ведомостей» составил всего 8 месяцев. За это время был выпущен 31 номер газеты – после приезда Потанина в Томск, 9 октября 1864 г., в № 40 вышла его статья «Г. Шелгунов перед судом образованной Сибири», а № 19 от 21 мая 1865 г. стал по-

¹ Собрание материалов и направлении различных отраслей русской словесности за последнее десятилетие в отечественной журналистики за 1863 и 1864 гг. СПб., 1865. С. 295.

² Фактический редактор неофициальной части ведомостей Д.Л. Кузнецов стал указываться с № 36 от 13 сентября 1863 г. Возможно, он начал исправлять эту должность с первого номера 1863 г. Под фамилией редактора располагалась надпись: «Напечатано с разрешения цензуры в Томской губернской типографии».

³ Потанин Г.Н. Воспоминания... С. 190.

⁴ Там же. С. 186–187.

следним, к изданию которого были причастны областники. 23 мая в их квартирах были проведены обыски, бумаги описаны и опечатаны, а 28 мая арестованных отправили в Омск¹. 16 сентября был арестован и Д.Л. Кузнецов.

В ходе следствия по делу об «Обществе независимости Сибири» выяснилось, что наиболее злонамеренные участники заговора – Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев – использовали местную официальную газету «Томские губернские ведомости» для пропаганды взглядов, признанных следствием революционными и сепаратистскими. Хотя признанные таковыми статьи и мелкие заметки прошли цензурный контроль со стороны губернской власти. В 1864 г. газета имела 469 подписчиков среди присутственных и казенных мест (80 из них представляли учреждения Европейской России). Добровольных подписчиков было 55 (6 – в Европейской России, 2 – в других сибирских губерниях и 47 – в Томской)². Надо полагать, читатели, в том числе и на самом высоком уровне, также не заподозрили какой-либо крамолы в статьях об общественной жизни Сибири, ее людях и климате, о необходимости открытия сибирского университета. Аналогичные мысли высказывались и ранее – в «Иркутских» и «Тобольских губернских ведомостях». Лица, сами заинтересованные в расширении доказательной базы, заключали, что в трех найденных при обыске у редактора неофициальной части «Томских губернских ведомостей» Д.Л. Кузнецова статьях – «Литературный вечер в Омске», «Выборы у казаков с Иртыша» и «Сибирь в 1-е января 1865 года» – только «между прочим пробиваются мысли автора в вольных идеях и как бы предварительно располагающих публику к сочувствию развиваемого предмета в положении Сибири»³.

¹ Дело об отделении Сибири от России : архивная публикация. Томск, 2002. С. 112–113.

² Томские губернские ведомости. 1865. № 6. 12 фев.

³ Дело об отделении Сибири от России... С. 194–195.

В донесении томского жандармского офицера К.Ф. Кретковского указывалось, что все статьи были напечатаны «с пропуском цензуры губернского ведомства». Позже это обстоятельство было объяснено «близорукостью» редактора неофициальной части газеты Д.Л. Кузнецова и губернского начальства¹. По признанию Г.Н. Потанина, он «злоупотребил доверенностью и простотой редактора, который во все время не подозревал настоящего направления моих и ядринцевских статей». Хотя в другом месте Потанин утверждал, что Кузнецов знал об идее отделения Сибири от России, но «не соглашался с правильностью этой идеи»².

Относительно цензора «Томских губернских ведомостей» П.И. Фризея, исполнявшего эту функцию в отсутствие и по поручению томского губернатора Г.Г. Лерхе, Н.М. Ядринцев составил спустя более 30 лет следующие воспоминания: «Человек пустой, ограниченный и легкомысленный. Он так долго находился под судом Сената, что когда явился в Сибири к генерал-губернатору Казнакову на службу чиновником, он спросил меня, не могу ли я ему написать ответ по поводу вопросов: какие статьи он пропускал? “Боже мой! – воскликнул я, – Неужели вы еще под судом! Напишите, что вы пропускали статьи о сибирском университете, т.е. то, о чем ходатайствовал нынешний генерал-губернатор”»³. Эта характеристика напоминает исторический анекдот о петербургском генерал-губернаторе николаевской эпохи П.К. Эссене, который по поводу поданной ему бумаги спрашивал правителя канцелярии, о чем он писал, а затем, узнав, подписывал ее. Возможно, П.И. Фризель пропускал статьи, особенно не вникая в их содержание, не только по причине халатного отношения к делу, но

¹ Дело об отделении Сибири от России... С. 349.

² Там же. С. 178, 186.

³ Ядринцев Н.М. К моей автобиографии // Дело об отделении Сибири от России... С. 30.

и потому, что в них с формальной точки зрения не обнаруживалось какого-либо скрытого подтекста или намека (сам Г.Г. Лерхе также не усмотрел чего-то запрещенного в статье Н.М. Ядринцева «По поводу сибирского университета»¹). Те проблемы, которые затрагивали в своих публикациях областники, напрямую не касались представителей местной администрации, поэтому они с легкостью проходили цензурные ограничения. Когда же дело касалось лиц, то реакция была соответствующая. «Статью Вашу о спектакле не пропустил Лерхе; говорит, что на Дюгамельшу [жену генерал-губернатора] написана», – писал Г.Н. Потанин в Омск автору статьи Ф.Н. Усову². В письме в Иркутск своему соратнику Н.С. Щукину Потанин прямо говорил, что его статья «Гражданское увлечение Сибири» содержала «тайный смысл», который нуждается в «толковании» и не будет понят большинством читателей³.

После того, как по делу «сибирских сепаратистов» было обращено внимание на то, что цензура допускала к публикации вольнодумные статьи, неофициальная часть «Томских губернских ведомостей» была возвращена к первоначальной законодательно утвержденной программе. Председатель губернского правления П.И. Фризель, уже наученный горьким опытом, предпочитал перестраховаться, но не пропустить что-нибудь двусмысленное. Так, например, статья секретаря губернского статистического комитета Н.А. Кострова «Страна мраков» арабского путешественника Ибн-Батуты о торговле Волжской Булгарии с Югорией, уже прошедшая цензуру и напечатанная в «Енисейских губернских ведомостях» в 1858 г., перед публикацией в «Томских губернских ведомостях» в 1867 г. была рассмотрена на заседании томского статистического комитета. Видимо, сомнения вызвал заголовок статьи, относи-

¹ Дело об отделении Сибири от России... С. 186.

² Письма Г.Н. Потанина. Иркутск, 1987. Т. 1, № 21. С. 71.

³ Там же. № 25. С. 77.

тельно чего было отмечено, что «содержание этой статьи относится до Сибири до покорения ее русскими»¹.

Н.А. Костров, бывший основным автором неофициальной части «Томских губернских ведомостей» в 1865–1881 гг. (всего в печати известно 192 его публикации, из которых 11 вышли отдельными изданиями) был сверхнадежным в цензурном отношении. Им разрабатывались только нейтральные темы, касавшиеся, главным образом, истории и этнографии Томской губернии. Из современной жизни Сибири Н.А. Кострова интересовало ее экономическое состояние и развитие, но вопросов текущей общественной и политической жизни он практически не затрагивал. В результате за 15 лет работы в неофициальной части газеты его статей не коснулась цензурная правка, хотя за это время в Томске сменилось четыре губернатора (Г.Г. Лерхе, Н.В. Родзянко, А.П. Супруненко, В.И. Мерцалов). Г.Н. Потанин в письме Н.М. Ядринцеву приводил слух, что генерал-губернатор Западной Сибири Н.Г. Казнаков планировал разрешить в Томске частную газету, доверив ее редактирование Н.А. Кострову².

Летом 1868 г. Н.А. Костров сопровождал великого князя Владимира Александровича в его путешествии по Томской губернии и составил об этом подробное описание³, в котором большое внимание уделялось не только всем обстоятельствам пребывания «царственной особы», но и истории и географии тех местностей, которые он посетил. Владимир Александрович одарил сопровождающего золотыми часами и цепочкой⁴, что означало не только высокую оценку его труда, но было своеобразной охранной грамотой от члена императорской фамилии, допуском к разработке других тем. В июле–

¹ ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 14. Л. 54.

² Письма Г.Н. Потанина. Иркутск, 1989. Т. 3, № 237. С. 187.

³ Томские губернские ведомости. 1868. № 39. 3 окт. – № 46. 21 окт.

⁴ ГАТО. Ф. 3. Оп. 11. Д. 1106. Л. 5.

августе 1871 г. в «Томских губернских ведомостях» появилось четыре статьи о томских губернаторах первой четверти XIX в.¹ Они носили вполне исторический характер, полвека отделяло современных начальников губернии от минувших, но с учетом того, что некоторые особенности российской действительности не меняются из века в век, избранная тема была не совсем безопасной. Например, приводились слова М.М. Сперанского после ревизии в Томске: «Если бы в Тобольске и отдал всех (чиновников) под суд, что и можно было бы сделать, то здесь оставалось уже всех повесить. Злоупотребления вопиющие и, по глупости губернатора Илличевского, по жадности жены его, по строптивому корыстолюбию брата его губернского почтмейстера, весьма худо прикрытые». Только о первом томском губернаторе В.И. Хвостове Костров написал как о личности «замечательной и дельной», «редкой в то время в Сибири». В то же время Костров обезопасил себя тем, что использовал только официальные формуляры и уже опубликованные источники (воспоминания Хвостова в «Русском архиве», сочинение М.А. Корфа «Жизнь графа Сперанского»), а при оценке деятельности губернаторов руководствовался авторитетным мнением первого ревизора Сибири.

В 1881 г. губернские ведомости как правительственные издания были освобождены от предварительной цензуры, с изданием «под ответственностью губернского начальства»². Цензурирование частных периодических изданий в губернских городах, в которых

¹ Костров Н.А. Томский губернатор Василий Семенович Хвостов (1803–1808) // Томские губернские ведомости. 1871. № 30. 31 июля; Костров Н.А. Томский губернатор Франц Абрамович Фан-Брин (1808–1810) // Томские губернские ведомости. 1871. № 31. 7 авг.; Костров Н.А. Томский губернатор Василий Романович Марченко (1810–1812 гг.) // Томские губернские ведомости. 1871. № 32. 14 авг.; Костров Н.А. Томский губернатор Дамиан Васильевич Илличевский (1812–1822 гг.) // Томские губернские ведомости. 1871. № 33. 21 авг.

² ПСЗ. Собр. 3-е. СПб., 1885. Т. 1. № 420; РГИА. Ф. 776. Оп. 5. Д. 45. Л. 11–11 об.

не было цензурных учреждений, возлагалось лично на вице-губернаторов или председателей губернского правления, «без производства особого вознаграждения»¹. Одновременно с этим Главное управление по делам печати распространило разъяснение, что губернаторы и начальники областей должны принять «все зависящие от них меры к тому, чтобы придать местным официальным органам то значение и тот характер, которые требуют от них достоинство правительства и пользы дела», и напоминало о том, чтобы в неофициальной части ведомостей не появлялись «неуместно резкие заявления и суждения о рассматриваемых фактах и вопросах, статьи полемические, юмористические перепечатки из частных изданий, известия и слухи о предполагаемых мерах и распоряжениях правительства, а равно анекдоты и вообще статьи легкого и так называемого фельетонного содержания»².

Высочайшее соизволение было воспринято на местах как возможность к расширению программы ведомостей. В начале 1882 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Д.Г. Анучин ходатайствовал перед начальником Главного управления по делам печати П.П. Вяземским о допущении в «Иркутских», «Енисейских» и «Забайкальских» ведомостях политического отдела и разрешении помещать в них опровержения на «неправильные и исполненные ложных доносов статьи и корреспонденции» в столичной прессе. В качестве оснований для такого решения Д.Г. Анучин рассматривал «Харьковские» и «Казанские» ведомости, «издающиеся по более широкой программе», и некое распоряжение о расширении

¹ ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. К. 2049. Д. 395. Л. 1.

² Об освобождении губернских ведомостей от просмотра предварительной цензуры. 29 октября 1881 г. // Сборник циркуляров и распоряжений МВД, относящихся до губернатора, вице-губернаторов, советников губернских правлений, канцелярий губернаторов, губернских типографий, строительных и врачебных отделений, а также до городских и земских учреждений, с 1858 по 1896 г. М., 1896. С. 256.

программы «для всех вообще губернских ведомостей»¹. Никакого, как отдельного для упомянутых ведомостей, так и общего для всех ведомостей распоряжения не выходило, речь шла лишь об отмене предварительной цензуры. В то же время П.П. Вяземский считал возможным удовлетворить прошение Д.Г. Анучина, ссылаясь на ст. 767 «Свода законов» 1876 г. и примечания к ней².

Ставший в 1880 г. томским губернатором В.И. Мерцалов также выступил с инициативой расширения неофициальной части «Томских губернских ведомостей». Назначенный им новый редактор газеты канцелярский служащий Н.И. Сухопаров стал вести новостную рубрику – «Сведения из газет», в которой приводились дословно и в форме пересказа с комментариями новости из центральных изданий. Хотя губернским ведомостям запрещалось печатать слухи о готовящихся правительственных мероприятиях и материалы «легкого» содержания, именно такие публикации преобладали в рубрике «Сведения из газет». Какой-то системы в их подборе не было. Читатель становился причастным как к общероссийским событиям (например, реформы в сфере университетского образования, голод в Самарской и Саратовской губерниях), так и касающимся Сибири (о возможном введении мировых и земских учреждений, об открытии в Томске в 1881 г. «Сибирской газеты»), и в то же время информировался о рождении пернатого ребенка и захоронении живой женщины во Франции. Такие сообщения должны были удивить и развлечь, придать газете занимательный характер. В выборе изданий для перепечатки не наблюдалось какого-либо «идейного» направления. Такие солидные и влиятельные газеты, как «Голос» А.А. Краевского и «Новое время»

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 6. Л. 1–3 об.

² Свод законов Российской империи. Издание 1876 г. СПб., 1876. Т. 2, ч. 1: Общее губернское учреждение. Гл. 6: Обнародование распоряжений высшего и местного правительства. Ст. 767.

А.С. Суворина, соседствовали с произведениями «малой прессы» – «Петербургским листком» и «Молвой», «тонкими» журналами для широкой читающей публики – «Огонёк» и «Нива». «Правительственный вестник» – рекомендуемый Министерством внутренних дел как основной источник для перепечаток – занимал в этом ряду весьма скромное место. В рубрике можно обнаружить и авторское начало самого редактора. Так, сообщение о «неисправностях» в церквях Томского и Каинского уездов, где описывались частые в среде духовенства пороки, заключалось следующими словами: «Мы опустили имена священников, памятуя, что *nomina sunt odiosa* [имена ненавистны], в епархиальных же ведомостях все пропечатано подробно. А еще Сибирь жалуется на недостаток гласности! Во всяком случае это пример, достойный примечания. Пусть же и на нас не обижаются, если кое-кого нам приходится величать по имени-отчеству»¹.

Обращает на себя внимание обилие перепечаток о сфере образования и готовящимся в этой области правительственным реформам, очевидно, в связи с тем, что Томску предстояло стать первым университетским центром в Сибири. День закладки главного здания университета был освещен в № 34 от 30 августа 1880 г. В передовой «Томск, 26 августа» события были представлены по часам в соответствии с официальным сценарием организуемых торжеств, призванным подчеркнуть нравственно-религиозный характер церемонии и народное единство в понимании происходящего. Подробно описывался крестный ход к будущему «святилищу науки» и народ, собравшийся в березовой, теперь Университетской, роще. Статья не избежала цензурной правки со стороны В.И. Мерцалова – из нее был выпущен следующий абзац: «Не знаменательно ли, в самом деле, когда представим себе, что с постройкою родного университе-

¹ Томские губернские ведомости. 1881. № 5. 31 янв.

та для нас, сибиряков, проходит “сень законная” и наступает новая эра духовной жизни, новая благодать...». Возможно, губернатора смущали те ассоциации в оценке доуниверситетского и университетского периодов сибирской истории, возникающие при употреблении библейского оборота «сень», подчеркивающего различия между ветхозаветными и новозаветными установлениями.

«Сведения из газет» доставляли много хлопот. Их нужно было редактировать, и В.И. Мерцалов лично делал пометки и вычеркивал неподходящие материалы. Так, например, им был вычеркнут один абзац в статье о расширении прав и полномочий земских учреждений, которых в Сибири не было, а в конечном итоге была перечеркнута сверху вниз вся колонка, с ее характеристикой: «все чепуха». Из другого номера была удалена заметка из «National Zeit» о том, что в России дела осужденных по подозрению в нигилизме будут пересмотрены и тысячи арестованных молодых людей уже освобождены. Не прошли губернаторскую цензуру статьи о возможности семинаристам получать высшее образование и о допустимой передаче бракоразводных дел из духовного ведомства в общие суды.

Для серьезного ведения неофициальной части необходим был более подготовленный человек, имевший журналистский опыт. Им стал Е.В. Корш – присяжный поверенный, с высшим юридическим образованием, оказавшийся в Томске за подлог и подделку векселей. Позже из 8 пунктов обвинений, предъявленных В.И. Мерцалову департаментом полиции¹, губернатор согласился только с одним – с тем, что он допустил уголовного (не политического) ссыльного заведовать неофициальной частью газеты: «Хотя закон и разрешал мне пригласить для этого дела лицо по моему усмотрению, но приглашение Корша – сознаюсь – было ошибкой с моей

¹ Мерцалов В.И. Мимоходом. Моя губернаторская эпопея // Русская старина. 1917. № 4–6. С. 18–19.

стороны, хотя вынужденной»¹. Говоря о «законе», В.И. Мерцалов, видимо, имел в виду Временные правила о преобразовании губернских учреждений ведомства Министерства внутренних дел в 37 губерниях и Бессарабской области (8.06.1865): «На счет типографских сумм могут быть определяемы, в случае надобности: 1) особый редактор неофициальной части ведомостей без представления, однако же, ему, по сему званию, прав государственной службы, почему он и может быть назначаем из лиц постороннего ведомства или вовсе не служащих...»².

Е.В. Корш воспринимался В.И. Мерцаловым как «опытная рабочая сила», в опоре на которую можно было привлечь частных подписчиков, поднять тираж ведомостей и использовать их для сообщения населению «правильных» взглядов и сведений «в противовес тем инсинуациям и превратным толкам о сибирских порядках, какие постоянно печатались в маленьких газетах обеих столиц»³.

В отличие от предыдущих редакторов и авторов Е.В. Корш имел и реализовывал определенную концепцию газеты и стратегию ее дальнейшего развития, беря на себя ответственность перед читателями как подписчиками и губернатором, полностью доверившим ему составление контента неофициальной части (цензурные правки отсутствовали). В результате отдельно издаваемая неофициальная часть «Томских губернских ведомостей» вышла на уровень универсальной местной газеты, однако в обновленном виде выходила недолго – до сентября 1883 г. В значительной степени такому недолговому существованию обновленных ведомостей способствовала позиция редактора-издателя «Восточного обозре-

¹ Мерцалов В.И. Указ. соч. С. 27.

² ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., 1867. Т. 40. Отд. 1. № 42180. Ст. 10.

³ Мерцалов В.И. Указ. соч. С. 27.

ния» Н.М. Ядринцева¹. После отставки В.И. Мерцалова министр внутренних дел Д.А. Толстой поручил новому губернатору И.И. Красовскому вернуть издание «Томских губернских ведомостей» в прежние законные рамки. В своем предложении по Главному управлению по делам печати министр внутренних дел спрашивал: «На каком основании в неофициальной части “Томских губернских ведомостей” допускается печатание сообщений под рубриками: “мы слышали”, “нам сообщают”, “мы узнали” и т.п., критических заметок о новых книгах, не имеющих никакого отношения к Томской губернии, театральной хроники, статей по местным вопросам, не получившим еще окончательного разрешения в установленном порядке, разных не всегда верных слухов о правительственных намерениях и предположениях, статей о предметах, касающихся других губерний (например, большая статья о Минусинском местном музее) и т.д.»².

Ответить на этот вопрос было нечего. Красовский вызвал Корша и приказал ему «покориться обстоятельствам» и немедленно прекратить свою работу. Корш писал об этом так: «У меня отнималось дело, которое я вел с любовью, с надеждой, что оно разовьется и принесет пользу местному обществу, особенно в глухих сибирских захолустьях, где никаких газет не получается, а “Губернские ведомости” высылаются обязательно. Приходилось поставить крест на двухлетней работе³, похеренной одним почерком пера всемогущего министра, на радость местных поборников тьмы

¹ См.: Шевцов В.В. Неофициальная часть «Томских губернских ведомостей» в период редакторства Е.В. Корша (1882–1883): прерванный полет // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 343. С. 107–112.

² Корш Е.В. Восемь лет в Сибири // Исторический вестник. СПб., 1910. № 6. С. 822.

³ Корш редактировал неофициальную часть «Томских губернских ведомостей» 1,5 года с № 13 от 27 марта 1882 г. до № 37 от 22 сентября 1883 г. Всего им было подготовлено 75 номеров газеты.

и общественного невежества»¹. С № 37 от 22 сентября 1883 г. неофициальная часть была вновь объединена с официальной.

После ухода Е.В. Корша с должности редактора неофициальной части «Томских губернских ведомостей» она утратила самостоятельное значение и представляла собой справочно-рекламное приложение к официальной части. Основным ее содержанием стали публикации о деятельности томских и общероссийских благотворительных обществ, торжественных городских богослужениях, заседаниях Западно-Сибирского отдела Русского географического общества, торгово-промышленных выставках, а также различного рода объявления от частных лиц и организаций.

С № 43 от 23 ноября 1905 г. редактором неофициальной части стал статский советник, цензор по внутренней цензуре Томской губернии П.Т. Виноградов (1847 – ок. 1919–1920). Со 2 июня 1903 г. он исполнял обязанности отдельного цензора по внутренней цензуре в Саратовской губернии (губернатором которой был П.А. Столыпин), а с 1 июня 1905 г. был назначен на аналогичную должность в Томск². В Томск П.Т. Виноградов прибыл только 28 сентября³. В 1908 г. П.Т. Виноградов в штате Томской губернии значился как «инспектор по делам печати, для повременных и неповременных изданий в Томской губернии, только для неповременных изданий (брошюр, книг разного рода), выходящих в областях: Забайкальской, Акмолинской и Семипалатинской; Иркутской, Енисейской и Тобольской»⁴.

¹ Корш Е.В. Восемь лет в Сибири // Исторический вестник. СПб., 1910. № 6. С. 822.

² Патрушева Н.Г. Организация новых цензурных учреждений во Владивостоке, Екатеринославе, Нижнем Новгороде, Ростове-на-Дону, Саратове, Томске и Харькове // Цензура в России: История и современность : сб. науч. тр. СПб., 2006. Вып. 3. С. 413; Памятная книжка Саратовской губернии на 1904 г. Саратов, 1904. С. 127.

³ Сибирские известия. 1905. № 23. 30 сент. С. 2.

⁴ Памятная книжка Томской губернии на 1908 г. Томск, 1908. С. 11.

В первом же номере неофициальной части под новой редакцией заявлялось о расширении ее программы: «...кроме официального отдела, появляется и неофициальный» (т.е. подчеркивалось, что в предшествующие годы неофициальная часть фактически отсутствовала)¹. Газета стала выходить два раза в неделю. Основными темами стали: значение Манифеста 17 октября 1905 г. в разрешении социальных конфликтов, деятельность и выборы в Государственную Думу, программные положения «Союза 17 октября» и деятельность его томского отделения. Наряду с авторскими статьями на местные темы, в газете широко использовались перепечатки из ведомостей других губерний, что подчеркивало общность происходивших событий в России и Сибири и отношение к ним правительства. Таким образом, облегчался и процесс «сборки» номера, поскольку опубликованные материалы уже были одобрены цензурой. Из томских газет для заимствований использовались кадетская «Сибирская жизнь» (главным образом, политически нейтральные сообщения) и октябристские «Сибирские известия» (откуда перепечатывались проблемные политические передовые). Оптимистический настрой публикаций об умиротворяющем характере будущего народного представительства сменился резкой критикой после начала его работы в апреле 1906 г. Вслед за правой столичной печатью в неофициальной части «Томских губернских ведомостей» посыпались упреки в революционном и антироссийском составе Государственной Думы, умалении депутатами значения самодержавной власти, разжигании ими «мятежа» и «смуты».

С № 68 от 10 сентября 1906 г. редактором неофициальной части стал подпоручик запаса, чиновник особых поручений при губернаторе, И.Е. Бицюк, а с № 71 от 20 сентября – действительный статский советник, член томского управления по крестьянским делам

¹ От редакции // Томские губернские ведомости. 1905. № 43.

А.В. Дуров, принимавший участие в открытии, в сентябре 1906 г., «Русского народного общества за веру, царя и отечество». С № 50 от 4 июля 1907 г. в должность редактора вступил В.Э. Мейер – советник томского губернского управления, коллежский асессор, выпускник Санкт-Петербургского университета¹.

Таким образом, губернская администрация непосредственно взяла в руки руководство местным правительственным органом. Выражаясь в категориях, принятых среди советских историков печати, – «газета взяла реакционное направление». Действительно, в городе произошла консолидация правых монархических сил и их обособление от местного отделения партии октябристов. Неофициальная часть «Томских губернских ведомостей» с осени 1906 г. стала заполняться перепечатками из консервативно-охранительных «Нового времени», «Киевлянина», «Харьковских губернских ведомостей», а также черносотенных «Русского знамени», «Русской земли», «Московских ведомостей».

При работе со статьями политического содержания редактор-цензор В.Э. Мейер² руководствовался не только правительственным и проправительственным направлениями в политической жизни страны, но и местными губернскими условиями. Вносимые им смысловые правки были призваны смягчить чрезмерно высокий градус и эмоциональный характер критики либеральных

¹ Палин А.В. Томское губернское управление (1895–1917 гг.): структура, компетенция, администрация. Кемерово, 2004. С. 154.

² В Государственном архиве Томской области сохранились подшивки «Томских губернских ведомостей» за 1907 и 1908 гг. с подписями В.Э. Мейера о допуске выпуска газеты и его правками (чернилами и синим карандашом) публикаций неофициальной части. Допуск размещался на титуле газеты («Печатать разрешается. Советник Мейер») и на страницах неофициальной части, если были внесены изменения в содержание и компоновку текста («По исправленному печатать разрешается. Советник В. Мейер», «Печатать разрешаю по исправлении и перемещении статей. В. Мейер»).

и революционных общественно-политических сил со стороны правой печати, исключить упоминание ряда конкретных лиц и обвинений в их адрес, в целом, ввести освещение общероссийских и местных событий в более спокойное (более информационное, чем публицистическое) русло¹.

Сглаживались ставшими привычными в период существования первых двух дум антиеврейские инвективы. Например, В.Э. Мейром были произведены следующие правки в статье «Агония еврейского социализма»: «Сколько кровавых переворотов совершилось уже в одной Европе ранее, чем христиане поняли, что их стравляют евреи только ради удовлетворения своей ненасытной жадности! <...> Ранее других очнулись от этого ~~жидовского~~ внушения рабочие наиболее просвещенных стран – Англии, Америки и Германии <...> На последнем съезде в Штутгарте выяснилось, что рабочие и Австралии, и Японии точно так же относятся к ~~жидовскому~~ социализму Маркса <...> А когда предатель своей родины, француз Эрва, заявил, что в случае нападения на Францию они поднимет бунт и встретит неприятеля с красными флагами, – ему пришлось услышать свистки и шиканье. ~~Только наши дуболомы, которые идут на помочах евреев и своими мозгами не научились еще шевелить, были сторонниками предателя~~ <...> Итак, национализм победил ~~жидовский~~ [заменено на еврейский] международный социализм <...> Уже и теперь вполне выяснилось, что наши социал-демократы, особенно наиболее ~~тупые~~

¹ Редактор неофициальной части допускал выпуск газеты в печать, т.е. осуществлял цензорские функции. Но цензурировал он, конечно, не самого себя, а предоставляемый ему на просмотр и подпись уже подготовленный типографский оттиск (номера 1907 г. были напечатаны на более плотной, чем у основного тиража бумаге, на которой было легче оставлять пометы перьевой ручкой или острым карандашом). Такой макет подготавливал начальник газетного стола, канцелярский служащий Николай Григорьевич Гусельников, занимавший эту должность на протяжении 31 года, с № 11 от 13 марта 1886 г. до выхода последнего номера «Томских губернских ведомостей» – № 10 от 5 марта 1917 г.

[заменено на «неразвитые»] между ними – большевики, потеряли всякий авторитет в среде рабочих»¹.

После окончания революции и победы «реакции» «Томские губернские ведомости» продолжали выполнять функции ретранслятора торжествующих и негодующих взглядов правой консервативной печати на недавние события «русской смуты», и освещать в таком же идеологическом ключе события местной жизни. Газета возвращалась к привычному «старорежимному» облику. Так, сообщение о литургии и торжественном молебне в Троицком кафедральном соборе по случаю тезоименитства наследника престола было отредактировано и расширено В.Э. Мейером в духе знаменитой триады «самодержавие–православие–народность»: «По случаю дня тезоименитства Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича Великого князя Алексея Николаевича 5 октября в Троицком кафедральном соборе высокопреосвященным Макарием архиепископом Томским и Барнаульским была совершена божественная литургия и отслужен благодарственный молебен. В храме присутствовали: управляющий губернией И.Б. Маршанг, начальники отдельных частей и учреждений всех ведомств, офицеры воинских частей, расположенных в городе Томске, и множество народа. После богослужения на Соборной площади состоялся парад войск местного гарнизона. Парад принимал генерал-майор Редько. В этот день город был украшен флагами, вечером зажжена иллюминация»².

В то же время в подобных официальных «пресс-релизах» (клишированность которых наводит на мысль о том, что их можно было готовить без участия в самом мероприятии) редактору неофициальной части было присуще чувство меры. Так, в «Местной хронике», повествующей о праздновании в Томске дня коронава-

¹ Томские губернские ведомости. 1907 № 79. 17 окт.

² Там же. № 76. 7 окт.

ния Николая II и Александры Фёдоровны, было вычеркнуто предложение: «Начальником губернии вновь была произнесена “здравница” государю императору»¹. Судя по тексту, такая «здравница» была произнесена утром перед парадом войск и перед торжественным завтраком. Упоминание о такой повторной вечерней «здравнице», возможно, показалось чрезмерным в ряду привычных официальных канцеляризов – «храм был полон молящихся», «войска лихо прошли церемониальным маршем», «публика любовалась эффектной иллюминацией» и т.д. В условиях разворачивающегося в стране трезвенного движения могло выглядеть неуместным, что начальник губернии поднял за завтраком бокал в день рождения императрицы Александры Фёдоровны. В печать был отправлен более эвфемистичный вариант: «За завтраком начальником губернии был провозглашен тост за здоровье их императорских величеств»².

Интересные метаморфозы произошли со статьей «Распущенность молодежи», в которой была произведена следующая правка: «В [За] два последние “освободительные” года на улицах ~~наших городов~~ [почти всех больших городов] стали появляться двенадцати-тринадцатилетние девочки-проститутки, чего раньше никогда не замечалось <...> В ~~нашем городе~~ в [каждом крупном центре за] последние ~~три~~ года[ы] страшно растет хулиганство среди молодежи, от которой положительно житья не стало <...> В ~~заключении~~ ~~нельзя не порадоваться, что наша~~ [В одном из губернских городов] городская дума, по предложению ~~уважаемого~~ городского головы, ~~г. Любомудрова~~, постановила просить местного епископа обратить свое особое внимание на нравственную сторону воспитания юношества в духе православной веры и церкви... ~~Московские ведомо-~~

¹ Томские губернские ведомости. 1908. № 32. 18 мая.

² Там же. № 35. 28 мая.

ети»¹. В результате исключений фамилии городского головы (А.А. Любомудров был тульским городским головой²) и источника заимствования, вольно или невольно, но для читателя создавалась имитация местной новости, ведь подобное могло относиться к любому губернскому городу, в том числе и к Томску.

Нередки в ведомостях были исключения упоминаний конкретных фамилий политических деятелей как общероссийского, так и местного масштаба. В передовой «Томск, 29 октября 1907 г.» о результатах выборов в III Думу было вычеркнуто следующее предложение: «а направление деятельности кн. Васильчикова, г. Философова или г. Кауфмана потребует, вероятно, серьезных объяснений, которые могут оказаться недостаточно вразумительными»³. Публикация о наложении штрафа в 1 тыс. руб. на редакторов-издателей «Сибирской жизни» профессоров И.А. Малиновского и М.Н. Соболева за публикацию статьи «Думские впечатления», «возбуждающей враждебное отношение к правительству», была полностью вычеркнута (заменена перепечаткой из «Земли» о покушении в Москве 21 ноября 1907 г. на генерал-губернатора С.К. Гершельмана)⁴. В статье «Порнография и экзамены» был вычеркнут ее подзаголовок – «Беседа с товарищем министра народного просвещения Д.А. Георгиевским». Фамилия министра (зарекомендовавшего себя в качестве сторонника «твердой руки» в образовании) была вычеркнута везде по тексту, и его прямая речь, таким образом, приобрела характер безличной характеристики сложившейся ситуации и возможных путей ее исправления⁵.

¹ Томские губернские ведомости. 1908. № 36. 4 июня.

² Курлов М., Майорова Л. Андрей Андреевич Любомудров // Тульский краеведческий альманах. 2008. Вып. 6. С. 105–109.

³ Томские губернские ведомости. 1907. № 81. 28 окт.

⁴ Там же. № 91. 2 дек.

⁵ Там же. 1908. № 34. 25 мая.

Если информация казалась сомнительной или излишне резкой, то она не пропускалась – в № 27 от 27 апреля 1908 г. была вычеркнута перепечатка из «Русского Знамени» – «Замечательная семья думского “законодателя”», в которой говорилось о том, что дочери депутата III Думы от Томской губернии В.К. Штильке были виновны в краже драгоценных вещей¹. Дело, вероятно, заключалось еще и в том, что 15 апреля Штильке скончался².

Приходилось сглаживать и двусмысленности в отношении и непосредственного начальника В.Э. Мейера. Так, в статье «Евреи одолевают», в которой положительно оценивалось распоряжение томского губернатора о высылке из губернии всех евреев, не имевших в ней права на жительство, было сними карандашом подчеркнуто следующее предложение и поставлен вопросительный знак – «Однако радость эта оказалось преждевременной, потому что с отъездом барона Нолькена в Петербург распоряжение это приводится в исполнение очень медленно»³. В результате в печать не попали не только эта весьма сомнительная причинно-следственная связь, но и большой фрагмент далее, где говорилось, что евреи продолжают прибывать в губернию, «с нас довольно и своих местных евреев, забравших в свои руки главную торговлю». Подпись под статьей – «Томич» была заменена на «Русское Знамя».

Достаточно много в текстах газеты было исправленных опечаток, появившихся в результате небрежности или начальника газетного стола Н.Г. Гусельникова или наборщиков губернской типографии. Такие опечатки были не только по тексту, но и в заголовках. Например, «Из проказа генерала Думбадзе» (вместо «прика-

¹ Томские губернские ведомости. 1908. № 27. 27 апр.

² Шиловский М.В. Штильке Василий Константинович // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 3. С. 549.

³ Томские губернские ведомости. 1908. № 25. 9 апр.

за»)¹, «О высылке паспорта» (вместо «о высылке»)², «О владивостокском пункте» (вместо «бунте»)³ и т.д. Последнее исправление, выполненное красным карандашом, не было внесено в номер, который так и вышел с опечаткой. Корректировке подвергались и стилистически неудачные заголовки. Например, «Выставка вреда от алкоголя в Москве» была заменена на «Антиалкогольная выставка в Москве»⁴. Одна курьезная опечатка в духе «казнить нельзя помиловать» была отмечена на полях синей пометкой «?!?!», что подчеркивает скрупулёзный характер проредактируемой В.Э. Мейером работы: «...в присутствии начальника японской 16-й армии кавалерийской дивизии генерала Чичагова было проведено учение 1-му конному полку». Зачисленный в японскую армию русский генерал был «возвращен» на родину с помощью запятой: «...в присутствии начальника японской 16-й армии кавалерийской дивизии, генералом Чичаговым было проведено учение 1-му конному полку...»⁵.

Сохранившиеся правки В.Э. Мейра по подготовке номера к печати позволяют наделить его не только функций редактора и цензора, но и корректора. В статье Н. Богаевского «Армия и смута» (перепечатка из «Колокола»), занимавшей менее половины страницы, внесена 21 правка орфографического, пунктуационного и стилистического характера⁶. Содержательные акценты статьи остались без изменений. В публикацию «Нарушения Устава о гербовом сборе по незнакомству населения с правилами взимания этого сбора» было внесено 25 орфографических и пунктуационных

¹ Томские губернские ведомости. 1907. № 86. 14 нояб.

² Там же. 1908. № 13. 27 фев.

³ Там же. 1907. № 88. 21 нояб.

⁴ Там же. 1908. № 41. 22 июня.

⁵ Там же. 1907. № 78. 14 окт.

⁶ Там же. 1908. № 12. 20 фев.

правок (главным образом, исправление окончаний), чтобы ликвидировать очевидную небрежность в наборе данного текста¹. Тщательный просмотр каждого номера подтверждает, например, и такое обстоятельство – в обширной перепечатке из «Русского Знамени», в котором приводилось пространное антисемитское высказывание Бисмарка, было распознано и вычеркнуто слово «жиды», с заменой на более корректное – «евреи»². В большой статье «Взаимоотношения прокурорского надзора и тюремного начальства» В.Э. Мейер подчеркнул несколько фрагментов, на которые важно было сделать смысловой акцент. В печатном экземпляре они были выделены курсивом: «...начальнику отдельного места заключения, который является непосредственным хозяином и распорядителем в тюрьме...», «особенно высоко должен стоять авторитет начальника тюрьмы», «чины прокурорского надзора должны поэтому неуклонно воздерживаться от каких-либо непосредственных распоряжений в местах заключения...»³.

В 1908 г. томские монархисты стали выпускать газету «Сибирская правда», и уже со второй половины 1908 г. публикации об их деятельности пропали со страниц «Томских губернских ведомостей», а с 1909 г. – и присущая этому политическому движению риторика. С октября 1911 г. неофициальная часть «Томских губернских ведомостей» утратила свое самостоятельное значение и вновь стала лишь структурным элементом газетного номера. Покушение на П.А. Столыпина и 300-летие дома Романовых были последними внутривнутриполитическими событиями, освещенными на страницах неофициальной части. С № 37 от 22 мая 1916 г. «Томские губернские ведомости» вернулись к своей прежней периодичности – один раз в неделю. Ни события Первой мировой вой-

¹ Томские губернские ведомости. 1908. № 34. 25 мая.

² Там же. № 31. 14 мая.

³ Там же. № 36. 4 июня.

ны, ни февральские дни в Петрограде никак не были отражены с правительственных позиций в местной официальной газете.

Итак, цензурный контроль за «Томскими» и другими губернскими ведомостями Сибири со стороны губернаторской и генерал-губернаторской власти, с одной стороны, свидетельствовал о высоком уровне централизации управления на восточной окраине, с другой – в зависимости от взглядов управленцев мог способствовать более широкому содержанию неофициальной части. Так, по замечанию Сибирского комитета, «Иркутские губернские ведомости» публиковали статьи, не входящие в программу ведомостей и запрещенные циркулярами Главного управления цензуры (только с середины 1860 г. они стали распространяться на сибирские ведомости). Через опубликованные материалы выстраивались отношения не только между авторами и читателями, но и такие коммуникационные линии, как автор–цензор и редактор–цензор. Основным адресатом мог быть вовсе не рядовой читатель – один экземпляр газеты доставлялся в III Отделение Е.И.В. Канцелярии. По линии административного и цензурного контроля тот или иной текст мог достичь Главного управления Западной (или Восточной) Сибири, Главного управления цензуры (с 1865 г. – Главное управление по делам печати), Министерства внутренних дел и даже самого императора (что произошло, например, в 1859 г. в отношении «Енисейских губернских ведомостей»¹). Для губернской администрации эти руководящие читатели были особенно важны – содержание ведомостей в дополнение к обязательным отчетам могло способствовать созданию благоприятного или неблагоприятного впечатления о ее деятельности.

¹ Шевцов В.В. «Енисейские губернские ведомости» – забытая газета Восточной Сибири // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 1 (27). С. 43.

Несмотря на правительственно-административный контроль, многие из губернских ведомостей в Сибири, как и в других губерниях и областях Российской империи, выходили за юридические рамки своего существования, находясь в большей зависимости от местной администрации, чем от центральных цензурных учреждений, от правоприменительной практики, чем от строгого соответствия прописанным в законе пунктам программы.

Формулировка, разрешавшая публиковать в ведомостях «относящиеся до местности и сведения и материалы», допущение в них политического и юридического отделов, предоставление губернаторам возможностей использовать свою функции наблюдения за газетой не только для сдерживания ее пунктами программы, но и для их расширительного толкования, позволяют оценивать законодательные рамки издания губернских ведомостей как пластичные.

Генерал-губернаторская и губернаторская цензура в Сибири, с одной стороны, оказывала сдерживающее для развития газеты влияние, с другой – выдавала кредит доверия ее редактору, деятельность которого получала административную поддержку. В этом случае в установленные законом пределы газета возвращалась при участии вышестоящей цензурной инстанции – Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел.

Программа ведомостей была для правительственных изданий своеобразной уздой, средством их цензурного «одергивания» сверху, но она не создавала непреодолимых препятствий для редакторов, авторов и корреспондентов, принимавших на себя таковые обязанности по назначению, служебной необходимости или по личному убеждению и стремившихся сделать неофициальную часть интересной и полезной для читателя. Точно так же как в целом «положение печати в стране определялось в основном не содержанием действующего закона, а той внутриполитической обстановкой, в условиях которой

этот закон применялся»¹, положение губернских ведомостей определялось не столько нормами цензурного режима, сколько цензурной практикой губернского начальства, в ведении которого находилась местная правительственная газета.

В период Революции 1905–1907 гг. уже существовавшие и новооткрытые издания в большой или меньшей степени, в зависимости от политической окраски, выступили против правительства и призывали народ к неповиновению². Кроме того, с изменениями политического строя страны и формированием партийной системы, монархизм частных изданий перестал совпадать с правительственным политическим курсом. Дореволюционные методы цензурного давления (штрафы, запрет розничной продажи, предупреждения, запретительные циркуляры, закрытие) уже не могли дать должного эффекта. Появилась и «цензура снизу», когда статьи, не соответствующие идеям «освободительного движения», не выходили в печать по решению редакции, типографии или под давлением представителей радикальных партий. Небольшое по штату Главное управление по делам печати просто не могло отследить процесса возникновения новых газет, ознакомиться с их содержанием, определить основания для административного (затем судебного) преследования. Та же самая ситуация наблюдалась и в провинции, где цензоры (затем инспекторы) не могли справиться с резко возросшими объемами работы.

¹ Патрушева Н.Г. Цензурная реформа в России 1865 г. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1990. С. 17.

² Даже официальные местные газеты вслед за столичной прессой приобрели обличительный негативистский характер. Так, «Орловские епархиальные ведомости» и «Орловские губернские ведомости» «за один год превратились в почти либеральные издания», «осенью 1905 г. они клеймили “старый” политический порядок, совсем недавно восхвалявшийся ими» (Савенков С.В. Орловская губернская пресса (1865–1905 гг.) в формировании общественного мнения губернии : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2005. С. 25–26).

Провозглашение свободы слова Манифестом 17 октября и отмена предварительной цензуры «Временными правилами о повременных изданиях» 24 ноября 1905 г. создали новые условия функционирования информационной сферы. Для правительства становился актуальным такой метод, как контрпропаганда в отношении радикально-революционной и либеральной идеологии. Материальной и интеллектуальной базой для этого должны были стать центральные и региональные типографии и правительственные издания. До возникновения местных монархических организаций с собственными органами печати, «Томские», как и «Иркутские» губернские ведомости» приобрели черты партийного издания (первоначально октябристской направленности, а после Манифеста 17 октября 1905 г. – черносотенной).

Целью местной официальной газеты стали антиреволюционная пропаганда, призыв к мирному реформаторскому решению политических и социально-экономических проблем в рамках традиционного религиозно-монархического мировоззрения. Внезапное, в пожарном порядке, расширение программы ведомостей мало способствовало мирному обновлению и противостоянию радикализации общественных настроений. Новое революционное потрясение царское правительство вновь встретило с «заржавленным арсеналом». После Февральской революции 9 марта 1917 г. Временное правительство ликвидировало Главное управление по делам печати. Губернские ведомости, с прежними или новыми названиями, вступили в краткий бесцензурный период своего развития до Октябрьской революции и начала Гражданской войны.

Глава 2

Организация цензуры официальной части «Томских губернских ведомостей» в первые годы их выхода

Одной из задач официальной части «Томских губернских ведомостей» было «информирование местной администрации и заинтересованных лиц о новых законах, указах, назначениях и прочих официальных событиях и документах»¹. Первоначально официальная часть каждого номера состояла из двух отделов. Первый назывался «Объявления» и включал в себя сообщения о наградах для чиновников, объявлении благодарностей, об определении к новой должности. Кроме того, здесь же помещались сообщения об актах, совершенных в губернском правлении (например, купчих на недвижимость или запрещения на имение), о вызовах в судебные инстанции, о разысканиях утерянных вещей и документов, о торгах и т.д.

Второй отдел официальной части – «Распоряжения правительства», открывался обычно текстами указов Сената, далее следовали циркуляры министерств (прежде всего, Министерства внутренних дел). Затем печатались «Распоряжения местные», включающие в себя локальные акты губернского начальства; здесь могли быть представлены и финансовые документы, например ведомости о це-

¹ Жиликова Н.В. «Томские губернские ведомости» в системе СМИ дореволюционного Томска // 150 лет периодической печати в Сибири : материалы регион. науч. конф., посв. 150-летию издания в Сибири «Губернских ведомостей» (Томск, 19–20 апреля 2007 г.). Томск, 2007. С. 19.

нах на тот или иной товар по городам Томской губернии, извлечения из росписей доходов и расходов по городам губернии и т.д.

Традиционно при изучении «Томских губернских ведомостей» особое внимание уделялось их неофициальной части¹, по ней имеется даже отдельный специальный указатель². Однако состав, структура и методы подготовки к выходу официальной части ведомостей еще не являлись предметом специального рассмотрения. Материал для такого исследования хранится в Отделе рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета (ОРКП НБ ТГУ). Имеются три подшивки «Томских губернских ведомостей» за 1857, 1858 и 1863 гг.³, представляющие собой рукописные редакторские экземпляры, содержащие правку, пометы, записи и позволяющие реконструировать процесс подготовки номера к печати.

Редакторский экземпляр каждого номера газеты представлял собой одну-две тетради форматом в 2⁰, написанный скорописью XIX в., в два столбца – аналогично тому, как в дальнейшем размещался текст в газете. Граница между столбцами представляла собой либо прямую линию, прочерченную чернилами, либо след от сгиба листа по вертикали. На титульном листе располагалось заглавие, указание номера, дня недели и даты. Такое размещение текста в рукописном варианте позволяет предположить, что он не только использовался в дальнейшем для набора в типографии, но и позволял официальным лицам, дававшим окончательное разреше-

¹ Шевцов В.В. Цензурная практика в отношении губернских ведомостей Сибири // Цензура в России: история и современность. СПб., 2015. Вып. 7. С. 192–206.

² Шевцов В.В. Указатель неофициальной части «Томских губернских ведомостей» за 1857–1917 гг. Томск : НБ ТГУ, 2017. URL: <http://www.lib.tsu.ru/ru/gazeta-tomskie-gubernskie-vedomosti> (дата обращения: 29.01.2019).

³ ОРКП НБ ТГУ. 42.848. «Томские губернские ведомости». Томск, 1857. 181 л.; Томск, 1858. 397 л.; Томск, 1863. 136 л.

ние на его печать, представить визуально, как будет выглядеть готовый номер газеты.

При проектировании «Томских губернских ведомостей» предполагался следующий порядок подготовки и выпуска газеты: «При губернском правлении открывался газетный стол и вводилась должность корректора, который заведовал сортировкой поступающих статей, их размещением по рубрикам, порядком набора и печатания. Редакцию неофициальной части должен был осуществлять один из учителей томской гимназии под контролем ее директора. Подготовленный экземпляр просматривался и утверждался к печати вышестоящим советником губернского правления. После набора и оттиска корректурного листа он поступал для правок и утверждения редактору неофициальной части. Последнюю визу ««Печатать дозволяется»» накладывали председатель губернского правления и директор гимназии. Наконец, советник правления вновь получал завизированный экземпляр и заключал: «Набрать и отпечатать». Все корректурные листы хранились под надзором корректора»¹. Рассмотрим, насколько этот порядок совпадал с практикой, которую можно реконструировать по рукописным экземплярам «Томских губернских ведомостей».

Исследователями установлено, что в составлении официальной части «Томских губернских ведомостей» принимали участие М.С. Праволамский, Ф.С. Мещерин и О.Г. Павлов². Однако, помимо указанных лиц, в выпуске газеты были задействованы и другие чиновники губернского правления. В конце первого и второго отделов официальной части в печатных номерах 1857 г. в качестве ответственных указывались советник губернского правления

¹ Шевцов В.В. «Томские губернские ведомости» (1857–1917 гг.) в социокультурном и информационном пространстве Сибири. Томск, 2012. С. 47.

² Шевцов В.В. Правительственная периодическая печать Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.). Томск, 2016. С. 219–220.

Булыгин и секретарь Лалетин. В рукописных списках «Томских губернских ведомостей» фамилия Булыгина действительно фигурирует: он подписывал № 3–16 за 1857 г. в конце («Советник А. Булыгин» либо просто «А. Булыгин»¹); его же рукой по нижнему полю каждого номера проставлена скрепа: «За председателя советник Александр Булыгин». Возможно, им же выполнен ряд карандашных помет и замечаний, а также резолюция чернилами на первом листе каждого номера «Печатать»². На ряде листов чернилами скорописью XIX в. имеется резолюция³: «Набрать: исправл. должн. Советника Павлов»; очевидно, это именно тот советник губернского правления О.Г. Павлов, о котором писалось выше. Отметим, что рукой О.Г. Павлова также вносилась правка в рукописный текст официальной части⁴. Подписи М.С. Праволамского (сначала как редактора, потом – и как начальника газетного стола) присутствуют на ряде листов редакторского списка ведомостей⁵ – т.е. в № с 3 по 15. Последующие номера подписаны как редактором и начальником газетного стола Ф.С. Мещериным. Отметим, что в это же время меняется основной почерк, которым переписаны номера газеты: если № 3–8, 10–14 переписаны почерком М.С. Праволамского, то далее следует почерк Ф.С. Мещерина. То есть начальник газетного стола и редактор самостоятельно переписывал экземпляр номера, подготовленного к печати.

¹ ОРКП НБ ТГУ. 42.848. «Томские губернские ведомости». Томск, 1857. Л. 17 об., 24 об. и далее.

² Например: ОРКП НБ ТГУ. 42.848. «Томские губернские ведомости». Томск, 1857. Л. 5.

³ ОРКП НБ ТГУ. 42.848. «Томские губернские ведомости». Томск, 1857. Л. 17 об., 24 об., 39, 49 об., 62 об., 71 об., 79 об., 86, 96 об., 110, 122 об., 132 об.

⁴ Например: ОРКП НБ ТГУ. 42.848. «Томские губернские ведомости». Томск, 1857. Л. 132 об., № 14.

⁵ ОРКП НБ ТГУ. 42.848. «Томские губернские ведомости». Томск, 1857. Л. 39, 49 об., 62 об., 96 об., 71 об., 79 об., 86, 110, 122 об., 132 об.

Известно, что после ухода Праволоамского из редакции «Томских губернских ведомостей» ее возглавил директор училищ Томской губернии Ф.С. Мещерин, ранее отвечавший за неофициальную часть¹. В рассматриваемой подшивке имеются подписи Ф.С. Мещерина в качестве редактора неофициальной части № 6², так и в качестве редактора и начальника газетного стола; его же почерком переписаны номера 15–19 за 1857 г. Ф.С. Мещерин являлся весьма крупным чиновником, надворным советником, окончившим Московскую духовную академию и получившим степень магистра богословия³; его формулярный список опубликован Е.В. Комлевой⁴, дело об увольнении Ф.С. Мещерина от должности хранится в РГИА⁵. Он являлся директором училищ Томской губернии с 25 апреля 1846 г. по 7 апреля 1859 г.; после него эту должность занимал Михаил Логинович Попов. Интересно, что имя Мещерина упоминается в письмах Ф.М. Достоевского⁶. После назначения редактором официальной и неофициальной части газеты, начиная с № 15 за 1857 г., он переписывал не только все оставшиеся номера за 1857 г., но и все номера 1858 г. Известно, что Мещерин принимал активное участие в проектировании ведо-

¹ Шевцов В.В. Правительственная периодическая печать Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.)... С. 220.

² ОРКП НБ ТГУ. 42.848. «Томские губернские ведомости». Томск, 1857. Л. 49.

³ Мисюрев А.И. Краткие сведения по истории дирекции училищ Томской губернии. Томск, 1913. С. 20–21.

⁴ Комлева Е.В. Сибирское учительство в конце XVIII – первой половине XIX в.: проблемы социокультурной адаптации // Адаптационные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах. Новосибирск, 2006. С. 89–90.

⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 84. Д. 178. 64 л. URL: <https://www.prilib.ru/item/984796> (дата обращения: 28.01.2019).

⁶ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. Т. 28, кн. 1: Письма, 1832–1859. Л., 1985. С. 254.

мостей еще до выхода газеты, поэтому такое тщательное исполнение редакторских функций представляется вполне логичным.

В составе подшивки за 1857 г. имеется также список одной из неофициальных частей губернских ведомостей: это неофициальная часть к № 6, и она подписана ответственным за нее – директором училищ Ф.С. Мещериным¹. Почерк статей неофициальной части отличается от почерков М.С. Праволамского и Ф.С. Мещерина². Отметим, что этим же почерком переписан целиком № 9³, на этом номере отсутствует и подпись М.С. Праволамского в качестве редактора. Из этого можно сделать вывод, что неофициальная часть не только готовилась, но и переписывалась отдельно от официальной, при этом ее переписчик был привлечен к работе над одним из номеров, возможно, в связи с отсутствием Праволамского в городе или по другой причине. Примечательно, что рукописный вариант неофициальной части к № 6 включает в себя три текста: «Наводнения», «Градобитие» и «О средстве против веснушек». Кроме них, в печатном варианте оказался еще и текст «Необычайное явление» [Об Онуфриевском прииске барона Мершейд фон Гильзена и разливе р. Чалы], который в рукописном варианте отсутствует.

Итак, первым этапом подготовки текста «Томских губернских ведомостей» к печати являлась ее переписка, которую выполнял редактор (в случае официальной части) и, видимо, переписчик (возможно, учитель из состава редколлегии) в случае части неофициальной. Далее проводилась правка и вносились дополнения силами чиновников губернского правления.

Правка носила как стилистический, так и содержательный характер. Например, правка уточняющего характера чернилами и

¹ ОРКП НБ ТГУ. 42.848. «Томские губернские ведомости». Томск, 1857. Л. 49.

² Там же. Л. 48–49.

³ Там же. Л. 72–79 об.

карандашом имеется в № 4¹, в том же номере – сокращения². Пометы распорядительного характера имеются также в № 4 на л. 23 об. и 24: в первом случае под объявлением о присылке из Министерства внутренних дел книги «Делопроизводство» имеется помета: «Значит, не лишняя, выписать и для Губ. Правлен.»; в конце текста, после призыва всем чиновникам губернского правления пользоваться этой книгой в качестве руководства, тем же почерком написано: «Следует дополнить о цене и куда обращаться за выпискою этого издания», рядом, также карандашом, но другим почерком экспрессивная пометка: «Да!». Отметим, что книга была получена лично губернатором, который и передал ее в губернское правление – это еще один штрих к вопросу о том, как распространялась информация о новых изданиях и сами эти издания в российской провинции середины XIX в.

Встречаются существенные сокращения текста: так, в № 6 полностью вычеркнут раздел «Вызовы к выслушанию решения»³. Особенно много правки в № 15⁴; возможно, это объясняется тем фактом, что начиная с этого номера в газете сменился редактор. Так, в этом номере серьезную правку претерпело объявление о потерявшихся лошадях⁵.

Среди дополнений следует отдельно отметить указы, рассылавшиеся центральной властью по губерниям. Так, в подшивку за 1857 г. вошли обращение главного комитета, учрежденного в Одессе для оказания вспоможений Новороссийскому краю и Бессарабии, потерпевшим от войны 1853–1856 гг., и образец проше-

¹ ОРКП НБ ТГУ. 42.848. «Томские губернские ведомости». Томск, 1857. Л. 22.

² Там же. Л. 23.

³ Там же. Л. 41–42.

⁴ Там же. Л. 133–143.

⁵ Там же. Л. 137–137 об.

ния для желающих сделать пожертвования¹, обращение министра внутренних дел по этому же поводу², рапорт и подписка нарымского городского хозяйственного управления³. Также в качестве отдельного документа подшита «Особая статья Томского губернского правления, вызывающая явиться за утерянным скотом»⁴. Как отдельный документ подшито печатное объявление о выходе в свет книги М.А. Корфа «Восшествие на престол императора Николая I»⁵; в рукописном тексте № 7 чернилами, рукой М.С. Праволамского сделана помета: «Объявление это следующего содержания (отпечатать буквально)». Имеются и другие примеры такого рода. Распоряжения и указы Сената, Министерства внутренних дел и другие официальные документы действительно воспроизводились в губернских ведомостях буквально; собственно, таким образом, газета выполняла одну из своих основных информационных функций. Можно сделать вывод, что как минимум в первый год работы над ведомостями получаемые из столицы указы не переписывались, а отдавались в набор непосредственно с экземпляра, присланного в губернское правление.

Интересный документ вшит между листов № 15 – он содержит сообщение о небольшом пожаре, произошедшем в помещении губернского правления 30 августа 1857 г.⁶ Текст включает объявление для «Томских губернских ведомостей», в котором предлагается лицам, не получившим ответа на свои прошения в губернское правление, «возобновить свои требования». Текст второго объявления перечеркнут, но хорошо читается; из него видно, что пожар

¹ ОРКП НБ ТГУ. 42.848. «Томские губернские ведомости». Томск, 1857. Л. 11–12.

² Там же. Л. 13.

³ Там же. Л. 25–26.

⁴ Там же. Л. 52–53.

⁵ Там же. Л. 60–61.

⁶ Там же. Л. 134–135.

произошел «от неосторожности старшего дежурного губернского секретаря Любимова», при этом оказались повреждены и утрачены «некоторые дела газетного стола, входящие и исходящие журналы 2 отделения»¹. Факт пожара виден и из исследуемой подшивки: № 1 в ней отсутствует, а № 2 подшит не в рукописном, а в печатном виде, при этом хорошо видны обгоревшие края. Возможно, именно фактом пожара объясняется крайне плохая сохранность номеров «Томских губернских ведомостей» за 1857 г.: даже в Российской национальной библиотеке сохранились лишь разрозненные номера, полной подшивки нет нигде.

После внесения правки и дополнения номера материалами, которые следовало перепечатать слово в слово, номер подписывался двумя ответственными чиновниками: О.Г. Павловым и А. Булыгиным. Так, в конце № 9 проставлено: «По докладу начальника газетного стола набрать. Исправляющий должность советника Павлов»², по листам через весь номер проставлялась скрепа «За председателя А. Булыгин», его же рукой на первом листе сверху ставилась пометка: «Печатать». № 19 подписан уже не А. Булыгиным, а коллежским советником Романовым (скрепа по нижнему полю: «За председателя исправляющий должность советника коллежский советник Романов»). Он же подписывал в печать № 1–3 1858 г., последующие номера вновь визировал Александр Булыгин.

Поиски форм размещения текстов того или иного рода продолжались в редакции губернских ведомостей и в 1858 г. Если сенатские указы и циркуляры Министерства внутренних дел перепечатывались слово в слово, то в отношении местных распоряжений возможны были варианты.

¹ ОРКП НБ ТГУ. 42.848. «Томские губернские ведомости». Томск, 1857. Л. 135.

² Там же. 1858. Л. 79 об.

Так, в № 9 за 1858 г. в первом отделе официальной части размещен раздел IV «О совершенных актах»; здесь указана информация о дарственных и купчих, которые должны были регистрироваться в губернском правлении. В рукописном тексте помещены полные данные о даримом или продаваемом имуществе: указаны размеры дома в сажнях и аршинах, дано полное описание придомовых построек, размеры и расположение земельных участков и т.д., т.е. полностью воспроизводится текст дарственной или купчей¹. Однако затем текст описания вычеркнут, оставлена лишь краткая характеристика сделки: кто и с кем ее совершил, существо сделки и место, где она была проведена. Именно в таком виде данные и подавались в итоговом печатном варианте².

Номера за 1858 г. подписаны не только А. Булыгиным (скрепы по нижнему полю в № 4, 5 и др.)³, а также коллежским советником Романовым (например, № 1 и 2)⁴. Соответствующая фамилия обозначалась и в печатном варианте, в конце официальной части⁵.

Кроме того, в рукописных номерах за 1858 г. в конце официальной части была добавлена краткая характеристика материалов, которые должны были выйти в составе части неофициальной. Впервые такая запись появилась на последнем листе списка № 6⁶: «Неофициальная часть будет заключать в себе Очерки города Томска ЗаАнгарского Сибиряка, Вами прочитанные», запись выполнена рукой О.Г. Павлова. В последующих номерах соответствующие записи выполнены рукой Ф.С. Мещерина (№ 7, 8 и да-

¹ ОРКП НБ ТГУ. 42.848. «Томские губернские ведомости». Томск, 1858. Л. 78–80.

² Томские губернские ведомости. 1858. № 9.

³ ОРКП НБ ТГУ. 42.848. «Томские губернские ведомости». Томск, 1858. Л. 32–39, 40–49.

⁴ Там же. Л. 21 об., 30 об.

⁵ Томские губернские ведомости. 1858. № 1–4.

⁶ Там же. Л. 59 об.

лее)¹. В них указано, что статьи неофициальной части просмотрены и одобрены советником А. Булыгиным.

Номера за 1863 г. переписаны рукой О.Г. Павлова, подпись которого имеется под рядом номеров: «За редактора Павлов» (№ 1, 3, 4, 7)², имеется также подпись советника Чернова (в конце № 1 «Набрать Советник Чернов»³, в № 3: «Набрать 8 января 1863 г. Советник Чернов»⁴, в № 4: «Набрать. 24 января 1863 г. Советник Чернов»⁵). В последующих номерах какие-либо подписи отсутствовали, хотя имелась незначительная правка и примечания чернилами и карандашом. Также ни в одном рукописном номере нет типичной ранее пометы на титульном листе «Печатать». Отметим, что с № 4 в качестве председателя (лица, ответственного за выпуск официальной части газеты) в печатном экземпляре вместо А. Булыгина указывался статский советник Оболенский⁶.

Виктор Андреевич Оболенский в 1861–1863 гг. являлся председателем Томского губернского правления. 22 ноября 1863 г. его сменил в этой должности коллежский советник Павел Иванович Фризель. Оболенский значился в качестве ответственного лица в официальной части ведомостей до № 11 (15 марта 1863 г.), далее и до конца года в качестве такового во всех номерах указывался статский советник Романов. Несмотря на возвращение прежнего ответственного, в рукописных номерах все так же отсутствовали какие-либо заверяющие подписи; они так и не появились до последних номеров года. Также в 1863 г. отсутствовала характеристика неофициальной части, появившаяся в 1858 г.

¹ ОРКП НБ ТГУ. 42.848. «Томские губернские ведомости». Томск, 1858. Л. 67 об., 75 об. и далее.

² Там же. 1863. Л. 2 об., 6 об., 8 об., 14 об.

³ Там же. Л. 2 об.

⁴ Там же. Л. 4 об.

⁵ Там же. Л. 8 об.

⁶ Томские губернские ведомости. 1863. № 4.

Записи и пометы имеются и в подшивке за 1863 г. Так, на титульном листе № 14¹ имеется карандашная помета, к сожалению, не очень хорошо читающаяся: «NB. Мне кажется, не нужно целиком печатать приказы Г. Генер. Губернат., а просто означать – определять так: назначен – , уволен – , так же и об определении Г. Нач. Губер. 1) Публикуете... несвоевременно; решение губ. суда Петлину и Кокушкину назначено объявить 10 апреля, а публикуете 12. На что это похоже? Прошу на будущее время избегать этого. 2) Распоряжения Губ. Правления не хотят публиковать; я не могу дожидаться, чтобы напечатали статью, о которой я 10ти руб. по... 3) ...необходимы особые сыскные статьи. 4) На будущее время указы Сената, коих печатаете содержание, печатать все в I отделе вперед, а с выборкой отделять и печатать после особо, во II отделе». Возможно, эта и другие карандашные пометы выполнены рукой председателя губернского правления Оболенского, однако, поскольку образца его почерка в нашем распоряжении не имеется, это пока лишь гипотеза.

Таким образом, на основании рассмотренных рукописных списков «Томских губернских ведомостей» можно реконструировать основные стадии работы над каждым номером:

– сбор материала для официальной части – указы и циркуляры, поступившие в губернское правление в течение недели (поскольку газета выходила один раз в неделю); эти тексты часто не переписывались, а прилагались к списку официальной части, передававшейся в набор. Также подбиралась и информация о различных сделках и событиях, которые фиксировались или отмечались в губернском правлении;

– распределение информации между первым и вторым разделами официальной части, а также выбор формы подачи этой информации;

¹ ОРКП НБ ТГУ. 42.848. «Томские губернские ведомости». Томск, 1863. Л. 27.

– переписывание текста редактором, в результате чего составлялся образец для типографского набора. После завершения переписки редактор оставлял свою подпись в конце номера, свидетельствуя таким образом, что он являлся ответственным за эту стадию работы;

– просмотр рукописного текста ответственным чиновником губернского правления как правило, в чине советника. Заключительной инстанцией являлся ответственный за номер чиновник – именно его фамилия фигурировала в конце официальной части губернских ведомостей. Первый из них ставил в конце номера помету: «По докладу начальника газетного стола набрать». Второй отдавал окончательное распоряжение о передаче номера в типографию, оно обычно фиксировалось на титульном листе или в виде скрепы по листам через весь номер;

– после окончательного утверждения номер отправлялся в набор и затем тиражировался и рассылался подписчикам.

Можно предположить, что имеющиеся в НБ ТГУ редакторские экземпляры за 1857, 1858 и 1863 гг. не предназначались для передачи в типографию: это стандартные подшивки для хранения, в конце которых проставлено общее количество листов в деле; в случае 1857–1858 гг. – рукой А. Булыгина. Возможно, что каждый номер переписывался в двух экземплярах, один из которых передавался в типографию, второй же подшивался и хранился в газетном столе губернского правления.

В целом можно сказать, что анализ подшивки рукописных номеров «Томских губернских ведомостей» за 1857 г. позволяет сделать ряд интересных выводов о порядке подготовки материала для первенца губернской печати.

Как уже констатировали исследователи, основными сотрудниками газеты в первые годы ее существования были чиновники губернского правления. Для большинства из них работа по подго-

товке материалов для газеты была совершенно новым видом деятельности. В обязанности сотрудников входил подбор материала для официальной части, редактирование и согласование текстов, переписка на белом экземпляре для типографии.

Как показывает анализ редакторских экземпляров, материалы официальной части претерпевали изменения по мере выхода газеты: чиновниками предлагались оптимальные с их точки зрения формы подачи той или иной информации, предлагались изменения в порядке ее расположения и т.д. При этом не шла речь о редактировании текстов по существу, а только лишь по форме.

Формирование газетного стола как структурной единицы губернского правления происходило постепенно, что, скорее всего, связано с недостатком финансирования: так, первоначально М.С. Праволамский подписывал номера только как редактор, затем он стал обозначать себя как редактор и как начальник газетного стола. Из подписей чиновников, визировавших каждый номер в печать, видно, что ответственные лица часто менялись. При этом уже в первые два года сформировался основной круг лиц, которые так или иначе были связаны с подготовкой официальной части газеты. В этот круг входили советники А. Булыгин, О.Г. Павлов, Чернов, редактор и начальник газетного стола Ф.С. Мещерин.

Глава 3

«Сибирская газета» (1881–1888): границы свободы частной периодики

«Первенцом» частной периодической печати в Томске стала «Сибирская газета» (1881–1888), основанная известным томским предпринимателем, владельцем первого крупного книжного магазина в Сибири П.И. Макушиным. В оценке этой значимой для развития книжного дела в Сибири личности происходит постепенный переход от категорий «меценатство» и «просветительство» в сторону «социально ориентированного и социально ответственного предпринимательства»¹, которое П.И. Макушин умело и творчески развивал как в целях общего блага, так и личных коммерческих интересов.

Прежде чем получить разрешение от Главного управления по делам печати на издание «Сибирской газеты», Макушин дважды пытался организовать в Томске выпуск частного органа печати. Однако обе попытки оказались неудачными: сведения о них сохранились только в архивных делах².

Первая попытка относилась к 1876 г. В Томске в это время уже издавались «Томские губернские ведомости», но основать частную

¹ Шевцов В.В., Карташова Т.П. Инвестиционно-предпринимательская деятельность П.И. Макушина в области культуры и просвещения (по материалам томских архивов и периодической печати) // Сибирские исторические исследования. 2016. № 2. С. 96–110.

² РГИА. Ф. 776. Оп. 6. Д. 78. 6 л.; Оп. 11. Д. 20. 11 л.

газету никак не удавалось: в 1869 г. по разным причинам были последовательно отклонены два проекта томичей, о чем свидетельствовали архивные дела «Об отказе купцу А.О. Хаимовичу в разрешении издавать в гор. Томск газету “Сибирский вестник”»¹ и «Об отказе Г.А. Калинину в разрешении издавать в гор. Томске газету “Сибиряк”»² (подробнее об этом в гл. 7).

Семь лет спустя, после неудачи Хаимовича и Калинина, Макушин выступил с инициативой основания еженедельной газеты под названием «Томский листок» по широкой программе, включающей в себя телеграммы, статьи, очерки, корреспонденции, критические заметки и др. Губернатор уведомил Главное управление по делам печати, что «Макушин человек вполне благонадежный», и потому препятствий со стороны губернской власти к изданию «Томского листка» нет никаких, кроме... отсутствия в городе такого лица, «которому бы могла быть поручена цензура предполагаемой г. Макушиным к изданию газеты»³. Этот барьер преодолеть оказалось невозможным, прошение было отклонено.

В 1878 г. Макушин вновь обратился в Главное управление по делам печати с прошением разрешить ему издавать в Томске газету, но теперь уже по чрезвычайно сокращенной программе, под названием «Томский справочный листок». После ряда согласований в программе газеты остались только два отдела: «Известия: о рыночных и торговых ценах на местные и привозные товары, о ценах за провоз товаров до разных мест, о приходе и отходе почт и пароходов, о прибывающих и выбывающих лицах, о состоянии погоды, о зрелищах и увеселениях, выставках и проч.» и «Объявления казенных и общественных мест и лиц должностных и част-

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 4. Д. 345.

² Там же. Д. 346.

³ Там же. Оп. 6. Д. 78. Л. 3.

ных»¹. Исполняющий должность начальника Главного управления по делам печати В. Григорьев, рассмотрев это прошение, резюмировал: «Принимая в соображение, что для рассмотрения “Справочного листка” нет надобности назначать особого цензора, так как все входящие в программу этого издания сведения могут быть печатаемы с разрешения местной полиции, я полагал бы возможным удовлетворить настоящее ходатайство Макушина»².

На этот раз Макушин разрешение на издание получил, но выпускать «Томский справочный листок» не стал, надеясь на то, что ему позволят расширить программу газеты хотя бы до пяти отделов. Однако через год было аннулировано и это разрешение, так как не было издано ни одного номера газеты.

Можно сделать вывод, что главная проблема, с которой столкнулся Макушин при основании газеты, – это отсутствие в Томске людей, которые могли бы исполнить роль цензора. Если эта проблема решалась, как в случае с «Томским справочным листком» (программа газеты была насколько узкой, что не было необходимости в особом цензоре), то разрешение на газету можно было получить.

В итоге Макушину удалось создать собственную газету только с третьей попытки, и огромную роль в этом сыграла поддержка нового томского губернатора В.И. Мерцалова.

Василий Иванович Мерцалов (1838–39?–1916) – выпускник Императорского университета святого Владимира в Киеве, прошел буквально по всем ступеням чиновничьей карьерной лестницы, прежде чем был назначен исполняющим обязанности томского губернатора (1879–1883). Он был губернским секретарем в штате Главного управления Восточной Сибири в Иркутске, контролером и бухгалтером Кяхтинского попечительства о тюрьмах, чиновником особых поручений Тобольского губернского управления, управляющим Рязанской,

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 11. Д. 20. Л. 9.

² Там же. Л. 5–6.

затем Омской контрольной палатой и т.д.¹ Для журналистов «Сибирской газеты» было важно, что Мерцалов хорошо знал местные сибирские условия, а главное – сам имел отношение к журналистике, поскольку в начале карьеры был редактором «Кяхтинского листка»².

Возникновение «Сибирской газеты»: цензурное «закулисье»

О том, как формировался состав редакции «Сибирской газеты», как обсуждалась концепция нового томского издания, известно главным образом из мемуаров основателя газеты Макушина и журналиста Е.В. Корша – бывшего редактора петербургского «Северного вестника», юриста, который оказался в Сибири как уголовный ссыльный, но очень помог своим издательским опытом в становлении нового органа печати.

Макушин привлек в качестве издателя «Сибирской газеты» А.И. Ефимова, преподавателя томского реального училища; у него-то и собирались в ожидании разрешения будущие участники издания. Корш писал по этому поводу: «На этих совещаниях присутствовали, кроме издателя и редактора, А.В. Адрианов, И.Г. Муромов, я и приятель издателя, помощник ревизора контрольной палаты, ссыльный поляк 1864 г., Адам Михайлович Войцеховский, пользовавшийся в Томске репутацией честного и просвещенного человека, все “столпы” новой редакции были его хорошими знакомыми, дорожили и глубоко ценили его прямой, независимый, стойкий образ мыслей, чуждый узкого национализма и проникнутый широкими общечело-

¹ Подробнее см.: Яковенко А.В., Гахов В.Д. Томские губернаторы: библиографический указатель. Томск, 2012. С. 105–111.

² «Сибирская газета» в воспоминаниях современников / вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н.В. Жилияковой. Томск, 2004. С. 30.

веческими тенденциями. <...> Через него и я получил приглашение на первое предварительное редакционное совещание у П.И. Макушина. В этот вечер было решено, что все принципиальные статьи, руководящие по крупным сибирским вопросам, буду печататься не иначе, как по одобрении их единогласно всем составом редакции, что просмотр почты члены редакции будут производить каждый по своему отделу, что читать редакционную корректуру, последнюю перед выпуском газеты, и решать вопросы, – что можно отложить при накоплении набранного материала, от чего приходится отказаться вовсе, – будет очередной член редакции, выпускающий номер, и другие, более мелкие вопросы внутреннего распорядка»¹.

В то же время между Главным управлением по делам печати, Департаментом государственной полиции, Главным управлением по делам Сибири и томским губернатором велась активная переписка, которая должна была прояснить вопрос: быть или не быть частной газете в Томске.

Департамент государственной полиции на запрос Главного управления по делам печати от 10 июля 1880 г. за № 2679 уведомлял, что хотя он и не имеет сведений об издателе Петре Макушине и редакторе Александре Ефимове, «которые могли бы служить препятствием к удовлетворению сего ходатайства», тем не менее в целом он против нового издания. Директор Департамента барон И.О. Велио писал: «...нельзя не заметить, что при недостаточном развитии общественной жизни г. Томска в настоящее время там не встречается, подобно другим городским центрам, настоятельной потребности в издании повременного печатного органа, который мог бы вполне быть заменен разделами неофициальной части губернских ведомостей»².

¹ «Сибирская газета» в воспоминаниях современников... С. 30–35, 45–54.

² РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 71. Л. 1.

Обратим внимание на эти аргументы Департамента полиции против возникновения новой газеты в Томске: отсутствие развитой общественной жизни и существование неофициального отдела «Томских губернских ведомостей». Первое утверждение прямо противоречило действительности, поскольку в это время томская общественность уже неоднократно проявляла свою активность и в сюжете с первыми сибирскими областниками, группировавшимися как раз вокруг неофициальной части «Томских губернских ведомостей», и в истории с основанием первого вуза за Уралом – сибирского университета, местом строительства которого под нажимом общественности был выбран Томск, и т.д. Однако еще более парадоксальной была ссылка на то, что неофициальная часть «Томских губернских ведомостей» способна была удовлетворить информационные потребности местного общества, поскольку программа этой газеты была достаточно узкой и сама газета находилась под контролем местной администрации.

Однако в этом случае на защиту будущей газеты встал томский губернатор Мерцалов, который получил поддержку генерал-губернатора Западной Сибири Н.Г. Казнакова. Это выразилось в следующем. Главное управление Западной Сибири 31 октября 1880 г. информировало Главное управление по делам печати, что оно считает «возможным дозволить» издание газеты. Временно исполняющий должность генерал-губернатора отмечал, что «господа Макушин и Ефимов в политическом отношении вполне благонадежны», и, судя по программе газеты, она «не будет слишком резко выделяться из ряда разрешенных уже провинциальных изданий». Самое же главное, писал он, «направление, которого будет держаться эта газета, в настоящее время с точностью еще не может быть определено, но принимая в соображение, что во главе этого предприятия стоит г. Макушин, человек с небольшими средства-

ми, приобретенными честным трудом и пользующийся солидной в городском обществе репутацией, едва ли можно сомневаться, что предполагаемое предприятие будет вполне благонамеренным органом гласности, рассчитанным на прочное существование, а не на эфемерный успех»¹.

Существовал и «секретный план» на случай, «если настоящее предположение не оправдается»: «...местная губернская власть всегда будет иметь в своем распоряжении могущественное оружие – предварительную цензуру, чтобы своевременно парализовать вредное влияние газеты при уклонении ее на неприемлемый путь»².

Таким образом, одним из главных аргументов для разрешения газеты в Томске стала уверенность властей в личности ее издателя – П.И. Макушина. Однако цензором газеты согласился быть сам томский губернатор – В.И. Мерцалов. К этому времени он исполнял должность главы Томской губернии очень недолго (был назначен губернатором 7 марта 1880 г.) и имел прямое отношение к журналистике. Как писал П.И. Макушин, «местный губернатор В.И. Мерцалов, бывший (в начале своей служебной карьеры) редактором “Кяхтинского листка”, отнесся к моему начинанию “доброжелательно”, заявив готовность лично цензурировать газету, в случае ее разрешения»³.

Необходимо отметить, что П.И. Макушин испытывал искреннюю благодарность к губернатору за его хлопоты. В анализируемом архивном деле хранится письмо П.И. Мерцалова в Главное управление по делам печати, в котором он цитирует письмо П.И. Макушина от 21 марта 1881 г. со следующими строками: «Мне, бесполезно хлопотавшему в течение трех лет об издании в

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 71. Л. 3.

² Там же. Д. 71.

³ «Сибирская газета в воспоминаниях современников»... С. 30.

Томске газеты, более чем кому-либо известно, что положительное разрешение получено только благодаря Вашему доброжелательному отзыву; забыть это порядочному человеку невозможно»¹.

Личная заинтересованность нового главы губернии в собственной газете и безупречная репутация издателя позволили наконец основать в Томске первую частную «Сибирскую газету», № 1 которой вышел 1 марта 1881 г.

Общая характеристика «Сибирской газеты»

«Сибирская газета» в 1881–1887 гг. выходила еженедельно по воскресеньям, в 1888 г. – два раза в неделю (четверг и воскресенье). Тираж газеты насчитывал около 1 200 экземпляров, в 1888 г. – 4 тыс. экземпляров. Издателями газеты были: П.И. Макушин (1881–1883, 1888), А.В. Адрианов (1883–1887) и Н.А. Толкачев (1888).

К участию в газете были привлечены лучшие литературные силы Сибири и России, вокруг издания группировались сибиряки и представители политической ссылки, областники и народники².

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 71. Л. 38.

² Кроме П.И. Макушина, взявшего на себя обязанности издателя «Сибирской газеты», и А.И. Ефимова – редактора, в 1881 г. в редакционный коллектив вошли: И.Г. Муромов – контролер томского отделения государственного банка, А.М. Войцеховский – служащий Томской контрольной палаты, ссыльный поляк 1864 г.; Е.В. Корш – сын известного русского публициста и историка литературы В.Ф. Корша, попавший в Томск как уголовный ссыльный, и А.В. Адрианов. В 1882 г., когда из состава редакции вышел Е.В. Корш, на его место был приглашен Ф.В. Волховский – ссыльный народник, поэт, вскоре ставший «неофициальным редактором» «Сибирской газеты». Благодаря Волховскому с газетой стали сотрудничать другие политические ссыльные: Г.Ф. Зданович, А.И. Иванчин-Писарев, П.А. Голубев, Г.А. Мачтет, И.И. Сведенцев, Н.Е. Каронин-Петропавловский, М.Н. Загибалов, С.П. Швецов, П.Ф. Николаев, С.А. Жебунев, Л.Э. Шишко, И.И. Попов, Г. Беломез, И.С. Джабадари, С.Н. Кривенко, С.С. Сине-

На страницах «Сибирской газеты» отразилась сибирская, российская и заграничная жизнь 1880-х гг., издание стало хроникой культурной и общественной Томска – города, готовящегося к открытию первого сибирского университета.

Программа «Сибирской газеты» в 1881 г. выглядела следующим образом:

1. Правительственные распоряжения, узаконения по всем частям государственного управления, преимущественно касающиеся Сибири.

2. Иностранная политическая хроника и внутренние известия на основании правительственных и других повременных изданий.

3. Статьи, касающиеся местного края в историческом, статистическом, этнографическом, торгово-промышленном и других отношениях.

4. Статьи научного содержания, открытия и изобретения.

5. Изящная словесность: очерки, рассказы и прочее.

6. Телеграммы политические и торговые.

7. Отчеты о заседаниях разных обществ и собраний, журнальные постановления местной городской думы.

губ. В 1883 г. членом редакции стал ссыльный народник С.Л. Чудновский, в 1886 г. его сменил ссыльный народник Д.А. Клеменц. В 1885 г. к редакции прикнул известный русский писатель К.М. Станюкович, находившийся в Томске в административной ссылке с 1885 по 1888 г. К редакции был близок также проживавший в Томске А.А. Кропоткин (старший брат П.А. Кропоткина). На протяжении всего периода выхода газеты с ней сотрудничали многочисленные представители местной интеллигенции – педагог и общественный деятель К.В. Штильке, врачи В.М. Крутовский и А.И. Макушин (брат основателя «Сибирской газеты» П.И. Макушина), учитель И.А. Курский, основатель крупнейшего в Сибири Минусинского краеведческого музея Н.М. Мартьянов, библиотекарь Н.В. Скоряков, идеологи сибирского областничества Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев; С. Шкулев, П.М. Головачев, Д.А. Кузнецов, Ф. Филимонов, Н.И. Долгополов, Н.А. Виташевский, Н.Л. Геккер, Б.П. Шестакович, П.А. Буткеев, томские чиновники и служащие – М.А. Гиляров, кн. Н.А. Костров и мн. др.

8. Критика и библиография: разбор и оценка выходящих книг, а также журнальных статей.

9. Корреспонденции.

10. Разного рода объявления и справочные сведения по частям торговой, промышленной и т.п., календарные сведения, а также метеорологический бюллетень.

Программа определила структуру номера, состоявшего из 12–16 страниц.

На первых полосах публиковались телеграммы Северного телеграфного агентства, затем размещались передовые статьи (при наличии), рубрики «Хроника» («Городские известия») – новости томской жизни; «Корреспонденции», «Сибирская хроника» («Сибирское обозрение»), «Русские известия» («Русское обозрение»), «Иностранные известия» («Иностранное обозрение»), «Фельетон Сибирской газеты», «Ответы редакции», «Справочный отдел», «Объявления». Периодически появлялись рубрики «Литературное обозрение» («Литературные заметки», «Литературные очерки»), «Томский театр», «Библиография», «Судебная хроника» и некоторые другие.

Гибкая структура позволяла газете оперативно вводить новые рубрики или трансформировать существующие. Кроме этого, «Сибирская газета» вела активную издательскую деятельность, публикуя отдельные оттиски статей или книжные издания¹.

В истории газеты выделяются следующие этапы:

1881 г. – период становления «Сибирской газеты»: формирование первоначального состава редакции, работа над структурой номера, определение ведущих тем;

¹ Жилиякова Н.В. Книжные проекты редакций сибирских газет (на примере томской «Сибирской газеты», 1880-е годы) // Текст. Книга. Книгоиздание. 2012. № 1. С. 89–97.

1882–1885 гг. – период внутреннего роста: смена редакционно-го состава, «вливание» в редакцию политических ссыльных, расширение беллетристического отдела;

1885 г. – усиление полемического характера газеты в связи с началом выхода «Сибирского вестника» (г. Томск, 1885–1905);

1886–1888 гг. – период расцвета газеты. Первая и вторая приостановки (1887, 1888) и закрытие издания.

На страницах газеты отразилась хроника общественной и культурной жизни Томска и Сибири. Передовые статьи посвящались актуальным сибирским проблемам; по материалам русской и зарубежной периодики составлялись и тематические обзоры. Кроме того, в газете публиковались рассказы, стихотворения, очерки. Особый интерес вызывали фельетоны «Сибирской газеты», авторами которых были Ф.В. Волховский (псевдонимы «В тиши расцветший василек», «Иван Брут»), Д.А. Клеменц, К.М. Станюкович и др. В 1887–1888 гг. здесь был напечатан роман-фельетон К.М. Станюковича «Не столь отдаленные места», сатирически изображающий представителей местной власти и их нравы.

По сути «Сибирская газета» совмещала в себе черты газеты и журнала, публикуя и литературные обозрения, и беллетристику, и большие этнографические и исторические материалы, развивая самосознание сибирского общества и воспитывая эстетический вкус своего читателя.

Ведущими темами были: народное образование, положение провинциальной печати, каторга и ссылка, необходимость законодательных преобразований в Сибири, городское хозяйство, инородческий вопрос, сибирская история, золотопромышленность, внутренние пути сообщения, переселенческий вопрос, вопросы экономики Сибири, крестьянский вопрос, этнография Сибири, положение рабочих на золотых приисках, переселенческое движение и мн. др.

С 1885 г. и до закрытия много места занимала полемика с «Сибирским вестником» – второй томской частной газетой. Тематами полемики были областничество и «централизм», участие в сибирской общественной жизни уголовных ссыльных, постройка сибирской железной дороги и др.

Отстаивание газетой областнических принципов сочеталось с народническими взглядами, которые транслировали политические ссыльные. Объединение этих разных направлений общественной мысли стало возможным благодаря демократической платформе «Сибирской газеты».

При редакции велась постоянная работа по сбору средств на общественные нужды, члены редакции состояли членами макушинского общества попечения о начальном образовании и других обществ. В 1887 г., с 6 по 12 апреля, при содействии «Сибирской газеты» была проведена этнографическая выставка в Томске – первое мероприятие такого рода в Сибири.

Газета была закрыта 24 января 1889 г. совещанием министров с формулировкой «за вредное направление».

«Сибирская газета» в делах цензурного ведомства

Цензурная история «Сибирской газеты» представлена в нескольких архивных делах¹, самое полное из которых хранится в

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 2. Д. 2. Л. 407 об.–409. Сибирская газета. 1866 г. Гор. Томск. Выписка из журнала заседания Совета о направлении газеты; Ф. 776. Оп. 12. Д. 71. 271 л. «Сибирская газета». 1880–1889. Гор. Томск. Дело об издании газеты. Отношения директора и вице-директора Департамента полиции об антиправительственном направлении газеты и о сильном влиянии политических ссыльных Ф.В. Волховского, Д.А. Клеменца и П.А. Голубева на деятельность редакции газеты. Л. 112, 113, 250–251; Доклад начальника Главного управления о причинах прекращения издания газеты. Л. 259–263; Корректуры запрещенных

РГИА под следующим наименованием: «Сибирская газета. 1880–1889. Гор. Томск. Дело об издании газеты. Отношения директора и вице-директора Департамента полиции об антиправительственном направлении газеты и о сильном влиянии политических ссыльных Ф.В. Волховского, Д.А. Клеменца и П.А. Голубева на деятельность редакции газеты».

Спецификой рассматриваемого цензурного дела является то, что оно относится ко времени появления и становления частной печати в отдаленном российском регионе: многие моменты, уже отработанные в столичной газетно-журнальной практике, для сибиряков оказались новыми и необычными. Поэтому они, например, достаточно наивно пытались выпустить с пробелами номер газеты в 1881 г., протестуя против действий цензора. В свою очередь цензоры «Сибирской газеты» также впервые осваивали новый для себя вид деятельности, пытаясь сделать его не особо трудозатратным.

Представленные документы можно разделить на отдельные цензурные сюжеты, позволяющие увидеть главные «камни преткновения» между «Сибирской газетой», Главным управлением по делам печати, местной администрацией и отдельными частными лицами.

или разрешенных с исключением части текста статей для газеты. Л. 24а–24и; Ф. 777. Оп. 25. Д. 943. Сибирская газета. 1881 г.; Ф. 776. Оп. 2. Д. 21. Л. 138–143. Сибирская газета. 1881. Гор. Томск. Журнал заседания Совета о рассмотрении жалобы издателя названной газеты П.И. Макушина и редактора ее А. Ефимова на местную цензуру; Ф. 776. Оп. 1. Д. 25. Л. 1–6. «Сибирская газета». 1889. Гор. Томск. Всеподданнейший доклад о направлении названной газеты и прекращении издания ее; ГАТО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 487. Л. 1. Постановления Томского губернатора за 1887 год. О пособии для Ф.В. Волховскому; Оп. 2. Д. 3740. 337 л. По цензурской части. Бумаги к сведению и руководству и разная переписка по исполнению обязанностей цензора периодических изданий в г. Томске. Л. 57–58. О сказке И. Брута «Ночь на новый год» и «Сибирской газете».

Первый блок документов (первые десять листов) исследуемого архивного дела посвящен подготовке к открытию «Сибирской газеты» в 1881 г.: это переписка между Главным управлением по делам печати, Департаментом государственной полиции и генерал-губернатором Западной Сибири, в которой приводились аргументы за и против создания первой частной газеты в Томске. Полиция идею не поддерживала, но во внимание было принято все же мнение местной – сибирской и томской – администрации, настаивавшей на том, что газета нужна Сибири. В этот блок входят также уведомления об открытии газеты и ее утвержденная первоначальная программа (л. 1–10).

Буквально сразу после открытия «Сибирской газеты», в том же 1881 г. произошло первое столкновение газеты с цензором – М.А. Гиляровым, который временно заменял на этом посту постоянного цензора газеты – губернатора В.И. Мерцалова. В деле этот конфликт отразился в 12 документах. Подобных столкновений в истории газеты больше не было, однако в цензурном деле также можно выделить ряд документов, в которых идет речь о принципах и особенностях цензурирования «Сибирской газеты». О видении своих задач как цензора в 1881 г. писал губернатор В.И. Мерцалов (л. 36–39), а в 1888 г. губернатор А.Ф. Анисьин, жалуясь на непокорную «Сибирскую газету», описывал сложности ее цензурирования (л. 242–244). Кроме этого, в деле хранится «Записка о затруднениях с цензурированием частных периодических изданий в Томске» (л. 179–186), в которой подробно описан процесс осуществления цензуры в Томске.

Отдельный развернутый «цензурный сюжет», занимающий около 50 листов, относятся к непростому делу – выбору редактора «Сибирской газеты» после того, как в 1882 г. первый ее редактор, А.И. Ефимов, переехал по делам службы в Тюмень. На рассмотрение Главному управлению предлагались кандидатуры:

– коллежского секретаря, помощника ревизора Томской контрольной палаты Т.Ф. Красикова (отвергнут с формулировкой «ведет нетрезвый образ жизни и знакомства с людьми непорядочными») (л. 44–56);

– коллежского секретаря, секретаря томского отделения государственного банка В.Е. Пудовикова (отвергнут с формулировкой «личность совершенно ничтожная в умственном и нравственном отношении») (л. 72–75);

– якутского купца 2-й гильдии М.А. Шестакова. Невзирая на сопротивление томского губернатора, у которого были счеты с этим человеком, Шестакова наконец утвердили в звании редактора в 1883 г. (л. 82–92);

– однако буквально на следующий год М.А. Шестаков под предлогом болезни отказался от редактирования газеты (л. 116), и вместо него был утвержден А.В. Адрианов (л. 122–135);

– А.В. Адрианова в 1888 г. сменил на этом посту А. Гусев (л. 222–228).

Часть документов в этом блоке относятся к утверждению издателя П.И. Макушина временным редактором газеты в 1882–1883 гг. (л. 61–63) и к передаче издательских полномочий от Макушина Адрианову (л. 101–121), а затем обратно (л. 224–231).

В отдельную категорию можно выделить прошения редакции о частичной корректировке издательской модели газеты: об увеличении подписной цены на один рубль (л. 40–41, 137–138, 162), об увеличении периодичности до двух раз в неделю (л. 160–161, 175–178, 195–197, 229), о выпуске приложений (л. 204–204, 264). Большинство таких прошений было отклонено.

Большую часть листов цензурного дела занимали требования об опровержении опубликованных в «Сибирской газете» корреспонденций. Несмотря на то, что в большей части сообщений не назывались имена обвиняемых в злоупотреблениях, эти люди

узнавали себя в публикациях и настаивали на «восстановлении справедливости». Наиболее настойчивыми в этом отношении оказались священник Титов из Барнаула (л. 104–106) и минусинский купец М.П. Попов (л. 156–174), который в итоге дошел до томского губернского суда и министра внутренних дел, но не смог доказать свою правоту.

Однако не только частные лица требовали «сатисфакции». В 1884 г. томская городская дума обвинила «Сибирскую газету» в «диффамации» всего Томска: в одной из публикаций издание горько упрекало Томск за жадность в делах благотворительности, сравнив его сердце с «медным пятакom» (л. 145–151). Обращает на себя внимание то, что в этом деле томский губернатор и Главное управление по делам печати встали на сторону газеты.

Без цензурных репрессий остался и донос томского стихотворца-графомана И.П. Шидловского, пытавшегося опубликовать в газете верноподданнические вирши (л. 31–35). Наконец, на замечания цензора, коллежского асессора Д. Менагиоса, который с 1882 г. регулярно предоставлял свои соображения о неблагонадежных публикациях «Сибирской газеты» (л. 57, 93, 99, 125, 153, 155, 167), прилагая к своим письмам газетные номера, Главное управление лаконично отвечало: «Приказано оставить без последствий» (л. 153, 155) и лишь раз – «Принять к сведению» (л. 167).

Однако так же легко «отмахнуться» от Департамента полиции, Министерства народного просвещения и томского губернатора Главному управлению по делам печати не удалось. Замечания о неблагонадежности «Сибирской газеты», в 1881–1883 гг. довольно лаконичные (л. 43, 95), в 1884 и особенно в 1887–1888 гг. стали развернутыми и аргументированными. Направление «Сибирской газеты» характеризовалось как «крайне вредное» (л. 211), «крайне тенденциозное и противоправительственное» (л. 280), сотрудники ее – как «весьма неблагонадежные в политическом отношении»

(л. 211), «весьма неблагоприятные для правильного разъяснения и приведения в общественное сознание разумного понимания последних явлений не только окружающей среды, но и вообще государственного строя» (л. 280) и т.д. Ситуация предсказуемо завершилась закрытием первой частной газеты Томска после всеподданнейшего доклада министра внутренних дел под названием «О прекращении издания “Сибирской газеты”» (от 25 января 1889 г.) (л. 269–273¹).

Обратимся подробнее к данным сюжетам.

Первые «цензурные впечатления»

О выходе первого номера «Сибирской газеты» рассказывал в письме к Г.Н. Потанину А.В. Адрианов, будущий редактор издания: «Томск, 1 марта 1881 года. <...> У нас сегодня праздник – вышел первый номер “Сибирской газеты”; Вы получите его, вероятно, зараз с письмом. Цензурирует Мамонов – должно быть в пик у Мерцалову, все пропускает; воспользуемся его цензурой еще и на второй номер, а там беда, 3 номер к Мерцалову. Цензура оказалась сильнее в нашей редакции. Макушин и Ефимов – это рак и щука, я с Муромовым – лебеди, можете представить, что выходит; ко всякой резкой фразе придираются, требуют заменить одно слово или выражение другим и т.д. Мое сибирское обозрение пощипано порядочно домашней цензурой, но... (смотрите, это сор из избы – секрет, между нами) дело поправится»².

Из этого письма становится понятно, что цензором первых номеров был А.И. Дмитриев-Мамонов (1847–1915) – историк, библиограф, выпускник Московского университета, с 1876 г. –

¹ См. также: РГИА. Ф. 776. Оп. 1. Д. 25. Л. 1–6.

² «Сибирская газета» в воспоминаниях современников... С. 134.

председатель Томского губернского правления. В дальнейшем цензуру, как и было решено с самого начала, начал осуществлять П.И. Мерцалов. О его деятельности в роли цензора писал также А.В. Адрианов, отмечая, что «цензор вычеркивает что-нибудь обязательно в каждом номере; были серьезные неприятности. Газету обвиняют за вредное направление, за умышленную группировку фактов, которые рисуют безотрадную картину как русской, так и сибирской жизни» (письмо от 15 апреля 1881 г.)¹. Е.В. Корш же, напротив, вспоминал: «Отношения редакции с цензурой были... сносные, особых притязаний и притеснений не проявлялось»².

Еще один участник «Сибирской газеты», С.Л. Чудновский, также считал, что Мерцалов был довольно лояльным цензором: «Первым цензором “Сибирской газеты” был томский губернатор Мерцалов. Надо отдать ему справедливость: он много способствовал разрешению ее издания, лелея, по-видимому, тайную надежду приобрести в “Сибирской газете” свой, так сказать, лейб-орган, который популяризировал бы его, как либерального и талантливо-го администратора. В этих видах он, вероятно, и принял цензуру газеты непосредственно в свои руки. Красный карандаш некоторое время в его руках бездействовал, и редакция работала весело, бодро и с подъемом»³.

Однако по достоинству оценить деятельность В.И. Мерцалова как «доброего» цензора редакция смогла, только столкнувшись с цензором «злым» – управляющим томской казенной палатой М.А. Гиляровым, который в том же 1881 г. принял на себя исполнение цензорских обязанностей на время отсутствия губернатора в Томске.

¹ «Сибирская газета» в воспоминаниях современников... С. 135.

² Там же. С. 49.

³ Там же. С. 59–60.

Михаил Алексеевич Гиляров (1827–1900), выпускник Императорского Харьковского университета, служил в Сибири с 1852 г., в течение 1863–1893 гг. был управляющим Томской губернской казенной палатой. Состоял председателем Томского благотворительного общества со времени его основания в 1886 г., за что в 1890 г. был удостоен звания почетного гражданина г. Томска.

Корш так характеризовал нового цензора: «Управляющий казенной палаты, действительный статский советник М.А. Гиляров, старый сибирский чиновник, чуждый каких-либо политических стремлений, ярый поклонник “Московских ведомостей” Каткова, не признававший никаких новшеств и считавший, что для Сибири никакие реформы не только не нужны, но даже вредны, ибо нарушают стройное местное устройство, данное Сибири “великим” Сперанским. <...> Печать всю, и столичную и местную, кроме катковских “Ведомостей”, он считал излишнею и вредною»¹.

«Сибирская газета» против цензора М.А. Гилярова

Конфликт, произошедший между «Сибирской газетой» и ее цензором М.А. Гиляровым в 1881 г., хорошо известен исследователям сибирской журналистики, его хронология подробно восстановлена по воспоминаниям П.И. Макушина, Е.В. Корша, С.Л. Чудновского². В кратком изложении история эта выглядела следующим образом: в мае 1881 г. В.И. Мерцалов уехал из Томска для ревизии губернии, вместо него исполняющим обязанности губернатора и цензором газеты стал управляющий казенной палатой М.А. Гиляров. К своим обязанностям он отнесся крайне серьезно, вычеркнув из подготовленного номера 11 «Сибирской газеты»

¹ «Сибирская газета» в воспоминаниях современников... С. 49–50.

² Там же. С. 32, 50–51, 60.

почти половину материалов. Корш так описывал полученные гранки: «Гилярову не понравился циркуляр нового министра внутренних дел графа Игнатьева; из телеграфного изложения этого циркуляра были вычеркнуты слова о том, что “правительство предоставит надлежащие свободы” общественным силам участвовать в искоренении крамолы; что “права дворянства, земства и городских сословий останутся неприкосновенными” и что “крестьяне получают возможное облегчение от тягостей, улучшение их общественного устройства и хозяйственного быта”. Далее из официального отчета о судебном заседании по делу 1 марта, перепечатанного из “Правительственного вестника”, в показании подсудимого Желябова Гиляровым были вымараны слова: “Я долго был в народе, работал мирным путем, но вынужден был оставить эту деятельность по той причине, на которую указал подсудимый Кибальчич”. Описание казни осужденных, взятое из газеты “Порядок”, также было урезано. Выкинута, затем, целая статья об “инспекции народных училищ”, предлагавшая усилить влияние сельских обществ и училищных советов на народную школу за счет влияния казенных наблюдателей за народными училищами. Не ограничившись запрещением этой невиннейшей статьи, цензор написал на полях: “незавидный мечтатель”. В том же роде была масса и других помарок, с замечаниями на полях: “пустяки”, “вздор”, “ой ли?”, “темна вода”, “излишнее раздражение”» и пр.»¹.

Получив корректуру, редакция подготовила номер с пробелами на месте вычеркнутых статей и предложений. М.А. Гиляров, в свою очередь, отказал в выдаче билета на выпуск газеты в таком виде. Редакция телеграфировала министру внутренних дел, а, получив ответ Главного управления по делам печати, расклеила его

¹ «Сибирская газета» в воспоминаниях современников... С. 50–51.

по улицам Томска: «“Пробелы”, составляя косвенный протест против цензуры, не допускаются».

После этого «Сибирская газета» послала жалобу министру внутренних дел с приложением подлинных корректур М.А. Гилярова и разослала сообщение об инциденте в столичные издания: «Голос», «Порядок», «Московский телеграф» и др. М.А. Гиляров также написал в Главное управление по делам печати свое объяснение произошедшего.

В итоге № 11 за 1881 г. не вышел; в № 12 редакция «Сибирской газеты» напечатала сообщение о причинах невыхода предыдущего номера и объяснение М.А. Гилярова «для восстановления факта в точной его полноте».

В архивном деле эта история отражена в 12 документах:

1. Телеграмма от 10 мая 1881 г. редактора А. Ефимова и издателя П. Макушина в Главное управление по делам печати о том, что задержан № 11 газеты, отпечатанный с пробелами «вполне согласно с корректурами» М.А. Гилярова; редакция просит «немедленного распоряжения телеграммой о выпуске газеты»¹.

2. Просьба П. Вяземского, начальника Главного управления по делам печати, к М.А. Гилярову доставить ему «подлинные корректурные листы» задержанного № 11 и объяснить, «почему не была дозволена публикация о том, что номер этот не будет доставлен подписчикам» (от 13 мая 1881 г.)².

3. Телеграмма М.А. Гилярова П. Вяземскому от 18 мая 1881 г. с объяснением происходящего: цензор «вычеркнул некоторые статьи», «в протест ему редакция напечатала с запрещенными большими пробелами», «перепечатать хотя было время упорно отказалась почему билета не выдано», «объявление о невиновно-

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 71. Л. 11.

² Там же. Л. 12.

сти виновной редакции остановлено», – и просьбой: «благоволи-те вынудить редакцию исполнять требования цензоров»¹.

4. Телеграмма П. Вяземского М.А. Гилярову от 26 мая 1881 г. с требованием: «Предупредите Ефимова о неукоснительном выполнении требований цензурного устава. Выпуск газеты с пробелами <....> не допускается»².

5. Жалоба издателя П. Макушина и редактора А. Ефимова министру внутренних дел от 4 июня 1881 г. с подробным описанием произошедшего, перечислением цензурных правок и объяснений, почему редакция считает, что действия цензора были «произвольны и незаконны», и просьбами об урегулировании отношений цензуры и газеты³.

6. Просьба от члена Совета Главного управления по делам печати Ф.П. Еленева передать в Главное управление по делам печати корректурные листы и отпечатанный с пробелами № 11 «Сибирской газеты» для рассмотрения (4 июня 1881 г.)⁴.

7. Объяснение М.А. Гилярова Главному управлению по делам печати его действий по цензуре «Сибирской газеты» от 25 мая 1881 г.⁵

8. Корректурные листы № 11 «Сибирской газеты» с правками М.А. Гилярова⁶.

9. № 11 «Сибирской газеты», отпечатанный с пробелами на месте цензурных правок⁷.

10. Просьба к Ф.П. Еленеву, члену Совета Главного управления по делам печати, составить письменное заключение о конфликте газеты и цензора (от 7 июля 1881 г.)⁸.

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 71. Л. 13.

² Там же. Л. 14.

³ Там же. Л. 15–19.

⁴ Там же. Л. 20.

⁵ Там же. Л. 21–23.

⁶ Там же. Л. 24а–24и.

⁷ Там же. Л. 25.

⁸ Там же. Л. 26.

11. Уведомление от 30 июля 1881 г. от П. Вяземского о том, что жалоба П. Макушина и А. Ефимова на действия цензора признана «не заслуживающей удовлетворения», так как «все непропущенные статьи и все сделанные исключения соответствуют требованиям предварительной цензуры»¹.

12. Письмо от 30 июля 1881 г. от П. Вяземского к М.А. Гилярову с изложением позиции Главного управления по делам печати в произошедшем конфликте: почему было решено поддержать Гилярова, а не газету².

Секретная переписка, сохранившаяся в архиве, не только дополняет имеющиеся сведения о конфликте, но и проясняет позицию газеты, цензора и Главного управления по делам печати в отношении их представлений о правах провинциальной прессы.

«Сибирская газета»: «цензура может ошибаться»

В жалобе П. Макушина и А. Ефимова, обращенной к министру внутренних дел, издатель и редактор подробно пересказывали свой конфликт с М.А. Гиляровым, временно выполняющим обязанности цензора, и следующим образом обосновывали свое решение выпустить № 11 с пробелами на месте цензурных правок – решение, на которое редакция, по ее убеждению, «имела законное право»:

«Убеждение это основано, во-первых, на том общем правиле всех современных законодательств, не исключая, конечно, и русского, что все не запрещенное законом считается дозволенным, а во-вторых на нашем убеждении, что пробелы, оставленные редакцией в № 11, возможны лишь в крайних исключительных случаях, а вовсе не для протеста против предварительной цензуры, против

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 71. Л. 27.

² Там же. Л. 28–30.

которой, как института, возможно, на вполне законных основаниях, протестовать открытой речью. К пробелам редакции бывают вынуждены [подчеркнуто в источнике] прибегать тогда, когда речь автора искажается и обесцвечивается исключением некоторых выражений, слов, аргументов и пр., или тогда, как это всегда возможно при спешном и срочном газетном деле, редакция не имеет под рукой другого готового и отобранного к печати материала, чтобы заменить зачеркнутые статьи»¹.

Редакция считала, что она может позволить себе объяснить публике причину «бессвязной речи или отсутствия обычных газетных статей», тем более что «и цензура, особенно местная, может ошибаться и запрещать то, что впоследствии будет разрешено к печатанию высшим надзором за печатью»².

Подробно описав все исключенные места и дав свой комментарий действиям цензора как «несообразным», «произвольным и незаконным», представляющим собой «прямое превышение власти», а то и «несомненное нарушение ст. 91 цензурного устава», редактор и издатель подчеркивали, что М.А. Гиляров руководствовался своим личным, субъективным мнением: «Из сделанных на полях корректуры замечаний г. Гилярова можно заключить, что он не разделяет взглядов автора, но по закону это последнее обстоятельство не дает цензору права препятствовать напечатанию статьи, расходящейся с его личными взглядами по данному вопросу»³.

Особенно это проявилось, на взгляд подателей жалобы, в эпизоде с полным удалением из номера фельетона «Очерки и картинки провинциальной жизни»: «...если даже смотреть на него так, как взглянул г. Гиляров, то есть как на написанный “в минуты

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 71. Л. 16.

² Там же.

³ Там же. Л. 17.

вольного раздумья”, он не заслуживает запрещения по крайней мере безобидностью своего содержания. Это – картинка местного настроения, и можно не разделять наблюдений автора, но мешать ему высказать это наблюдение, по нашему мнению, не представляет никаких оснований»¹.

В конце документа редактор и издатель сформулировали свои предложения по разрешению конфликта:

«1) Разрешить напечатание в “Сибирской газете” всех отрывков и статей, исключенных г. Гиляровым в № 11,

3) Признать за редакцией “Сибирской газеты” право свободно перепечатывать газетные известия и выдержки из газетных статей, не вызвавших никаких административных запретительных распоряжений,

3) Разрешить, в тех случаях, когда это редакция признает нужным, оставлять пробелы не больше десяти строк... от тех статей, которые подвергаются сокращению со стороны цензора, и

4) Разъяснить действительному статскому советнику Гилярову, что он не вправе делать не только допущенных или оскорбительных для редактора и автора приписок, но и каких бы то ни было, касающихся внутреннего достоинства статей, замечаний на корректурных листах, а равно и вставок в текст цензурируемого номера газеты (ст. 91 Цензурного устава)»².

Примечательно, что напротив последнего предложения было подписано чиновником, изучающим жалобу: «Это справедливо».

Большая часть предложений, конечно, выглядела достаточно наивно, и ответы Главного управления по делам печати показали, что «Сибирская газета» зря рассчитывала на какие-то уступки со стороны «высшего надзора за печатью». Однако в целом эта жалоба представила четкую и ясную позицию газеты как органа печати,

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 71. Л. 18.

² Там же. Л. 19.

который борется за свободу слова и свободу мысли, готова защищать своих авторов от цензурского произвола. Эта позиция была хорошо известна ее сотрудникам и читателям, она не ставится под сомнение исследователями. А вот мнение другого участника конфликта – управляющего казенной палатой М. Гилярова, как правило, не учитывалось исследователями этой ситуации.

М.А. Гиляров: «действовал по долгу службы и совести»

Согласно телеграмме начальника Главного управления по делам печати, М.А. Гиляров выслал в столицу корректурные листы № 11 «Сибирской газеты» со своими правками, однако он считал необходимым сопроводить эти листы своим объяснением произошедшего.

Кратко, рубленым слогом М.А. Гиляров перечислял событийный ряд: «Цензор Сибирской газеты есть губернатор. За губернатора, управляя губернию и цензуруя № 11 газеты, одни статьи урезал, другие вычеркнул и сделал некоторые заметки карандашом. То же самое делал г. губернатор, и редакция подчинялась, а теперь, в нарушение принятого порядка, печатает № 11 газеты с большими пробелами и целыми белыми страницами, как видно из прилагаемого экземпляра»¹.

Из объяснений М.А. Гилярова видно, что он был немало удивлен реакцией газеты на его цензурную политику, ведь «то же самое делал губернатор». Однако у него имелось свое объяснение поведению редакции: «Явно протестуя против меня, как цензора-губернатора, редакция не могла рассчитывать на уступку с моей стороны своих прав и власти. Административные

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 71. Л. 21.

уступки вредны и в отношении редакции, сам губернатор предупредил меня быть осторожнее. Власть же должна быть всегда устойчива, непоколебима и дело честного человека твердо держать власть в руках, хотя бы она и дана была ему на самое короткое время»¹.

В своем объяснении Гиляров настаивал на том, что конфликт спровоцировал не он, а редакция: «...печатаемая № 11 в таком сокращенно-карикатурном виде, с такими пробелами, которые на газетном листе не допускаются, редакция сама умышленно запрещала выдачу ей билета на выпуск газеты. Протестуя против цензора-губернатора и тем преграждая выпуск газеты, редакция явно грешила против прямых своих обязанностей»².

Цензор искренне считал, что редакция должна была перепечатать № 11, в чем состоял «прямой долг ее пред подписчиками», но редакция «мнит только о своих правах и не помнит своих обязанностей», и потому она выбрала путь, далекий от «прямоты и правдивости» – номер не перепечатала, а вместо этого собиралась расослать подписчикам «неправдивое и умышленно фальшивое объявление» о причинах невыхода газеты (рассылка была Гиляровым запрещена).

Из описания дальнейших действий газеты М.А. Гиляровым можно заметить, что его особенно возмутил следующий факт: «Видите ли, редакция обратилась с жалобой к г. министру внутренних дел, а за защитой к “Голосу” и “Порядку”, вместо одного прямого пути избирает кривой, это понятно. Наша местная газета есть верный отголосок “Голоса” и “Порядка”, она вслед за ними трактует о том, что власть давит местную печать, что администрация делает обязательною перепечатку позорных передовых статей “Московских ведомостей” (№№ 1 и 2). Одно уже это указывает на

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 71. Л. 21.

² Там же.

склад и направление нашей местной газеты и вынуждает цензора-губернатора быть крайне осмотрительным и строгим»¹.

В заключение временный цензор «Сибирской газеты», оправдывая свои действия, раскрывал свою истинную установку по отношению к местной печати: «...был я, может быть, строгим цензором-губернатором, но действовал по долгу службы, совести и крайнему разумению, а мое разумение приводит к тому заключению, что газеты и газетки, в коих много пустого либерализма и мало истинного патриотизма, как змеи и змейки, шипя, не ужалят, если только вовремя крепко будут ущемлены или вовсе уничтожены. Местная печать полезна, когда она правдиво излагает местные порядки, указывает на лучшее в России, чего нет еще в Сибири, а не пустословит о вреде педагогических инспекторов, о мировых задачах и общем переустройстве»².

Таким образом, объяснение Гилярова позволяет сделать вывод о том, что он действительно был предубежден по отношению к «Сибирской газете» и намерен был ее «крепко ущемить» – возможно, в пику слишком либеральному губернатору Мерцалову. Именно против этой позиции «злого цензора» выступила редакция «Сибирской газеты», не желая поддерживать Гилярова в его стремлении продемонстрировать «твердую непоколебимую власть».

Главное управление по делам печати: «поддержать авторитет местной власти»

Рассматривая конфликт цензора и редакции газеты, Главное управление по делам печати прямо заявило, что оно «полагает существенно необходимым поддержать в настоящем случае автори-

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 71. Л. 23.

² Там же. Л. 23.

тет местной власти против настойчивого домогательства издателя и редактора», выдвигая следующие аргументы. Прежде всего князь П.П. Вяземский отметил: «...цензура провинциальных газет, поручаемая губернским чиновникам, почти везде оказывается крайне неудовлетворительною. Большинство этих чиновников относится к сей обязанности без понимания и сверх того весьма нерадиво. Издаваемая в г. Иркутске газета “Сибирь” в течение многих лет была предметом непрерывных и бесплодных настояний со стороны Главного управления по делам печати пред генерал-губернатором Восточной Сибири по тому поводу, что эта газета наполнялась преимущественно диффамациями должностных и частных лиц, а иногда даже помещала статьи социалистического характера»¹.

Имея печальный опыт неэффективного «усмирения» газеты «Сибирь», Главное управление по делам печати было радо обнаружить в Томске цензоров другого рода: «Имея в виду, что в Томске, из числа губернских чиновников, нелегко найти такого, который по своему образованию и по серьезному образу мыслей, был бы способен к обязанностям цензора, нельзя не отнестись с полным сочувствием к тому, что сам томский губернатор, и в случае его отсутствия лицо, его замещающее, приняли на себя труд цензурировать, и цензурировать весьма внимательно местную газету, намеревающуюся, как оказывается, взять для себя образцом петербургские газеты нежелаемого либерального направления»².

Еще одним обстоятельством, которое склонило Главное управление по делам цензуры на сторону местной власти, стало обращение «Сибирской газеты» за помощью к столичным органам печати. Заметно раздражение, которое вызвал этот факт у князя

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 71. Л. 29.

² Там же.

П.П. Вяземского: «Во-вторых, поддержать авторитет местной власти в настоящем случае необходимо и потому, что просители, одновременно с отправлением жалобы на имя г. министра, разослали жалобные мольбы и в редакции различных газет, как-то “Голоса”, “Порядка” и других, в которых, между прочим, выражают надежду, что г. министр “оградит их газету от таких действий, которые во времена острой цензуры не были бы одобрены”. Этот маневр апеллирования к верховному газетному трибуналу, даже еще прежде, чем дело решено в правительственных инстанциях, все более и более входит в обычай нашей повременной литературы, как своего рода нравственное насилие над правительственными властями и общественным образом мыслей»¹.

Своим решением П.П. Вяземский хотел показать, что «правительство нимало не расположено подчиняться этой схеме газетных предрешений и запугивания судом печати»: поэтому, уведомляя он М.А. Гилярова, Сенат, «признавая все статьи и все сделанные исключения неудобными к печати, постановил отказать в удовлетворении ходатайства просителей»².

Единственная уступка, которую сделало Главное управление по делам печати редакции газеты, касалась ее замечания о том, что цензор «делает на корректурном листе критические замечания, касающиеся литературного достоинства статей, и даже вставляет в текст». П.П. Вяземский писал по этому поводу: «...что же касается сего последнего пункта жалобы, то он представляется основательным, потому что на основании ст. 91 Уст. Ценз., цензор не имеет права переменять что-либо в представляемых на его рассмотрение статьях, и тем более не может прибавлять к ним от себя какие-либо примечания или толкования»³.

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 71. Л. 29.

² Там же.

³ Там же. Л. 30.

Обращает на себя внимание то, что ответ редакции от Главного управления по делам печати занял один лист, в то время как для М.А. Гилярова предназначался развернутый текст, в котором его и похвалили как серьезного и ответственного цензора, и пожаловались на неудовлетворительную работу иркутских цензоров, и подробно объяснили мотивы поддержки местной власти. И только в самом конце письма П.П. Вяземский кратко упомянул о том, что отдельные действия М.А. Гилярова действительно противоречили цензурному уставу, а следовательно, являлись незаконными.

Письмо П.П. Вяземского к томскому цензору проясняет вопрос, который остался нерешенным для современников: «Сделано ли было какое-либо указание цензору – неизвестно», – писал П.И. Макушин в своих воспоминаниях¹. Да, цензору было указано на недопустимость помет, вставок и замечаний на корректуре. Это возымело свое действие, о чем мы можем судить по воспоминаниям Е.В. Корша, который отмечал, что «следующие два номера “Сибирской газеты” были пропущены Гиляровым без первоначального неистовства, а потом возвратился В.И. Мерцалов, и дело опять пошло гладко, без резких инцидентов»².

Столкновение со «злым цензором» показало, насколько беззащитна была газета перед чиновничьим произволом, который к тому же был поддержан Главным управлением по делам печати. Газета не смогла отстоять тексты от цензурных правок, не смогла сообщить своим подписчикам об истинных причинах невыхода номера, не смогла показать масштабы цензорского вмешательства – пробелы были запрещены.

Рассматриваемое цензурное дело убедительно показывает, что к конфликту привело разное понимание своих прав и обязанностей газетой и цензором. Заметно, что и та и другая сторона были пол-

¹ «Сибирская газета» в воспоминаниях современников... С. 32.

² Там же. С. 51.

ны иллюзий на этом первом, раннем этапе становления частной журналистики в Томске: газета с полной уверенностью в своей правоте искала защиты у министра внутренних дел и у столичной печати, цензор был полон решимости отстаивать свое право вмешиваться в газетное дело. Это столкновение несколько «остудило» пыл конфликтующих сторон, и в дальнейшем конфликты с местной цензурой не были такими масштабными. Необходимо отметить, что авторы «Сибирской газеты» подчеркивали, что цензурные условия в дальнейшем были «в общем и сравнительно, – довольно сносны», ее цензоры Н. Петухов и А. Николаев «строго придерживались цензурного устава и не считали себя призванными усиливать скорпионы последнего своими собственными измышлениями»¹.

Цензорский корпус «Сибирской газеты»

После первых двух лет издания «Сибирской газеты», когда она с переменным успехом цензурировалась высшими чинами губернии, ее постоянными цензорами стали Н.Н. Петухов и А.Р. Николаев.

Нафанаил Назарович Петухов, уроженец Тобольска, окончил Казанскую гимназию, после чего с 1854 г. начал службу в областном правлении Сибирских киргизов, затем работал в Тобольском губернском правлении, был директором Тобольского тюремного комитета и на других должностях. В Томске с мая 1881 г. по 27 октября 1889 г. был председателем томского губернского правления. В период отставок, переводов и в связи со смертью томских губернаторов ему приходилось самому управлять губернией: назначенный при В.И. Мерцалове, Н.Н. Петухов работал и при

¹ «Сибирская газета» в воспоминаниях современников... С. 61.

следующих за ним И.И. Красовском, А.Ф. Анисьине, А.И. Лаксе и А.П. Булюбаше.

Александр Романович Николаев (1832–1899) окончил Казанский университет, с 1858 г. служил в административном управлении, в 1865–1866 гг. был редактором неофициальной части «Томских губернских ведомостей», исполнял обязанности томского прокурора. Служа советником Томского губернского правления, не раз исполнял обязанности вице-губернатора.

С.Л. Чудновский писал о Петухове так: «Этот чиновник, несмотря на свое ограниченное образование (он, кажется, окончил лишь семинарию) все-таки любил печатное слово и, всячески оберегая себя от ответственности, не позволял себе излишних придирок и бесцельного угнетения газеты, пуская в ход “красный карандаш” лишь тогда и в тех случаях, когда этого требовало – по его мнению – оберегание собственной личности, приговаривая обыкновенно при этом: “Сибирку я люблю, а шкура моя мне все же ближе”»¹.

Упомянул он и Николаева: «Так же относился к делу и исправлявший в его отсутствие (или при замещении им должности губернатора) старший советник губернского правления Николаев. Оба они строго придерживались цензурного устава и не считали себя призванными усиливать скорпионы последнего своими собственными измышлениями. <...> Словом, цензура не лишала “Сибирской газеты” возможности служить интересам Сибири. Газета посильно разрабатывала все насущные вопросы русской жизни вообще и сибирской в частности»².

А.В. Адрианов в письме к Г.Н. Потанину (от 20 июня 1882 г.) давал Петухову более резкую характеристику: «Цензор наш Петухов – это ленивое, вечно пьяное, развратное животное, которое занимается сплетнями, карточной игрой и интригой в среде обще-

¹ «Сибирская газета» в воспоминаниях современников... С. 60–61.

² Там же.

ства, которое ссорит между собой <...> Назад 4 месяца я отдал свой рассказа на цензуру в рукописи (автора цензор не знает), и цензор его потерял»¹.

Петухов и Николаев в 1890-х гг. попали в неприятную историю, связанную уже с закрытой «Сибирской газетой»: они в 1885 г. решили опубликовать отдельным изданием сказку Ф.В. Волховского (под псевдонимом «Иван Брут») «Ночь на Новый год» (Томск: Тип. «Сиб. Газ.», 1885. 16 с.). Первая публикация сказки состоялась в «Сибирской газете». 1884. № 1; не подозревая о том, что издание книжного типа требует особого разрешения, Петухов, а затем Николаев дозволили печатать сказку отдельной брошюрой. После того, как Главное управление по делам печати обнаружило этот факт, началось расследование дела².

Из конфиденциального ответа цензора томскому губернатору выяснилось, что «только в 1889 году господином томским губернатором, на основании подтверждения от Главного управления по делам печати от 24 февраля 1889 года за № 1186, дано было знать председателю губернского управления, для сведения и руководства, о существовании циркулярного распоряжения управления по делам печати от 7 февраля 1874 года за № 762 (когда цензура еще не была возложена на председателя губернского управления) о том, что чиновники, назначенные для цензурирования местных периодических изданий, не имеют права рассматривать и дозволять к печати даже отдельные оттиски из статей, напечатанных уже в цензурируемых ими изданиях; ранее же 1889 г. ему, Николаеву, вовсе не было известно о таком воспрещении Главного управления по делам печати»³.

¹ Адрианов А.В. «Дорогой Григорий Николаевич...»... С. 43.

² Блюм А. Запрещенная книга сибирского журналиста // Сибирские огни. 1965. № 12. С. 156–158.

³ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3740. Л. 57–58.

Цитата позволяет оценить невысокий профессиональный уровень местных чиновников, исполняющих обязанности цензоров, но не знающих о существовании специальных циркулярных распоряжений: в своей работе они руководствовались скорее личными соображениями и здравым смыслом, чем официальными предписаниями.

Одновременно с томскими чиновниками, осуществлявшими предварительную цензуру, в Петербурге «Сибирскую газету» просматривал цензор Главного управления по делам печати Д.С. Менагиос.

Дмитрий Спиридонович Менагиос, российский филолог-эллинист, был приват-доцентом Санкт-Петербургской духовной академии, находился на службе с 1874 г. Свои цензорские отчеты, сохранившиеся в архивных делах Главного управления по делам печати, он подписывал как «коллежский асессор Д. Менагиос».

«Вынужденным читателем» «Сибирской газеты» Д.С. Менагиос стал, судя по дате появления первых отчетов, с 1882 г. – возможно, после того, как император Александр III обратил внимание на направление «Сибирской газеты» после доклада томского губернатора.

Д.С. Менагиос довольно часто обращал внимание Главного управления по делам печати на ошибки местной предварительной цензуры. Так, например, 22 декабря 1884 г. он писал: «“Сибирская газета” вновь начинает обнаруживать вредное направление, выражающееся в систематическом стремлении обсуждать и осуждать все действия сибирской администрации и представлять общее положение края, и особенно крестьянского населения, в самом безотрадном виде. Означенное стремление усматривается, по моему мнению, как в передовой статье № 44 газеты, так и в подборе и неверном освещении известий о действиях местных властей (см. опровержение в № 29, стр. 123, и в № 30, стр. 133) и в целом ряде

ее корреспонденций»¹. После чего перечислялись корреспонденции в 15 номерах газеты из самых разных сибирских городов и поселений.

Реакция Главного управления по делам печати на эти донесения была весьма сдержанной – в основном на отчетах писали: «принять во внимание». Но в итоге все эти донесения сыграли свою роль в запрещении в 1888 г. «Сибирской газеты» «за вредное направление».

В итоге цензорский корпус «Сибирской газеты» можно представить следующим образом:

1881–1882: А.И. Дмитриев-Мамонов, вице-губернатор; В.И. Мерцалов, губернатор; М.А. Гиляров, управляющий Томской казенной палатой;

1883–1888: Н.Н. Петухов, председатель томского губернского правления; А.Р. Николаев, советник Томского губернского правления;

1882–1888: цензор Главного управления по делам печати Д.С. Менагиос.

«Сибирская газета» на протяжении своего издания цензурировалась несколькими людьми, которые по-разному относились к своим обязанностям. М.А. Гиляров, по его собственному признанию, старался прессу «ущемить», губернаторы – склонить на свою сторону, вице-губернаторы относились к своим обязанностям довольно спокойно и не особенно вмешивались в издательский процесс. Благодаря тому, что цензоры не очень хорошо знали круг своих обязанностей, для «Сибирской газеты» стала возможной собственная издательская деятельность: цензоры не знали, что отдельные оттиски статей и материалов «Сибирской газеты» должны были проходить отдельную цензуру как книжные издания, и спо-

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 71. Л. 153.

койно разрешали их публикацию. Так был издан фельетон Ф.В. Волховского «Ночь на Новый год», рассказ В.Г. Короленко и целый ряд других брошюр книжного типа¹.

В целом местная цензура, с точки зрения Главного управления по делам печати, плохо справлялась со своими обязанностями в силу низкой компетентности чиновников-цензоров. Однако это сделало возможным существование таких заметных явлений в истории региональной журналистики, как томская «Сибирская газета».

«Сибирская газета» и «дело о медном пятаке»

Изучение архивных дел Главного управления по делам печати приводит к мысли о том, что цензурное ведомство выполняло не только контролирующую и карательные функции в отношении дореволюционной прессы², но нередко выступало и в качестве ее защитника. Примером такой защиты могут служить документы, относящиеся к ситуации, которая может быть условно названа «Делом о медном пятаке»: это требование о привлечении к ответственности томской частной «Сибирской газеты» за диффамацию города Томска в 1884 г.

Начало конфликта было связано с тем, что «Сибирская газета», публикуя в № 11 за 1884 г. информацию о сборе пожертвований в пользу семьи недавно умершего сибирского поэта И.В. Оммулев-

¹ Жилиякова Н.В. Книжные проекты редакций сибирских газет (на примере томской «Сибирской газеты», 1880-е годы)... С. 89–97.

² Об этом подробнее см.: Жирков Г.В. История цензуры в России XIX–XX вв. М., 2001. 368 с.; Патрушева Н.Г. Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX – начале XX века : дис. ... д-ра ист. наук : в 2 т. СПб., 2014; Макушин Л.М. Цензурный режим и журналистика: от «чугунного устава» 1826 г. до закона о печати 1865 г. : в 2 кн. Екатеринбург, 2009. Кн. 1. 264 с.; Кн. 2. 228 с.

ского, нелестно отозвалась о жителях Томска и сравнила город с «бездушным мешком с деньгами, сердце которого имеет вид медного пятка».

Полностью эта небольшая заметка в «Хронике», которая вызвала затяжной конфликт и привела к вмешательству в него Главного управления по делам печати, выглядела следующим образом: «По инициативе некоторых молодых писателей, в посту (sic!) устраивается, как передает “Петербургский листок”, литературно-музыкальный вечер, сбор с коего предназначен целиком в пользу семейства покойного И.В. Оммулевского».

Польская газета “Край” собрала в пользу семьи нашего поэта до 12 февраля 545 р. Иркутск, еще до объявления подписки в газете “Сибирь”, собрал несколько сот рублей. – А черствый помещанный на наживе Томск, несмотря на давно открытую подписку, дал, стыдно сказать, всего 36 р. 30 к. – Здесь грош дорог; здесь за грош продадут что угодно – честь, совесть, человека, здесь и благотворительность-то проявляется только в том случае, если за отданный рубль имеется в виду сорвать четыре. Сибирь может гордиться, что не имеет более городов подобно Томску, этому бездушному мешку с деньгами, сердце которого имеет вид медного пятак¹».

Подписка действительно была объявлена давно: еще в январе 1884 г., в № 4 «Сибирской газеты». В ней был опубликован некролог Иннокентия Василевича Федорова (Оммулевского), поэта и писателя, автора романа «Шаг за шагом» (действие которого происходило в Иркутске), а самое главное, подчеркивала «Сибирская газета», – сибиряка по происхождению. Газета высоко ценила его именно как «сибирского поэта-патриота»: «Как в романе, так и в стихотворениях И.В. Федоров является в высшей степени симпатичным, честным и необыкновенно стойким в убеждениях писате-

¹ Сибирская газета. 1884. № 11. 11 марта.

лем и горячим патриотом, перед которым постоянно носился образ дорогой родины»¹. С января по март на первой полосе «Сибирской газеты» публиковалось объявление о подписке «в пользу семьи умершего писателя-сибиряка И.В. Федорова-Омулевского»: всего за это время в редакцию поступило 90 р. 30 копеек, из которых томичи пожертвовали, как уже известно, чуть более 36 рублей.

Представители Томской городской думы во главе с томским головой посчитали этот отзыв «диффамацией» всего города и развили бурную деятельность, надеясь привлечь к ответственности как редакцию, так и цензора, пропустившего в печать эту статью. Как писала «Сибирская газета» в разделе «Хроника»: «Томская дума обнаружила в последнее время чистолихорадочную деятельность и энергию в разыскании способов преследования “Сибирской газеты” за печатные разоблачения, касающиеся думских воротил. В пятницу дума постановила возбудить против нашей газеты новое преследование, на этот раз уже за оскорбление всего города выражением, что у томских горожан вместо сердца – медные пятаки. Нечего делать, будем и на суде защищать наше наблюдение над сердцами Томских Кондратов; кто знает – быть может, суд и признает наши доказательства вескими. Теперь, впрочем, не об этом новом проявлении самообороны Томской думы от гласности думаем мы вести речь: судиться – так судиться!»²

В «письме в редакцию» «Из думской залы» (подписано: «Один из публики») рассказывалось о заседании городской думы, на котором было решено возбудить дело о «диффамации “Сибирской газетой” города Томска». Необходимо отметить, что это было далеко не первое дело против «Сибирской газеты»: городская дума уже несколько раз жаловалась на редакцию, но о «диффамации»

¹ Сибирская газета. 1884. № 4. 22 янв.

² Там же. № 18. 28 апр.

речь шла в первый раз. Как писал корреспондент газеты, «больше всего возмутила г. М[ихайл]ова фраза на счет благотворительности: несколько раз он повторил эту фразу на разные лады и тоны...» (Петр Васильевич Михайлов был городским головой в 1883–1887 гг.¹). В итоге «из 35 гласных – 28 высказались за преследование и 7 гласных – против»².

Однако никакого «преследования» «Сибирской газеты» не последовало: на страницах издания в дальнейшем не было помещено ни опровержения, ни отчета о судебном заседании, ни информации о каком-либо наказании за «диффамацию». История выглядит неоконченной, и это не случайно. Дело в том, что ее «вторая часть» проходила на другом уровне – цензурном, скрытом от глаз большей части участников истории и всего общества. Исследование архивных документов РГИА (Ф. 776. Оп. 12. 1880 г. Д. 71 «По изданию в г. Томске “Сибирской газеты”») позволяет узнать, к какому выводу пришла власть относительно этого «дела о медном пятаке».

Из переписки томского губернатора И.И. Красовского (он возглавлял губернию с 1883 по 1885 г.) с Главным управлением по делам печати становится понятно, что в данном случае и губернатор, и высший орган цензурного надзора встали на сторону «Сибирской газеты» и ее цензора.

В письме управляющему Министерством внутренних дел (от 7 июля 1884 г., № 4352; было получено 22 августа 1884 г.) И.И. Красовский обращал внимание на то, что он действует по «сигналу» от Томской городской думы: «Томский городской голова, на основании постановления Городской Думы, просит привлечь председателя Томского губернского правления, статского

¹ Разумов О.Н. Михайлов Пётр Васильевич // Томск от А до Я: краткая энциклопедия города. Томск, 2004. С. 211.

² Сибирская газета. 1884. № 19. 6 мая.

советника Петухова, цензурирующего “Сибирскую газету”, к ответственности по 1040 ст. Улож о ценз. за допущение к печати в № 11 этой газеты за текущий год статьи, заключающей в себе оскорбительный о жителях города Томска отзыв»¹.

К письму, действительно, прилагались «Прошение» городского головы к губернатору² и копия с протокола заседания городской думы 27 апреля 1884 г., в котором рассматривался вопрос «О диффамации города Томска заметкой, помещенной в № 1 “Сибирской газеты”, страница 279»³. В них подробно описывались соображения П.В. Михайлова и членов городской думы о том, почему они сочли отзыв о Томске «безусловно оскорбительным», заключающим в себе «злословие и брань, оскорбительные для всего томского городского сообщества»: «Томская городская дума, представляя собою по ст. 54 ст. Город. Полож, 1870 г. все городское общество, входит в обсуждение дел, волнующих все городское общество, и потому от нее и зависит, если она признает опозоренной часть городского общества, возбудить преследование за диффамацию»⁴.

В протоколе также пояснялось, почему дума не выступила с опровержением на страницах «Сибирской газеты»: «Существует закон, что опровержение не должно размерами превышать вызвавшее его заметку. Можно в двух строках оскорбить и унизить, но опровергнуть это в двух словах невозможно. Мало того, Городская дума должна быть причислена к числу официальных установлений, которым предписывается при опровержениях держаться только фактов, не вдаваясь ни в какую полемику. Фактов в заметке «Сибирской газеты» нет, поневоле опровержение ее должно при-

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 71. Л. 145.

² Там же. Л. 147–149.

³ Там же. Л. 150.

⁴ Там же. Л. 147.

нять полемический характер. Наконец редакция может отказать в помещении возражения»¹.

Кроме газеты, предполагалось «привлечь к ответственности» и цензора газеты – председателя томского губернского правления, коллежского асессора Н.Н. Петухова, пропустившего эту заметку в печать. И.И. Красовский следующим образом комментировал сложившуюся ситуацию: «Представляя это ходатайство на благоусмотрение Вашего Превосходительства, имею честь доложить, что, по моему мнению, просьба Думы не находит себе подтверждения, ни в 54 ст. Город. Полож. Томска, ни в решении Правительствующего Сената по делу Артобольского. Оскорбительный отзыв о жителях Томска, напечатанный в “Сибирской газете”, не относился к городскому обществу, в смысле юридического лица, представителем которого является, по 54 ст. Город. Положения, Городская Дума, и заключал в себе общую характеристику степени отзывчивости городских жителей, как отдельных частных лиц, на призыв к благотворительности, и потому Дума, как учреждение городского общественного управления, не имела и повода вмешиваться в настоящем случае в частные интересы городских жителей. Решение же Сената по делу Артобольского, разъясняющее лишь порядок возбуждения преследования за оскорбление в печати должностных лиц, в данном деле не может иметь никакого руководящего значения, так как никто из должностных лиц городского управления упомянутою статьею “Сибирской газеты” не оскорблен»².

Изложив свое мнение, губернатор подчеркнул, что он «полагал бы ходатайство городского головы оставить без последствий», а также пояснил, почему эта ситуация вообще дошла до такой стадии: «В заключение имею честь присовокупить, что помянутое

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 71. Л. 150.

² Там же. Л. 146.

постановление Думы пропущено без протеста управляющего губернией в отсутствие мое для обозрения нескольких округов»¹.

Поездка Красовского носила не увеселительный характер: в мае 1884 г. в результате чудовищного пожара выгорела почти треть города Кузнецка, и губернатор поспешил на помощь жителям, взяв с собой почти 4 тысячи рублей пожертвований, собранных им в пользу погорельцев², а в его отсутствие Дума, вместо того, чтобы решать насущные городские дела, решила посвятить время борьбе с местной газетой.

Главное управление по делам печати, изучив все материалы дела – отзыв губернатора, прошение томского городского головы, аргументы членов Томской городской думы – встало на защиту цензора. В письме томскому губернатору за подписью министра внутренних дел графа Д.А. Толстого (от 13 сентября 1884 г., № 3593) сообщалось: «Вследствие представления за № 4352, по поводу ходатайства Томской городской думы о привлечении председателя томского губернского правления, статского советника Петухова, к ответственности по ст. 1040 Улож. о наказ. за допущение к печати в № 11 “Сибирской газеты”, за текущий год, статьи, заключающей в себе оскорбительные отзывы о жителях г. Томска, считаю долгом уведомить Ваше Превосходительство, что и с своей стороны, в виду изложенных Вами соображений и согласно ст. 84 прилож. к ст. 4 Уст. Ценз., Св. законов т. XIV, по прод. 1876, по сим коей “ответственность за содержание помещенных в повременных изданиях статей обращается, во всяком случае, как на главного виновника, на редактора издания”, признаю означенное ходатайство не подлежащим удовлетворению. При этом считаю, однако же, необходимым поставить цензурирующему “Сибирскую газету” статскому советнику

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 71. Л. 146.

² Сибирская газета. 1884. № 21. 20 мая.

Петухову на вид неправильность пропуска им к печати указанной городским головой статьи»¹.

Еще один неизвестный аспект этой ситуации связан с тем, что резкий отзыв «Сибирской газеты», который вызвал исследуемый конфликт, был замечен также наблюдающим за газетой петербургским цензором, коллежским асессором Д. Менагиосом. В деле хранится его донесение от 15 мая 1884 г. следующего содержания: «В № 11 “Сибирской газеты”, в отделе хроники помещена заметка, в которой, между прочим, высказаны неуместные суждения, оскорбительные для всех жителей Томска, по поводу открытия подписки в пользу семейства покойного поэта И.В. Оммулевского»².

Это донесение свидетельствует о том, что даже для столичной цензуры слова «Сибирской газеты» о томичах показались оскорбительными, и пропуск их Петуховым, вероятно, был просто случайностью. Но могло быть и так, что местный цензор согласился с позицией журналиста, опиравшегося на реальный, неоспоримый факт, а именно: ничтожное количество денег, пожертвованных жителями Томска в пользу семьи писателя-сибиряка. Несмотря на эмоциональность высказывания «Сибирской газеты», в действительности оно не имело конкретного адресата. Это позволило разрешить конфликт без применения наказаний – и прежде всего благодаря «заступничеству» губернской власти и Главного управления по делам печати.

Таким образом, рассмотрение «дела о медном пятакe», которое длилось с марта по сентябрь 1884 г., закончилось тем, что «Сибирскую газету» не стали привлекать к ответственности, посчитав аргументы томского головы и Томской думы недостаточными для «преследования за диффамацию».

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 71. Л. 151.

² Там же. Л. 125.

Архивные документы свидетельствуют о том, что в данном деле власти не воспользовались ситуацией для того, чтобы наказать «Сибирскую газету», уже зарекомендовавшую себя к этому времени как издание «тенденциозное». И глава губернии, и начальник высшего цензурного ведомства попытались разобраться в ситуации и вынести справедливое решение в отношении газеты: губернатор посчитал, что газетная статья «заключает в себе общую характеристику отзывчивости городских жителей, как отдельных частных лиц, на призыв к благотворительности¹, и потому Дума не имела никакого повода вмешиваться в ситуацию, а Главное управление по делам печати не удовлетворило ходатайство о наказании цензора.

«Проницательные читатели» против «Сибирской газеты»

В архивном деле, посвященном «Сибирской газете», почти две трети листов занимают претензии частных лиц к публикациям «Сибирской газеты». Их можно разделить на две неравные части. Первая была связана с отказом опубликовать в газете верноподданнические стихотворения местного поэта-графомана И.П. Шидловского. Название одного из стихотворений звучало как «На день восшествия на престол Государя Императора Александра III»; в этом же роде были и остальные. Как писал Шидловский «вашему сиятельству» П.П. Вяземскому, возглавляющему Главное управление по делам печати: «...я в недоумении, почему редакция не удовлетворила меня, а обидела, но только кого обидела? Не меня, а того, который велением Бога правит и повелевает всей Россией, всемии вся ублажает яко Отец своих детей <...> “Сторону ю я

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 71. Л. 145.

слышал, что цензор приказал печатать, а его не послушали”, – жаловался Шидловский, сетуя на то, что газета “чувствительные сочинения в свет не выпускает”»¹.

Ответ этому «проницательному читателю», обнаружившему такой пробел в концепции газеты, как отсутствие в ней «вероноподданнических чувств», Главное управление по делам печати адресовало «господину томскому полицмейстеру». Петербург просил начальника томской полиции вернуть Шиловскому «его произведения» и «объяснить ему, что Главное управление по делам печати не входит в разбор таких недоразумений, которые возникают между редакциями и авторами, желающими напечатать свои произведения в каком-либо периодическом издании»².

Вторая – большая – часть претензий относилась к опубликованным в «Сибирской газете» корреспонденциям, принадлежащих внештатным авторам. Несмотря на то, что в большей части сообщений не назывались имена обвиняемых в злоупотреблениях, эти люди узнавали себя в публикациях и настаивали на «восстановлении справедливости».

По годам эти сюжеты распределились следующим образом:

1) 1882 г. – жалоба от купца Сергеева на корреспонденцию из Енисейска³;

2) 1883 г. – жалоба священника Титова на корреспонденцию из Барнаула⁴;

3) 1884 г. – расследование жалобы на корреспонденцию из Кургана⁵ на корреспонденцию из Енисейска⁶;

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 71. Л. 31–32.

² Там же. Л. 35.

³ Там же. Л. 97–98.

⁴ Там же. Л. 104–106.

⁵ Там же. Л. 127, 128, 129–131.

⁶ Там же. Л. 139–144.

4) 1885 г. – купец Попов развернул целую кампанию с целью опровержения корреспонденции из Минусинска, а также наказания «Сибирской газеты». Ситуация осложнялась тем, что Попов пытался отыскать «Томский цензурный комитет», который якобы принял у него жалобу на «Сибирскую газету» – в действительности же никакого цензурного комитета в Томске не существовало¹;

5) 1886 г. – жалоба на корреспонденцию из Красноярска²;

6) 1887 г. – жалоба на корреспонденцию из Тобольска³.

Часть этих дел уместилась буквально в двух документах, как например, «дело о купце Сергееве». Суть его состояла в том, что временный енисейский 2-й гильдии купец Николай Сергеевич Сергеев (1882 г.) жаловался на то, что в «Сибирской газете» № 8, 1882 г., в корреспонденции из Енисейска автор «взвел» на него «клевету и ложь». Купец требовал от Главного управления по делам печати «дать сведения об имени и фамилии автора упомянутой выше корреспонденции».

Если обратиться к корреспонденции из Енисейска, опубликованной в «Сибирской газете», то можно увидеть, что в ней «проницательный» купец был обозначен как «С-в». В газете излагались события, свидетельствующие о жестокости природы купца, подтвержденные заявлениями очевидцев и потерпевших (насилие над женщинами, смерть первых трех жен и т.д.).

В следующем документе Главное управление по делам печати уведомляли о том, что председатель томского губернского правления по цензурской части потребовал у редакции имени автор и получил его: это был енисейский врач Г. Большанин. Однако на этом листе сбоку была сделана надпись: «Оставить без последствий», из

¹ Там же. Л. 156, 158, 159, 163–166, 169, 170–174.

² Там же. Л. 190, 192.

³ Там же. Л. 207, 209.

чего можно предположить, что купец Сергеев свое возмездие осуществить не смог.

К «развернутым» сюжетам относятся, безусловно, дела священника Титова и купца Попова. Это связано с тем, что эти «проницательные читатели не ограничились одной жалобой – они пошли звонить во все колокола, требовать реакции и от полиции, и от главного управления по делам печати, и от судов – даже от министра внутренних дел.

Так, например, в том же 1882 г. к следователю, полицейскому надзирателю Барнаула обратился священник Николай Иванович Титов с требованием произвести расследование «об оскорблении его в корреспонденции, помещенной в №№ 17, 22 и 30 “Сибирской газеты” за 1882 год» – в этой корреспонденции «заклучались описания обстоятельств самоубийства зрителя духовного училища Снежинского». Надзиратель уведомлял Главное управление по делам печати: «При рассмотрении, по журналу 7 августа 1882 года, состоявшемся, в ходатайстве священника Титова о произведении расследования по составлению о нем приговора, по непредставлению им ясного доказательства, когда и кем составлен приговор, – отказано». После этого Титов «подал частную жалобу в томский губернский суд на отказ окружного суда от рассмотрения определений полиции» – суд «предписал» дело все-таки рассмотреть, в связи с чем передал все дела в Барнаульское окружное полицейское управление. В свою очередь полицейский надзиратель попросил Главное управление по делам печати узнать, кто же был автором корреспонденций в «Сибирской газете»¹.

Однако Петербург отказался от обращения к редакции: в ответе следователю указывалось, что с этим вопросом следовало обратиться к редактору «Сибирской газеты», который и несет ответ-

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 71. Л. 105.

ственность за помещение в газете статей. Судя по отсутствию дальнейших документов, связанных с этим делом, и на этот раз «Сибирской газете» удалось остаться без наказания по «делу священника Титова».

Таким образом, изучение архивного дела, посвященного изданию в Томске «Сибирской газеты», дает возможность сделать следующие выводы. Главное управление по делам печати далеко не всегда выполняло только карательную роль в отношении сибирской периодики. В ряде случаев оно защищало периодические издания, редакции и редакторов от излишнего «пыла» «проницательных читателей». Во многих делах заметно стремление Петербурга погасить конфликт, «оставить без последствий» жалобы и гневные восклицания обиженных «Сибирской газетой» персонажей.

«Проницательные читатели» зорко отслеживали в прессе материалы, которые описывали их деятельность. Корреспонденты «Сибирской газеты», может быть, и не особо их скрывали: к примеру, заменяя фамилию Сергеев на «С-в», тем не менее, они давали этому персонажу такое описание, которое делало его узнаваемым в его месте жительства. Поступки говорили сами за себя – и здесь даже сокращение фамилии не помогало.

Уличение этих сибирских деятелей в самых неблагоприятных поступках не спасало газету от «разборок» в судах – «проницательные читатели» хотели всеми силами избежать наказания, обвинив в клевете журналистов. Хотя из корреспонденций нередко становилось понятно, что те, о ком писали в газету, на протяжении многих лет оставались безнаказанными, творили зло в своих «медвежьих углах», не боясь разоблачений. Так, Е.В. Корш писал, что «надо пожить в провинции, особенно в глухой и далекой, надо самому поработать в редакции маленькой провинциальной газетки, чтобы понять и оценить по достоинству веру захолустного, еле грамотного русского обывателя в силу и могущество печатного

слова, он шлет в редакцию мольбы о всех наболевших у него нуждах, о всех пережитых или угрожающих ему обидах и притеснениях, часто испытывал все другие пути защиты и отчаявшись найти последнюю где-либо, кроме газеты, которой он верит и которой он боится и другие все не могут не бояться; она представляется ему высшей, единственно независимой инстанцией, которой подсудны все его дела и делишки»¹. Действительно, только корреспонденции – единственные – и могли привлечь внимание к «совам и нетопырям» (по выражению П.И. Макушина), которые привыкли к произволу в отсутствие «света» и гласности.

Закрита совещанием министров

О причинах, по которым была закрыта «Сибирская газета», можно узнать из всеподданнейшего доклада министра внутренних дел под названием «О прекращении издания “Сибирской газеты”» (от 25 января 1889 г.)². Автор доклада, граф Д.А. Толстой, давал следующую общую характеристику изданию: «Издаваемая в г. Томске “Сибирская газета” возникла в 1881 году и с того времени постоянно считалась одним из наименее благонадежных органов нашей печати. Направление, усвоенное ею и никогда не изменявшееся, можно определить таким образом: ясное сочувствие ко всяким, самым прискорбным явлениям, порождаемым демократическими тенденциями некоторой части нашего общества, старания укоренить мысль, что Сибирь “должна заботиться” об ослаблении своей связи с Россией и попытки при всяком удобном случае дискредитировать распоряжения правительства и действия местной администрации. В этом последнем отношении, каждый из губер-

¹ «Сибирская газета» в воспоминаниях современников... С. 48–49.

² РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 71. Л. 269–273; Оп. 1. Д. 25. Л. 1–6.

наторов, сменявшихся в Томске, указывал на существенный вред, причиняемый “Сибирской газетой”. Не было недостатка в жалобах на нее и со стороны учебного ведомства: министр народного просвещения свидетельствовал о том, что означенное издание поселяет смуту в умах молодежи, прибегая для сего ко всякого рода недостойным приемам и даже к клевете»¹.

Предвосхищая возможные недоумения Александра III по поводу того, почему стало возможным такое поведение подцензурного издания, Д.А. Толстой следующим образом объяснял сложившуюся ситуацию: «Так как “Сибирская газета” подлежит предварительной цензуре, то, по-видимому, можно было бы обуздать ее предосудительное направление, но на деле это представляло значительные трудности. В провинциальных городах не имеется цензоров; просмотр периодических изданий возлагается там на вице-губернаторов, а в случае отсутствия их из города по делам службы – на того или другого советника губернского правления, причем эти лица не получают никакого вознаграждения. Обремененные служебными занятиями они, даже при всем добром желании, не могут надлежащим образом выполнять задачу, не имеющую прямого отношения к их обязанностям и требующую от них, кроме усердия, известного литературного навыка и опытности. Со своей стороны Главное управление по делам печати старалось всякого рода мерами отрезвить “Сибирскую газету”, между прочим по представлению означенного управления министр внутренних дел дважды применял к ней такую строгую административную кару, как приостановка ее издания, каждый раз сроком на 8 месяцев. В последнее время удалось заменить прежнего его редактора другим лицом, казавшимся, по отзывам местных властей, более благонадёжным в политическом отношении, но и это не привело к

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 1. Д. 25. Л. 1–2.

удовлетворительному результату, “Сибирская газета” нисколько не устранилась от избранного ею пути»¹.

Главной причиной «предосудительного направления» «Сибирской газеты», по мнению Д.А. Толстого, было ее сотрудничество с политическими ссыльными: «Разгадка сего заключается в том, что кружок людей, занимающихся литературным делом в Томске, весьма ограничен и состоит преимущественно из политических ссыльных. Если издатель не желает лишиться вовсе сотрудников, то вынужден поневоле обращаться к ним. До какой степени это верно, обнаружилось при дознании, произведенном в истекшем году Томским губернским жандармским управлением о существовании в Томске тайного революционного кружка. Дознание это выяснило, что “Сибирская газета” только номинально находится в руках издателя, почетного гражданина Толкачева и редактора, действительного студента Гусева, а в сущности распоряжаются ею всецело политические ссыльные и другие лица, крайне неблагонадежного образа мыслей, что исключительно ими сортируются все предназначаемые для газеты статьи, что они по своему усмотрению назначают за эти статьи гонорары и т.д., так что редакция “Сибирской газеты” служит притоном революционного кружка. Печальнее всего, что, по дознанию жандармского управления, участниками его оказалось несколько учеников Томского реального училища»².

Неизвестно, сколько бы еще столичная цензура боролась с «Сибирской газетой», однако основание Императорского Томского университета ускорило развязку. В 1888 г. первый сибирский университет начал свою работу, и это вызвало особенное волнение у Министерства народного просвещения. Как писал граф Д.А. Толстой, «в настоящее время, когда в Томске учрежден уни-

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 1. Д. 25. Л. 2–3.

² Там же. Л. 4–5.

верситет, правительство обязано особенно заботиться об ограничении учащейся молодежи от вредных на нее влияний. Вследствие чего представляется совершенно невозможным дальнейшее существование в упомянутом городе такого органа печати, который всегда ставил себе задачей распространение превратных понятий в среде юношества»¹.

Однако это не означало, что только позиция Министерства народного просвещения привела к закрытию издания: в докладе указывалось, что «по всем сим соображениям совещание министров – внутренних дел, народного просвещения и юстиции и обер-прокурора Святейшего Синода, на основании примечания к ст. 148 Уст. Ценз., постановило: прекратить вовсе издание “Сибирской газеты”»².

Таким образом, в 1889 г. завершилась история первой частной «Сибирской газеты» в Томске – газеты, которая осталась ярким явлением в истории сибирской журналистики и фактором развития регионального самосознания.

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 1. Д. 25. Л. 5.

² Там же. Л. 6.

Глава 4

«Сибирский вестник» (1885–1905): от цензурных «поблажек» до цензурной «немилости»

«Сибирский вестник», основанный в качестве «противовеса» областнической и оппозиционной «Сибирской газете», долгое время оставался в ее тени, заслоненный этим более ярким медийным конкурентом. Наибольшее внимание исследователей привлекал, как правило, период полемики «Сибирского вестника» с сибирской печатью 1880-х гг., а также активная позиция газеты в период Первой русской революции. Представляется необходимым «вписать» в уже известную историю газеты сведения о том, как с цензурной точки зрения выглядел период между первым, «картамышевским» периодом (когда «Сибирский вестник» находился в руках его основателя, В.П. Картамышева), и последним, в 1905 г. завершившим историю газеты. Несмотря на то, что часть раскрытых цензурных сюжетов относится к 1880-м гг., обзор архивного дела, посвященного «Сибирскому вестнику», позволяет представить общую картину внутренней жизни издания и познакомиться с оценками, которые давались газете и ее руководителям сибирской администрацией и столичной цензурой.

«Сибирский вестник»: общая характеристика

Газета «Сибирский вестник» (полное название «Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни») – вторая

частная томская газета, выходила с 1885 по 1905 г. В 1906 г. была переименована в «Вестник Сибири», который, после выхода первого номера, был прекращен. Газета издавалась сначала в типографии В.В. Михайлова и П.И. Макушина, затем в томской губернской типографии, типографии «Сибирского вестника» (переименована впоследствии в типографию М.Ф. Картамышевой), в типографии Г.В. Прейсмана и Н.Я. Беляева, в типографии Н.И. Орловой.

Основателем газеты и ее первым редактором-издателем был В.П. Картамышев. Затем В.П. Картамышев оставил за собой только редакторскую должность, а его жена М.Ф. Картамышева значилась как издательница газеты (с 1888 по 1905 г.; в 1905 г. издателем был М.Н. Загибалов). После смерти Картамышева в 1894 г. редакторами были: Г.В. Прейсман (в 1895–1899 гг. – редактор-издатель), Н.Н. Соин (с 1902 г.).

Первоначально газета была еженедельной, с 1889 г. стала ежедневной. Ее тираж в 1885 г. – 500 экз., 1887–1282, 1904–2000, 1905 г. – 7 500 экз.

В истории газеты выделяются три периода, связанные с изменением политики издания:

1) 1885–1894 гг.: «картамышевский» период, когда во главе газеты стоял ее основатель В.П. Картамышев. В это время происходило становление концепции газеты и велась полемика с «Сибирской газетой»;

2) 1894–1902 гг.: руководителем газеты был Г.В. Прейсман. Газета трансформировалась в либеральное издание универсального содержания. С 1897 г. возобновилось ее полемическое начало, на этот раз с «Сибирской жизнью»;

3) 1903–1905 гг.: редактор – Н.Н. Соин, собрал вокруг себя новый коллектив, который придал газете демократическое направление.

Каждый период отличался от других определенным авторским составом, изменениями в программе и структуре газеты.

Основателем и первым официальным редактором-издателем «Сибирского вестника» в 1885–1888 гг. был присяжный поверенный Василий Петрович Картамышев (1851?–1894). Выпускник юридического факультета Московского университета, он переехал в Томск из Киева в 1881 г. По делу об утверждении в правах наследников иркутского миллионера И.С. Хаминова, Картамышев получил тридцатитысячный гонорар, который он решил вложить в открытие газеты. Томский губернатор И.И. Красовский, в бытность инспектором Московского университета, знал Картамышева и поддержал его инициативу. Главное управление по делам печати выдало разрешение на выход «Сибирского вестника» 2 апреля 1885 г., и уже 16 мая появился первый номер газеты, приуроченный к годовщине подписания указа об учреждении первого университета в Сибири (16 мая 1878 г.).

Газета выходила еженедельно, по четвергам, по программе, состоявшей из 11 разделов: правительственные распоряжения; передовые статьи по местным вопросам, в связи с общей жизнью России и других государств; хроника текущих фактов в Сибири, в Европейской России и за границей; корреспонденции из разных местностей Сибири, Европейской России и других стран; библиография (новые книги, журналы и проч.); фельетон (местные очерки общественной жизни); отчеты о заседаниях судебных учреждений, общественных установлений и ученых обществ; местные научные материалы и исследования; повести, романы, рассказы, стихотворения; справочные известия; частные объявления.

Главной особенностью «картамышевского периода» «Сибирского вестника» стало его принципиальное несогласие с областническим направлением сибирской прессы. «Сибирский вестник» позиционировал себя как «орган русских людей», подчеркивая тем

самым неразрывную связь Сибири и ее жителей с Россией, и отрицал особый самобытный «сибирский путь». Большую роль в таком идейном направлении газеты играл Е.В. Корш, который был фактически «неофициальным редактором» «Сибирского вестника» в 1885–1889 гг. В число сотрудников также входили П.М. Полянский, бывший директор-распорядитель Московского коммерческого ссудного банка, осужденный и высланный в Сибирь по «процессу Струсберга» (1876 г.), В.А. Долгоруков, лишенный княжеского титула и сосланный в Сибирь за подлог по делу «червонных валетов» (1877 г.). Присутствие в редакции лиц, осужденных по уголовным делам, стало одним из ключевых моментов в дискуссии «Сибирской газеты» и «Сибирского вестника».

В первый год своего существования «Сибирский вестник» наполовину наполнялся «чужим» материалом – обзорами российских и зарубежных газет. Много места занимали рассуждения о происходящих событиях и явлениях, воплощаемые в жанрах передовой статьи, фельетона, обзора печати. Беллетристика в 1885 г. в «Сибирском вестнике» отсутствовала, что было связано с немногочисленным авторским составом. В 1886 г. «Сибирский вестник» выходил уже по четвергам и воскресеньям, а к концу года к ним добавилась и среда. Был увеличен и формат издания. В июне 1887 г. «Сибирский вестник» был приостановлен на 6 месяцев, затем в мае 1888 г. – на 4 месяца, в мае 1897 г. – на 8 месяцев.

Первый период закончился со смертью основателя газеты В.П. Картамышева в 1894 г. К этому времени практически полностью изменился состав сотрудников «Сибирского вестника»: в 1889 г. умер П.М. Полянский, в 1890 г. – М.М. Латкин (автор некоторых передовых статей, фельетонов, заметок). Е.В. Корш в 1887 г. получил полное помилование и в 1889 г. покинул Сибирь.

После смерти мужа издательница М.Ф. Картамышева передала «Сибирский вестник» в аренду сотруднику газеты Г.В. Прейсману,

который уже фактически возглавлял редакцию в последние годы «картамышевского периода». Новый редактор-издатель получил в 1895 г. разрешение на ежедневный выпуск газеты. Круг местных и иногородних авторов был существенно расширен: Н.Н. Емельянов (передовые статьи), П.Л. Черневич (критика, публицистика и наука), С.К. Кузнецов (история, археология и библиография), Н.В. Арефьев (русская жизнь), Н.А. Гурьев (сибирская жизнь и судебный отдел), А.О. Станиславский (заграничная жизнь и горное дело), А.И. Чеканинский (местная хроника), Е.А. Прейсман (обзоры русских газет), Л.Х. Сабинин (правовые и судебные вопросы), А. Михайлович (школьное дело и педагогика).

Кроме того, в объявлении о подписке на 1895 г. отмечалось, что в подготовке фельетонов «Сибирского вестника» принимали участие бытописатели – «Невидимка»¹ (Томск), В.К. (Тобольск), «Пимен Сибирский» (Омск), «Дедушка Фаддей»² (Красноярск), Vs (Иркутск), А.Е. (Амур) – и беллетристы – Некрасов, Владиславлев, Клюге, Ив. Северный, Александрович. Отмечалось также, что изъявили свое желание участвовать в газете беллетристы К.М. Станюкович, З.Н. Гиппиус и А.М. Хирьяков. Сообщалось также, что во всех «сколько-нибудь выдающихся пунктах Сибири» у газеты имеются постоянные корреспонденты.

«Сибирский вестник» выходил без особых изменений до 1902 г., когда М.Ф. Картамышева передала редактирование газеты присяжному поверенному Н.Н. Соину. Печать газеты была перенесена в паровую типографию Н.И. Орловой. В объявлении о подписке на 1904 г. сообщалось, что газета выходит при обновленном составе сотрудников, по программе больших провинциальных газет. В числе ее авторов назывались известные общественные деятели: профессора и юристы М.И. Боголепов, П.В. Вологодский и

¹ Под этим псевдонимом писал сам Г.В. Прейсман.

² Псевдоним Ф.Ф. Филимонова.

Р.Л. Вейсман, писатель Г.А. Вяткин, бывшие политические ссыльные Д.А. Клеменц, С.П. Швецов, А.Н. Шипицын, а также основатель областничества Г.Н. Потанин. Многие из членов обновленного «Сибирского вестника» периода 1905 г. были бывшими сотрудниками «Сибирской жизни», которые вышли из газеты в результате внутриредакционного конфликта.

20 марта 1905 г. издателем «Сибирского вестника» был утвержден бывший политический ссыльный, революционер-народник М.Н. Загибалов. Газета приобрела антиправительственное звучание, что привело к ее закрытию 31 декабря 1905 г. по телеграфному распоряжению командующего войсками Сибирского военного округа Н.Н. Сухотина. Попытка реанимировать «Сибирский вестник» под видом «Вестника Сибири» (ежедневная «газета политики, литературы и общественной жизни», редактор И.П. Баев) не увенчалась успехом, в январе 1906 г. вышел только один номер этой газеты.

Таким образом, история «Сибирского вестника» распадается на три части, относительно независимые друг от друга. Основанный как «орган русских людей», полемичный, во многом непоследовательный, но с четко выраженной «физиономией», со сменой руководителя «Сибирский вестник» отошел от первоначальной программы и без особых затруднений вписался в ряд сибирских частных органов печати. Еще более отдалился «Сибирский вестник» от своего первоначального облика в 1904–1905 гг. в связи с начавшейся политической дифференциацией печати. От противостояния областничеству газета перешла с сотрудничеством с его основателем – Г.Н. Потанином, теперь уже разделяя его воззрения на прошлое и будущее Сибири. Все эти изменения, безусловно, были обусловлены не только сменой руководства, но и движением общественной и литературной жизни России, Сибири, Томска. В этом смысле газета старалась соответствовать новым тенденци-

ям, отслеживать крупные события не только местной, но и общероссийской и зарубежной действительности.

Структура и специфика цензурного дела об издании «Сибирского вестника»

Большая часть документов о цензурной истории «Сибирского вестника» объединена в деле под названием «Сибирский вестник», газета, 1885–1906 г., Томск. Дела об издании газеты»¹. В нем можно выделить несколько блоков, относящихся к «картамышевскому» периоду (292 листа), «прейсмановскому» (218 листов), периоду поиска нового издателя и редактора (143 листа) и, наконец, к последнему периоду, когда газета находилась в руках издателя Н.Н. Соина и редактора М.Н. Загибалова (100 листов).

Приведенные числа свидетельствуют о том, что в период, когда газета находилась в руках ее основателя В.П. Картамышева, переписка между Томском и Главным управлением по делам печати велась наиболее интенсивно. В этот период можно выделить несколько самых обсуждаемых сюжетов:

– основание «Сибирского вестника» при поддержке томского губернатора И.И. Красовского, обсуждение повышения периодичности выпуска газеты (до 3 раз в неделю – разрешено, до 6 раз в неделю, ежедневно – ходатайства отклонены)²;

– борьба В.П. Картамышева за увеличение подписной цены на «Сибирский вестник» с 7 до 8, затем до 9 руб. в год³;

– конфликты В.П. Картамышева с томским губернаторами А.Ф. Анисьиным, А.И. Лаксом, А.П. Булюбашем, Г.А. Тобизеном¹;

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 19. Ч. 1. 495 л.; Ч. 2. 319 л.

² Там же. Ч. 1. Л. 1–37, 264–265.

³ Там же. Л. 38–159.

- переписка с Главным управлением по делам печати о пропуске в печать нежелательных публикаций²;
- конфликт руководителей газеты с томскими цензорами³;
- смена издателей и редакторов⁴;
- приостановка газеты в 1887 и 1888 гг., просьбы о сокращении срока приостановки⁵;
- конфликт «Сибирского вестника» с енисейским губернатором и начальником Иркутского военного округа⁶;
- конфликт В.П. Картамышева с томским полицмейстером В.В. Ушаковым⁷;
- документы о пребывании В.П. Картамышева в тюремном заключении⁸.

Перечисление этих основных сюжетов дает возможность сделать вывод о том, что в «картамышевский» период большая часть претензий предъявлялась не столько к содержанию газеты, сколько к самому В.П. Картамышеву как редактору «Сибирского вестника».

В то же время и сам Картамышев активно обращался в Главное управление по делам печати с жалобами на своих недругов, в том числе на губернаторов и на цензоров.

«Прейсмановский» период отражен в документах цензурного дела как первой, так и второй части. Их также возможно объединить в несколько сюжетных блоков:

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 19. Ч. 1. Л. 64–67, 89–92, 96, 107–108, 168–178.

² Там же. Л. 79–80, 84–85, 99, 102–104, 179–182, 188–189, 232, 244, 272–275.

³ Там же. Л. 59–63, 68–72, 76, 152–153, 279–285.

⁴ Там же. Л. 47–50, 82, 87–88, 142–143, 106–107, 109–115, 128–132, 146–147, 151, 160–163, 167, 289, 291, 313–316.

⁵ Там же. Л. 51–52, 118–122, 125–127, 134–140.

⁶ Там же. Л. 184–185, 196–208, 229, 233–234, 209–210, 212–219 230, 235–243, 245–246, 297–312.

⁷ Там же. Л. 254–262, 266–271.

⁸ Там же. Л. 286, 317–318, 335.

- передача газеты в аренду Г.В. Прейсману на 5 лет, до 1900 г.¹;
- получение разрешения на ежедневный выпуск газеты²;
- претензии к пропуску в печать нежелательных статей³;
- конфликт с енисейским и иркутским губернаторами, который привел к приостановке «Сибирского вестника» на 8 месяцев⁴;
- донесения санкт-петербургского цензора С.И. Уманца о предосудительном содержании «Сибирского вестника»⁵;
- объяснительные письма цензоров о пропуске в печать нежелательных материалов⁶;
- ходатайство и обсуждение вопроса о понижении подписной цены на «Сибирский вестник»⁷;
- попытки привлечь к изданию Н.В. Арефьева и Н.Н. Емельянова в качестве редакторов⁸;
- неудавшаяся попытка продать «Сибирский вестник» Г.В. Прейсману⁹.

В этот период на первый план вышли проблемы Г.В. Прейсмана с цензурным ведомством из-за нежелательного направления «Сибирского вестника». На первых порах, рассматривая кандидатуру Г.В. Прейсмана на роль редактора, местная власть и Главное управление по делам печати надеялись на то, что новый руководитель газеты поведет ее по-иному и прервет цепь скандалов, вызванных деятельностью своего предшественника.

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 19. Ч. 1. Л. 317–350.

² Там же. Л. 348, 357–364.

³ Там же. Ч. 1. Л. 366–378, 381–383, 386, 388–395, 399–401, 418–423, 425, 428, 452; Ч. 2. Л. 7, 16, 30, 32–33, 35, 38, 45–46, 92–99, 102–103, 121, 132.

⁴ Там же. Ч. 1. Л. 384–385, 396–398, 402, 404, 429–451, 453–487.

⁵ Там же. Ч. 1. Л. 426–427; Ч. 2. Л. 1–2, 10, 23–24, 31, 34, 39, 41–44, 47–53, 64–65.

⁶ Там же. Ч. 1. Л. 3–4, 11–15, 19–22, 28–29, 62–63, 133.

⁷ Там же. Ч. 1. Л. 506; Ч. 2. Л. 8–9, 54–57, 72–73, 77–79.

⁸ Там же. Ч. 1. Л. 354–356, 405–417.

⁹ Там же. Ч. 2. Л. 58–61, 66–69.

Г.В. Прейсман – 33-летний уроженец Томска, выпускник Томского Алексеевского реального училища и Мюнхенской королевской технической школы, служащий Сибирского торгового банка. В «Сибирском вестнике», по сведениям томского губернатора, он уже давно играл роль неофициального редактора и издателя, имел также опыт сотрудничества в других изданиях. Убедя Главное управление по делам печати передать газету в руки Г.В. Прейсману в то время, когда Картамышев находился в тюрьме, томский губернатор Г.А. Тобизен давал ему следующую характеристику: «...отличается спокойным, объективным образом мыслей, сдержанным, хладнокровным характером и скромным трудолюбивым образом жизни»¹. Однако очень скоро цензурная переписка заpestрела такими определениями, как «неблаговидный образ действий»², «в самых предосудительных красках»³, «вымысел праздной фантазии»⁴, «вызывающий тон»⁵ и т.д. «Орган шайки разбойников пера и мошенников печати» – так характеризовали газету местные чиновники⁶.

«Все мои неоднократные личные указания и внушения редактору Прейсману о неосновательности и неуместности печатания тех или иных статей оказывались напрасными»⁷, – так писал томский губернатор А.А. Ломачевский в 1896 г. в Главное управление по делам печати. На полях этого документа сохранилась надпись, принадлежавшая, видимо, М.П. Соловьеву, который возглавил Главное управление по делам печати 23 мая 1896 г.: «Неужели,

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 19. Ч. 1. Л. 318.

² Там же. Л. 382.

³ Там же. Ч. 2. Л. 39.

⁴ Там же. Ч. 1. Л. 391–393.

⁵ Там же. Л. 397.

⁶ Там же. Л. 474–476.

⁷ Там же. Л. 388.

однако, с этим Прейсманом нельзя справиться? Казалось бы, это очень нетрудно»¹.

В секретном донесении томскому губернатору из Главного управления по делам печати подчеркивалось, что «главный редактор названного издания Прейсман действительно не заслуживает доверия цензуры, ибо пользуется всякою оплошностью со стороны ее для помещения в газете предосудительных статей и сообщений <...> видно, что Прейсман прибегает иногда даже к неблагоприятным приемам, чтобы обойти законные требования»². От цензора требовали относиться к газете «с особым вниманием и строгостью»³.

Главное управление по делам печати в мае 1897 г. составило развернутую характеристику «Сибирского вестника», напомнив об истории его основания В.П. Картамышевым с целью «противодействовать тенденциям к обособлению Сибири»⁴, о том, что он в итоге «не оправдал ожиданий» и «утратил уважение общества»⁵, о приостановках газеты за «клеветнические статьи», тюремном заключении и смерти редактора-основателя. Описание ситуации, относящейся к 1897 г., предварялось акцентированием внимания на еврейском происхождении нового редактора: «Гершко, в Св. Крещении (с 1885 г.) Григорий Васильев Прейсман, севастопольский мещанин, ранее сего состоял постоянным сотрудником в “Сибирском вестнике” и был утвержден в звании редактора на основании одобрительного отзыва о нем томского губернатора Тобицена»⁶. Однако Прейсман продолжил вести «Сибирский вестник» в

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 19. Ч. 1. Л. 388.

² Там же. Л. 399–401.

³ Там же. Л. 401.

⁴ Там же. Л. 434.

⁵ Там же. Л. 435.

⁶ Там же. Л. 436.

прежнем направлении: «В 1896 г. (№ 19) он, вопреки цензурному запрещению, перепечатал статью графа Л.Н. Толстого о телесных наказаниях, а в последующих – целую серию неверных или извращенных известий о внутренней жизни учебных заведений, о действиях томской полиции и почтово-телеграфного ведомства»¹. Недовольство направлением газеты, по сведениям цензуры, высказывали не только томские чиновники, но и иркутский генерал-губернатор, и это являлось «решительным доказательством о том, что снисходительное отношение Главного управления к “Сибирскому вестнику” оказалось недостаточным для упорядочения направления названной газете, а местный цензурный надзор в Томске не имеет возможности удостовериться в правдивости сообщений из других губерний»².

В итоге столичные цензоры пришли к выводу, что раз «строгость цензурирующих “Сибирский вестник” оказывается недостаточной для искоренения вредного направления этой газеты», оставалось только одно – «прибегнуть к мерам карательным», а именно – приостановить газету на 8 месяцев³. На основании этого отзыва 17 мая 1897 г. «Сибирский вестник» действительно был приостановлен.

Необходимо отметить, что Г.В. Прейсман пытался опротестовать эту приостановку, убеждая томского губернатора, что это «результат случайного недоразумения»⁴, но ответа на свое письмо он не получил (либо он не попал в архивное дело). Иркутский же генерал-губернатор К.Н. Светлицкий высказывал начальнику Главного управления по делам печати «искреннюю признательность за приостановление разнуздавшейся газеты»⁵.

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 19. Ч. 1. Л. 436.

² Там же. Л. 437.

³ Там же. Л. 437.

⁴ Там же. Л. 442.

⁵ Там же. Л. 478.

Прейсман просил Главное управление по делам печати сократить срок приостановки. Первоначальный отказ сменился разрешением выпускать газету на месяц раньше – с 17 декабря 1897 г., что позволяло вовремя начать подписную кампанию на будущий год.

Следующим шагом, который пытались осуществить Г.В. Прейсман и М.В. Картамышева, было понижение цены на «Сибирский вестник», который проигрывал в конкурентной борьбе более дешевой «Сибирской жизни». Однако на первом ходатайстве 1898 г. начальник Главного управления по делам печати М.П. Соловьев написал: «В виду неоднократно проявлявшегося неблагонадежного дух, в коем ведется издание под управлением Прейсмана, облегчение “Сибирскому вестнику” конкуренции с “Сибирской жизнью” и другими сибирскими газетами и распространение “Сибирского вестника” представляется нежелательным»¹. Цену с 9 до 7 руб. в год удалось снизить только в октябре 1900 г.²

В целом содержание документов цензурного дела «Сибирского вестника» за 1897–1900 гг. позволяет утверждать, что «нежелательное» направление газеты при новом редакторе, с точки зрения властей, не изменилось. Об этом писал цензор Главного управления по делам печати С.И. Уманец, настаивая на том, что томский цензор должен проявлять большую строгость при работе с «Сибирским вестником». Когда в 1900 г. Прейсман обратился с ходатайством о продаже ему газеты, ему отказали, «принимая во внимание, что редакторская деятельность Прейсмана вызывала неоднократные жалобы губернаторского начальства и навлекла даже на газету столь исключительную кару, как приостановка издания»³.

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 19. Ч. 2. Л. 5.

² Там же. Л. 77.

³ Там же. Л. 60.

С 1900 г. начался период поисков нового редактора и издателя газеты. В цензурном деле это отразилось в документах, отражающих следующие события:

– передача обязанностей издателя и право подписывания газеты за редактора М.Ф. Картамышевой¹;

– попытка привлечь к изданию газеты Г.Ф. Флеера²;

– попытка передачи редактирования П.В. Оленину³;

– утверждение в качестве редактора Н.Н. Соина⁴;

– попытка утвердить в качестве издателя А.А. Грацианова⁵;

– утверждение в качестве издателя М.Н. Загибалова⁶.

Однако и эти перемены не смогли придать «Сибирскому вестнику» желательное направление – оно по-прежнему оставалось «вредным», и данная тенденция еще более усилилась при М.Н. Загибалове. При этом томский губернатор доносил в Главное управление по делам печати о том, что М.Н. Загибалов был издателем фиктивным, газета велась другими лицами, которые и придали ей характер «весьма тенденциозный, вообще вредный и нежелательный»⁷. Цензор В.К. Фром считал, что «Сибирский вестник» в 1905 г. вообще был печатным органом «боевой организации» эсеров⁸.

Отдельный блок документов составляют сюжеты, связанные с деятельностью некоторых цензоров Томска:

– А.Н. Пятова⁹;

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 19. Ч. 2. Л. 70, 75–76, 80–81, 105–106, 123, 136.

² Там же. Л. 82–91, 104, 141–142, 144–153.

³ Там же. Л. 107–118, 120, 122.

⁴ Там же. Л. 125–131, 134–135, 137–140.

⁵ Там же. Л. 154–158, 160–163, 217.

⁶ Там же. Л. 214–216, 219, 236–243, 255, 257–258.

⁷ Там же. Л. 273.

⁸ Там же. Л. 286.

⁹ Там же. Л. 159, 166–179, 181–184, 213.

– В.К. Фрома¹;

– П.Т. Виноградова².

После Манифеста 17 октября 1905 г. «Сибирский вестник» была намерен получить освобождение от предварительной цензуры. 9 ноября 1905 г. редакция отправила в Петербург телеграмму на имя председателя Совета министров С.Ю. Витте: «...испытывая жестокий цензурный гнет, лишённые возможности правдиво освещать местные события, защищать основы гражданской свободы, успокоить крайне возбуждённое общественное мнение, просим во имя справедливости и законности распространить на нашу газету правила столичной печати, освободив от предварительной цензуры» (л. 295–296). Но дни «Сибирского вестника» были уже сочтены. Цензор П.Т. Виноградов уведомлял Главное управление по делам печати о том, что Н.Н. Соин – подставной редактор, а газетой в действительности руководит социалист-революционер М.Н. Воскресенский, который после выхода Манифеста 17 октября 1905 г. заявил: «Цензура едва ли имеет право предъявлять свои требования»³. 30 декабря 1905 г. газета была закрыта по распоряжению командующего войсками Сибирского военного округа генерал-лейтенанта Н.Н. Сухотина⁴.

В.П. Картамышев против губернаторов и цензоров

Наиболее развернутые сюжеты «Сибирского вестника» связаны с «картамышевским периодом», прежде всего потому, что он не

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 19. Ч. 2. Л. 243–245, 259, 262–263, 265–266, 268–272, 274–279, 282–286.

² Там же. Л. 290, 298–300, 302.

³ Там же. Л. 299.

⁴ Там же. Л. 300.

останавливался перед выяснениями отношений с властью – как губернаторской, так и цензурной.

В качестве примера рассмотрим сюжет с критикой работы цензора А.Р. Николаева, которая содержалась в обращении В.П. Картамышева в Главное управление по делам печати (было получено в Санкт-Петербурге 2 июля 1887 г.)¹. Извещая столичных цензоров о том, что более года цензурой «Сибирского вестника» занимался старший советник Томского губернского правления А.Р. Николаев, он требовал «просить о разъяснении г. Николаеву, в чем именно заключаются обязанности цензора и в каких пределах принадлежит ему право воспрещать к печати представляемые на его просмотр статьи»². Необходимость в таких разъяснениях заключалась в запрете цензором публиковать окончание фельетона «Чем мы живы» в № 74 от 28 июня 1887 г., посвященное сравнительному изложению отношений сибирской «патриотической печати» к научным заслугам А.А. Бунге и Г.Н. Потанина. Вместо этого окончания номер украсила строчка с многозначительными крестами. В.П. Картамышев считал, что этот текст «не заключал в себе ничего противного цензурным правилам», написан был «вполне прилично и сдержанно», а причину его запрета цензор Николаев высказал устно за несколько дней до предоставления ему данного фельетона – «не пропускать никакой полемики с патриотической печатью, пока издание “Сибирской газеты”, приостановленной распоряжением господина министра внутренних дел на восемь месяцев, не возобновится»³.

Далее В.П. Картамышев обрисовывал «расстановку сил» в сибирской периодике и следующим образом характеризовал своих ближайших конкурентов: «Нужно заметить, что сибирская печать

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 19. Ч. 1. Л. 59–61.

² Там же. Л. 59.

³ Там же.

делится на два прямо противоположных лагеря: три издания – “Восточное обозрение” в Санкт-Петербурге, “Сибирская газета” в Томске и “Сибирь” в Иркутске держатся направления, проповедующего самостоятельное внутреннее развитие нашей окраины, протестующего против соединения Сибири железной дорогой с Европейской Россией, доказывающего, что Сибирь существует исключительно для сибиряков, и что здесь нет места для деятельности людей, родившихся за Уралом. Этим основным взглядом обуславливаются все суждения названных газет, суждения, с которыми невозможно помириться русскому человеку, желающему видеть в сибирской окраине такую же русскую провинцию, как и все внутренние губернии Российского государства»¹.

Свое издание Картамышев описывал как необходимый «противовес» сибирской областнической печати: «С целью укрепить в сознании сибирского общества неразрывность внутренней связи между Россией и Сибирью, оказать нравственное содействие и моральную поддержку русским деятелям в далекой окраине, в корне подорвать то враждебное к ним настроение, которое упорно распространяется вышеупомянутыми органами печати, я основал газету “Сибирский вестник” и издаю ее третий год»².

Поставленные цели, по мнению редактора-издателя, требовали особых усилий, и прежде всего ведения постоянной полемики: «...я не могу не полемизировать с изданиями противоположного мнения, не могу, достигая целей моей газеты, относиться равнодушно к тем приемам, которые пускаются в ход моими литературными противниками для прославления служителей их идеи. Я вынужден отвечать на их ложную, по моему мнению, тенденцию всякий раз, когда она проявляется в слишком резкой и импонирующей форме, я обязан опровергать эту тенденцию, разоблачать

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 19. Ч. 1. Л. 60.

² Там же.

употребленные для ее подкрепления приемы, – иначе и моя газета потеряет весь свой смысл, все свое значение»¹.

Такая пророссийская и общегосударственная позиция «Сибирского вестника» неожиданно, по мнению В.П. Картамышева, встречала «противодействие, явное, принципиальное, в органах местной цензуры», и сама газета «с разрешения петербургской, томской и иркутской цензуры систематически подвергается самым резким нападкам и оскорблениям, одновременно в трех единомышленных изданиях»². Этот «триумвират» В.П. Картамышев открыто называл своими «литературными врагами» и требовал от цензуры разрешения опровергать их мнения и полемизировать с ними. Главное управление по делам печати должно было ограничить произвол цензора А.Р. Николаева в отношении «Сибирского вестника» и допустить к печати все запрещенные им фрагменты и статьи.

В результате рассмотрения жалобы Главное управление по делам печати пришло к выводу, что «чиновник, цензурирующий “Сибирский вестник”, вычеркнул в прилагаемых к этой жалобе корректурных листах совершенно цензурные места, делал поправки в словах и вставлял свои выражения вместо зачеркнутых», и потому просило «поставить этого чиновника в известность о необходимости при просмотре корректурных листов строго соотносываться с требованиями цензурного устава»³.

Однако томский губернатор А.И. Лакс уведомлял начальника Главного управления по делам печати Е.М. Феоктистова, что он сличил присланные ему корректурные листы с теми, которые остались у цензора, и выяснил: «...поправки слова и вставки новых выражений вместо зачеркнутых сделаны не цензурирующим газе-

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 19. Ч. 1. Л. 60.

² Там же.

³ Там же. Л. 90.

ту чиновником, а в самой редакции, рукой главного сотрудника оной ссыльного Корша»¹. Что же касается зачеркнутых «цензурных мест», то Лакс оправдывал местного цензора тем, что он «имел в виду как местные, хорошо и давно ему известные условия, так и мало нравственную личность редактора этой газеты Картамышева, у которого за всякой простой заметкой, предназначенной к печати, всегда кроется задняя, для кого-нибудь обидная мысль и который не останавливается даже пред заведомо ложным сообщением, если только оно может повредить репутации неприятной для него личности»². В качестве примера такого образа действий Картамышева губернатор ссылался на ситуацию с исключенной цензурой заметкой об археологических раскопках могильника в окрестностях Томска. В ней, указывая Лакс, «Картамышев глумится над учеными заслугами сибирского метиса (Адрианова), зная очень хорошо, что по этому делу состоялся здесь третейский суд, признавший за Адриановым преимущественное право на раскопку этого могильника»³.

Кроме этого, Лакс был недоволен тем, что в «Сибирской газете» была предпринята попытка бросить тень на его собственное распоряжение, когда вместо претендовавшего на должность секретаря томского статистического комитета В.П. Картамышева, на эту должность им был назначен А.В. Адрианов. По мнению Лакса, цензор действовал совершенно справедливо, вычеркнув слова (подчеркнуты в тексте), смещавшие акцент в сторону того, что губернатор действовал якобы вопреки решению министра внутренних дел: «...первым приказом нового губернатора чиновником особых поручений и исполняющим должность секретаря статистического комитета назначен редактор-издатель закрытой распо-

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 19. Ч. 1. Л. 90.

² Там же.

³ Там же. Л. 91.

ряжением министра внутренних дел на 8 месяцев “Сибирской газеты” Адрианов»¹.

Таким образом, томский губернатор встал на защиту цензора, заключая, что «при том развязном и недобросовестном обращении с печатным словом, которому следует редактор “Сибирского вестника” Картамышев <...> излишняя строгость к “Сибирскому вестнику” со стороны цензирующего эту газету чиновника может принести скорее пользу, чем вред для дела»².

Необходимо добавить, что во многих документах, принадлежащих официальным лицам, подчеркивалось нежелательное направление «Сибирского вестника», обусловленное политикой его редактора. Но если в случае с «Сибирской газетой» отрицательные отзывы основывались на сотрудничестве ее с политическими ссыльными, на следовании редакции областнической идеологии, то «Сибирский вестник» довольно скоро приобрел репутацию «карманного издания» В.П. Картамышева, который с помощью печати реализовывал свои амбиции и демонстрировал неуживчивый нрав.

Так, например, в 1890 г. томский губернатор Г.А. Тобизен в конфиденциальном послании на имя министра внутренних дел Н.Н. Дурново подтверждал негативное мнение о «Сибирском вестнике», сложившееся у его предшественников: «Оставаясь на почве политической благонадежности, в тесном смысле этого слова, он все более и более упускал из вида первоначальную, серьезную цель своего издания и наполнял его столбцы местными мелкими сплетнями, глумлениями над местными общественными деятелями и направленными против должностных лиц инсинуациями всякого рода, — этим совершенно уронил в глазах общества достоинство значение издаваемой им газеты»³.

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 19. Ч. 1. Л. 91.

² Там же.

³ Там же. Л. 169.

Также Тобизен отмечал, что скандальная репутация редактора газеты была связана не только с журналистикой: «...Картамышев своею, в высшей степени предосудительною частною жизнью и постоянными производимыми им скандалами, возбудил против себя справедливые жалобы и нарекания городских жителей, что и вызвало исключение его из числа членов двух существующих в Томске клубов; на все делаемые ему по этому поводу замечания он отвечал дерзостями и наконец, по-видимому, вступил в открытую, если я смею так выразиться, вражду с представителями власти»¹.

Картамышев конфликтовал со всеми после И.И. Красовского губернаторами. В отношении него был вынесен ряд судебных решений о штрафах и арестах по обвинениям в печатных и публичных оскорблениях должностных лиц, которые, однако, не были приведены в исполнение по причине боязни мщения со стороны Картамышева через свою газету. «Страх, наводимый личностью Картамышева, дошел до таких размеров, что, например, члены судебного ведомства под разными, хотя, по-видимому, и законными предложениями иногда отстраняли себя от участия в решении дел, возбужденных против Картамышева, исключительно из боязни неизбежного следствия столкновения с ним; частные же лица, под влиянием того же страха, часто отказываются от первоначального смело поданных ими в суд жалоб»². По слухам, редактор даже принимал подарки и ссуды, чтобы высказать или, напротив, не высказать «свое личное сочувствие или несочувствие известным лицам, предприятиям или учреждениям»³.

Эта «хроника деградации» газеты и ее редактора предвляла мнение Тобизена о том, каким образом следует поступить с «Сибирским вестником», чтобы положить предел безнаказанности его

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 19. Ч. 1. Л. 169.

² Там же. Л. 170–171.

³ Там же. Л. 173.

редактора и восстановить авторитет местной администрации. Он предлагал три возможных варианта: «передать цензурирование газеты “Сибирский вестник” лицу по моему усмотрению», «приостановление этого издания», наконец, в случае дальнейших «публичных скандалов и бесчинств» редактора «ходатайствовать о выселении Картамышева из Томска административным порядком»¹.

В архивном деле действительно хранятся свидетельства о драках и скандалах редактора «Сибирского вестника»², что позволяет говорить об объективности оценок губернатора в отношении Картамышева.

Необходимо добавить, что Картамышев не ограничивался конфликтами только с томскими властями. В 1890 г. на «Сибирский вестник» жаловался своим столичным покровителям енисейский губернатор Л.К. Теляковский: «Перед отъездом моим в Сибирь ваше превосходительство предупреждали меня, что сибирская печать груба, дерзка и распущена. Мне пришлось более, чем кому-либо из лиц, служащих в Сибири, из числа прибывших из Европейской России (которых, кстати сказать, сибиряки недолюбливают), вынести всю грязь сибирской печати»³.

Теляковский считал, что эта ситуация во многом была обусловлена состоянием местной цензуры: «...распущенность печати зависит всецело от цензоров местной периодической печати, которые состоят по прямой обязанности председатели губернских правлений (они же вице-губернаторы) – люди большею частью по происхождению и по воспитанию сибиряки, следовательно, воспитанные в грубости сибирской жизни, верно описанной в газете “Гражданин”».

Они смотрят на цензуру как на стеснение свободы печати, по их мнению, необходимой для ознакомления Европейской России с

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 19. Ч. 1. Л. 174.

² Там же. Л. 107, 256–261, 266–271.

³ Там же. Л. 205.

Сибирью, которой они, как родине, душою преданы, и для этого они не пренебрегают средствами; при том же они, как сибиряки, не любят пришлых из России и готовы излить на этих последних свою злобу за первенство и за их миссию культивировать край»¹.

Об изменении цены на «Сибирский вестник»

В первые годы издания «Сибирский вестник», основанный при прямой поддержке томского губернатора И.И. Красовского, пользовался определенными привилегиями: в частности, редактору довольно быстро удалось получить право издавать газету 3 раза в неделю (в отличие от «Сибирской газеты», выходившей 1 раз в неделю). Однако период губернаторской поддержки закончился довольно быстро: И.И. Красовский скоропостижно скончался в июне 1885 г., а следующий томский губернатор, А.Ф. Анисьин, не был склонен поощрять картамышевские инициативы. Так, например, не было поддержано стремление В.П. Картамышева издавать «Сибирский вестник» 6 раз в неделю: уже полученное от министра внутренних дел согласие на увеличение числа выпусков было отозвано из-за телеграммы А.Ф. Анисьина². Губернатор уведомлял Главное управление по делам печати, что В.П. Картамышев «исхлопотал разрешение игнорируя меня», а это «подрывает авторитет губернатора». Если же разрешение не будет отозвано, А.Ф. Анисьин предлагал «перевести цензуру обеих газет в Москву»³. Главное управление по делам печати приостановило свое разрешение «до получения необходимых сведений»⁴, и в ответ на

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 19. Ч. 1. Л. 206.

² Там же. Л. 19.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 20.

все возмущенные письма В.П. Картамышева (от 31 мая 1886 г.¹, от 29 апреля 1886 г.², от 29 марта 1886 г.³) сообщило, что ходатайство «признано ненадлежащим удовлетворению» (20 сентября 1886 г.)⁴.

В 1887 г., по настоянию губернатора А.И. Лакса, «Сибирский вестник» был приостановлен на 8 месяцев. О «необъяснимом противоречии в отношениях» газеты и губернатора Главное управление по делам печати было вынуждено сообщить вице-директору Департамента общих дел министерства внутренних дел Н.П. Золотницкому⁵. Конфликтные отношения сложились у В.П. Картамышева и с А.П. Булюбашем, исполнявшим обязанность томского губернатора в 1888–1890 гг., следствием чего стала вторая приостановка газеты на 4 месяца в 1888 г.

Одним из этапов этой «борьбы» В.П. Картамышева с губернаторами стала его попытка поднять цену газеты с 7 руб. до 8, а затем до 9 руб. в год. Так, 2 марта 1887 г. Картамышев подал прошение в Главное управление по делам печати с просьбой повысить подписную цену на один рубль – до 8 руб. в год⁶, на что 28 марта 1887 г. был получен отказ «ввиду отзыва о неудовлетворительности направления» газеты⁷. 14 августа 1887 г. издательница «Сибирского вестника» М.Ф. Картамышева (муж формально передал ей дела по изданию газеты 7 июня 1887 г.)⁸ вновь обратилась в Главное управление по делам печати с просьбой повысить цену до 8 руб. в год, обосновав свои траты по изданию газеты⁹. Главное

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 19. Ч. 1. Л. 21–22.

² Там же. Л. 23–26.

³ Там же. Л. 35.

⁴ Там же. Л. 37.

⁵ Там же. Л. 64–67.

⁶ Там же. Л. 38.

⁷ Там же. Л. 39.

⁸ Там же. Л. 47–50.

⁹ Там же. Л. 77.

управление по делам печати попросило томского губернатора прислать «заключение по этому ходатайству»¹. Губернатор А.И. Лакс подготовил этот документ 12 октября 1887 г. Он охарактеризовал Картамышеву как «фиктивную издательницу», поскольку газетой по-прежнему распоряжался ее муж, и увеличение платы «даст ему только возможность вести еще более разгульную жизнь»². На основании этого отрицательного отзыва Главное управление по делам печати отказало М.Ф. Картамышевой в повышении цены на газету³.

Однако в 1888 г. А.И. Лакс умер от воспаления легких, и до вступления в должность нового губернатора, А.П. Булюбаша, губернией временно управлял председатель томского губернского правления Н.Н. Петухов. Вновь В.П. Картамышев решил попробовать увеличить цену на свое издание. Так, 30 июня 1888 г. Н.Н. Петухов уведомил Главное управление по делам печати, что он поддерживает ходатайство М.Ф. Картамышевой об увеличении цены издания с 7 до 9 руб. в год⁴. Как и в прошлый раз, Главное управление по делам печати попросило нового губернатора, А.П. Булюбаша, дать свое заключение⁵.

15 ноября 1888 г. А.П. Булюбаш телеграфировал в Главное управление по делам печати о том, что он не против увеличения цены⁶. Поддержал он эту просьбу и отдельным письмом начальнику Главного управления по делам печати Е.М. Феоктистову⁷. Главное управление по делам печати 15 марта 1889 г. разрешило поднять цену на «Сибирский вестник», однако на этот документ

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 19. Ч. 1. Л. 78.

² Там же. Л. 93–94.

³ Там же. Л. 97, 98.

⁴ Там же. Л. 123.

⁵ Там же. Л. 133.

⁶ Там же. Л. 141.

⁷ Там же. Л. 146–147.

была наложена резолюция товарища министра внутренних дел В.К. Плеве – «Отклонить»¹. Е.М. Феоктистов сообщил губернатору о том, что ходатайство об увеличении цены «не признано удобным», добавив, что «с прекращением “Сибирской газеты” материальные условия “Сибирского вестника” и без того должны значительно улучшиться»².

Почти добившись успеха, В.П. Картамышев решил пойти в обход официальных каналов, обратившись к графу А.П. Игнатьеву (назначенному на должность товарища министра внутренних дел), которого он знал лично.

В 1885 г. А.П. Игнатьев был генерал-губернатором Восточной Сибири, с 1887 г. – иркутским генерал-губернатором. Он знал историю возникновения газеты и ее главных сотрудников – В.П. Картамышева и С.К. Кузнецова. От имени своей жены 20 сентября 1889 г. Картамышев отправил Игнатьеву «докладную записку», в которой отказ в повышении цены объяснялся «последствием некоторого недоверия ко мне, моему органу и моим сотрудникам»³. В результате 28 сентября 1889 г. Главное управление по делам печати сообщило о разрешении «Сибирскому вестнику» поднять цену на газету на два рубля, до 9 руб. в год⁴.

Таким образом, расчет руководителей «Сибирского вестника» оправдался: граф А.П. Игнатьев откликнулся на их просьбу и оказал содействие. Однако понадобилось два года, чтобы добиться повышения цены на два рубля, при этом не менялась ни программа газеты, ни ее направление. Очевидно, причина была не в экономических препятствиях: архивное дело свидетельствует о том, что цена стала аргументом в конфликте, сторонами которого были,

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 19. Ч. 1. Л. 148.

² Там же. Л. 149.

³ Там же. Л. 154–156.

⁴ Там же. Л. 159, 161–163.

с одной стороны, В.П. Картамышев как основатель и руководитель «Сибирского вестника», с другой – местная губернская власть в лице губернаторов А.Ф. Анисына и А.И. Лакса, а также Главного управления по делам печати.

Свои аргументы в пользу повышения цены руководители «Сибирского вестника» – сначала В.П. Картамышев, затем М.Ф. Картамышева – излагали, раскрывая «внутреннюю кухню» газеты, а именно экономическую сторону ее существования. В 1887 г. В.П. Картамышев писал: «Я очень молодой редактор, ибо моей газете 16 мая настоящего года исполнилось только два года; начал я издавать газету, выпуская ее один раз в неделю в размере одного печатного листа. Потом я увеличил срок до 2-х раз, а с 1 октября 1886 года выпускаю ее три раза в неделю и кроме того ежедневно даю телеграммы “Северного агентства”. В течение первых двух лет издание дало мне до 7 тысяч рублей убытку только благодаря невозможной дешевизне подписной цены, которую я имел неосторожность назначить»¹.

Издатель сообщал о стоимости бумаги, на которой печаталась газета («бумага размера “Сибирского вестника” стоит в Томске около 8 рублей стопа, а в стопе 480 листов, и, значит, каждый лист приблизительно обходится мне около двух копеек»), о цене за пересылку газеты («18% от цены издания, то есть 1 р. 26 коп. за каждого подписчика»), о стоимости тиражирования (3 600 руб. в год). В итоге годовой экземпляр газеты обходился в 2 руб. 50 коп., что было далеко недостаточно для покрытия всех издержек при 1 200 подписчиках². Этот же расчет был приведен в обращении М.Ф. Картамышевой³.

В 1888 г., когда руководители газеты стали добиваться увеличения цены на подписку не на один, а на два рубля, экономика

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 19. Ч. 1. Л. 54.

² Там же. Л. 54.

³ Там же. Л. 77.

«Сибирского вестника» выглядела так: «...печатание газеты в собственной типографии стоит 4 800 р. сер., или 2 р. 40 к. за годовой экземпляр; бумага, с доставкой в Томске, обходится 8 р. стопа»; «почта взимает 16% с подписной цены <...> то есть по 1 р. 12 к. годовой экземпляр». Добавилось и указание на гонорары, которые составляли 4 800 руб. в год, а также траты на «содержание конторы, телеграммы, корректура и другие расходы», которые превышали 2 тыс. руб. в год¹. Каждый экземпляр газеты, в итоге, обходился в 9 руб. 59 коп. М.Ф. Картамышева констатировала: «Трехлетний опыт окончательно убедил меня, что даже при 2 000 подписчиках издание газеты “Сибирский вестник” не может не приносить значительного убытка, если годовая цена газеты, с еженедельно бесплатной рассылкой телеграмм останется семь рублей в год»², убыток же составлял 5 тыс. руб. в год. В прошении также подчеркивались два момента. С одной стороны, издательница не могла рассчитывать на «быстрое и столь значительное увеличение количество подписчиков, которое покрывало бы этот, весьма чувствительный для меня убыток»; с другой – цена газеты «не имеет никакого влияния на ее внутреннее содержание, и, будучи увеличенной, скорее может сократить распространенность издания, чем увеличить число подписчиков»³.

В докладной записке на имя графа А.П. Игнатьева Картамышев от имени своей жены жаловался на повышение цены за рассылку (18%, т.е. 1 руб. 26 коп. с экземпляра), указывая, что «цена 7 р. была назначена за издание один раз в неделю, а теперь “Сибирский вестник” выходит три раза в неделю, что значительно увеличило редакционные расходы, потребность лишней платы за печат-

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 19. Ч. 1. Л. 124.

² Там же.

³ Там же. Л. 125.

тание газеты и увеличенный состав сотрудников»¹. Имеющиеся убытки не давали возможности «приглашать новых сотрудников и вообще улучшать некоторые отделы издания», а также вознаграждать уже имеющихся сотрудников².

Особое внимание М.Ф. Картамышева уделила аргументу о том, что «Сибирский вестник» выиграет в материальном плане после закрытия конкурировавшей с ним «Сибирской газеты»: «Прекращение других газет на увеличение числа подписчиков влияния иметь не может, ибо у закрытых газет был свой круг читателей, не выписывающий и не читающий никаких газет, кроме своих, или и без того выписывающих “Сибирский вестник”»³. М.Ф. Картамышева так описывала ситуацию с аудиторией: «Потребность в Сибири в чтении есть, но читатель нарождается медленно, так что у “Сибирского вестника” – самой распространенной и большой в Сибири газеты, после пятилетнего существования, едва наберется 1 300 платных подписчиков, не считая даровых и бесплатных. У других же газет число подписчиков еще меньше»⁴. Для примера называлось «Восточное обозрение», которое, выходя 1 раз в неделю, стоило 8 руб., «а с малоценными приложениями, выходящими без срока и совершенно неопределенной величины, 10 рублей», в то время как «Сибирскому вестнику» – «значительно большему по объему и содержанию, а значит и требующему значительно больших редакционных и типографских расходов», в повышении цены было отказано⁵.

М.Ф. Картамышева подчеркивала, что вопрос об увеличении платы за подписку – «чисто хозяйственное распоряжение издате-

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 19. Ч. 1. Л. 154.

² Там же. Л. 155.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 156.

ля», и его решение возможно без особых затруднений, если А.П. Игнатьев окажет газете свое покровительство. Однако обращение к архивным делам показывает, что для губернской власти «хозяйственный вопрос» о повышении цены носил совершенно другой характер. По сути дела, его пытались сделать одним из рычагов воздействия на скандального редактора.

В сохранившемся конфиденциальном отзыве губернатора А.И. Лакса от 12 октября 1887 г., рекомендовавшему «оставить без удовлетворения» просьбу об увеличении подписной цены с 7 на 8 руб., кроме указания на «фиктивность» управления газетой издательницы, поскольку ею по-прежнему руководил В.П. Картамышев, давалась следующая оценка «Сибирского вестника»: «Когда возбуждалось ходатайство об издании в Томске второй газеты “Сибирский вестник”, имелась в виду благая цель создать здесь, в противовес существовавшим уже в Сибири трех газет, ратовавших за какую-то обособленность этого края от Европейской России, такой орган печати, который был бы чужд этой тенденции и боролся бы с ложными и вредными для Сибири теориями “Сибирской газеты”, “Сибири” и “Восточного обозрения”. Некоторое время новая газета действительно следовала этому направлению, но затем обратилась в орган личных симпатий и антипатий Картамышева: столбцы ее стали пополняться глумлениями над лицами, чем-нибудь сделавшимися ему неприятными, и восхвалением тех, которые ему были или полезны, или старались угодить ему, из опасения, за свои неблагоприятные поступки попасть в печать»¹. Поскольку редактор «Сибирской газеты» вел нетрезвую жизнь, которая побуждала его к антиобщественным поступкам, то по этим причинам он и нес убытки – «охотников подписываться на его газету находилось немного»². Одобрить повышение цены на газеты

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 19. Ч. 1. Л. 93.

² Там же.

означало одобрить вызывающее поведение ее редактора, поэтому в этом вопросе и следует отказать.

Только губернатор А.П. Булюбаш, который хотя и не был горячим сторонником «Сибирского вестника», поддержал прошение В.П. Картамышева о повышении цены на газету. В его конфиденциальном письме от 9 января 1889 г. в Главное управление по делам печати учитывались как объективные экономические факторы, так и ситуация, сложившаяся на газетном рынке Томска. Он подтверждал, что 7-рублевая стоимость годовой подписки «влечет за собой более низкий уровень корреспондентов и сотрудников, способных довольствоваться самым ничтожным вознаграждением», и выражал уверенность в том, что «испрашиваемое увеличение подписной цены не на столько значительно, чтобы само по себе могло поставить прочно дело издания “Сибирского вестника” тем более, что рядом с возвышением цены явится, по всей вероятности, некоторое уменьшение подписчиков до той поры, пока газета своею серьезностью и содержательностью не вызовет усиленных требований на нее со стороны публики»¹.

Кроме того, в Томске по-прежнему необходим «противовес» «Сибирской газете», которая была приостановлена на 8 месяцев в 1888 г. и в 1889 г. должна была быть возобновлена. «Томские губернские ведомости», по мнению губернатора, по причине неудовлетворительного состояния бюджета губернской типографии не могла выступить в роли такого противовеса, поэтому сохранение «Сибирского вестника» было желательным, поскольку «Сибирская газета», наполняемая статьями политических ссыльных, являлась, по мнению губернатора, «безусловно вредной»².

Главным же мотивом А.П. Булюбаша поддержать прошение было обещание М.Ф. Картамышевой передать издание газеты

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 19. Ч. 1. Л. 146.

² Там же. Л. 147.

Е.В. Коршу, «личности сдержанной, чем и устраняются те препятствия, какие были высказаны предшественником моим в отзыве от 12 октября 1887 года»¹. Возможно, это была лишь уловка, поскольку в итоге газета так и не была передана Е.В. Коршу, издательницей ее осталась М.Ф. Картамышева, а затем вновь В.П. Картамышев. Высшее цензурное ведомство, от которого в большей степени зависело решение о повышении цены на «Сибирский вестник», учитывало мнение томских губернаторов и использовало формулировки из губернаторских отзывов. Мнение о том, что «Сибирский вестник» продолжит играть роль «противовеса» «Сибирской газете» и уменьшит ее влияние на общество, оказалось определяющим в решении вопроса о повышении подписной цены, однако эта надежда не была реализована. После закрытия «Сибирской газеты» ее бывший оппонент не раз вызывал нарекания со стороны местной власти и Главного управления по делам печати.

Специфика работы цензора в Томске

Цензурирование первых томских частных газет не было легким делом, поскольку как «Сибирская газета», так и «Сибирский вестник» всеми силами пытались обойти цензурные запреты и донести до своих читателей необходимую информацию. Подробности о работе цензора можно узнать из сохранившейся в цензурном деле «Записке о затруднениях с цензурированием частных периодических изданий в Томске»². Эта рукопись на четырех листах, судя по содержанию, принадлежала перу Нафанаила Назаровича Петухова, исполнявшего обязанности председателя Томского губернского управления с 1881 по 1889 г. и бывшим официальным цензором «Сибирской газеты» и

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 19. Ч. 1. Л. 147.

² РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 71. Л. 179–182.

«Сибирского вестника». Предполагаемое время выхода «Записки...» – 1886 г., поскольку в ней упоминалось, что «Сибирский вестник» перешел на издание трех номеров в неделю.

Перечисляя объем работы цензора, автор «Записки...» указывал на следующее обстоятельство: «...обе газеты считают себя вправе время от времени давать своим подписчикам, без особой за то платы, незначительные литературные приложения, состоящие из статей, пропущенных цензурой для газеты, – что отчасти и практиковалось в 1884 и 1885 годах, с разрешения бывшего губернатора, действительного статского советника Красовского, но с настоящего года, впредь до разъяснения этого права Главным управлением по делам печати, приостановлено цензурой»¹.

Основная трудность цензурирования заключалась в первую очередь в объеме цензурируемого материала: «...в настоящее время обоими изданиями еженедельно выпускается в свет от одного до шести печатных листов. В цензуру же, ввиду значительного каждый раз исключения и сокращения представляемых на просмотр статей, в особенности по “Сибирской газете”, отличающейся крайней тенденциозностью, – печатного материала представляется в полтора раза более, нежели появляется в печати»².

Трудностью при осуществлении цензорского надзора было также качество представляемых материалов. Цензор жаловался: «...материал <...> представляется в цензуру не в виде сформированных газетных номеров, а в невыправленных корректурных листах, сплошь переполненных опечатками, пропусками, излишними словами и фразами, нередко искажающими и затемняющими самый смысл статей до такой степени, что, после пропуска цензурой, некоторые статьи подвергаются не только корректурным, но и редакционным исправлениям; иногда же, хотя и не часто, статьи

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 71. Л. 179.

² Там же.

представляются в цензуру наполовину набранные в корректуре, наполовину же в неразборчивых рукописях, испещренных помарками, выносками и вставками, писанными разными почерками также весьма небрежно и неразборчиво и с всевозможными сокращениями»¹.

Цензор также обращал внимание Главного управления по делам печати на время представления материалов для цензурирования: «Самые корректуры представляются в цензуру не одновременно для целого номера, а по мере набора их типографиями, по частям, с настоятельными требованиями о скорейшем их пропуске. Так, “Сибирская газета” для еженедельного номера своего, выходящего в 7 часов утра, в воскресенье, представляет в цензуру: от 3 до 5 корректурных листов (формата писчей бумаги, по 3 печатных столбца на каждом) в четверг, между 8 и 10 часами вечера, – от 8 до 12 листов в пятницу, между 8 и 10 часами вечера и от одного до трех листов в субботу утром, требуя в это же, последнее время и возврата всех корректурных листов. “Сибирский” же “вестник”, выходящий три раза в неделю, с 8 часов утра, корректурные листы свои (того же формата писчей бумаги, иногда в 3, а иногда в 1 столбца печати) представляет в цензуру: для номеров, выходящих во вторник, от 6 до 10 листов, между двумя и пятью часами дня, в понедельник, требуя возврата их в 8 часов вечера того же дня; для номера, выходящего в четверг, от 6 до 10 листов – во вторник, между 8 и 10 часами вечера, требуя возврата их в среду утром, и от 4 до 8 листов в среду, по частям, между 10 часами утра и 10 часами вечера, требуя возврата их в тот же день, а присылаемых вечером – через час или два после присылки; для номеров, выходящих в воскресенье – от 8 до 12 листов – в пятницу, между 8 и 10 часами вечера, требуя возврата их в субботу утром, и

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 71. Л. 179.

от 5 до 10 листов в субботу, между 11 часами утра и 11 часами ночи, по частям, требуя возврата их в тот же день, а присылаемым вечером – немедленно»¹.

Эта объемная цитата из «Записки...» дает представление о том, какой интенсивной была работа цензора при выходе всего двух газет в дореволюционном Томске. Он вынужден был читать газету буквально каждый день в течение всего рабочего дня, а затем по вечерам вплоть до десяти часов. Это мало согласуется с негативным отзывом о Н.Н. Петухове, данным журналистом (позднее редактором) «Сибирской газеты» А.В. Адриановым в его личном письме к Г.Н. Потанину².

Возможно, что со стороны журналистов работа цензора и выглядела как дополнительное развлечение, наряду со «сплетнями» и «карточной игрой», однако «изнутри» осуществление цензурного досмотра представлялось весьма трудо- и времязатратным делом. Особенно беспокойными были дни сдачи номеров в печать. Цензор так описывал их: «В дни выхода газет следующие в цензуру номера, вместе с билетами на выпуск газет из типографии, обоими редакциями представляются в цензуру между 7 и 8 часами утра и для цензора представляется новый, весьма кропотливый, труд проверки напечатанных номеров газет с пропущенными или корректурными листами, труд, тем не менее, вполне необходимый, в виду неоднократного помещения обоими газетами статей и заметок – или же вовсе не предоставившимися в цензуру, или же в измененной противу пропущенной цензором редакцией, – что вызывало даже перепечатку газетных номеров, невыпущенных цензором из типографии, вследствие помещения в них статей и заметок, не бывших в цензуре или измененных противу цензурного пропус-

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 71. Л. 180.

² «Сибирская газета» в воспоминаниях... С. 137.

ка»¹. Автор «Записки...» считал, что это свидетельствует о «небрежном» отношении редакторов-издателей к цензуре, что усложняло работу цензора.

Н.Н. Петухов не был специализированным цензором. Заметим, он был обременен работой по своей основной должности в качестве председателя губернского правления, а также исполнял другие свои многочисленные обязанности: был председателем в приказе общественного призрения, был членом в губернском совете и комитете попечительства о детских приютах, наблюдал за деятельностью томских богоугодных заведений, тюрем и т.д. Такой крайней занятостью автор объяснял то, что он далеко не всегда качественно выполнял работу цензора: «...несмотря на самое искреннее желание добросовестного отношения к цензорским обязанностям, исполняемым, в силу необходимости, почти исключительно в вечернее и ночное время, несколько торопливо, – употребляемые для того усилия не всегда могут достигать желаемых результатов, так как усталый за день непрерывного труда организм требует необходимого покоя, а при усталости и изнеможении – крайне затруднительно с должною ясностью и внимательностью воспринимать новые впечатления и производить им критическую оценку столь необходимую в таком деле, как цензура»².

Далее из «Записки...» мы узнаем, что Н.Н. Петухов не успевал надлежащим образом исполнять как свои прямые должностные, так и дополнительные цензорские обязанности. Из-за ночного чтения серьезно ухудшилось его зрение, что, по заключению врачей могло привести к преждевременной отставке со службы³. Когда цензор узнал о том, что обе томские газеты подали хода-

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 71. Л. 180.

² Там же. Л. 181.

³ Там же. Л. 181.

тайства об увеличении своей периодичности, то он прямо указал на то, что они делают это специально, чтобы лишить его возможности тщательного цензурного просмотра: «...что и дало бы газетам возможность проводить в печати свои предосудительные тенденции, сеять смуту в местном обществе и, по преимуществу, посвятить свои страницы оскорблениям должностных и частных лиц, диффамации и разного рода инсинуациям, у чему, к сожалению, склонны обе газеты и в особенности “Сибирская”, о чем ярко свидетельствует масса непропущенных цензурой статей и отдельных выражений и самый тон и направление “Сибирской газеты”»¹.

Выход из сложившейся ситуации автор «Записки...» видел в назначении отдельного цензора в Томске, который, однако, появился в городе только в начале XX в. Тем не менее благодаря данному документу возможно представить процесс осуществления цензуры в сибирском губернском центре и оценить объем усилий, которые прилагали томские цензоры для организации контроля за содержанием местных газет.

На основе текста «Записки...» возможно выделить несколько особенностей осуществления цензурного контроля в Томске.

1. Отсутствие четкой организации работы цензора. «Записка...» свидетельствует о том, что издатели довольно свободно чувствовали себя в отношении времени, которое должен был уделять им цензор: листы на вычитку подавались практически в течение всего дня, с раннего утра (7.00–8.00) и до самого позднего вечера (21.00–22.00). При этом издатели не просто терпеливо ждали, когда цензор прочитает газетный материал – они требовали от него скорейшей работы. Некое подобие графика, которое описывалось в документе, скорее доказывало слож-

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 71. Л. 181.

ность цензурской работы, а не четко выстроенное взаимодействие цензора и редакций.

2. Отсутствие специальных знаний в сфере цензурного законодательства. В то же время «Записка...» позволяет говорить о том, что томские цензоры хорошо понимали всю меру ответственности, которая была на них возложена, и по мере сил старались выполнить свои функции по выявлению «вредных» газетных материалов. Об этом говорит, в частности, жалоба цензора на то, что ему приходилось прочитывать гораздо большее количество текстов «Сибирской газеты», чем в результате публиковалось на ее страницах – многое не пропускалось в печать.

3. Изначальное предубеждение к цензурируемым изданиям. Например, судя по «Записке...», цензор не доверял сотрудникам ни одной из двух газет, они были либо политически неблагонадежными, либо недостаточно «нравственными». Видимо, этот отрывок отражал расстановку сил в редакциях двух газет: в «Сибирской газете» группировались политические ссыльные, в «Сибирском вестнике» же принимали участие ссыльные уголовные.

4. Совмещение цензурских обязанностей с основной чиновной работой. Это вызывало снижение качества цензурских функций, что становилось все более очевидным с желанием редакторов перейти на большее количество выпусков в неделю. «Записка...» была одним из аргументов для сдерживания такого рода просьб. Автор настаивал на том, что не следует поощрять редакторов и издателей к ежедневному выпуску, более того – предлагал сократить периодичность «Сибирского вестника» до одного номера в неделю. Таким образом, отсутствие отдельного цензора было серьезным препятствием для дальнейшего развития журналистики в Томске. Редакции были готовы работать усерднее и заполнять своими материалами большее количество газетных полос, издатели обновляли типографскую технику для более частого выпуска

газет, однако существующая в Томске система цензорского контроля затрудняла дальнейшее развитие газетного дела.

Издательская деятельность «Сибирского вестника»

Одним из сюжетов, иллюстрирующих недостаточный уровень подготовки местной цензуры, можно назвать ситуацию с выпуском книжных изданий редакцией «Сибирского вестника». Она началась не в первый год издания, когда газета печаталась в типографии В.В. Михайлова и П.И. Макушина (в той же самой, в которой первоначально выходила «Сибирская газета»), а в 1886 г., после открытия собственной «Типографии Сибирского вестника». К этому шагу редакцию подтолкнул инцидент в типографии В.В. Михайлова и П.И. Макушина, когда «Сибирскому вестнику» было отказано в выходе из-за фельетона, в котором содержалась критика томского городского головы П.В. Михайлова – брата В.В. Михайлова¹. Набор и тиражирование пришлось временно перенести в томскую губернскую типографию, а затем позаботиться и о покупке собственной.

Точно такой же эпизод произошел в свое время и с печатавшейся в типографии В.В. Михайлова и П.И. Макушина «Сибирской газетой», когда В.В. Михайлов, читая газету перед выпуском, удалил из номера не понравившийся ему материал². В результате «Сибирская газета» была вынуждена изыскивать средства на приобретение собственной типографии. Таким образом, в обоих случаях В.В. Михайлов невольно способствовал появлению новых конкурентов – двух типографий, которые боролись за заказы и обещали своим потенциальным клиентам разнообразные услуги.

¹ Корш Е. Восемь лет в Сибири // Исторический вестник. 1910. № 7. С. 36–37.

² «Сибирская газета» в воспоминаниях современников... С. 37.

Реклама новой типографии появилась на страницах «Сибирского вестника» в № 15 за 1886 г. – это был первый номер, отпечатанный редакцией в собственной типографии. Эти объявления не только своим содержанием, но и внешним видом и формой должны были подчеркнуть полиграфические возможности типографии: они демонстрировали разнообразие шрифтов, рамок, различных графических элементов. Номенклатура малых наборных форм была разнообразна: конторские книги, прейскуранты, объявления, счета, бланки, акцизные книги, провозные свидетельства, расчетные листы, водочные этикетки (цветными красками и золотом); книги и бланки для казначейств, банков, золотопромышленников, учебных заведений, почтовых и телеграфных учреждений; книги и бланки для волостных правлений по новым формам; отчеты, каталоги, брошюры, афиши, чайные обложки, визитные карточки, приглашительные билеты¹. Выполнялись в типографии переплет книг и линовка книг². Редакция подчеркивала, что все это делается на отличном оборудовании: в распоряжении типографии «самая большая скоропечатная машина в Сибири, новейшей конструкции, и ручной станок для мелких работ»³, а шрифты, бордюры, украшения, линейки постоянно обновляются, причем привозят их из Германии, из словолитни Флинта во Франкфурте-на-Майне⁴.

Кроме собственно газетных номеров, типография печатала «Телеграммы Северного телеграфного агентства» (рассылались вместе с «Сибирским вестником») и справочный отдел «Золотопромышленность», который, по-видимому, претендовал на то, чтобы со временем окончательно отделиться от газеты и стать самостоятельным еженедельником или даже журналом. Эти планы не были

¹ Сибирский вестник. 1886. № 59. 27 июля.

² Там же. № 60. 31 июля.

³ Там же. № 16. 23 февр.

⁴ Там же. № 56. 17 июля.

осуществлены, к концу года отдел снова стал одним из разделов газеты.

Уже в № 30 от 20 апреля 1886 г. редакция объявила о подготовке к печати первого редакционного книжного издания – сборника «Текущие вопросы сибирской жизни». К сожалению, в библиотеках и архивах нет сведений об этом издании – так же, как и в самой газете больше не было напечатано ни одного слова о его дальнейшей судьбе. Возможно, сборник не вышел, но сам факт работы над ним говорит о том, что редакция «Сибирского вестника», как и редакция «Сибирской газеты», почувствовала необходимость дополнить периодическое издание книгой и тем расширить свое присутствие на рынке, привлечь новых читателей к газете за счет «сопутствующей» печатной продукции. Этой же цели служила публикация сказки Щукина «Клад», рекламу которой газеты давала несколько раз на протяжении 1886 г. Книга сохранилась в единственном экземпляре, в составе конволютов Г.К. Тюменцева, хранящихся в НБ ТГУ.

С 1886 по 1890 г. «Сибирский вестник» ежегодно выпускал по несколько изданий, большая часть которых являлась перепечатками из газеты. Например, «Морское сообщение с Сибирью. Составил Капитан британской экспедиции на пароходе “Феникс” Виггинс» (Томск: Тип. «Сиб. вестн.», 1887. 27 с.). На обороте обложки и титульного листа было указано: «Перепечатано из № 136 и 141 “Сибирского вестника”, дозволено цензурою». Любопытно, что об этом издании «Сибирский вестник» ничего не сообщал своим читателем, никакой рекламы о нем на страницах газеты не помещалось.

В 1888 г. редакцией «Сибирского вестника» было выпущено несколько изданий, которые имели общественный резонанс. Прежде всего, это брошюра «Первый университет в Сибири» (Томск: Тип. «Сиб. вестн.», 1889. 93 с.). На обложке указывалось, что редакция была вынуждена подготовить данное издание «для

удовлетворения подписчиков во время вынужденной приостановки газеты». Дело в том, что в 1888 г. совершенно неожиданно для читателей практически одновременно были приостановлены обе частные томские газеты – «Сибирская газета» и «Сибирский вестник». Однако если первая газета в итоге была запрещена совещанием четырех министров за «вредное направление», то «Сибирский вестник» приостановку благополучно пережил и постарался компенсировать своим подписчикам понесенные убытки.

Издание было по-настоящему роскошным для Сибири – напечатано на бумаге высшего качества и содержало многочисленные иллюстрации. «Сибирский вестник» подчеркивал, что брошюра напечатана «с разрешения господина попечителя Западно-Сибирского учебного округа», а содержание ее – это перепечатка «с разрешения господина попечителя Западно-Сибирского учебного округа, из “Исторической записки”, изданной управлением учебного округа по случаю открытия Томского университета. Томск, 23 мая 1889 г.». К брошюре прилагалось восемь фотогравюр работы Шерер и Набгольц в Москве – интерьеры и виды главного корпуса Императорского Томского университета, студенческого общежития, портрет первого попечителя Западно-Сибирского учебного округа В.М. Флоринского и др.

Объявление о брошюре «Первый университет в Сибири» появилось в «Сибирском вестнике» буквально в первом же номере, который был издан после приостановки газеты, и не сходило с первой полосы на протяжении двух лет (1888 и 1889 гг.). В нем же была указана цена – 3 руб. серебром для тех, кто не являлся подписчиком «Сибирского вестника» (для сравнения – годовая подписка на газету стоила 7 руб.). Часть же объявлений была посвящена тому, чтобы успокоить читателей, оставшихся без брошюры: московские издатели не успели подготовить в срок заказанные иллюстрации, и «Сибирский вестник» регулярно уверял

своих подписчиков, что все обязательно получают свои экземпляры через некоторое время¹.

Необходимо отметить также выход в 1888 и 1889 гг. трех маленьких брошюр карманного формата: «Ложная ученость» (Томск: Тип. «Сиб. вестн.», 1888. 8 с.), «Мысли вслух» (Томск: Тип. «Сиб. вестн.», 1889. 7 с.) и «Случайная находка натуральной мумии в Томске» (Томск: Тип. «Сиб. вестн.», 1889. 16 с.). Автором их был Степан (Стефан) Кирович Кузнецов, первый библиотекарь Томского университета. С.К. Кузнецов был членом Императорского Русского географического общества, увлекался археологией, историей, этнографией. Приехав в Томск из Казани, он в свободное от работы время занимался археологическими раскопками в окрестностях Томска, совершал экспедиции на Алтай.

С именем С.К. Кузнецова связаны полемические высказывания в адрес исследователей Сибири, которые были сотрудниками «враждебной» «Сибирской газеты» – А.В. Адрианова, С.Л. Чудновского, Д.А. Клеменца. Брошюры «Ложная ученость» и «Мысли вслух» также являлись частью этой полемики и представляли собой перепечатку отдельных статей, уже вышедших в «Сибирском вестнике». Так, первая из них – это резкая критика С.К. Кузнецовым статьи «Наговоры и приметы у крестьян Минусинского округа», принадлежавшей Д.А. Клеменцу. При этом и в газете, и в брошюре собственно критике предшествовало объемное «введение», призванное показать читателям «эволюцию» взглядов публициста на работу исследователей-«областников»: «Достаточно знакомый с трудами гг. Потанина и Ядринцева, значение которых доселе не подвергалось никакому сомнению, я ехал [в Томск] с твердой уверенностью, что эти деятели по изучению Сибири успели подготовить себе преемников <...> часто и с похвалой упомина-

¹ Сибирский вестник. 1889. № 28. 8 марта.

ли имена Адрианова, Клеменца и Чудновского, как выдающихся работников, но о трудах их я имел далеко неясное представление»¹. Далее С.К. Кузнецов рассказал о том, как он вначале принял сторону областников, а затем разочаровался в их взглядах, включая и научные изыскания.

Вторая статья в «Сибирском вестнике», посвященная этой полемике, – это ответ С.К. Кузнецова тем, кто считал недопустимым тенденциозный тон в научной рецензии². Статья была перепечатана из газеты отдельным оттиском, это вторая брошюра – «Мысли вслух» (Томск: Тип. «Сиб. вестн.», 1889. 7 с.). В ней Кузнецов объяснил свою позицию тем, что он защищал научную репутацию Русского географического общества от «верхоглядства» и «недобросовестности» журналистов «Сибирской газеты»³.

Брошюры «Сибирского вестника» – перепечатки статей С.К. Кузнецова – служили тем же целям, что и публикации в газете: привлечь сторонников, расширить круг читателей. Отсюда и броское название «Ложная ученость», которое, конечно же, не могло не привлечь внимания.

Объявлений об этих брошюрах в газете не появлялось – возможно, что они расходились в основном по знакомым, хотя, скорее всего, были и в открытой продаже. В книжном каталоге НБ ТГУ их нет, они доступны только как часть конволютов Г.К. Тюменцева.

Третья брошюра – С.К. Кузнецов, С.М. Чугунов «Случайная находка натуральной мумии в Томске» (Томск: Тип. «Сиб. вестн.», 1889. 19 с.) – это также перепечатка из «Сибирского вестника», но она не была частью полемики между газетами. Брошюра имеет научно-популярный характер, содержание ее – это собственно по-

¹ Сибирский вестник. 1889. № 11. 25 янв.

² Там же. № 14. 1 фев.

³ Там же.

дробное описание находки мумий, их состояния, внешнего вида, попытка объяснения процесса мумификации, ссылка на имеющиеся сведения о находках мумии ранее и т.д.

Кроме С.К. Кузнецова, возможностями типографии «Сибирского вестника» воспользовались и другие сотрудники редакции. Прежде всего, это В.А. Долгоруков: он издал рассказ «В тёмном царстве: Рассказ (под псевдонимом Всеволода Сибирского)» (Томск: Тип. «Сиб. вестн.», 1889. 53 с.), бывший также перепечаткой из газеты, а также свой первый стихотворный сборник «Не от скуки» (опубликован под псевдонимом «Всеволод Сибирский») объемом 356 страниц. В газете был помещен анонс сборника В.А. Долгорукова, на протяжении долгого времени печатались объявления о его выходе.

Не смог остаться в стороне от такой бурной книгоиздательской деятельности и основатель «Сибирского вестника» В.П. Картамышев. В 1889 г. он выпустил брошюру «Сибирская железная дорога» (Томск: Тип. «Сиб. вестн.», 1889. 38 с.): это также газетные тексты, перепечатанные из № 95–98 «Сибирского вестника» за 1889 г. и посвященные обоснованию В.П. Картамышевым необходимости железной дороги. Они были написаны опять же в рамках полемики с «Сибирской газетой», которая видела в проведении железной дороги угрозу для Сибири в плане расхищения ее природных богатств.

Кроме этих изданий, возможно упомянуть еще три брошюры, которые также были перепечатками отдельных статей «Сибирского вестника»:

– «Описание Томского Алексеевского мужского монастыря» (Томск: Тип. «Сиб. вестн.», 1888. 19 с.). Перепечатано из № 79 «Сибирского вестника» за 1888 г.;

– «Похождения бывшего титулярного советника Тушканчикова» (Томск: Тип. «Сиб. вестн.», 1889. 86 с.). На обложке было ука-

зано: «Перепечатано для автора из №№ “Сибирского вестника” за 1889 год» (автор – Василий Шевич);

– А. У-в. «Погоня за золотом. Рассказ желтугинца» (Томск: Тип. «Сиб. вестн.», 1889. 44 с.). Перепечатано из «Сибирского вестника» за 1889 г.

Небольшие брошюры книжного типа, издаваемые «Сибирским вестником» в 1886–1890-х гг., были, таким образом, произведениями, уже опубликованными на страницах газеты.

Это может означать «дочерний» характер деятельности типографии, которая, тем самым, поддерживала своего «родителя» – «Сибирский вестник» в полемике с «Сибирской газетой», в увеличении числа подписчиков, «вербовке» и помощи дружественных авторов. Однако в типографии выходили и издания, непосредственно не связанные с деятельностью редакции, такие как «Каталог книг Публичной библиотеки Черемных в Мариинске» (Томск: Тип. «Сиб. вестн.», 1888. 104 с.), еженедельная газета «Известия Томского городского общественного управления», а также разнообразные отчеты: Томского благотворительного общества, Совета Общества попечения о начальном образовании в г. Каинске и др.

Эта бурная деятельность, сопутствовавшая изданию газеты, закончилась довольно неожиданно. В своих воспоминаниях Е.В. Корш писал, что первые годы издания газеты в собственной типографии были очень сложными: «Начались мучительные поиски денег, кассы редакции и типографии спутались, частные типографские заказы поступали туго и оплачивались плохо; наши расчеты на то, что типография сама оправдает свои расходы, а печатание газеты будет ее барышом, не сбылись: работы было, по-видимому, много, а денег не было на расплату с наборщиками, корректором и сотрудниками... Раздумывая, как лучше вывернуться из тяжелых затруднений, мешавших спокойной работе,

мы старались отделить кассу газеты от кассы типографии и это нам наконец удалось; мы убедились, что газета не приносит убытка, а если рождаются денежные затруднения, то исключительно по типографии»¹.

Е.В. Корш указывал, что в итоге В.П. Картамышев заложил свой дом и убедил стать издательницей и владелицей типографии свою жену, М.Ф. Картамышеву, чтобы окончательно развести между собой деятельность двух хозяйствующих субъектов – газеты и типографии.

Таким образом, краткий период деятельности типографии «Сибирского вестника» как «дочерней» типографии «Сибирского вестника» в 1886–1890 гг. был завершен. После этого типография вела свои дела отдельно от газеты, и, судя по впечатлениям Е.В. Корша, это принесло ей пользу.

«Дуумвират» газеты и принадлежащей ей типографии уже имел место в истории томской печати. Точно таким же образом «Сибирская газета» печатала в своей типографии отдельные оттиски художественных произведений (например, сказка «Ночь на Новый год» Ивана Брута), труды сотрудников редакций, издания просветительского и справочного характера (каталоги библиотек, музеев, отчеты благотворительных обществ). Но если «Сибирская газета» издавала довольно много работ, чье содержание не дублировалось в газете, то большая часть «сопутствующей» продукции «Сибирского вестника» – это именно перепечатки, отдельные оттиски статей. Другим существенным отличием «Сибирского вестника» была необходимость посредством перепечаток усилить позицию газеты в полемике, поддержать «своих» авторов. На первом плане у «Сибирского вестника» стояли идеологические, а не просветительские цели.

¹ Корш Е. Восемь лет в Сибири // Исторический вестник. 1910. № 7. С. 43.

Глава 5

«Сибирская жизнь» (1887–1919): четверть века под цензурным прицелом

«Сибирская жизнь» – ежедневная общественно-политическая газета, издавалась в Томске с 1894 по 1919 г. Она была самым влиятельным и распространенным органом печати в дореволюционной Сибири, ее тираж доходил до 25 тыс. экз. С газетой сотрудничали профессора Томского университета, депутаты Государственной Думы, местные чиновники, представители сибирской интеллигенции. Корреспондентами газеты были жители из многих населенных пунктов Сибири. Издание, в целом, придерживалось либерального, конституционно-демократического направления. В качестве приложений к газете выходили «Телеграммы “Сибирской жизни”» (1914–1917 гг.) и «Народные нужды» (1906 г.).

Основателем «Сибирской жизни» был П.И. Макушин, который вместе с братом, А.И. Макушиным, издавал газету до 1905 г., а затем передал ее в руки профессоров Томского университета И.А. Малиновского и М.Н. Соболева. С 1910 г. и до прекращения газеты роль ее издателя выполняло Сибирское товарищество печатного дела (образовано в 1906 г.).

После 1905 г. временными редакторами были: Н.Н. Розин (1906, 1909), М.Р. Бейлин (1908), В.Л. Малеев (1910). В 1910–1916 гг. в качестве редакторов сменяли друг друга Г.Б. Баитов, П.А. Таловский, Э.Э. Бергман, М.Б. Шатилов, Т.В. Каплин, Г.И. Козлов. С марта 1917 г. и до закрытия газеты в 1919 г. редактором был А.В. Адрианов.

Газета появилась в итоге трансформации целой «цепочки» изданий: «Томский справочный листок» – «Томский листок» – «Сибирская жизнь». Они издавались одним и тем же коллективом сотрудников, и во главе их стоял один основатель – П.И. Макушин.

Такой сложный путь создания «Сибирской жизни» был обусловлен тем, что первая газета П.И. Макушина – «Сибирская газета» – была закрыта за «вредное направление» (см. гл. 3). Первое ходатайство Макушина об издании «Сибирской жизни» в Главное управление по делам печати было отклонено, но было разрешено издание «Томского справочного листка». Эта газета выходила ежедневно в 1894–1895 гг. по сокращенной программе:

- 1) месяцеслов и календарные сведения;
- 2) правительственные распоряжения;
- 3) телеграммы Северного агентства;
- 4) местная хроника;
- 5) отчеты о заседаниях городской думы, ученых, благотворительных и других местных обществ и судебных мест, без обсуждения судебных решений;
- 6) справочный отдел;
- 7) библиографические известия;
- 8) объявления.

В 1895 г. Макушин подал прошение в Главное управление по делам печати о переименовании газеты в «Томский листок» и о расширении ее программы за счет отделов:

- 1) статьи и заметки, имеющие предметом прошлое и настоящее Сибири;
- 2) фельетоны;
- 3) корреспонденции;
- 4) критический разбор книг и периодических изданий;
- 5) газетные известия;
- 6) ответы редакции.

Уведомлением от 13 мая 1895 г. ходатайство было удовлетворено.

«Томский справочный листок» издавался тиражом в 1 тыс. экз., «Томский листок» к концу 1895 г. – 2 600 экз., в 1896 – 3 400 экз. В связи с предстоящей коронацией Николая II 11 апреля 1896 г. Макушин получил разрешение иллюстрировать газету.

В 1897 г. Главное управление по делам печати позволило переименовать «Томский листок» в «Сибирскую жизнь», затем расширить программу отделами:

1) статьи по разным вопросам общественной жизни, русской и заграничной;

2) статьи и известия научного и практического содержания по разным отраслям;

3) исторические, бытовые, этнографические и географические очерки;

4) повести, рассказы и стихотворения и

5) обзор событий общественной жизни, русской и заграничной.

Макушин подчеркивал, что «Сибирская жизнь» появилась благодаря помощи томского губернатора Г.А. Тобизена, который занимал эту должность с 1890 по 1895 г.: именно через него шли ходатайства в Главное управление по делам печати.

Первый номер «макушинской» «Сибирской жизни» вышел 1 ноября 1897 г. и носил № 235 – газета продолжала нумерацию «Томского листка».

Газета вела местную хронику событий, знакомила читателей с выдающимися явлениями общественной и литературной жизни России и зарубежных стран; старалась по мере возможности «обличать» местную власть. Ориентация на демократического читателя проявлялась в газете вниманием к вопросам переселенческого дела, к положению сибирских «инородцев», сибирских рабочих и крестьян, к экономическим проблемам Сибири. Газета вни-

мательно следила за деятельностью томских вузов: практически в каждом номере появлялись публикации о положении студентов, объявления о проводимых лекциях и других мероприятиях в университете и технологическом институте; учащая молодежь вообще была постоянным предметом забот публицистов «Сибирской жизни».

В 1898 г. газета отмечала 25-летие Сибирского книжного магазина – первого книжного магазина за Уралом, основанного П.И. Макушиным: в № 38–43 (1898) был опубликован ряд материалов, посвященных этому празднику. Кроме того, отмечались юбилейные даты, связанные с именами В.Г. Белинского, Н.А. Некрасова, Д.И. Писарева, а также первое 10-летие со дня открытия Императорского Томского университета. Внимание к этим событиям свидетельствовало о следовании принципу «литературоцентричности», которым отличалась предшественница «Сибирской жизни» – «Сибирская газета».

В конце 1898 г. в редакции газеты произошел конфликт редактора-издателя и части сотрудников, которые в итоге вышли из состава «Сибирской жизни». Причиной его стало несогласие с редакторской политикой Макушина. «Зачинщиками», по воспоминаниям Макушина, были А.Н. Шипицын и М.Н. Вознесенский, хотя впоследствии они возобновили дружеское общение с Макушиным.

«Сибирская жизнь» придерживалась областнических тенденций, они шли «фоном» всех размышлений о прошлом и будущем Сибири, о ее населении, перспективах экономического и общественного развития. Газета настаивала на необходимости отмены уголовной ссылки и проведении реформ в Сибири, указывала на колониальный статус региона, который тормозил его развитие. Многие из высказываемых взглядов озвучивались в процессе полемики с «Сибирским вестником».

В 1903–1904 гг. выходило иллюстрированное приложение к «Сибирской жизни». Изданием его занимались Г.Н. Потанин, А.М. Головачев и П.И. Макушин.

Русско-японская война 1904–1905 гг. освещалась в газете в основном с помощью перепечаток из столичных изданий (рубрика «Война»). Публицисты писали и о том, как отразилась война на жизни Сибири: о подорожании продуктов питания, о размещении раненых, о работе студентов-медиков. Публиковались объявления о сборе пожертвований на нужды фронта, для помощи раненым, материалы о благотворительных обществах. Значительный вклад «Сибирской жизни» в освещение событий Русско-японской войны был оценен читателями: ее тираж вырос до 15 тыс. экз.

Революция 1905 г. освещалась «Сибирской жизнью» по возможности широко, однако ее подцензурное положение привело к тому, что газета умалчивала о многих событиях.

Кроме П.И. Макушина – издателя и редактора газеты, в «Томском листке», а затем «Сибирской жизни» принимали участие А.И. Макушин (в качестве соредактора), А.Н. Шипицын, М.Н. Вознесенский, А.М. Тимофеев, С.С. Синегуб, С.Д. Чадов, Г.Б. Байтов, В.И. Федоров, М.Р. Бейлин. Иногородними корреспондентами были политические ссыльные, общественные деятели, публицисты: А.В. Адрианов, В.С. Арефьев, А.И. Бычков, П.В. Вологодский, А.М. Головачев, П.А. Голубев, Ю.О. Горбатовский, Ф.Я. Кон, Ф.В. Ленгник, П.Н. Лепешинский, Г.Н. Потанин, С.Ф. Черепанов, С.Д. Чадов, С.П. Швецов, В.К. Штильке. С газетой сотрудничали также профессора Томского университета И.А. Малиновский, М.А. Рейснер, В.В. Сапожников, М.Н. Соболев.

В октябре 1905 г. во время черносотенного погрома в Томске П.И. Макушин был вынужден бежать из города и скрываться на пасеке, а его брат, соиздатель газеты, городской голова А.И. Макушин чудом избежал нападения, дом его был разграблен. Маку-

шин был шокирован этими событиями и отказался от издания газеты. 31 октября 1905 г. он подал томскому губернатору В.Н. Азанчевскому-Азанчеву прошение о передаче «Сибирской жизни» профессорам Томского университета И.А. Малиновскому и М.Н. Соболеву.

После перехода газеты в руки новой редакции «Сибирская жизнь» стала более политизированной, яркой, многоотемной. К концу 1905 г. она политически самоопределилась в лагере кадетской журналистики: публиковала объявления о партийных собраниях, новости о томском отделе конституционно-демократической партии. В течение 1906 г. в качестве приложения к «Сибирской жизни» выходила газета «Народные нужды» как издание томского отдела партии кадетов. Всего было выпущено 24 номера. Редакторами «Народных нужд» были также И.А. Малиновский и М.Н. Соболев.

После Первой русской революции «Сибирская жизнь» постоянно держала читателей в курсе общероссийской «большой политики». Этому должны были служить новые рубрики – «Из жизни партий», «Из Государственной Думы», «Думские впечатления». Думские депутаты Н. Скалозубов, П. Герасимов, А. Изгоев, И. Вергежский снабжали газету информацией «из первых рук» о происходящем в Государственной Думе и, особенно, об инициативах и работе сибирской парламентской группы. Писала газета и о местной политической жизни, о деятельности томских отделов партий. Освещались в газете женский, еврейский, рабочий, инородческий вопросы, проблемы борьбы с пьянством, медицина и образование в России, деятельность томских общественных организаций, спорт и многие другие актуальные темы. В 1908–1910 гг. главной темой было переселенческое движение.

Литературная часть газеты была представлена многочисленными переводными произведениями, стихотворениями и прозой местных авторов: особенно активными среди них были Г. Вяткин,

Г. Гребенщиков, В. Шишков. Например, В. Булгаков, который в 1910 г. стал секретарем Л.Н. Толстого, писал в «Сибирскую жизнь» материалы на литературные и общественные темы.

Основными формами литературной критики в «Сибирской жизни» были: ежемесячное «Журнальное обозрение», рубрики «Библиография», «Театр и искусство», а также периодически появляющиеся статьи о современных писателях и поэтах (о Л.Н. Толстом, А.П. Чехове) либо посвященные памяти выдающихся деятелей литературы (В.М. Гаршина, Я.П. Полонского, Н.Г. Чернышевского, А.И. Герцена).

Региональные журналисты интересовались явлениями в области русского модернизма, но в целом сибиряки не принимали нового течения, акцентировали внимание на его комических сторонах, подчеркивали пустоту и незначительность произведений модернистов.

Как уже отмечалось, идеологической платформой «Сибирской жизни» было областничество. Наиболее яркие его представители Г.Н. Потанин и А.В. Адрианов. Практически ежегодно «Сибирская жизнь» поздравляла Г.Н. Потанина с его днями рождения, широко отметила его 75-летний юбилей в 1910 г. Публикация «Воспоминаний» Г.Н. Потанина, продолжавшаяся в течение 1913–1915 гг., стала важным событием в жизни газеты.

В канун Первой мировой войны «Сибирская жизнь» обладала стабильной, но при этом достаточно динамичной внутренней структурой, позволявшей перестраивать модель номера в соответствии с информационной картиной дня.

В начале 1914 г. газета часто писала о международной политической жизни, о предстоящей подготовке к мировой войне. Рубрика «Накануне войны» после объявления о начале военных действий сменилась постоянными рубриками «Европейская война», «Военные заметки» и «Отголоски войны» и, наконец, просто «Война» (в 1916 г.).

Из-за вмешательства военной цензуры уже к концу 1914 г. газета стала выходить с белыми прямоугольниками на полосах вместо снятых материалов. Внешний облик газеты в военное время изменился и благодаря практике помещения огромных заголовочных комплексов на внутренних полосах, с агитационными целями.

«Сибирские вопросы», отодвинутые войной на задний план, уже в 1915 г. вновь начали занимать значительное место на страницах газеты. В 1915 г. появились материалы о «Большом сибирском вечере», организованном местной интеллигенцией в пользу Сибирского общества помощи раненым; публиковались статьи о создании областной организации и об областном съезде представителей городов Западной Сибири. Газета обращала внимание на положение ссыльных, милитаризацию студенчества, женский вопрос, проблему инородцев и т.д. В 1916 г. значительное место в газете было уделено 50-летию общественной деятельности П.И. Макушина, его «детищу» – Народному университету в Томске.

1917 г. был для «Сибирской жизни» двадцать четвертым годом издания. Газета выходила тиражом 14–15 тыс. экз., а в дни февральской революции – до 25 тыс. Значительная роль газеты в местной общественной жизни не могла не привести ее к столкновению с представителями новой политической силы – большевиками. Началом этого «медийного противостояния» стал визит в редакцию прапорщика Яницкого с требованием запретить публикацию материала из «Русского слова». Редакция подчинилась, однако выразила свое несогласие в целом ряде публикаций. Так, 17 июня 1917 г., по причине антибольшевистской позиции «Сибирской жизни», газете был объявлен бойкот томскими фармацевтами; 8 июля к нему примкнули представители десяти местных политических и общественных организаций.

В октябре–ноябре «Сибирская жизнь» была приостановлена пришедшими к власти большевиками, которые требовали не пуб-

ликовать в газете телеграмм без одобрения томского революционного комитета. После возобновления, газета опубликовала большое количество материалов о поддержке позиции «Сибирской жизни» в борьбе за свободу слова как важнейшего завоевания Февральской революции. Газета не скрывала своего неприятия идей большевиков о централизации власти и подчинении общественной жизни единой доктрине. Редакция считала необходимым предоставлять читателям полную картину происходящего, не умалчивая об антидемократических действиях большевистской партии. Важной частью «медийного противостояния» была газетная полемика «Сибирской жизни» с томскими большевистскими изданиями («Знамя революции», «Голос свободы» и др.).

В итоге 31 января 1918 г. «Сибирская жизнь» была закрыта. После падения в Томске советской власти, в начале июня 1918 г. газета была возобновлена. В сентябре–декабре 1918 г. ее выход был приостановлен в связи со всеобщей забастовкой рабочих-печатников. После восстановления советской власти в городе, 21 декабря 1919 г. вышел последний номер газеты. Некогда оппозиционная самодержавию либеральная «Сибирская жизнь» для новой власти стала «черносотенно-провокационной»¹. В марте 1920 г. ее последний редактор А.В. Адрианов был расстрелян по приговору Томской ЧК (реабилитирован в декабре 1991 г.)².

¹ Сагалаев А.М., Крюков В.М. Потанин: Последний энциклопедист Сибири. Томск, 2004. С. 198.

² Амеляничик Н.А. Адрианов Александр Васильевич // Томск от А до Я : Краткая энциклопедия города / под ред. Н.М. Дмитриенко. Томск, 2004. С. 7; Ларьков Н.С. Политическая деятельность А.В. Адрианова в годы Гражданской войны // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 1 (21). С. 88–96.

Состав и специфика цензурных дел о «Сибирской жизни»

Новая макушинская газета «Сибирская жизнь» с самого начала находилась под пристальным наблюдением администрации и цензурного ведомства. Ее цензурная история отражена в ряде архивных дел, хранящихся в Российском государственном историческом архиве и Государственном архиве Томской области.

В РГИА дело «По ходатайству г. Макушина о разрешении ему издавать в городе Томске газету “Томский справочный листок”, переименованный в “Сибирскую жизнь”», состоит из двух томов, первый из которых содержит 254 листа, второй – 209 листов¹; существуют также дела, посвященные отдельно изданию «Сибирской жизни», дела о наложении штрафов и др.

В ГАТО большая часть цензурных сведений о «Сибирской жизни» объединены в дело «Документы об издании газеты “Сибирская жизнь” (постановления, рапорты, списки, переписка, прошения)»², содержащее около 200 листов. Кроме этого, информация о цензуре газеты рассредоточена по ряду других неспециализированных дел.

Первые 56 листов первого тома дела РГИА³ посвящены истории основания газеты «Томский справочный листок», затем ее преобразованию в «Томский листок», расширению программы и переименованию газеты в «Сибирскую жизнь». Это документы 1894–1898 гг.: прошения Макушина, переписка губернатора с Главным управлением по делам печати, утверждение программ газет, утверждение вторым редактором брата П.А. Макушина – Алексея Макушина и др.

Следующий блок связан с замечаниями Главного управления по делам печати в отношении цензоров «Сибирской жизни». Прежде

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 26. Ч. 1, 2.

² ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 728.

³ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 26. Ч. 1.

всего, это недовольство деятельностью В.В. Сапожникова, профессора Томского университета, некоторое время осуществлявшего цензуру газеты в 1898 г.¹

В первом из документов, где упоминается имя Сапожникова, содержалась негативная оценка публикации «Сибирской жизни»: Главное управление по делам печати сообщило, что в № 258 за 1897 г. в заметке «Непонятный случай» газета «изложила в извращенном виде постановление общего присутствия Томского губернского правления по делу о продаже купцом Колосовым бараньих туш», при этом «редакция допустила непозволительный разбор и обсуждение ограничительного постановления»². Когда Главное управление обратилось за разъяснениями к В.В. Сапожникову, тот ответил, что «заметка не противоречит уставу о цензуре и печати»³. На отдельном листе прилагалось разъяснение В.В. Сапожникова, который обосновывал свою точку зрения по поводу изложенного в заметке⁴.

Если обратиться к содержанию этой небольшой публикации⁵, то в ней газета выступала на стороне порядка и закона, отмечая, что в городе существовал определенный механизм допуска продуктов на рынок и его нарушил торговец мясом, ссылавшийся на некие поправки, внесенные губернскими чиновниками. Выявленное противоречие между постановлениями городской думы и губернского правления позволило газете заострить проблемы разграничения полномочий. По сути, торговля мясом стала лишь предлогом, в центре же оказался вопрос городского самоуправления и его взаимоотношений с административной властью.

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 26. Ч. 1. Л. 57–61.

² Там же. Л. 57.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 58.

⁵ Сибирская жизнь. 1897. № 258. 2 дек.

Представляется, что цензурное ведомство в данном случае насторожило именно «вмешательство» в процессы административного управления, почему и возникли такие определения, как «извращенное» толкование постановления и «непозволительный разбор».

Необходимо добавить, что деятельностью В.В. Сапожникова как цензора власть не была довольна. Об этом свидетельствует высказывание томского губернатора о том периоде, когда Сапожников был назначен цензором (в 1897 г.): «Вскоре тогда выяснилась совершенная его неподготовленность к обязанностям цензора, что сказывалось постоянно, т.к. нередко им разрешались к печатанию такие статьи и заметки, которые никоим образом не должны были допущены в газете, и наоборот, не пропускались самые невинные по своему содержанию, раз они касались ведомства народного просвещения»¹. Приведенный случай является яркой иллюстрацией того, как действовал Сапожников в роли «куратора печати».

В 1898 г. в Главное управление по делам печати обратился томский чиновник особых поручений (фамилия написана неразборчиво) со следующей претензией: «Имею честь доложить вашему превосходительству, что в одном из последних номеров газеты “Сибирская жизнь” (№ 8, 1898 г.) помещено стихотворение, сплошь проникнутое тенденциозностью. Стихотворение это изображает безотрадную картину полного запустения деревенской школы, где “голо, пусто и темно” и где царят одни лишь мыши, и рядом – процветание кабака. Сибирская печать вообще отличается пессимистичным направлением, и приведенное стихо-

¹ Цит. по: Мандрика Ю.Л. Цензура поэтики и поэтика цензуры. Коллекция сведений о сибирской частной печати конца XIX – начала XX в. в жанре patchword. Тюмень, 2013. Ч. 1. С. 108.

творение одного из ее органов вполне гармонирует с общим тоном сибирской прессы»¹.

Любопытно, что чиновник не призывал принимать какие-то меры против печати – он просто обращал внимание властей на «пессимистичное направление» местной газеты. На этом же листе, на первой странице, есть пометка напротив слова «тенденциозность»: сотрудник Главного управления подписал: «Какой? Не всякая же тенденциозность нецензурна. Гораздо тенденциозен конец корреспонденции из Красноярска, на которую следует обратить внимание местной цензуре и полиции Енисейской губернии»².

Стихотворение «Деревенская картинка» было опубликовано в рубрике «Маленький фельетон», автор его, Модест Глебов, скорее всего местный публицист³. Оно не отличается большими художественными достоинствами, но его главная идея выражена довольно четко: это равнодушие общества к делу просвещения, процветание «кабака» и поддержка капиталом его, а не школы. Его тон действительно можно назвать пессимистичным, однако тон не подлежал вмешательству цензуры, а «тенденциозность», как было отмечено цензором, в данном случае не вызвала особых вопросов. Можно сказать, что цензура в данном эпизоде выступила на стороне прессы, защищая ее от чрезмерно бдительных читателей.

На л. 71 Главное управление по делам печати высказало мнение о том, что нельзя «допускать появления в газете статей и известий, компрометирующих в глазах сибирского населения местных почтово-телеграфных учреждений», в то время как в № 72 (1898 г.) газета привела сведения «крайне оскорбительные для чинов Иркутского почтово-телеграфного округа»⁴.

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 26. Ч. 1. 1894. Л. 62.

² Там же.

³ Сибирская жизнь. 1898. № 8. 11 янв.

⁴ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 26. Ч. 1. Л. 71.

Поиск «оскорбительных сведений» в указанном номере «Сибирской жизни» привел к некрологу «В.А. Павлов», фактически являющемся статьей, где самоубийство статского советника Василия Александровича Павлова, бывшего в свое время начальником почтово-телеграфного округа в Томске, стало поводом для описания положения дел в почтово-телеграфном деле Восточной Сибири. Автор, выступивший в газете под псевдонимом «Сослуживец», подробно описал движение по службе бывшего начальника. Прежде всего, поскольку В.А. Павлов отлично справлялся со службой в Томске («был человеком дела, работал за двоих, личным примером показывал, как надо служить»), его перевели в Иркутск, при этом «главным управлением выражалась лестная надежда, что В.А. благоустроит округ». Но улучшить почтово-телеграфное дело в Иркутске не удалось, и Павлова перевели в Рижский округ «с некоторым, хотя и незначительным, понижением», что должно было «показать В.А., что деятельность его в Иркутске не одобрена». Логика материала приводила читателя к мысли о том, что поводом для самоубийства послужило разочарование Павлова в своей работе, его напрасные старания улучшить ситуацию в Иркутске.

Центральным эпизодом публикации, которая и вызвала недовольство цензуры, стали выдержки из циркуляра В.А. Павлова от 15 февраля 1894 г. № 2215. Газета привела точные данные этого документа, чтобы снять с себя подозрения в искажении фактов. В циркуляре Павлов писал о том, что удалось выявить в течение 5 месяцев, когда он изучал работу своих подчиненных. По утверждению «Сослуживца», пять лет на посту начальника почтово-телеграфного округа по Енисейской и Иркутской губерниям и по Якутской области В.А. Павлов провел, пытаясь наставить своих подчиненных на путь истинный, но в этом он не преуспел: «...нетрудно было угадать, что если выпалыватель сорной травы

окажется почти одним воином в поле, то трава будет энергично произрастать и заглушать новые посевы»¹.

Обнародование сведений из служебного документа – циркуляра – вызвало больше возмущения цензоров, чем описание неравной борьбы героя публикации со служебными злоупотреблениями. Главное управление по делам печати в этом случае встало на защиту «мундира»: пусть его компрометировали на местах чиновники, но писать об этом во всеуслышание не рекомендовалось.

В этом же 1898 г. цензор ставил на вид, что нарушают цензурный устав следующие статьи, напечатанные в № 249 «Сибирская жизнь»: «...1) корреспонденция из Змеиногорского округа, в которой сообщается, между прочим, о предосудительном поведении местного полицейского надзирателя с указанием имени последнего и 2) статья под названием “Медвежий угол”, подробно рассматривающая отношение вышеупомянутого завода <...> к рабочим этого завода»².

В цензорских замечаниях прослеживалась одна и та же логика: газета могла обличать «порок», но не носителей порока; могла говорить о нарушениях в целом, но не конкретизировать их на примерах из жизни. «Сибирская жизнь», в свою очередь, по возможности стремилась воздействовать и на общество, и на отдельных его представителей, особенно на тех, кто, по мнению газеты, закон нарушал.

Претензии в адрес цензоров «Сибирской жизни» высказывались столичным цензором, чиновником особых поручений С.И. Уманцем³, попечителем Западно-Сибирского учебного округа⁴, отдельными читателями⁵. В 1902 г. нарекания Главного управления по де-

¹ Сибирская жизнь. 1898. № 72. 1 апр.

² РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 26. Ч. 1. Л. 86.

³ Там же. Л. 62–89.

⁴ Там же. Л. 90.

⁵ Там же. Л. 97, 102–103.

лам печати вызвала публикация лекций профессора М.А. Рейснера, что вызвало многочисленные объяснения томских цензоров – барона А.П. Бруннова и барона Д.Н. Дельвига¹.

Листы дела (со 116-го по 177-й) отразили деятельность первого томского отдельного цензора – Александра Николаевич Пятова (1873 – ?). В 1894 г. он окончил Лицей цесаревича Николая в Москве, в 1898 г. – юридический факультет Московского университета. Служил при Московской судебной палате. В августе 1902 г. был причислен к Министерству внутренних дел, где прошел своеобразную «стажировку» в Главном управлении по делам печати и уже в сентябре, по окончании своего обучения, получил назначение отдельным цензором в Томск. Исполнял эти обязанности до 1904 г., когда был откомандирован в Московский цензурный комитет².

Отношения А.Н. Пятова с «Сибирской жизнью» были непростыми, что видно по жалобе редактора П.И. Макушина в конце 1904 г. на цензорский произвол в отношении газеты и ответ Главного управления по делам печати. В деле сохранилось заключение члена Совета Главного управления по делам печати Н.И. Пантелева от 4 января 1905 г.³, в котором ситуация описывалась следующим образом: «Редактор газеты “Сибирская жизнь” г. Макушин обратился в Главное управление по делам печати с жалобой на неправильное запрещение многих статей для названной газеты. Представляя в доказательство корректуры 24-х статей, редактор затрудняется объяснить действия томского отдельного цензора

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 26. Ч. 1. Л. 104–105, 109–111, 115.

² Цензоры Российской империи. Конец XVIII – начало XX в. Биобиблиографический справочник. СПб., 2013. С. 303; Патрушева Н.Г. Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX – начале XX века... Т. 1. С. 38.

³ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 26. Ч. 1. Л. 141–145.

существующими узаконениями и приходит к мысли, что цензором широко допускается личное усмотрение»¹.

Анализ работы томского цензора Н.И. Пантелеев предварял следующей преамбулой: «В настоящее время в провинциальных газетах замечается странное явление. Если в одних цензоры, очевидно под влиянием требований разными представителями общественной жизни, перемены в управлении, свободы слова, дозволяют то, что осуждается правительством даже в бесцензурной прессе, то другие цензора положительно, при просмотре газетного материала, не обращают внимания на дух, смысл и требования Устава о цензуре и запрещают самые безвредные статьи и заметки <...> и поэтому проявляют полный произвол или, как выражается несколько мягче г. Макушин, “допускают широко личное усмотрение”. При проявлении цензорами такого произвола совершенно понятным является тот вопль авторов и редакторов и те анекдоты, которые так часто в последнее время мы видим на страницах столичных бесцензурных газет»².

Это своеобразное «введение» к аналитической части показывало, что Н.И. Пантелеев готов был к объективной оценке цензурского труда: он не собирался выступать на стороне губернской власти, был озабочен только улучшением имиджа цензурного ведомства, о котором уже начали ходить «анекдоты» в обществе.

Столичный чиновник считал, что жалоба Макушина на цензурский произвол имела под собой реальное основание. Он писал: «Из изложенного ниже содержания присланных редактором газеты “Сибирская жизнь” статей и заметок явно выступают произвольные и странные запретительные действия томского отдельного цензора. Присланные заметки и статьи (числом 24) запрещены

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 26. Ч. 1. Л. 141.

² Там же.

цензором, по заявлению редактора, в течение одного только минувшего ноября месяца»¹.

Основным содержанием «Заключения» был последовательный разбор запрещенных материалов «Сибирской жизни». Первым шел анализ стихотворения «Не сбылись мечты» местного поэта В. Солодовникова. Н.И. Пантелеев характеризовал его так: «Это стихотворение полно так называемую гражданскою скорбью. Подобные в массе рассыпаны в нашей прессе: борьба в жизни со злом и надорванные силы. Придавать этому стихотворению политическое, агитаторское значение, по мнению моему, невозможно, на основании 105 ст. Уст. о Ценз. А так как “явный смысл речи” безвреден, то я полагаю, что стихотворение возможно было к напечатанию и цензором проявлена излишняя строгость»².

Из «Заключения» становилось понятно, что томский цензор запрещал не только оригинальные материалы, но и перепечатки из сибирских и столичных изданий и даже официальные материалы, такие как, например, приказ иркутского генерал-губернатора. Н.И. Пантелеев так комментировал этот запрет: «Это правительственное распоряжение, напечатанное, за подписью генерал-губернатора, графа Кутайсова, в иркутской газете “Восточное обозрение”. Вследствие предоставленной графу Кутайсову власти, он, изъяв из ведомства общих судов, предаст военному суду грабителей и убийц, имена которых обозначены в приказе. Здесь газетами Иркутской и Томской не прибавлено ни слова и только печатается один приказ. Почему это правительственное распоряжение, весьма важное и интересное для Сибири, опубликованное в Иркутске, запрещается в томской газете, – я отказываюсь понять и признаю запрещение цензора совершенно произвольным»³.

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 26. Ч. 1. Л. 141.

² Там же.

³ Там же. Л. 142.

Н.И. Пантелеев также выразил недоумение относительно запрета публикации «маленькой заметки, перепечатанной из газеты “Русь”» под названием «Увеличение грузоспособности Сибирской железной дороги»: «...в этой заметке нет – по моему мнению – нарушения военной тайны со стороны “Сибирской жизни”, потому что это сведение уже оглашено столичной газетой, а “Сибирская жизнь” имеет только местное значение, поэтому я считаю заметочку возможною к печати и запрещение цензора неосновательным»¹.

К материалу «Мероприятия по делам народного образования» комментарием служили слова: «Я не понимаю причин запрещения и считаю изложенные сведения возможными дозволенными предварительной цензурой»; к материалу «Игра в войну» – «И здесь цензором проявлена непонятная строгость»²; к сообщению «Смертная казнь» – «Я не усматриваю причин запрещения, тем более что отдел “Судебных отчетов”, без обсуждений судебных решений, в “Сибирской жизни” имеется»³ и т.д. Материал «Оскар Казимирович Гриппенберг» сопровождался следующим замечанием: «Биографические, только биографические и служебные сведения о командующем 2-й Маньчжурской армией. Томский цензор счел эту биографию непозволительной: решительно не могу уяснить такой строгости и понимаю запрещение как произвол цензора»⁴.

Только три материала Н.И. Пантелеев посчитал действительно «непозволительными» и «правильно запрещенными цензорами» – это «известие, заимствованное из бесцензурной газеты “Новости”» под названием «На Забайкальской дороге», статья «Австро-

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 26. Ч. 1. Л. 142.

² Там же. Л. 143.

³ Там же.

⁴ Там же.

Венгрия», рассказывающая о подробностях беспорядков в Инсбруке, и статья «Омск»¹.

В итоге столичный цензор приходил к следующему выводу: «Из изложенного содержания 24 статей видно, что только к трем (подчеркнуто Н.И. Пантелеевым. – *Авт.*) из них <...> и то, прилагая к ним особые строгие требования, следовало принять меры запрещения, а остальные 21 статья запрещены цензором – по моему мнению – незаконно и произвольно»².

Заключая свой анализ работы томского цензора, Н.И. Пантелеев писал: «...поэтому я считаю, что претензия редактора газеты “Сибирская жизнь”, что отдельным томским цензором к статьям газеты широко допускается “личное усмотрение”, совершенно основательна и справедлива и цензор заслуживает полного упрека. Как мною сказано выше, такие действия агентов цензурной власти возбуждают в представителях печати и в обществе справедливые нарекания на администрацию и на надзор над прессою и неопровержимые насмешки над действиями цензора»³.

На полях документа было подписано: «Согласен. Сообщить цензурирующему»⁴, поэтому 4 февраля 1905 г. «господин исполняющий должность томского отдельного цензора» получил сообщение из Главного управления по делам печати о том, что три заметки «Сибирской жизни» были запрещены справедливо, остальные же «могли быть дозволены к напечатанию». Об этом Главное управление по делам печати сообщало «для сведения и объявления г. Макушину»⁵.

Данный сюжет показывает, насколько изменилось отношение Главного управления по делам печати к местной цензуре в сравне-

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 26. Ч. 1. Л. 143–145.

² Там же. Л. 148.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 141.

⁵ Там же. Л. 149.

нии с 1880-ми гг. Первая газета Макушина – «Сибирская газета» – также имела неприятности с цензурой буквально в первый год своего существования. Тогда местный цензор М.А. Гиляров вычеркнул большую часть № 11 за 1881 г., а затем запретил выпуск газеты с пробелами на месте материалов, которые не прошли цензуру. Эта ситуация по просьбе издателя Макушина и редактора Ефимова также рассматривалась Главным управлением по делам печати, которое встало, в целом, на сторону цензора (см. гл. 3).

Немногим более двадцати лет спустя ситуация изменилась, и теперь жесткие ограничения свободы слова уже не поддерживали «авторитет местной власти», а, напротив, вызывали в обществе осуждение – «справедливые нарекания на администрацию и на надзор над прессою и неопровержимые насмешки над действиями цензора». Это показывало изменение общественной атмосферы, накаленной в преддверии Первой русской революции, и попытки администрации и цензурного ведомства снизить градус общественных настроений определенными уступками по отношению к периодической печати.

«Заключение» члена Совета Главного управления по делам печати Н.И. Пантелева позволяет представить объем и содержание запрещаемого материала. Так, 24 текста, которые были подготовлены к публикации, но вычеркнуты цензором, относились к самым разным жанрам: здесь были заметки, стихотворения, статьи, официальные распоряжения, судебные дела и т.д. Часть из них принадлежала перу авторов «Сибирской жизни», часть представляла собой перепечатки из сибирских и столичных газет («Восточное обозрение», «Новости», «Русь» и др.); информация, содержащаяся в этих материалах, относилась как к зарубежным, так и российским, и местным делам. Общим для них было одно: цензор считал, что публикация этих материалов будет вредна для сибирского читателя.

Обращает на себя внимание то, что представитель высшей цензурной инстанции подтвердил: да, строгость местного цензора по отношению к «Сибирской жизни» была необоснованной и в ряде случаев необъяснимой. Главное управление по делам печати рекомендовало снизить уровень требований к газете, что было особенно важно в период общественного оживления начала XX в. Постоянная борьба «Сибирской жизни» за свободу слова не прекращалась на всем протяжении ее существования, и примечательно, что в отдельных случаях она приносила свои результаты, как в рассмотренном сюжете о «цензорском произволе».

С.С. Шашков: политически неблагонадежен 40 лет спустя

В большинстве случаев «Сибирская жизнь» не могла рассчитывать на «заступничество» со стороны Главного управления по делам печати, и действия цензора признавались вполне законными. Приведем в качестве примера ситуацию с запрещением публикации статьи «С.С. Шашков», написанной в 1904 г. Г.Н. Потаниным.

История запрещения этой статьи отражена в следующих документах:

- прошение редакции газеты «Сибирская жизнь» к Главному управлению по делам печати о разрешении публикации статьи;
- типографский оттиск статьи Г.Н. Потанина с пометками цензора;
- просьба Главного управления по делам печати к одному из столичных цензоров о составлении письменного заключения о статье «С.С. Шашков»;
- предложение Главного управления по делам печати представить свои объяснения о запрете статьи, обращенное к исполняющему обязанности отдельного цензора в г. Томске;

- объяснительная записка томского отдельного цензора;
- письменный отзыв о статье «С.С. Шашков», в котором отказ в публикации был признан «вполне правильным»;
- сообщение из Главного управления по делам печати о том, что статья не допущена к публикации, адресованное главному редактору «Сибирской жизни»¹.

Таким образом, «Дело о Шашкове» началось с того, что 1 июня 1904 г. в Главное управление по делам печати поступило заявление от П.И. Макушина, редактора «Сибирской жизни», с изложением следующих обстоятельств: «Представляемый при сем оттиск <...> “С.С. Шашков”, написанный Потаниным, томским ответственным цензором к напечатанию в “Сибирской жизни” не дозволен, без объяснения причин. Не находя оснований, по которым он не может быть напечатан хотя бы даже с некоторыми исключениями, имею честь почтительнейше просить Главное управление по делам печати дозволить его к напечатанию в “Сибирской жизни”»².

На листе сохранилась надпись: «Прошу объяснения цензора. 8/VI». В этот же день, 1 июня 1904 г., начальник Главного управления по делам печати, сенатор Николай Андреевич Зверев, подписал обращение к «господину и.о. отдельного цензора по внутренней цензуре в гор. Томске» с просьбой «представить свои по следующей жалобе объяснения»³.

31 июля 1904 г. томский цензор А.Н. Пятов обосновал свое решение, приводя следующие аргументы: «В местных периодических изданиях печатаются преимущественно воспоминания о лицах политически неблагонадежных, известность коих зиждется главным образом на их политических воззрениях. К таковым лицам, по моему мнению, вполне принадлежит С.С. Шашков.

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 26. Ч. 1. Л. 124–127, 132, 134.

² Там же. Л. 124.

³ Там же. Л. 127.

Еще будучи студентом Казанской академии он присутствовал на панихиде, отслуженной, наверно, не с религиозною целью, а в виде демонстрации против действий правительства (из статьи Потанина становится понятно, что это была демонстрация “по жертвам народного недоразумения в селе Бездна” 1862 г.), за что его земляк Щапов и священник Яхонтов были подвергнуты наказанию. Впоследствии Шашков по политическому делу сидел три года в тюрьме; из тюрьмы он был отправлен в ссылку. В конце статьи автор пишет: “На историю он смотрел не как научное поле, на котором ум делает приложения своим критическим и логическим способностям, а только как на средство публициста в борьбе с партией”. Следовательно, вся его деятельность заключалась в пропагандировании идей, идущих вразрез с нашим административным строем. Поэтому я полагаю, что распространение среди большого числа читателей сведений о жизни и деятельности таких личностей нежелательно, тем более, что газета “Сибирская жизнь” очень распространена среди малообразованной публики и выходит более чем в 10 тысячах экземплярах. Относительно жалобы г. Макушина на то, что статья запрещена без объяснения причин, имею честь сообщить следующее: во 1) объяснения причин запрещения меня никто не спрашивал, 2) 58 ст. Устава о ценз. и печ. говорит о рукописях, т.е. отдельных изданиях, а не о газетных статьях»¹.

Аргументы томского цензора в Главном управлении сочли вполне убедительными. Столичный коллега И. Литвинов писал: «...цензор поступил вполне правильно, отказав редактору “Сибирской жизни” в разрешении напечатать названную статью. Следует отдать справедливость автору статьи г. Потанину, что он приложил много стараний к тому, чтобы придать своему очерку характер доб-

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. 1894. Д. 26. Ч. 1. Л. 128.

родушного рассказа из прошлого, причем герой рассказа Шашков по каким-то недоразумениям подвергался преследованию со стороны правительства. Все это, однако, не уничтожает тенденции г-на Потанина, направленной к дискредитированию правительства. Разрешение подобной статьи, изображающей в симпатичном освещении русского ученого, преследуемого за его политические убеждения, недопустимо в подцензурной газете вообще, а тем более в газете, издающейся в Сибири, где масса читающей публики состоит из административно-ссылных»¹.

В результате 31 июля 1904 г. канцелярия Главного управления по делам печати объявила Макушину, что «ходатайство его о разрешении напечатать не дозволенную цензурой статью под заглавием “Серафим Серафимович Шашков” признано Главным управлением по делам печати не подлежащим удовлетворению»².

Таким образом, в результате двухмесячного (с 1 июня по 31 июля 1904 г.) разбирательства и местная цензура, и высшее цензурное ведомство пришли к соглашению о том, что статья не может быть допущена к публикации, т.е. читатели «Сибирской жизни» в итоге не увидели текста Потанина. Однако современные исследователи, которые обращаются к этому архивному делу, могут познакомиться с его содержанием благодаря приложенным гранкам.

Статья Потанина не была «привязана» к какой-либо юбилейной дате, связанной с Серафимом Серафимовичем Шашковым (1841–1882) – российским публицистом и этнографом, проходившим в 1865 г. по делу о «сибирских сепаратистах»³. Анализ текста приводит к выводу о том, что для сибирского публициста было важно знакомство читателей не столько с личностью Шашкова,

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 26. Ч. 1. Л. 133.

² Там же. Л. 134.

³ Шевцов В.В. «Томские губернские ведомости» в деле «сибирских сепаратистов» (1863–1865 г.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 2. С. 88–91.

сколько с общественным движением Сибири 1860-х гг., а именно с зарождением областничества. Потанин, который был непосредственным организатором и этого общественного движения и свидетелем описываемых событий, рассказывал читателям о том, как будущие областники познакомились с Шашковым: «Шашков напечатал в “Библиотеке для чтения” большую статью о Сибири; в конце ее был затронут вопрос об открытии университета в Сибири. Молодые сибиряки, учившиеся в Петербурге и жившие хотя небольшой, но тесной семьей, заметили эту статью и отыскивали ее автора. Молодых сибиряков тогда в Петербурге было немного, и они усиленно разыскивали интересных земляков по разным учебным заведениям столицы, чтобы приумножить свою немногочисленную семью. С этого момента началась дружба Шашкова с Ядринцевым, которая продолжалась до самой смерти первого»¹.

Далее Потанин рассказывал, как молодые люди вернулись в Сибирь: Шашков – в Красноярск, Ядринцев и Потанин – в Томск. Основная часть материала была посвящена описанию лекций Шашкова о Сибири: «Под влиянием Щапова Шашков хотел избрать своей специальностью историю, и преимущественно историю Сибири. Во время пребывания в Красноярске он прочел публичную лекцию по сибирской истории; это была первая публичная лекция в этом городе. Лекция произвела впечатление. Какой-то чиновник написал в енисейских губернских ведомостях критический отзыв об этой лекции², и тем вызвал Шашкова на ядовитую оповедь. Томские друзья узнали об этой полемике, и им тотчас же

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 26. Ч. 1. Л. 125.

² В апреле 1864 г. красноярский чиновник М.А. Безобразов в «Енисейских губернских ведомостях» под псевдонимом «Житель Сибири» напечатал статью против лекций С.С. Шашкова (Шевцов В.В. Правительственная периодическая печать Сибири... С. 266).

пришла мысль вызвать его в Томск, чтобы он здесь повторил свою красноярскую лекцию: они выхлопотали у местного губернатора разрешение лекции, и Шашков приехал в Томске и прочел вместо одной лекции целых пять»¹.

Потанин подчеркивал, что содержание лекций Шашкова не было чем-то «крамольным», приводимые им факты уже были опубликованы ранее в журнальных статьях: «Материалом для этих лекций послужили напечатанные Шашковым в разных журналах статьи по истории Сибири. Это не были импровизации, произносимые с кафедры, хотя он умел говорить плавно. Это даже не были компиляции. Он привез с собой страницы своих статей, вырезанные из журналов, и читал по печатанному тексту. Шашков только перетасовал страницы своих статей, расположил эпизоды и главы в другом порядке и позволил себе вставить только связующие фразы»².

Опираясь на собственные воспоминания, автор статьи описывал, как были восприняты лекции в Томске: «Лекции читались в “Благородном собрании”», т.е. в бывшем доме Горохова. С каждой лекцией интерес к ним увеличивался в томском обществе, и городские толки росли. На последней лекции невозможно было достать билета; стулья были уставлены до последней крайности тесно, они стояли вплоть у самой кафедры; у задней стены влево и вправо от кафедры все было уставлено стульями; многие слушатели стояли вдоль стен, толпились в боковых комнатах. Лектора не только провожали с кафедры рукоплесканиями, а начали даже встречать ими, когда он входил в залу перед началом лекции»³.

Успех шашковских лекций в Томске имел скандальный оттенок, связанный, по мнению Потанина, с волнением «старых чиновников» по поводу их содержания: «Третья лекция была посвящена

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 26. Ч. 1. Л. 125.

² Там же.

³ Там же.

описанию административных порядков в Сибири, чиновнических хищений и злоупотреблений. Люди старшего поколения <...> слушали Шашкова и глазам своим не верили, чтобы правительство позволило так откровенно говорить о темных проделках чиновников, хотя это и были только факты из истории XVIII столетия, которым ограничивался Шашков. Они едва решались об этом шушукаться в своих кабинетах; и вдруг они слышат, как им об этом громко рассказывают с кафедры в большом публичном собрании. А чтобы то все было напечатано с разрешения цензуры и опубликовано на всю Россию, да это совсем невероятно!»¹.

Взволнованные чиновники посчитали лекции «разрушительными» и пожаловались губернским властям, что лектор читает «не по печатному тексту, а по рукописи, непропущенной цензурой». Однако обвинение не было поддержано властью, лекции продолжались. Последняя, пятая, была закончена словами о необходимости университета в Сибири и «ликованием публики». Потанин резюмировал: «Пять лекций Шашкова создали интересный эпизод в общественной жизни Томска. Это были первые публичные лекции по истории Сибири; до Шашкова таких лекций никто не читал, да и после него тоже. Читались отдельные речи, но они не производили такого впечатления»².

Упомянул Потанин и о «деле о сибирских сепаратистов»: в статье оно фигурировало как «одно политическое дело», из-за которого Шашков «должен был просидеть три года в Омской тюрьме вместе с другими сибиряками». После этого публицист был отправлен в ссылку в Архангельскую губернию, после которой переехал в Новгород. Все эти обстоятельства, подчеркивал Потанин, повлияли на стремление Шашкова больше не затрагивать сибирскую тематику.

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 26. Ч. 1. Л. 125.

² Там же.

В заключение Потанин подводил следующий итог деятельности Шашкова: «Производительность Шашкова была громадная; он груды статей писал до конца своей жизни, но они не находили помещения в журналах, по крайней мере в последнее время, и он кончил свои дни, как израсходованная журнальная лошадь»¹.

Анализ цензурных обстоятельств, связанных с запрещением публикации этой статьи, позволяет сделать вывод о том, что и в начале XX в. областничество продолжало оставаться неблагонадежным и опасным в глазах правительства. Несмотря на то, что областники уже отбыли свое наказание и вернулись к общественной деятельности (как Г.Н. Потанин), а многие основатели его уже умерли (С.С. Шашков в 1882 г., Н.М. Ядринцев в 1894 г.), их «политическая неблагонадежность» по-прежнему служила препятствием к публикации не только статей, но и воспоминаний о 1860-х гг., когда областничество зарождалось в сибирском обществе. Ни публицистическое мастерство Потанина (который, как указывал цензор, «приложил много стараний»), ни заступничество редакции и ходатайство редактора перед Главным управлением по делам печати не помогли получить разрешение на публикацию материала. Частично это было связано и с позицией томского отдельного цензора А.Н. Пятова, который только недавно приступил к своим обязанностям и был полон решимости «укротить» местную прессу. Однако статья Потанина о Шашкове осталась в виде гранок, доступных исследователям в составе архивного дела.

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 26. Ч. 1. Л. 125.

Приостановка «Сибирской жизни» и ее замещение «Сибирской мыслью»

В октябре 1905 г. П.И. Макушин отказался от издания «Сибирской жизни» и передал редакторство газеты профессорам Томского университета И.А. Малиновскому и М.Н. Соболеву. Томский губернатор В.Н. Азанчевский-Азанчеев поддержал прошение П.И. Макушина – телеграмма, отправленная им 1 ноября 1905 г. в Главное управление по делам печати, гласила: «Благоволите ускорить передачу газеты “Сибирская жизнь” от Макушина профессорам Соболеву и Малиновскому. Западная Сибирь нуждается в корректном органе печати»¹.

Роль издателя «Сибирской жизни» до прекращения выхода газеты стало выполнять Сибирское товарищество печатного дела. Договор о его организации как «товарищества на вере» был заключен 7 января 1906 г., и пунктом 1 в этом документе значилось: «Товарищество принимает на себя издание выходящей в Томске газеты “Сибирская жизнь” (в типографии товарищества “Сибирская жизнь” стала печататься с апреля 1906 г.)». При этом оговаривалось, что «члены товарищества в отдельности не могут вмешиваться в направление газеты “Сибирская жизнь”, но выбирают из своей среды редакционный комитет сроком на один год из числа членов товарищества в количестве пяти лиц, которые совместно с редакторами “Сибирской жизни” участвуют в общем руководстве направлением газеты “Сибирская жизнь”»².

В 1906 г. в Томск прибыл барон К.С. фон Нолькен, служивший до этого обер-полицмейстером в Варшаве. После введения в Томске 12 января военного положения, он принял на себя обязанности

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 26. Ч. 1. Л. 5.

² ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 728. Л. 128–130.

томского временного генерал-губернатора¹. Так, 6 октября 1906 г. вышло постановление Нолькена о приостановке «Сибирской жизни» на три недели со следующим объяснением этого решения: «Рассмотрев полученные мною данные о вредном направлении выходящей в Томске газеты “Сибирская жизнь”, приняв во внимание, что за последнее время в этой газете стали появляться статьи, подстрекающие учащуюся молодежь как средних, так и высших учебных заведений к прекращению занятий и к участию в политической борьбе; что в одном из номеров указанной газеты (№ 215) оглашены обстоятельства серьезного следственного дела, каковое оглашение может неблагоприятно отразиться на ходе самого следствия и что, наконец, в № 214 той же газеты помещена заметка, содержащая в себе совершенно не отвечающие действительности данные о деятельности военно-полевых судов, а равно исчерпав все меры нравственного воздействия и предупреждения в отношении господ редакторов газеты “Сибирская жизнь”»². В помещениях редакции и типографии был произведен обыск. Конфисковано 9 125 уже отпечатанных экземпляров № 216 от 7 октября 1906 г. После трехнедельной приостановки «Сибирская жизнь» была возобновлена с № 217 от 28 октября и выходила до № 226 от 8 ноября 1907, после чего была приостановлена губернатором уже на 6 месяцев.

Поскольку «Сибирская жизнь» редактировалась профессорами Томского университета, то попечитель Западно-Сибирского учебного округа Л.И. Лаврентьев доложил о приостановке газеты министру народного просвещения, который, в свою очередь, затребовал по телеграфу выслать в Петербург номера «Сибирской жизни», ставшие причиной ее приостановки. Лаврентьев обратился с

¹ Дмитриенко Н.М. День за днем, год за годом: хроника жизни Томска. Томск, 2003. С. 112–113.

² ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 728. Л. 22.

просьбой прислать данные номера к К.С. фон Нолькену, поскольку «ввиду крайне возмутительного, а потому в высшей степени антипатичного направления этой газеты, я ее не получаю и не читаю, а потому и затрудняюсь исполнить распоряжение г. министра, так как мне решительно неизвестно, в каких именно номерах были помещены статьи вышеуказанного содержания»¹. В ответ Нолькен ответил следующее: «...по долгу службы я читаю все выходящие в Томске периодические издания, причем обращаю внимание на статьи и сообщения, касающиеся предметов ведения и действий органов не только ведомства Министерства внутренних дел, но и прочих ведомств. Результатом такого ознакомления моего с направлением местной прессы и было установление вредного направления газеты “Сибирская жизнь”, вызвавшего приостановление издания последней на основании правил военного положения»². Нолькен привел целый список номеров за 1906 г. и тех материалов, которые подали повод к приостановке газеты: № 190 – «О возобновлении занятий в высшей школе», № 203 – «Пора прекратить академическую забастовку», № 205 – «Церковные школы в Томской епархии», № 206 – «Разные мелкие заметки», № 207 – «Общестуденческие сходки», № 210 – «О родительских комитетах», № 211 – «На сходке», «Опомнимся! Покаемся!», № 215 – «О студенческих волнениях». Однако эти номера попечителю учебного округа так и не были отправлены, поскольку, по словам Нолькена, они «имеются в одном экземпляре и необходимы для приобщения к делу о приостановлении издания этой газеты»³.

После приостановки «Сибирской жизни» на 6 месяцев, редакция решилась на обход цензуры. Во многом это было связано с финансовыми обязательствами перед подписчиками. Так, 4 ноября 1906 г.

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 728. Л. 28.

² Там же. Л. 31.

³ Там же. Л. 31–32.

П.И. Макушин уведомил К.С. фон Нолькена о том, что вместо прекращенной «Сибирской жизни» будет выходить «Сибирская мысль». Разрешение на ее выпуск было получено еще в августе 1906 г. присяжным поверенным М.Р. Бейлиным (первоначальный вариант названия – «Сибирская речь» – был изменен в связи с выходом одноименной газеты в Иркутске). Вторым редактором-издателем выступил профессор Томского университета статский советник Н.Н. Розин (прошение от 2 ноября 1906 г.); 27 ноября 1906 г. М.Р. Бейлин в качестве соредатора представил профессора Томского технологического института В.А. Обручева¹. Первый номер «Сибирской мысли» вышел 11 октября 1906 г. В нем сообщалось о первой трехнедельной приостановке «Сибирской жизни», обыске и конфискации номера. В № 15 от 9 ноября «Сибирской мысли» было помещено объявление «От редакции “Сибирской жизни”», в котором сообщалось: «Выпуск номеров “Сибирской жизни” нами временно приостанавливается. Подписчики будут получать “Сибирскую мысль”, выходящую в Томске»².

Самостоятельного значения «Сибирская мысль» не приобрела, и с возобновлением «Сибирской жизни» с апреля 1907 г. прекратила свой выход. «Сибирская мысль» рассылалась подписчикам «Сибирской жизни»; в газете публиковалась подписка на «Сибирскую жизнь»; издания были связаны преемственностью в структуре и концепции номеров, у них был общий состав сотрудников, и это позволяет рассматривать «Сибирскую мысль» как одно из «звеньев» газетной «цепочки» «Томский справочный листок» – «Томский листок» – «Сибирская жизнь» – «Сибирская мысль» – «Сибирская жизнь».

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 1491. Л. 5–11, 14.

² Сибирская мысль. 1906. № 15. 9 нояб.

Перемена редакторов и штрафы

Новые редакторы «Сибирской жизни» – И.А. Малиновский и М.Н. Соболев часто уезжали из Томска в командировки, связанные с научными исследованиями. Цензурное ведомство получало сообщения об этих отлучках и о временных соредакторах газеты. Так, в феврале 1906 г. по причине отъезда И.А. Малиновского «на продолжительное время из Томска», временным соредактором был приглашен профессор Томского университета Н.Н. Розин¹. В мае 1908 г. и И.А. Малиновский и М.Н. Соболев, также по причине отъезда летом из города, «предоставили редактирование газеты “Сибирская жизнь” присяжному поверенному М.Р. Бейлину»². В июле 1909 г. (М.Р. Бейлин выехал из Томска и не мог исполнять вместо профессоров должность редактора) Малиновский и Соболев объявили, что во время их летнего отпуска и до возвращения в Томск обязанности редактора “Сибирской жизни” будет вновь исполнять Н.Н. Розин»³. В мае 1910 г. Малиновский и Соболев вновь выехали из Томска, передав «ответственное редактирование» до своего возвращения, профессору Томского технологического института В.Л. Малееву. На этом прошении имеется надпись от руки: «Об этом нужно просить, а не давать явочным порядком!»⁴.

Разумеется, такая «редакторская чехарда» в крупнейшей газете губернии не могла устраивать администрацию и вызывала подозрение в фиктивном характере деятельности профессоров на своих должностях. В письме попечителя Западно-Сибирского учебного округа Л.И. Лаврентьева томскому губернатору от 28 августа 1910 г. сообщалось: «В Министерстве народного про-

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 728. Л. 12.

² Там же. Л. 42.

³ Там же. Л. 51.

⁴ Там же. Л. 56.

свещения неоднократно возникал вопрос о несовместимости издания и редактирования газеты “Сибирская жизнь”, в виду направления сей газеты, с профессорскою деятельностью <...> министр народного просвещения предложил мне профессорам Соболеву и Малиновскому немедленно отказаться от издания и редактирования газеты “Сибирская жизнь” или оставить службу в университете. Профессор Малиновский на мое предложение ответил, что он “никакого участия не принимает в редактировании газеты “Сибирская жизнь””, “что эта газета в настоящее время подписывается “за редакторов-издателей” другим лицом”. Профессор же Соболев на мое предложение отвечает, что “в настоящее время права редактирования и издательства переданы окончательно в другие руки”»¹.

В результате Соболев и Малиновский предпочли профессорскую деятельность редакторской и сложили с себя эти обязанности, о чем сообщили томскому губернатору 8 сентября 1910 г.² Новым редактором стал тюменский мещанин Г.Б. Байтов, проживавший в Томске. Хотя в его отношении томскому губернатору начальником жандармского управления секретно сообщалось, что Байтов подвергался гласному надзору полиции и неоднократно высылался из Томска, «имел постоянное сношение с политическими ссыльными и был неоднократно замечен в дерзком поведении по отношению к чинам полиции»; вся семья Байтовых – сам Григорий Борисович, «сын его Владимир и жена Александра Александровна, урожденная Нестерова – образуют один из центров, возле которых группируются томские социалисты-революционеры, которые находят в Байтовых ревностных помощников в их преступной деятельности и как бы связующее звено», наконец, Байтов

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 728. Л. 68.

² Там же. Л. 73.

«входит в состав членов томской социал-демократической организации»¹.

В период так называемого обновленного строя основными мерами воздействия на печать стали штрафы, налагаемые в том числе и на редакторов томской «Сибирской газеты» – П.А. Таловского, Г.Б. Баитова, Г.И. Козлова и др. С 1906 по 1912 г. газета была оштрафована на общую сумму 5 300 руб., при этом, по мнению редактора Г.Б. Баитова, «ни в одном случае не было достаточного основания для наложения взыскания на газету, которая никогда разрушительных идей не распространяла»². В апреле 1912 г. за помещение в отделе «Томская хроника» заметок о сборе пожертвований в пользу семейств рабочих, пострадавших при событиях на Ленских приисках, Г.Б. Баитов был оштрафован на 200 рублей. В этом же 1912 г., по постановлению томского губернатора П.К. Грана, он был подвергнут заключению в тюрьму на 2 месяца без замены штрафом «за опубликование в газете корреспонденции из Лондона и за перепечатку статьи о ротмистре Трешенхове»³. В феврале 1913 г. «Сибирская жизнь» вновь, как и в 1904 г., обратилась в Министерство внутренних дел с жалобой на чрезмерное давление цензуры. На специальном заседании Главного управления по делам печати жалоба «Сибирской жизни» была рассмотрена, но конкретного решения принято не было.

3 марта 1913 г. инспектор по делам печати в Томске П.Т. Виноградов, по просьбе секретаря Томской Духовной консистории В.А. Карташова, отдал распоряжение арестовать № 49 газеты «Сибирская жизнь» от 2 марта 1913 г. Причиной послужила заметка «В Томской консистории», сообщавшая о недостатке в кассе кон-

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 728. Л. 70–71.

² Воробьев В.В. Либеральная периодическая печать Сибири в общественно-политической жизни края (1907–1914 гг.). Омск, 2003. С. 38.

³ ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 728. Л. 68.

систории 13 тыс. руб. Однако Главное управление по делам печати, рассмотрев жалобу редактора «Сибирской жизни» Г.Б. Байтова, вынесла следующее решение: «Налагать арест на номер 49 не было оснований, так как означенная заметка как по спокойному характеру изложения, так и по содержанию не могла возбудить в населении враждебное отношение к названному учреждению»¹.

С января до конца мая 1913 г. сумма штрафов «Сибирской жизни» составила 2 300 руб. В июне 1913 г. Г.Б. Байтов дал обещание губернатору И.В. Штевену более не допускать нарушений и просил сократить наложенный на него в мае 1913 г. штраф в размере 1 тыс. руб. до 500 руб. Просьба редактора была удовлетворена, однако газета продолжала публиковать острые статьи и, соответственно, получать за них штрафы. В январе 1914 г. Г.Б. Байтов, вновь «чистосердечно раскаявшись в содеянном» и дав обещание не допускать «на будущее время нарушений действующего постановления путем печати», просил снизить наложенный на издание последний штраф с 500 до 250 руб. В период с января 1914 г. до начала Первой мировой войны газета вновь была оштрафована на 500 руб., а № 152 от 16 июля 1914 г., за публикацию новости, нарушавшей военную цензуру «Перевод канцелярии заведующего передвижением войск», был арестован с возбуждением против редактора уголовного преследования². В связи с началом Первой мировой войны и введением чрезвычайного положения, «Сибирской жизни» был запрещен выпуск отдельных телеграмм постановлением губернатора Томской губернии В.Н. Дудинского от 26 августа 1914 г. Однако уже с 29 августа им же выпуск телеграмм был разрешен, без объявления причин³.

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 26. Ч. 2. Л. 84.

² Воробьев В.В. Либеральная периодическая печать Сибири в общественно-политической жизни края (1907–1914 гг.)... С. 39–40.

³ ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 728. Л. 166–173.

На смерть П.А. Столыпина:

«Ярко противоправительственного характера статья»

Среди документов архивного дела РГИА о «Сибирской жизни»¹, обращают на себя внимание листы, которые появились после публикации в газете передовой статьи «Томск. 7 сентября. П.А. Столыпин»².

Главное управление по делам печати узнало о статье «Сибирской жизни» из «доверительного» обращения томского директора департамента полиции к А.В. Берльгарду, начальнику цензурного ведомства в 1905–1912 гг. Обращение было датировано 11 ноября 1911 г. В нем сообщались обстоятельства, которые привели к появлению в печати публикации «по содержанию своему порицающей деятельность» покойного П.А. Столыпина: «...по имеющимся сведениям, названная газета издается “Томским обществом книгопечатного дела”, имеющим целью агитацию в духе крайнего левого направления. В состав редакционного комитета газеты входят известные своими революционными убеждениями редактор Байтов, публицист Потанин, профессор Томского университета Боголепов и примыкающие к кадетской партии бывший директор Томского технологического института Зубашев, профессора Томского университета Соболев и Малиновский, помощник начальника Томского акцизного управления Адрианов и врач Макушин. Секретарем редакции состоит административно ссыльный Крутовский, а в числе корреспондентов значится окончивший Томский университет Галка (автор вышеупомянутой статьи, редактированной профессором Малиновским)»³.

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 26. Ч. 1, 2.

² Сибирская жизнь. 1911. № 198. 7 сент.

³ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 26. Ч. 1. Л. 239.

Подробный рассказ о «Сибирской жизни», по-видимому, должен был убедить А.В. Бельгарда в том, что от газеты с таким редакционным составом ничего хорошего ждать не приходится, и это объясняло ситуацию с появлением статьи о Столыпине именно в «Сибирской жизни».

Начальник полицейского департамента Томска также подчеркивал, что решение о публикации материала было коллегиальным: «Перед выпуском вышеозначенного номера газеты редакционный комитет устроил совещание по вопросу о могущем последовать административном взыскании за напечатание статьи о П.А. Столыпине, причем большинство высказалось за выпуск газеты, а ответственный редактор газеты даже согласился, хотя неохотно, подвергнуться наивысшей мере наказания – аресту без замены штрафом; когда же, по выходе статьи, на газету был наложен штраф в 500 р., то редакционный комитет свободно его внес, так как комитетом перед началом каждого года предусматривается специальный расход на административные штрафы в сумме 3 000 рублей»¹.

Источником таких подробных сведений о жизни редакции был начальник томского губернского жандармского управления полковник С.А. Романов, который рассказал о совещании в донесении в департамент полиции².

Обращает на себя внимание тот факт, что редакция заранее знала о том, как будет воспринята статья цензурным ведомством, и готова была и к штрафам, и к самым суровым наказаниям, в то время как большинство цензурных взысканий было для газеты неожиданностью, и она энергично их оспаривала.

Благодаря письму в Главное управление по делам печати, мы также знаем о том, кто был автором статьи – выпускник Томского

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 26. Ч. 1. Л. 239.

² См.: Воробьев В.В. Либеральная периодическая печать Сибири в общественно-политической жизни края (1907–1914 гг.)... С. 28.

университета Галка (неизвестно, реальная ли это фамилия или псевдоним); статью редактировал профессор Малиновский.

Обращаясь к тексту статьи, опубликованной в «Сибирской жизни», необходимо отметить несколько важных моментов. Прежде всего, это временной «зазор» между событием и откликом на него. Статья «П.А. Столыпин» носит статус передовой, она датирована 7 сентября; политик же скончался 1 (14) сентября 1911 г. То есть материал «Сибирской жизни» – не мгновенная реакция на смерть видного общественного деятеля, не некролог – это аналитическая статья, посвященная предварительной оценке влияния премьер-министра на жизнь русского общества в последние пять лет.

Автор напоминал читателям о карьере политика: «На пост председателя совета министров П.А. Столыпин был призван 8 июля 1906 г., – до этого он был министром внутренних дел в кабинете Горемыкина, а еще ранее – саратовским губернатором»¹. Это время характеризовалось, писала «Сибирская жизнь», огромным разочарованием для русского общества, когда I Дума была распущена, и все ждали реформ «во всех областях жизни, необходимость реформ была срочною, экстренною во имя развития страны и самой ее жизни». Эту точку зрения, казалось бы, поддерживал и сам Столыпин, и газета приводила цитату из правительственного сообщения 24 августа 1906 г., «имеющего характер программы кабинета Столыпина», в котором тот считал необходимым «вместе с тем напряжением всей силы государственной идти по пути строительства, чтобы воздать вновь устойчивый порядок, зиждущийся на законности и разумно понятой истинной свободе»².

Однако далее «Сибирская жизнь» констатировала, что эта цель не была достигнута, и сама смерть Столыпина показывала, что не было достигнуто ни «ограждение государства от преступных по-

¹ Сибирская жизнь. 1911. № 198. 7 сент.

² Там же.

кушений», ни «законность и разумно понятая истинная свобода». Причина этого виделась в непоследовательной, все более клонящейся «вправо» политике самого премьер-министра. Столыпин приступил к реформам, к «строительству», но оно «ограничилось изданием законов в порядке 87 ст. основных законов о крестьянской общине 9 ноября, о свободе вероисповедания и о нормальном отдыхе торговых служащих»¹. А дальше было «знаменитое “не напугаете!” П.А. Столыпина», и «курс вправо был с этого момента взят им с неизменной решительностью, а обещанное ранее “строительство” в духе либерализма оставлено окончательно». При нем был «издан новый избирательный закон 3 июня», созванная III Дума «была Думой без инициативы», в которой господствовали октябристы, а затем «выброшена была новая формула “национализма”, которой и заканчивается последний, самый длинный период деятельности П.А. Столыпина»².

В завершении передовой газета делилась с читателями своим мнением о том, что «уже наступила пора, когда нужно приняться за положительное “строительство”. Нужно изменить направление внутренней политики в сторону большей гуманности управления. Нужно восстановить в стране законность, дать ей возможность свободного и здорового развития»³.

Таким образом, «Сибирская жизнь», хотя и подчеркивала, что «еще не наступило время для подробного анализа и достойной оценки» деятельности Столыпина, но четко обозначала свою позицию – неприятие «правого» политического курса, осуждение «национализ-

¹ О политике Столыпина в отношении печати см.: Шевцов В.В. С.С. Татищев, С.Ю. Витте и П.А. Столыпин об изменении места и роли правительственной печати в борьбе за общественное мнение в годы Первой русской революции // Вопросы отечественной и всеобщей истории : межвуз. тематический сб. ст. Томск, 2006. Вып. 3. С. 133–149.

² Там же.

³ Там же.

ма», критика непоследовательных, непродуманных, по мнению редакции, государственных реформ. Несмотря на спокойный, почти академический тон газетного материала, на обильное цитирование высказываний самого Столыпина, статья действительно производила впечатление «ярко противоправительственной», не воспевающей деятельность покойного премьер-министра, но осуждающей ее.

Как следует из обстоятельств публикации, газета велась кружком единомышленников, которые были готовы отстаивать свою точку зрения, невзирая на угрожавшие им цензурные кары. Более того, редакция специально откладывала деньги на штрафы (3 тыс. руб. в год), заранее предполагая, что придется «откупаться» от неприятностей.

Редактор был готов даже к аресту и тюремному заключению, пусть даже особого восторга у него это не вызывало («согласился, хотя неохотно»). Публикуя статью о Столыпине, редакция демонстрировала свое несогласие с правительственной политикой, что соответствовало леволиберальной идейной направленности издания, но готова была поддержать «законность», «гуманность», «истинную свободу» и реформы, которые могли бы их обеспечить для русского общества.

Оценки «Сибирской жизни» цензорами и полицией

С 1 июня 1905 г. отдельным томским цензором (после 24 ноября 1905 г. – инспектором по делам печати) был назначен Павел Тимофеевич Виноградов (1847 – ок. 1919–1920), переведенный с аналогичной должности из Саратовской губернии. Он регулярно отправлял отчеты в Главное управление по делам печати, в которых характеризовал местные органы печати.

О «Сибирской жизни» в 1909 г. он оставил очень подробное описание, которое приведем полностью: «По количеству печатав-

шихся экземпляров газета “Сибирская жизнь”, несомненно, самая распространенная между ежедневными изданиями в Сибири. Нередко номера “Сибирской жизни” в праздничные дни печатались в количестве 9,500 экземпляров, а меньшее количество экземпляров в одном номере было 8,000.

В газете принимали участие многие профессора Томского университета и Томского технологического института. У газеты много корреспондентов в больших городах Западной и Восточной Сибири, у ней же есть специальные корреспонденты из членов Государственной Думы.

“Сибирская жизнь” отстаивает и защищает начала конституционного государства, полную гражданскую и политическую свободу, народное представительство на началах всеобщего равного, прямого и тайного избирательного права, широкое самоуправление земств и городов. В экономической области газета защищает интересы трудящихся классов народа – крестьян, рабочих и вообще всех живущих личным трудом и с этой точки зрения дает разрешение вопросам земельного устройства, рабочего законодательства, обложения налогами.

Газета тщательно знакомила читателей с нуждами и интересами Сибири, сообщая факты из ее повседневной жизни. Редакция газеты служила интересам и стремлениям прогрессивной партии, а также и кадетской. Оппозиционное направление “Сибирской жизни” очень часто проявлялось в официальных статьях, касающихся действий Государственной Думы, от которой можно ждать мало блага для России по выражению редакции.

Космополитические тенденции заметно проявлялись в общем тоне газеты. Еврейские интересы проглядывали, а потому местные интеллигентные евреи могли быть довольными “Сибирской жизнью”. Присяжный поверенный Томского окружного суда М. Бейлин, еврей, весьма часто был фактическим редактором газеты.

В конторе “Сибирского Товарищества печатного дела”, заведующею приходно-расходными делами газеты, а также и типографией при ней, управляющим был еврей, кроме него, в конторе служили и еще двое евреев.

Материальное положение “Сибирского товарищества печатного дела”, издающего “Сибирскую жизнь”, в 1909 г. было лучше, чем в 1908. Приход по газете и типографии равнялся 114 265 руб. 92 коп. Чистая прибыль за год выразилась в количестве 11 337 руб. 43 коп. В Сибирском товариществе печатного дела около 70 пайщиков»¹.

В 1911 г. томский губернатор П.К. Гран потребовал у начальника томского губернского жандармского управления Н.А. Гибер фон Грейфенфельса характеристику «Сибирского товарищества печатного дела». В ней сообщалось, что «большинство членов этого общества <...> представляют из себя личностей безусловно неблагонадежных в политическом отношении», а «издающаяся в городе Томска кадетская, иудофильская, крайне тенденциозная и безусловного левого направления газета “Сибирская жизнь” составляет одно нераздельно целое с “Обществом печатного дела”. Газета эта издается товариществом, редакция ее помещается в одном с обществом доме, многие из числа членов общества и руководителей его делами в то же время являются сотрудниками, инспираторами и руководителями газеты»².

Далее сообщались сведения об основных членах «Общества печатного дела», одновременно являвшихся сотрудниками «Сибирской жизни» – Г.Н. Потанине, А.Н. Шипицыне, Вс.М. Крутовском, Г.Б. Баитове и др. При этом Н.А. Гибер фон Грейфенфельс жаловался на то, что «трудность внутреннего наблюдения за “Товариществом печатного дела” и совместно за редакцией газеты усугубляется тем, что это такая сформировавшаяся, не исключая и черно-

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 735. Л. 180.

² Там же. Л. 228.

рабочих, среда, в которую извне проникнуть новому человеку представляется почти невозможным: для этого нужна серьезная рекомендация служащих, и совершенно неизвестное лицо, ранее согласия на прием, подвергается со стороны внимательному и все-стороннему наблюдению и изучению. Попытки в этом направлении всегда терпели неудачу»¹.

Это ценное замечание свидетельствует, во-первых, о том, что среди сотрудников «Сибирской жизни» не было провокаторов, все сведения о его внутренней деятельности добывались жандармами с трудом, «по агентурным сведениям», «не проверенным формальным порядком данным» – иначе говоря, на основании слухов. Во-вторых, смена редакторов практически ничего не означала для существования самой газеты и не влияла на ее направление – все эти люди были из кружка «Сибирской жизни», и их редакторство до определенной степени были формальным, о чем также говорилось в разнообразных донесениях и отчетах полиции и жандармерии («фиктивный редактор и издатель газеты Баитов, состоящий на жаловании у товарищества за свою подпись и ответственность, как редактор»²). Возможно, поэтому список редакторов «Сибирской жизни» так велик: в мае 1912 г. редактором газеты был утвержден «сын чиновника» П.А. Таловский, до этого бывший редактором-издателем томского журнала «Сибирское кабаре»; в июне 1912 г. временным редактором вызвался быть лодзинский мещанин Э.Э. Бергман; после его отъезда из Томска редактирование взяли на себя помощник присяжного поверенного М.Б. Шатилов и мещанин г. Тара Т.В. Каплин³. При передаче редактирования составлялись секретные донесения о степени политической благонадежности кандидатов, их поведении, наличии судимостей. Однако же

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 735. Л. 228–229.

² Там же. Л. 228.

³ Там же. Л. 105–145.

власти были вынуждены мириться с тем, что других редакторов, кроме политически неблагонадежных, у «Сибирской жизни» просто не могло быть. Коллективное управление газетой и совместная редакционная политика делали должность ответственного редактора не такой важной и взаимозаменяемой. Так, 19 сентября 1916 г. Сибирское товарищество печатного дела сообщило губернатору, что с 20 сентября 1916 г. газета «Сибирская жизнь» «будет выходить под редакцией г. Георгия Ивановича Козлова, согласно имеющемуся у него разрешению, ввиду отбывания двухнедельного ареста редактора Г.Б. Баитова»¹; с 12 октября 1916 г. редактировать газету вновь продолжил Г.Б. Баитов.

В делах РГИА² и ГАТО³ сохранился еще один интересный документ – список сотрудников «Сибирской жизни» и их характеристика, подготовленные в 1913 г. томским полицмейстером М.П. Шереметом. Данная «Справка» составлена на основе объявлений редакции, опубликованных в газете, и дел томского губернского жандармского управления. Необходимость в такой справке, по словам М.П. Шеремета, возникла потому, что редакция «уклонилась дать просимые сведения» – не сообщила «подробные сведения о звании, имени, отчестве и месте жительства сотрудников», под предлогом того, что «на основании параграфа 15 временных правил о повременных изданиях (Приложение к ст. 114 устава о цензуре и печати) местной администрации сообщается лишь имя, отчество, фамилия и местожительство издателя и ответственного редактора»⁴.

Однако губернатору и полиции хотелось знать обо всех, кто сотрудничал с газетой, которую полицмейстер характеризовал так:

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 735. Л. 252.

² РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 26. Ч. 2. Л. 160–169.

³ ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 728. Л. 151–152.

⁴ Там же. Л. 150.

«Газета “Сибирская жизнь” – орган оппозиционный; она считалась профессорской газетой потому, что вдохновлялась горячим сотрудничеством и руководством местных профессоров самого крайнего левого направления <...> В настоящее время, несмотря на выбытие по разным причинам из Томска многих профессоров-вдохновителей – представление о “Сибирской жизни” как о профессорской газете в публике сохраняется. Газета упорно преследует враждебное настроение к существующему строю, дискредитирование власти, разрушение добрых нравов, колебание основ семейной жизни, поощрение смуты и беспорядков в академической жизни высших учебных заведений»¹.

В списке сотрудников, выполненном в виде таблицы, приведены 59 псевдонимов с указанием на настоящие фамилии и местожительство. Благодаря работе, проделанной томским полицмейстером, мы можем узнать, например, что «Илимский Дм. – псевдоним, в действительности Забиранников, Матвей Прокофьевич, ссыльно-поселенец Коченгской волости Киренского уезда Иркутский губернии, происходит из крестьян Харьковской губернии, Изюмского уезда и волости. Осужден в 1908 г. Харьковской судебной палатой по 102 ст. уголовного уложения в ссылку на поселение за принадлежность к партии социалистов-революционеров. Адрес Забиранникова являлся передаточным для партийных сношений ликвидированной в 1912 г. “Сибирской автономной группы” партии социалистов-революционеров»².

Или, например, «Митрич – псевдоним, в действительности Каплин Тимофей Васильевич, Управлению известен некий Каплин, имя и отчество коего невыяснены, который, проживая в г. Омске в 1910–11 гг., входил в состав омской группы партии социалистов-революционеров и организовывал сбор денег в пользу ссыльных

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 728. Л. 150.

² Там же. Л. 155.

Архангельской губернии. Относятся ли изложенные сведения к Тимофею Васильевичу Каплину – выяснить пока возможности не представилось»¹ и т.д.

Сведения, содержащиеся в справке, в основном касались политической благонадежности авторов «Сибирской жизни», их связей с политическими партиями. Отмечалось участие в предвыборной агитации в пользу кадетской партии, как в случае с В.А. Обручевым, профессором Томского технологического института. В отношении О.А. Зубашевой, супруги бывшего директора Томского технологического института, члена Государственного Совета Е.Л. Зубашева, отмечалось, что она «вполне разделяет политические взгляды своего мужа, являясь лицом сомнительной политической благонадежности»². Многие участники «Сибирской жизни» попали под подозрение, поскольку входили в нелегальный «Академический Союз» при Томском университете (профессора М.Н. Соболев, В.В. Сапожников, И.А. Малиновский и др.).

Характеристики сотрудников «Сибирской жизни» были разными по объему: самые развернутые были даны ведущим журналистам – Александру Николаевичу Шипицыну, Григорию Николаевичу Потанину, Евгению Евгеньевичу Колосову, Василию Ивановичу Анучину и ряду других. Но не менее ценными были сведения о малоизвестных авторах, таких как, например, выпускник Императорского Томского университета Петр Михайлович Мультиановский, лаборант Томского технологического института Дмитрий Викторович Алексеев и др.

Было отмечено и участие сотрудников «Сибирской жизни» в появлении передовой «Томск. 7 сентября. П.А. Столыпин»³ в каче-

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 728. Л. 157.

² Там же. Л. 155.

³ Сибирская жизнь. 1911. № 198. 7 сент.

стве яркого показателя политической неблагонадежности. Например, об А.В. Адрианове было написано следующее: «По непроверенным формальным порядком сведениям, в 1911 г. состоял действительным членом редакционного комитета газеты “Сибирская жизнь”, пропустившим к печатанию ярко противоправительственного характера статью по поводу смерти покойного Председателя Совета министров, статс-секретаря Столыпина»¹. Эта же формулировка встречалась в характеристиках Г.Б. Байтова, М.И. Боголепова, Е.Л. Зубашева, Вс.М. Крутовского, А.И. Макушина, И.А. Машиновского, Г.Н. Потанина, М.Н. Соболева и некоторых других авторов.

Как и в аналогичном документе 1911 г. об участниках «Сибирского товарищества печатного дела», «Справка» о сотрудниках «Сибирской жизни» 1913 г. часто определяла свои источники информации как «непроверенные сведения» и отражала, скорее, систематизированные слухи и подозрения полиции, не подтвержденные официально, поскольку никто не располагал, например, точным списком членов партии социалистов-революционеров.

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 728. Л. 153.

Глава 6

Томские неподцензурные самодеятельные журналы и цензура

Исследование самодеятельных школьных журналов началось сравнительно недавно, однако уже опубликован целый ряд интересных работ¹. Несколько лет назад к этой теме обратились и сибирские историки². Важность изучения этого вопроса обусловлена

¹ Балашова Ю.Б. Школьная журналистика серебряного века. СПб., 2007; Рушанин В.Я. Печатные и рукописные издания уральской учащейся молодежи в 1859–1917 гг. Челябинск, 2011; Халиуллина М.С. История развития и условия функционирования детско-юношеских самодеятельных изданий Оренбургского края (1878–2011 гг.) // Вопросы теории и практики журналистики. Иркутск, 2012. С. 199–205; Бондаренко М.А. Кадетские и юнкерские журналы начала XX в.: педагогическая составляющая // Известия Саратовского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2013. Т. 13, вып. 3. С. 96–100; Еремин А.И. Мировосприятие провинциальных гимназистов в начале XX в. (по материалам рукописного журнала «Школьные досуги») // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки. История России». 2013. № 10 (111). С. 18–42; Ляровский А.Б. «Мы сами создали себе свой мир...»: школьные рукописные газеты и журналы начала XX века как фактор социализации // Новейшая история России. 2014. № 2. С. 179–196; и др.

² Косых Е.Н. Молодежная печать Сибири (март 1917 – май 1918 года) // VII Макушинские чтения : материалы науч. конф., 16–17 мая 2006 г., Красноярск. Новосибирск, 2006. С. 139–141; Жилиякова Н.В., Шевцов В.В. Журнал «Товарищ» (1911/12): опыт разработки типологической модели издания для учащейся молодежи в журналистике Томска начала XX в. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 6 (44). С. 139–153; Есипова В.А., Шевцов В.В. Томские самодеятельные журналы в процессах культурной идентификации учащейся молодежи // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 5 (43). С. 147–160.

рядом факторов. Во-первых, большинство указанных изданий являлись неподцензурными, поэтому на их примере можно проследить, как работала система цензуры в Российской империи в конце XIX – начале XX в.: когда обнаруживалось издание того или иного школьного журнала, эта система вступала в действие. Во-вторых, по своей проблематике и типологии школьные журналы часто повторяли «взрослые», что дает дополнительные данные об истории периодики в стране в целом. Наконец, изучение таких журналов представляет немалый интерес с точки зрения истории чтения, поскольку существенная часть публикаций в них представляла собой читательскую реакцию на публикацию тех или иных текстов, нередко широко известных. В целом изучение самодеятельных школьных журналов представляет интерес с точки зрения истории журналистики, истории цензуры, истории читателя и т.д.; можно сказать, что это комплексная проблема, изучение которой может дать новые сведения для целого ряда областей исследования.

Часть этих журналов удалось обнаружить и просмотреть *de visu*, другие известны только по архивным документам. Это также представляет собой отдельную исследовательскую проблему. Выяснилось, что возможно изучение некоторых характеристик указанных изданий по косвенным данным (например, по полицейским донесениям и экспертизам)¹. Основной метод, использованный при анализе журналов, – типологический анализ прессы, предполагающий выявление главных типоформирующих признаков (издатель, целевое назначение издания и его читательская аудитория), зависимых от них вторичных (состав авторов, внутренняя структура издания, используемые жанры и оформление

¹ Есипова В.А. Ученический журнал «Семинарская заря»: опыт типологического анализа по косвенным данным // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 60. С. 234–246.

издания) и формальных типологических признаков (периодичность выхода, объем и тираж)¹.

На настоящий момент известно семь самодеятельных школьных журналов, издававшихся в Томской губернии (преимущественно в Томске) в избранный период. Наиболее ранний из обнаруженных журналов относится к 1902–1903 гг., наиболее поздний – к 1918–1919 гг. Четыре из них были исследованы *de visu* («Товарищ», «Мысли учащихся средней школы», «Лес» и «Родная Сибирь»), три журнала пока не обнаружены и изучались по косвенным данным («Семинарская заря», «Робкие голоса» и «Союз»). Среди источников исследования в последнем случае необходимо назвать местную периодику и архивные документы (преимущественно – материалы полицейских расследований). Коротко охарактеризуем те источники, с которыми удалось ознакомиться непосредственно.

«Товарищ» – наиболее ранний из известных нам журналов учащейся молодежи, изученный методом *de visu*. Он издавался в 1911/12 учебном году. Журнал был отпечатан в типографии Сибирского товарищества печатного дела в Томске литографическим способом, что позволило передать все визуальные особенности рукописи: рисованную обложку и иллюстративные элементы в тексте, характерный шрифт печатной машинки, которым был набран текст, и т.д. В «Товарище» было опубликовано десять материалов, подготовленных учениками старших классов Первого Сибирского коммерческого училища цесаревича Алексея в Томске. В основном это литературно-художественные публикации: стихотворения, зарисовки, переводы, а также тексты, связанные с учебной деятельностью авторов: доклад о поэзии И.С. Никитина и реферат об истории шахмат. В журнале была одна рубрика –

¹ Акопов А.И. Методика типологического исследования периодических изданий (на примере специальных журналов). Иркутск, 1985. 95 с.

«Школьная жизнь», объединившая две заметки: «Выставка картин художника Прохорова» и «Юбилей М.В. Ломоносова».

Большинство публикаций журнала были анонимными, в издании встречаются подписи только двух авторов: М. Бараховича и «П.М.». Также в журнале есть подписи художников: это Б. Морозов (подписывался также инициалами «Б.М.»), С. Гомберц («С. Гомб», «С.Г.») и Сысоев. Это дает основание предположить, что авторский состав «Товарища» был невелик. Об участии в журнале преподавателей училища сведений не сохранилось либо на данный момент не выявлено. Указания на даты, которые встречались в материалах журнала, позволяют сделать вывод о том, что он был издан в конце 1911 г.

Типологический статус журнала соответствовал определению «ученический»: он издавался учащимися Первого Сибирского коммерческого училища, имел целью объединение творческих сил молодежи, ориентировался на узкий круг читателей, имеющих отношение к училищу – учеников и их знакомых, преподавателей. «Товарищ» может быть условно отнесен к типу литературного ученического журнала, в котором сочетались жанры литературно-художественные (стихотворения, зарисовки), журналистские (заметки), учебно-научные (рефераты), развлекательные (шахматная партия, задачи). Как и в других российских журналах учащейся молодежи, в нем нашла отражение как учебная, так и внеучебная жизнь участников издания.

Второй журнал томской молодежи – «Мысли учащихся средней школы» – издавался в 1917/18 учебном году. Он был отпечатан в типографии Томского губернского управления. Объем журнала – 90 страниц, на обложке указано название, год и место издания, а также его статус: «общеученический журнал». Обложку украшали три виньетки, которые явились единственным иллюстративным элементом во всем журнале. В этом отношении второй томский

журнал учащейся молодежи резко отличался от «Товарища», где иллюстрациям уделялось столько же внимания, сколько текстам.

Содержание журнала «Мысли учащихся средней школы» отличалось жанровым и тематическим разнообразием, обусловленным концепцией ученического издания. В журнале было опубликовано около 30 материалов, среди которых: «рассуждения» («О труде» ученика 5-го класса Г. ИONOва), статья по актуальным вопросам школьной жизни («Требования жизни» ученика 8-го класса П. Иванова), 23-страничный «Литературный суд над Фамусовой» (описание заседания, состоявшегося под руководством Н.К. Баумана), научно-популярные статьи, многочисленные рассказы и стихи учеников старших классов. В журнале был «Детский отдел», где были опубликованы первые «пробы пера» (рассказы и стихи) учеников 2, 3 и 4-х классов.

Завершался номер «Хроникой школьной жизни» (составлена учеником 8-го класса, подписавшимся инициалами «М. Б.»). Издание осуществлялось под редакцией преподавателя томского среднего политехнического училища Н.К. Баумана.

Для исследования доступен только один, первый номер журнала «Мысли учащихся средней школы». Однако ведущая газета Томска «Сибирская жизнь» писала также о выходе второго номера этого журнала в октябре 1917 г.

Журнал «Родная Сибирь» был основан в сентябре 1918 г. группой учащихся женской гимназии О.В. Миркович и Алексеевского реального училища. Первоначальное ядро редколлегии составляли М. Абрамова, О. Купрессова и Е. Шалопаяева (гимназия Миркович) и Г. Леонов и Н. Воронин (Алексеевское реальное училище), однако О. Купрессова вышла из состава редколлегии к началу 1919 г. Руководителями журнала являлись П. Леонов и А. Баландин – возможно, студенты¹.

¹ Родная Сибирь. 1919. № 5. С. 1–4.

В коллектив издания в разное время входили также авторы (как постоянные, так и временные), переписчики (особенно в период рукописного тиражирования журнала), распространители и технические работники. В период расцвета коллектив журнала насчитывал до 40 человек.

Редколлегия журнала располагалась по адресу: «Болото. Ново-Карповская, № 12, кв. 2»; по этому адресу предлагалось предоставлять статьи для публикации. Журнал был ориентирован исключительно на учащихся и ставил своей целью развитие интереса к родному краю. При редакции существовала также библиотека, в которой насчитывалось от 100 до 225 томов книг, посвященных Сибири.

Журнал существовал за счет членских взносов представителей редколлегии. Кроме того, в отчете журнала за 1918 г. упоминаются некие коммерческие операции, принесшие прибыль в кассу журнала, однако природа этих операций не раскрывается¹.

В журнале публиковались преимущественно работы членов редколлегии. Все они скрывались за псевдонимами, поэтому в настоящее время авторство того или иного текста можно установить лишь предположительно. В обоих сохранившихся номерах имеются тексты, подписанные псевдонимами М. Югорская (М. Абрамова?), А. Арсин (А. Баландин?) и П. Кедровский (П. Леонов?); некоторые стихотворения подписаны «Е.Ш.», «Ж.Ш.», «Женя» (Е. Шалобаева?). Использовался псевдоним «Сибиряк», многие тексты подписаны инициалами или именами, без указания фамилий. Присутствуют и псевдонимы, которые могли указывать на происхождение автора из числа коренных народов Сибири: «Гадыр-Кизи», «Тутал». В двух сохранившихся номерах журнала присутствуют три основных раздела: «Научный отдел», «Беллетристика» и «Стихотворения».

¹ Родная Сибирь. 1919. № 5. С. 2–3.

Иллюстрирование журнала сводилось к рисованным шрифтам в заголовках и отдельным рисункам, которые размещались либо на полях, либо занимали до половины страницы. Имелись также сюжетные и орнаментальные заставки перед началом некоторых текстов. Имена художников-оформителей установить не удалось. Известно лишь, что один из них подписывал свои работы псевдонимом «Таганай»¹.

Точное время окончания публикации журнала неизвестно. Последний по времени из сохранившихся номеров (№ 5 за 1919 г.) вышел перед летними каникулами. В нем редколлегия выражала надежду, что «журнал... отдохнув летом, набравшись сил, вновь пробудится к жизни осенью этого года». Однако данных о возобновлении работы журнала в более поздний период не имеется.

Еще один из самодеятельных школьных журналов хранится в фондах ОРКП НБ ТГУ²; это журнал «Лес». На настоящий момент обнаружен один номер (№ 2 за 1917 г.). Строго говоря, нельзя утверждать, что журнал выходил именно в Томске, так как данные о месте издания отсутствуют. Однако в силу ограниченного тиража гектографированных изданий (не более 100 ед.), а также очевидно малого круга потенциальных читателей предположение о томском происхождении журнала можно признать весьма вероятным.

На титульном листе журнала обозначено его название и номер, указано, что это «Еженедельный журнал для юношества», а также, что 1917 г. является первым годом издания журнала. Здесь же упомянут редактор-издатель, отрекомендовавшийся псевдонимом «Черный Ястреб»; о сотрудниках сказано: «Эфиоп, один человек». Кроме того, на титуле размещен рисунок пером, изображающий лес, выполненный довольно профессионально.

¹ Таганай – группа хребтов на Южном Урале. Также Таганай – село в Ояшенской волости (ныне Болотненский р-н Новосибирской обл.).

² ОРКП НБ ТГУ. В-5513. Лес. Журнал. 1917. № 2. Б. м. 8 л.

В номере журнала 8 листов (16 страниц). Нумерация начинается со страницы 29 (лист, следующий за титулом), а заканчивается на странице 44 (это оборот заключительного листа). Как видно, предполагалась сквозная нумерация листов. Поскольку перед нами второй номер, то можно заключить, что первый был обширнее и включал в себя страницы 1–28 (т.е. 14 листов).

Небольшой по объему журнал можно назвать исключительно литературным: 1) рассказ (возможно, роман) «Путешествие на Марс»; 2) заметка-зарисовка, близкая к новелле под названием «Новый год»; 3) стихотворение «Наступление весны»; 4) сказка «Приключения лисы-разумницы» и 5) заключительная страница «Потешный уголок».

Таким образом, в целом журнал можно охарактеризовать как литературно-развлекательный. В номере отсутствуют вступительная статья от редакции, «Письма в редакцию», следовательно, нет и редакционной корзины, из которой составляются следующие номера. Судя по псевдонимам, в исследуемом номере участвовали три автора: это редактор Черный Ястреб, пишущий фантастику; некто Эфиоп, специализировавшийся на сказках и лирических зарисовках в прозе; и, наконец, поэт, подписавшийся как Подкидыш. Не исключен при этом случай, что под псевдонимами скрывались не три, а два человека, и даже один. Перед нами частное творчество юных писателей, и совершенно не чувствуется присутствие взрослого наставника. Разделы журнала «Лес» повторяют скорее структуру известных детских журналов, рассчитанных на детей и написанных взрослыми специально для детей.

В результате исследования выявленных ученических журналов удалось установить, что издателями всех перечисленных журналов являлись учащиеся средних учебных заведений Томска: Томской духовной семинарии, первого сибирского коммерческого училища, женской гимназии Миркович, Алексеевского реального училища.

Лишь в одном случае («Мысли учащихся средней школы») предположительно имелся контроль за изданием со стороны учителей или учебного ведомства.

Целевое назначение изданий было различным. Говорить о таком применительно к семинарским журналам 1905–1907 гг., описанным по косвенным признакам, можно предположительно: так, журналы «Семинарская Заря» и «Робкие голоса» являлись, вероятно, литературно-художественными. Журнал «Союз» носил отчетливый политический характер. Все остальные перечисленные издания также относятся к литературно-художественным с некоторыми особенностями. Например, «Родная Сибирь» имела не просто краеведческий, но практически областнический оттенок, что дает основания говорить и о некоторой политической подоплеке издания.

Читательская аудитория всех изданий охватывала в первую очередь учащихся средних учебных заведений, различалась лишь ее количественная характеристика. Если «Союз» предполагал охват как можно большей аудитории, то другие издания, например «Лес», вероятно всего, ограничивались лишь небольшим кругом единомышленников.

Вторичные типологические признаки рассматриваемых изданий не всегда могут быть определены детально в силу отсутствия на руках ряда изданий. Однако некоторое представление о них составить все же можно. Так, в авторские коллективы входили обычно учащиеся средних учебных заведений Томска. Произведения иных авторов публиковались в виде исключения и только в соответствии с профилем издания: так, в одном из номеров журнала «Родная Сибирь» было опубликовано ранее не печатавшееся стихотворение Н.А. Некрасова. Используемые жанры диктовались типом издания. Так, в составе политического журнала «Союз» преобладали статьи и памфлеты соответствующей направленности, а также публика-

лись отчетные материалы о работе томского отделения семинарского союза. Остальные издания представляли литературно-художественное направление, поэтому в них публиковались беллетристические произведения (очерки, зарисовки, рассказы), а также стихотворения. В некоторых изданиях встречаются исторические и этнографические очерки, биографические и библиографические материалы, а также романы и сказки. Оформление изданий сводилось к рисованным шрифтам в заголовках и отдельным рисункам, размещавшимся на полях либо занимавшим часть полосы.

Формальные типологические признаки изданий также можно охарактеризовать лишь частично. Прежде всего, у нас нет гарантии того, что даже имеющиеся в нашем распоряжении издания не выходили после срока, указанного в самых поздних найденных номерах. Периодичность варьируется от 2 раз в неделю до 1 раза в месяц, объем колебался в пределах одного-двух десятков страниц, а тираж зависел от технических возможностей издателей.

О них необходимо сказать несколько слов отдельно. Имеющиеся в нашем распоряжении экземпляры изданий позволяют отметить, что наиболее распространенным способом тиражирования для самостоятельных школьных журналов являлась техника гектографирования. Однако некоторые журналы являлись по преимуществу рукописными («Семинарская Заря»), а часть тиражировалась типографским способом («Мысли учащихся...»). Соответственно, рукописные журналы имели крайне небольшой тираж (менее 10 экз.), гектографированные печатались тиражами в несколько десятков экземпляров, а «Мысли учащихся...» выходили уже более широким тиражом.

В настоящее время есть возможность говорить о том, что самостоятельные ученические журналы Томска выходили в период 1902–1919 гг. и были явлением довольно типичным. В выпуске журналов принимали участие учащиеся разных учебных заведений

Томска (духовной семинарии, первого сибирского коммерческого училища, Алексеевского реального училища, частной женской гимназии Миркович). Сохранились лишь немногие номера изданий: как правило, мы располагаем одним-двумя номерами каждого издания. В целом и те издания, которые удалось исследовать *de visu*, и те, историю которых возможно реконструировать лишь по косвенным данным, типологически однородны с самодеятельными ученическими журналами, издававшимися в других губерниях Российской империи, что позволяет говорить о повсеместном распространении изучаемого явления. Они были созданы учениками томских учебных заведений, предназначались для довольно ограниченного круга читателей. Целью их были как реализация творческих установок авторов, так и стремление осмыслить свою учебную и внеучебную деятельность. Отсутствие официального цензурного «присмотра» за такими журналами позволяло их участникам свободно выражать свои мысли и чувства, но при этом авторы отчетливо понимали границы собственных возможностей: радикальные высказывания не позволили бы им найти издателя, и журнал рисковал остаться рукописью, ходящей только среди членов узкого товарищеского кружка. Поэтому единственный журнал, выходивший под присмотром преподавателей («Мысли учащихся средней школы»), так разительно отличается от остальных по типологическим признакам: у него более широкий читательский адрес, обширный объем, да и печатался он в типографии губернского правления.

Наличие большого количества ученических журналов в Томске в начале XX в. указывает на то, что существовала потребность в изданиях такого рода; видно, что они появлялись постоянно на протяжении периода 1902–1919 гг. При этом преемственность между журналами отсутствовала, их выпуском занимались представители различных учебных заведений Томска. Исследование истории томских

ученических журналов также дает дополнительные сведения о работе цензора в Томской губернии – это видно на примере истории «Семинарской Зари», а также позволяет представить более объемно историю политической активности учащихся сибирских духовных учебных заведений на примере журнала «Союз». Таким образом, рассмотренные материалы позволяют судить не только об истории журналистики в регионе, но и о других смежных областях.

Ученический журнал «Семинарская заря»: опыт типологического анализа по косвенным данным

Выше были приведены результаты типологического анализа некоторых из ученических журналов, которые сохранились до настоящего времени, поэтому с ними возможно познакомиться *de visu*. Однако часть из этих изданий известна лишь по другим источникам, поэтому приходится прибегать к рассмотрению косвенных данных. Интересно, что в процессе получаются и довольно важные результаты: так, удастся не только выявить некоторые типологические признаки ученических журналов, но и реконструировать некоторые эпизоды цензурной истории этих изданий.

В качестве примера рассмотрим историю ученического журнала «Семинарская заря», которая началась с публикации в газете «Сибирская жизнь» материала «История одного ученического журнала (из воспоминаний семинариста)»¹. Этот материал был размещен в рубрике «Маленький фельетон»; в данной рубрике размещались как сатирические материалы, соответствующие современному значению термина, так и литературные произведения других жанров.

¹ Маленький фельетон. История одного ученического журнала (из воспоминаний семинариста // Сибирская жизнь. 1903. № 20. 25 янв.

Фельетон датирован 27 декабря 1902 г. и подписан псевдонимом Dixi. Этот псевдоним использовался целым рядом писателей и публицистов, включая М.Е. Салтыкова-Щедрина¹; на настоящий момент пока не представляется возможным установить, кто именно скрывался под ним в публикации «Сибирской жизни».

Отметим, что появление в семинариях студенческих газет, журналов, а также листовок и воззваний не было в Томске единичным фактом и происходило на фоне роста политической активности студентов в целом. Так, в 1900 г. среди студентов семинарии было распространено гектографированное воззвание, направленное против действий инспекторов². Волнения семинаристов произошли в Томске в сентябре 1902 г.³ В период 1905–1907 гг. семинария в Томске неоднократно закрывалась из-за беспорядков среди учащихся⁴. Известно, что в 1906 г. семинаристы издавали рукописный журнал «Робкие голоса», расследование по делу которого привело к временному закрытию семинарии⁵. В 1907 г. в томской семинарии действовал отдел всероссийского общесеминарского союза, выпускавший гектографированный журнал «Союз»⁶. В октябре 1909 г. семинария вновь временно закрывалась из-за отказа студентов посещать лекции одного из преподавателей – члена Союза

¹ Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей : в 4 т. М., 1958. Т. 3. С. 310.

² Зиновьев В.П., Харусь О.А. Общественно-политическая жизнь в Томской губернии в 1880 – феврале 1917 г. Хроника. Томск, 2013. С. 78; Филиппов Ю. Революционное движение и духовные школы России в конце XIX – начале XX вв. // Православие.ru. М., 2006. URL: <http://www.pravoslavie.ru/put/060418184827.htm> (дата обращения: 08.04.2019).

³ ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 181.

⁴ Зиновьев В.П., Харусь О.А. Общественно-политическая жизнь... С. 191.

⁵ Зиновьев В.П., Харусь О.А. Общественно-политическая жизнь... С. 221; ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 181. Л. 11.

⁶ Зиновьев В.П., Харусь О.А. Общественно-политическая жизнь... С. 228.

русского народа¹. Таким образом, рассматриваемая история семинарского журнала выглядит на фоне всех этих событий достаточно типичной.

Ученический журнал «Семинарская заря»

А. *Действующие лица*. В фельетоне описывается история создания, выпуска и закрытия ученического журнала «Семинарская Заря» (или просто «Заря»). Действие происходит в О-ской духовной семинарии в феврале 190... года. Ученики четвертого класса семинарии решают выпускать собственный журнал; в качестве одного из инициаторов назван ученик четвертого класса Покровский, охарактеризованный как «дарвинист». Это прозвище происходило из неофициальных дискуссий между «дарвинистами» и «антидарвинистами», которые имели место по вечерам среди семинаристов; собственно, журнал и предлагался как площадка для продолжения этих споров. Приняв решение, учащиеся тут же приступили к реализации своей идеи.

К работе в редколлегии журнала были привлечены трое учащихся четвертого класса и столько же – из пятого. В фельетоне особо отмечено, что шестиклассники отнеслись к идее журнала «с меньшим сочувствием»: возможно, причиной было то, что им не понравилось, что идея исходила от младших классов; однако, вероятно, выпускному классу просто было не до издательской деятельности. В итоге за два месяца существования журнала в нем не появилось ни одной статьи, написанной шестиклассниками.

Отметим, что в фельетоне практически не указаны конкретные имена и места действия – за исключением инициатора журнала,

¹ Зиновьев В.П., Харусь О.А. Общественно-политическая жизнь... С. 275.

семинариста Покровского. Однако эта фамилия являлась весьма распространенной среди учащихся духовных семинарий, поэтому идентифицировать его вряд ли удастся.

Имена, даже сокращенные, скорее всего, в фельетоне изменены. Например, в тексте имеется упоминание об одном важном факте из биографии «семинарского астронома» С-ского: он «...начал заниматься астрономией еще в духовном училище, имел несколько астрономических приборов, состоял в переписке с учеными астрономами и в свое время, вместе с киевским гимназистом Борисяк, открыл появившуюся новую звезду Персея раньше нашей главной обсерватории, о чем сообщалось в немецкой печати (русские газеты говорили только об одном гимназисте Борисяк)». Это известный факт в истории отечественной любительской астрономии: новая звезда GK в созвездии Персея действительно была открыта 8 (21) февраля 1901 г. учеником 5-й Киевской гимназии Андреем Алексеевичем Борисяком¹. В современных исследованиях на эту тему упоминается, что открытие было сделано А.А. Борисяком «вместе с его другом А. Барановским», однако биографические материалы о последнем практически отсутствуют, в различных публикациях даже разнятся его инициалы – встречается написание А.А. Барановский и А.И. Барановский. Известно, что раннее детство А.А. Борисяка прошло в Челябинске, после чего он с родителями переехал сначала в Петербург, а затем в Киев в 1900 г.

Таким образом, издателями журнала «Семинарская Заря» являлись учащиеся средних классов семинарии, в состав авторов журнала входили они же. Целевой аудиторией являлись фактически их одноклассники, т.е. аудитория издания была весьма неширокой.

¹ Масликов С. История любительской астрономии в России и СССР. Ч. II. Общественные любительские организации (до 1991 г.) // Астрономия и телескопостроение. URL: <http://www.old.astronomer.ru/library.php?action=2&sub=2&gid=67> (дата обращения: 26.02.2019).

Издательский и авторский коллектив, а также целевая аудитория типичны для ученических изданий конца XIX – начала XX в.

Б. *Состав и структура журнала.* Журнал выпускался в рукописном виде в количестве шести экземпляров. Структурно каждый номер состоял из шести разделов: богословский, философский, литературный, естественно-научный, а также внутренняя семинарская хроника и внешняя хроника. Предполагалось, что журнал будет выходить 2 раза в месяц в количестве 6 экземпляров – по количеству классов в семинарии. К переписке организаторы собирались привлечь всех желающих.

Издательский портфель наполнился быстро, и уже через неделю появился первый номер журнала. В фельетоне излагается содержание редакционной статьи первого номера: в ней специально оговаривалось, что журнал преследует исключительно учебные цели, поэтому «все статьи антирелигиозного и вообще политического направления не будут пропущены». Также в тексте редакционной статьи имелись намеки на то, что начальство семинарии знакомо с идеей журнала и якобы дало на выпуск издания свое согласие.

В состав первого номера входили материалы, посвященные юбилею Т.Г. Шевченко, несколько стихотворений, а также статья по астрономии в научном разделе, которую написал семинарист С-ский. Номер был также снабжен иллюстрациями, которые выполнили семинаристы, обучавшиеся в классах живописи.

Отметим, что нам доподлинно неизвестно, входили ли в состав первого номера какие-либо еще материалы, помимо указанных в фельетоне «Сибирской жизни». Если номер ограничивался перечисленными статьями, получается, что в его составе присутствовали не все разделы, заявленные в редакционной статье: например, не было статей по богословскому разделу. Это приводит нас к вопросу о том, как мыслилась издателями структура журнала: предполагалось ли, что все разделы будут представлены в каждом но-

мере либо считалось, что они будут появляться периодически, по мере подачи достойных для публикации материалов. К сожалению, на этот вопрос невозможно ответить, не имея в руках хотя бы одного номера «Зари».

Автор фельетона особо отмечает, что в «Заре» было помещено несколько статей, вышедших из-под пера авторов, которые отнюдь не блистали в учебе, а их обязательные сочинения никогда не получали высоких оценок. С точки зрения автора фельетона, причина очевидна: «...официальные сочинения пишутся по принуждению, из-под палки и притом так, как требует программа, “без лукавых умствований”... тогда как для “Семинарской Зари” тема выбиралась самим автором, статья писалась без всякого принуждения, по доброй воле, ответ на поставленные вопросы можно было давать так, как того желает собственный разум и сердце, а не как требует программа или хочет преподаватель».

Журнал пользовался большим интересом со стороны семинаристов; как свидетельствует фельетон, всего было выпущено четыре номера. Однако оживление в среде учащихся, вызванное чтением и обсуждением статей журнала, привлекло внимание инспектора семинарии Я-каго. Выследив семинаристов, читающих очередной номер, инспектор конфисковал журнал. Последовали обыски, номера журнала были изъяты, состав редакции обнаружен. Дело дошло до ректора и правления семинарии. Итог описывается в фельетоне следующим образом: «Злополучные номера “Зари” были преданы аутодафе, “редакторы” исключены из семинарии, а “сотрудникам”, не исключая и семинарского “астронома”, сбавлен балл по поведению».

Таким образом, можно составить некоторое представление о внутренней структуре журнала, который логично обозначить как научно-литературный. Среди используемых жанров отметим юбилейную и научно-популярную статью, а также стихотворные произ-

ведения, жанр которых не представляется возможным установить из текста фельетона. Оформлению журнала издатели придавали особое значение: для иллюстрирования были привлечены семинаристы, специально обучавшиеся в классах живописи, а сам факт наличия иллюстраций держался в секрете до выхода первого номера, поскольку мыслился издателями как сюрприз для аудитории.

Также по тексту фельетона можно установить периодичность выхода журнала (2 раза в неделю) и тираж (6 единиц). Объем каждого номера можно установить лишь гипотетически, исходя из описания содержания: как минимум две статьи, несколько стихотворений и иллюстрации должны были занимать около десятка страниц. Таким образом, формальные типологические признаки «Зари» вполне соответствовали узости целевой аудитории и небольшим возможностям издателей. Рукописный способ тиражирования не позволял выпускать журнал в большом количестве экземпляров.

Описанная в фельетоне судьба ученического журнала является типичной для подобных изданий начала XX в., выпускавшихся без ведома начальства учебных заведений. Возникает вопрос: можно ли идентифицировать описанный в фельетоне журнал с каким-либо изданием, уже введенным в научный оборот? Среди томских ученических журналов издания с таким названием не зафиксировано. Отметим, что история ученических журналов других регионов, например Урала, неплохо изучена: помимо отдельных статей¹ имеются и библиографические указатели таковых журналов². Однако среди них также не фигурирует журнал «Семинарская заря».

¹ Халиуллина М.С. История развития и условия функционирования детско-юношеских самостоятельных изданий Оренбургского края (1878–2011 гг.) // Вопросы теории и практики журналистики. Иркутск, 2012. С. 199–205.

² Рушанин В.Я. Печатные и рукописные издания уральской учащейся молодежи в 1859–1917 гг. Челябинск, 2011. 164 с.

Возможно, номера журнала просто не сохранились: поскольку, как сказано в фельетоне, все изъятые экземпляры были сожжены, нет никакой гарантии, что хотя бы один удалось каким-то образом уберечь.

Таким образом, на настоящий момент не удалось пока установить, какой именно ученический журнал описан в фельетоне под названием «Семинарская заря»; поскольку подобных изданий выпускалось действительно очень много, возможно, он еще не попал в поле зрения исследователей либо просто не дошел до наших дней.

Продолжение истории «Зари»: публикация «Русского слова»

Публикация в «Сибирской жизни» имела продолжение. История семинарского журнала привлекла внимание центральной прессы: со ссылкой на описанный выше фельетон была опубликована статья в газете «Русское слово»¹; она называлась «Ученический журнал». В статье рассказывалась история петербургского гимназического журнала «Утро», выпускавшаяся учениками 1-й гимназии; в качестве руководителя журнала в «Русском слове» указан «классный наставник Лютер». Современные исследователи установили, что на момент выхода журнала Ф.А. Лютер являлся учащимся 8-го класса, также его характеризуют как «преподавателя-издателя»². По мнению автора статьи в «Русском слове», основной проблемой журнала «Утро» являлись «поразительная бессодержательность... глупенькое пустословие и стихоплетение», а сам журнал характеризовался как «пособие по лицемерию». Собственно, все перечис-

¹ Ученический журнал // Русское слово. 1903. № 48.

² Лисович В.Н. Историко-педагогический обзор петербургских ученических журналов дореволюционной России // // Проблемы современного педагогического образования. 2017. № 55–11. С. 31–39.

ленное привело к тому, что первый номер ученического журнала оказался и последним.

В качестве противопоставления автор статьи приводит пример уже известного нам журнала «Заря»; он считает, что одной из причин успеха этого издания послужило следующее: «наилучшие статьи выливались из-под пера как раз тех учеников, которые получали двойки и тройки за классные официальные сочинения». Далее со слов «Сибирской жизни» дается пересказ печальной судьбы «Зари» и членов ее редколлегии и делается вывод: «Такова судьба искреннего и осмысленного ученического журнала – по эпопее, появившейся в “Сибирской жизни”, органе подцензурном, серьезном, не падком на сенсационные вести. Так погасла “Заря”. Большим Лютером надо быть, чтобы после бедной “Зари” верить в свет какого-либо “Утра”».

Статья подписана псевдонимом «Б.»; установлено, что под ним скрывался Эдуард Александрович Старк¹, известный музыкальный критик и искусствовед. Выступал он также и в качестве публициста, в частности на страницах «Русского слова» и пользовался, помимо указанного, также псевдонимами Борус; З.; З-ъ; Зигфрид; Э. С.²

Подобное противопоставление двух ученических журналов появилось в статье не случайно. Известно, что все ученические журналы XIX – начала XX в. можно условно разделить на две большие категории: часть из них выпускалась под руководством и контролем учебного начальства; вторая же часть являлась подлинно самостоятельной, поскольку весь процесс от начала до конца выполнялся непосредственно самими учениками. Таким образом, в статье «Русского слова» сравниваются судьбы двух ученических журналов, первый из которых, подконтрольный гимназическому

¹ Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей : в 4 т. М., 1956. Т. 1. С. 118.

² Там же. Т. 4. С. 452.

начальству, перестал выходить по причине низкой популярности, второй же, неподцензурный, но популярный среди учащихся, был прекращен решением семинарского начальства. При этом оба журнала типологически близки: издателями, авторами, а также основной целевой аудиторией в обоих случаях являлась учащая молодежь; издатели, как правило, адресовались в первую очередь своим одноклассниками либо учащимся своего учебного заведения. Именно это типологическое сходство и весьма разная судьба и явились основной структурообразующей мыслью для автора статьи в «Русском слове».

Продолжение истории «Зари»: расследование цензурного ведомства

В рассматриваемый период на ученические издания было обращено серьезное внимание со стороны Министерства народного просвещения. Так, в 1901 г. Министерство возбудило вопрос «о беспрепятственном разрешении издавать при средних учебных заведениях ученические журналы, составляемые воспитанниками двух последних классов этих заведений, с условием, чтобы журнал редактировался одним из преподавателей»¹. Положительное решение этого вопроса привело к росту числа ученических изданий по всей России: с 1901 по 1916 г. в гимназиях, реальных училищах, кадетских корпусах издавалось более 150 различных ученических изданий².

¹ Ученические журналы // Русская школа. 1901. № 12, отд. 2. С. 113.

² Леденева Ж.А. К истории гимназической журналистики (по материалам российских педагогических журналов XIX – начала XX в.) // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2010. № 1. С. 146.

Неудивительно, что появление довольно большого массива самодельных изданий вызвало ответную реакцию – их просто некому было контролировать со стороны цензурного ведомства. Поэтому случаи, когда достоянием общественности становился запрет какого-либо ученического журнала, должны были привлекать особое внимание со стороны цензурных властей. Именно это и произошло в рассматриваемом случае.

По следам публикации в «Русском слове» Главное управление по делам печати 22 февраля 1903 г. отправило запрос томскому губернатору, в котором интересовалось, каким образом в описанном случае соблюдались требования отношения № 6441 от 24 июля 1902 г.¹ Имелся в виду секретный циркуляр, разосланный в августе 1902 г. руководителям средних учебных заведений Российской империи. В нем указывалось принять меры для «борьбы с противоправительственной пропагандой среди учащихся»; к циркуляру прилагалось письмо с описанием журнала, изъятого у ученика одного из реальных училищ Петербурга. Приводилась и статистика Министерства внутренних дел, согласно которой кружки и организации учащихся существовали в 22 городах; ряд из них выпускали свои журналы или листки².

Томский губернатор, князь Сергей Александрович Вяземский, переадресовал запрос вице-губернатору, барону Дмитрию Николаевичу Дельвигу, который в тот момент отвечал за цензурирование периодики в губернии. Ответ вице-губернатора датируется 11 марта 1903 г.³; в первую очередь в нем констатируется, что «систематически следить за всеми рекомендациями Главного управления по делам печати не представляется возможным». Далее вице-

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 577. Л. 17.

² Рушанин В.Я. Печатные и рукописные издания уральской учащейся молодежи в 1859–1917 гг. Челябинск, 2011. С. 10.

³ ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 577. Л. 19–19 об.

губернатор отмечает, что «на цензуру семи повременных изданий, выходящих в Томске... у меня имеется от 2х до 3х часов ежедневно. Возвращаясь со службы в 4, а иногда и в 5 часов дня, я в половине шестого сажусь за цензуру, при чем за последние три-четыре месяца несколько раз в неделю присутствую в вечерних заседаниях, которые начинаются в 7–8 часов вечера, или председательствую на них, прочитывая... не менее внимательно цензурные листы.

Изложенные обстоятельства, я полагаю, дают мне основания просить Главное управление по делам печати не ставить мне в особую вину допущения... по недостатку времени систематически следить за всеми распоряжениями по делам печати...»¹.

Проблема недостатка времени у цензоров хорошо известна²; варианты ее решения прорабатывались властями. Так, 6 июня 1902 г. Николаем II был утвержден доклад министра внутренних дел В.К. Плеве, в соответствии с которым предполагалось в срочном порядке назначить особых чиновников для исполнения обязанностей цензоров в ряде городов в том числе и в Томске³. В результате в 1903 г. в Томск был назначен отдельный цензор по внутренней цензуре Александр Николаевич Пятов. Его назначение состоялось в январе, а 17 марта 1903 г., вскоре после цитированного выше ответ вице-губернатора, Пятов уже принимал у него дела по цензурованию⁴. В качестве вознаграждения за выполнение работы цензора с 1 января по 17 марта 1903 г. вице-губернатор получил 105 рублей⁵. А несколько позже, в 1906 г., вышел специальный циркуляр Главного управления по делам печати, в котором разъяс-

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 577. Л. 19–19 об.

² Патрушева Н.Г. Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX – начале XX века : дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2014. Т. 1. С. 254.

³ Там же. С. 254.

⁴ ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 577. Л. 26–27.

⁵ Там же. Л. 29.

нялась возможность возложения, при необходимости, обязанностей цензора на вице-губернаторов, причем без дополнительного вознаграждения¹.

Отметим следующий факт. В своем ответе в Главное управление по делам печати вице-губернатор оправдывался не столько в том, что произошло с семинарским журналом, сколько в том, что эта история стала известна благодаря публикации «Сибирской жизни», а позже – «Русского слова». Действительно, в его ответе идет речь не о семинарском журнале, не о циркуляре, в котором предлагалось тщательно следить за настроениями среди учащихся. Вице-губернатор указывает на то, что у него просто физически нет времени следить за всеми распоряжениями Главного управления по делам печати, а цензурой он вообще занимается по окончании рабочего дня. Именно поэтому, с его точки зрения, и случилась оплошность – публикация фельетона в «Сибирской жизни».

Таким образом, реакция ответственного за цензуру лица в данном случае носила чисто ситуативный характер: вице-губернатор, занятый многими другими делами, действительно не имел возможности вникать в причины и следствия возникновения и исчезновения семинарского журнала. Он и не пытался это сделать, отвечая на запрос вышестоящего начальства в традиционной бюрократической манере. Появление отдельного цензора в Томской губернии именно в рассматриваемый момент выглядит совершенно логичным, а история с «Зарей» лишь является дополнительной иллюстрацией его необходимости.

Возникает вопрос: можно ли все же идентифицировать журнал «Семинарская заря» с каким-нибудь реально существовавшим ученическим журналом? Возможное решение этого вопроса пред-

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 70. Д. 458. Л. 99–101.

ложено в работе митр. Ростислава. Описывая деятельность пятого ректора Томской духовной семинарии архим. Никанора (Надеждина), говорится и о его реакции на появление самодеятельных семинарских журналов: несколько воспитанников наладили издание подпольных газет «Семинарский листок» и «Молодая семинария». Когда об этом стало известно Правлению, большинство его членов предлагали применить к нарушителям мягкие меры взыскания. Но ректор и инспектор, считая эти тенденции крайне опасными, настаивали на отчислении трех редакторов нелегальных изданий. Их поддержал и епископ Макарий (Невский). «Секретное издание воспитанниками газеты не есть только детская затея, и содержание ее не столько невинно, чтобы взглянуть на нее сквозь пальцы; это не единоличный проступок легкомыслия, а первые всходы злого семени на чистом поле, засеваемом врагами добра... К руководителям столь опасной затеи приличнее было бы приложить изречение народной мудрости: “дурную траву из поля вон”. В итоге три редактора изданий (Федоров, Вологодский и Болдовский), а также три “активиста” (Шебалин, Калугин и Бессонов) были отчислены. Нескольким воспитанникам были вынесены другие взыскания»¹.

В цитируемой статье есть ссылка на документ, хранящийся в РГИА². Этот документ представляет собой рапорт члена Учебного комитета св. Синода статского советника Михаила Савваитского о ревизии, проведенной им в Томской духовной семинарии в ноябре 1901 г. Там, среди прочего, упомянуто, что «в декабре 1896 г. обнаружено было издание воспитанниками подпольных газет «Семи-

¹ Ростислав, митр. Томский и Асиновский. Пятый ректор Томской духовной семинарии, архимандрит Никанор (Надеждин): исторический портрет // Труды Томской духовной семинарии. Томск, 2013. Сб. 2. С. 7–55. URL: http://pravoslavie.tomsk.ru/tomsk/80/#_ftn56 (дата обращения: 08.04.2019).

² РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 67.

нарский листок» и «Молодая семинария»...»¹. Именно по итогам этого события и имели место те репрессивные меры, которые описаны в цитированной выше статье. Таким образом, указанные в рапорте Савваитского издания не могут быть однозначно ассоциированы с «Семинарской зарей» как минимум потому, что события, описанные в фельетоне «Сибирской жизни», произошли позже. Однако можно сказать, что в какой-то мере «Семинарский листок» и «Молодая семинария» все же были прообразами «Семинарской Зари», хотя бы в силу типичности судьбы такого рода изданий.

В целом же рассмотренная выше история показывает не только судьбу двух ученических журналов – столичного и провинциального. Она позволяет проследить конкретные детали практической работы цензора, дополняет наши знания о ней.

Исследование публикаций об ученическом журнале дает возможность выделить и систематизировать некоторые его типологические признаки: установить примерный состав издателей и читательской аудитории; о целевом назначении журнала позволяет судить лишь цитата из редакционной статьи, помещенной в фельетоне «Сибирской жизни» – там говорится об учебном назначении журнала. Вторичные типоформирующие признаки также могут быть обозначены по косвенным данным, однако для их детальной характеристики информации все же недостаточно. Так, можно охарактеризовать состав авторов в целом (учащиеся четвертого-пятого классов семинарии), но нет возможности указать конкретные имена, за исключением «семинарского астронома». Внутренняя структура издания описана в «Сибирской жизни», но нет возможности проследить, насколько она выдерживалась на протяжении выхода журнала. О жанрах и оформлении также можно судить лишь частично, на основании описания пер-

¹ РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 67. Л. 63.

вого номера. Что касается формальных типологических признаков, можно установить периодичность выхода и тираж, объемы же получается реконструировать лишь гипотетически.

При этом, не имея в распоряжении самого журнала, не представляется возможным установить, насколько правы были авторы «Сибирской жизни» и «Русского слова», уверявшие своих читателей в совершенной безобидности «Зари», преследовавшей исключительно учебные цели. Таким образом, использованные источники дают нам лишь ограниченную информацию об исследуемом издании. Однако, при всей ограниченности этой информации, она все же позволяет поставить «Зарю» в ряд других ученических изданий конца XIX – начала XX в. и выявить некоторые связанные с историей журнала подробности ведения цензурного надзора в провинциальном городе.

Журналы томских семинаристов: история журнала «Союз»

Еще один журнал томских семинаристов – «Союз» – также не сохранился до наших дней. Отметим, что в последнее время появился ряд публикаций, которые вводят в научный оборот самодеятельные издания семинаристов начала XX в., выпускавшиеся в ряде городов¹. В основном появление такого рода изданий связано с деятельностью всероссийского общесеминарского союза, хотя имелись и издания, выпускавшиеся студентами вне рамок этой работы. Так, о существовании семинарского журнала «Союз» упоми-

¹ См., например: Нагорничных Г.В. Рукописные издания вятских семинаристов в фондах КОГКУ «Государственный архив социально-политической истории Кировской области» // Государственный архив социально-политической истории Кировской области. Вятка, 2017. URL: http://gaspiko.ru/html/18_09_2012_1#index (дата обращения: 30.01.2020).

нается в публикациях, посвященных истории Томска и Сибири начала XX в.¹

В Государственном архиве Томской области, в составе фонда Томского губернского жандармского управления сохранилось дело, из которого можно извлечь данные об истории журнала «Союз»². Дело открывается документом, озаглавленным: «Агентурные сведения, полученные в томском губернском жандармском управлении 26 апреля 1907 г.». В документе сообщается о создании студентами семинарии «Томского отдела Всероссийского общесеминарского союза», в который входило порядка 40 человек, преимущественно учеников I–IV классов. Указывалось, что главным руководителем организации является ученик IV класса Григорий Андреев Токарев. Далее сообщается, что «В половине минувшего марта комитетом томской организации был выпущен первый номер организационного журнала “Союз”, отпечатанный на гектографе в весьма ограниченном количестве экземпляров, часть которых в последних числах того же марта попала инспектору семинарии, почему ему и стало известно о существовании организации».

Руководство семинарии постаралось погасить разгорающийся скандал и оставить расследование в рамках духовного ведомства. В деле присутствуют журналы заседаний правления семинарии, из которых становится ясен как ход внутреннего разбирательства, так

¹ Дмитриенко Н.М. День за днем, год за годом: хроника жизни Томска в XVII–XX столетиях... С. 117; Плотников А.Е. Хроника выступлений учащихся средних учебных заведений Сибири в период революции 1905–1907 гг. // Материалы к хронике общественного движения в Сибири в 1895–1917 гг. Томск, 1994. С. 73; Зиновьев В.П., Харусь О.А. Общественно-политическая жизнь в Томской губернии в 1880 – феврале 1917. Хроника... С. 228; Филиппов Ю. Революционное движение и духовные школы России в конце XIX – начале XX веков // Православие. Ру. М., 2006. URL: <http://www.pravoslavie.ru/put/060418185620.htm> (дата обращения: 30.01.2020).

² ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 181.

и отдельные его результаты. В частности, перечислены студенты, входившие в состав организации и занимавшиеся выпуском журнала. Это учащиеся VI класса Иконников Владимир, Серебренников Сергей, Токарев Григорий (который аттестуется как руководитель), Чудов Владимир; а также учащиеся III класса Борисов Сергей, Поливанов Георгий, Святин Василий. Подавляющее большинство членов правления семинарии высказались за то, чтобы осудить участников организации, провести беседу, но пока не исключать студентов. При особом мнении остался иеромонах Игнатий, в обоснование своей точки зрения он привел ряд доводов, среди которых для настоящего исследования представляет интерес первый: «Ввиду того, что 1) настоящее издание нелегального журнала не есть первый опыт воспитанников, так как ему предшествовало издание “Робких голосов”, за которое, между прочим, поплатилась закрытием семинария в 1906 году...»¹. В целом позиция Игнатия была более жесткой².

Примечательна позиция отдельных преподавателей семинарии, которая описана, в частности, в докладе ректору семинарии, архимандриту Мелегию, который составил инспектор Александр Смердынский 28 марта 1907 г.³ Поводом к написанию доклада послужила позиция, озвученная помощником инспектора Н.А. Баженовым, который в числе прочего сообщил, что инспектор Смердынский узнал о существовании журнала «Союз», «от него, Н.А. Баженова, в его квартире за чаем». Инспектор предпочел дать объяснения по указанному вопросу самостоятельно. В том числе, в докладе он пишет, что первый номер журнала был ему подброшен

¹ ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 181. Л. 11.

² Эта позиция была также отражена в статье иеромонаха Игнатия в Томских епархиальных ведомостях: Игнатий, иером. Слово о «свободной» школе // Томские епархиальные ведомости. 1907. № 8. 15 апреля. Неофициальная часть. С. 11–14.

³ ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 181. Л. 86–86 об.

под двери неизвестным лицом, после чего он попытался узнать, вышел ли номер второй и можно ли его раздобыть. Во время совместного дежурства с преподавателем И.С. Павлинским 18 марта инспектор задал вопрос о журнале и выяснил, что Павлинский знает о журнале от Н.А. Баженова, которому студенты приносили номер почитать. Смердынский тут же отправился в квартиру Баженова, которая располагалась также в здании семинарии, и застал последнего дома; при этом в докладе особо подчеркивается, что Баженов «сам чая не пил и мне не предлагал». Инспектор задал вопрос о втором номере журнала, и Баженов с готовностью ему ответил, что ученики номер ему приносили, но ненадолго, так что он успел ознакомиться с ним «лишь в общих чертах, при этом перечислил заглавия некоторых статей». Смердынский предложил Баженову попросить у учащихся номер журнала для себя, а потом передать для ознакомления инспектору. Но Баженов отказался это делать на том основании, что «не может обмануть доверившихся ему учеников, не может просить для себя, а передать мне». В тот же вечер Смердынский сообщил о журнале ректору семинарии, а в конце доклада заключил, что помощник инспектора Баженов вообще не склонен сообщать о многих проступках и дурных наклонностях учеников.

Отметим, что ректор отдал письменное распоряжение помощнику инспектора Баженову сообщить фамилии учеников, которые ему приносили для ознакомления журнал¹. Баженов ответил, что «если воспитанник приносил номер журнала мне, то очевидно потому, что был уверен в моей честности» – и фамилии назвать отказался.

Дело об ученической организации начало широко разворачиваться весной, в конце апреля, после поступления в полицию ци-

¹ ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 181. Л. 87–88 об.

тированных выше «Агентурных сведений». В итоге летом учащие были отправлены на каникулы; в деле имеется список, в который входят 36 человек, так или иначе задействованных в деле, с указанием, куда именно они отбыли на каникулы¹ – эти данные затребовал у семинарии начальник томского губернского жандармского управления.

Из документа видно, в частности, что «Токарев Григорий – сын псаломщика Томской губ., Барнаульский у., с. Окуловского Андрея Токарева – уволен в с. Салтыковское Бийского у. на должность псаломщика»².

Таким образом, студенты разъехались домой или к родственникам, жандармское же управление продолжало расследование. В августе 1907 г. необходимые данные были, видимо, собраны, поскольку развернулась широкая кампания по розыску и поимке участников Томского отдела Всероссийского общесеминарского союза. Были проведены массированные обыски, протоколы которых присутствуют в деле. Независимо от результатов обысков, семинаристы арестовывались и помещались в заключение. Характерно, что Григорий Токарев не оказался по месту пребывания – как было выяснено жандармами, он уехал в Бийск, не оставив на квартире никаких вещей. Обыски были проведены почти у всех студентов, присутствовавших в составленном в семинарии списке. При обысках проводились также допросы, из которых становятся ясны некоторые детали функционирования организации, в том числе ее издательской деятельности.

8 июля 1907 г. к рассмотрению в жандармском управлении были приняты ящик от гектографа и два номера журнала «Союз». Их осмотр и экспертиза проводились 1 августа того же года лично полковником Сергеем Александровичем Романовым, началь-

¹ ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 181. Л. 17–18.

² Там же. Л. 17.

ником Томского губернского жандармского управления¹, о чем в деле имеется протокол. Благодаря этому протоколу можно составить представление о том, как выглядел гектограф, который использовали семинаристы. Он описан как «белый деревянный ящик с задвижной доской размером $4 \frac{3}{4} \times 8 \frac{3}{4} \times 1 \frac{1}{2}$ вершка ($20,9 \times 38,5 \times 6,6$ см. – В.Е.), на дне ящика имелся тонкий слой остатков гектографской массы, окрашенной в красный цвет. В ящике также имелись два фрагмента губки»². Отметим, что обычно оттиски, выполненные на гектографе, имеют синий, а не красный цвет. Как известно, для их выполнения сначала изготавливалась рукописная копия текста; она писалась специальными анилиновыми чернилами. Для получения черного цвета мог использоваться нигрозин, для голубого – анилиновая глазурь, а для красного – фуксин; чернила, помимо красителей, содержали также глицерин и воду. Как указано в протоколе ниже, «обе тетради воспроизведены на гектографе красными чернилами, статьи написаны разными руками».

Отметим также, что при допросах студентов, в частности, выяснилось, что с участников организации собирались взносы по 25 или по 50 коп., которые шли на покупку гектографа и на издание журнала. Один из руководителей организации, Владимир Чудов, в допросе указал, что гектографировочный станок был у студентов самодельным³.

Весной 1908 г. в Томске был обнаружен гектографированный бюллетень, изданный в феврале центральным комитетом Всероссийского общесеминарского союза; каким образом он оказался в

¹ Ларьков Н.С., Чернова И.В. Полицмейстеры, комиссары, начальники: (Руководители правоохранительных органов Томской губернии, округа и области в XIX–XX в.). Томск, 1999. С. 90.

² ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 181. Л. 19.

³ Там же. Л. 128 об.

распоряжении полиции – пока трудно сказать, но 30 апреля 1908 г. уже известный нам полковник Романов препроводил копию с него судебному следователю первого участка Томского окружного суда. Из дела, в составе которого сохранилась эта копия, видно также, что в начале 1908 г. полиция все еще продолжала следствие по делу журнала «Союз». В числе прочего сохранился протокол экспертизы мимеографа от 28 сентября 1908 г. После осмотра мимеографа эксперты пришли к выводу, что «он не был еще в употреблении, масса налита на дно ящика неравномерно, а в некоторых местах недостаточно покрыла дно ящика, но при всем этом, по мнению эксперта, работа на осматриваемом мимеографе возможна. Масса не имеет на себе следов работы и является совершенно чистой, не использованной. В осматриваемый мимеограф ввиду незначительных размеров можно вложить лишь поллиста бумаги или меньшую часть листа»¹.

Заметим в скобках, что в отличие от гектографа, мимеограф представляет собой устройство для трафаретной печати; не совсем понятно, с какой целью в устройстве, которое обозначено как мимеограф, представлена желатиновая масса: она, как известно, является частью технологического процесса гектографирования. Возможно, в данном случае имеет место путаница в терминах.

Таким образом, становится ясно, что полиграфическая база студентов семинарии не ограничивалась одним лишь гектографом, изъятым ранее. Если сопоставить данные из допросов студентов, то можно предположить, что журнал «Союз» печатался на самодельном гектографе, а собранные деньги пошли на покупку «мимеографа», который просто не успели пустить в дело – позже он и попал в руки жандармов.

¹ ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 181. Л. 65.

К сожалению, в нашем распоряжении не имеется оригиналов журнала «Союз». Однако благодаря добросовестной работе полковника Романова мы можем довольно наглядно представить, как он выглядел и какие статьи содержал. Так, описание первого номера выглядит следующим образом: «Первая тетрадь имела на обложке виньетку: вверху располагалась лента, на которой имелась надпись: “Свободная школа в свободном государ. Девиз”. Под лентой располагалось восходящее из-за горизонта солнце. Крупным шрифтом было написано “Союз”, справа от надписи – поднятые кверху две руки, скованные цепями. Ниже было обозначено: “№ 1”, “1 марта 1907 г.”, “Журнал местной организации общесеминарского Союза. Томск”»¹. Подробная роспись содержания журнала включает не только заглавия статей, но и характеристику текстов:

«Обращение с приветствием товарищей от редакции».

«Цель и значение союза». В этой статье объяснялся девиз организации «Свободная школа в свободном государстве». Указывалось, что для достижения реформ семинарий необходимо освобождение народа, поэтому семинаристам надо «пойти рука об руку с народом». Статья подписана «Гр.».

Статья без заглавия, в которой разъясняется устройство общества: наличие революционного класса, консервативного класса и прослойки между ними. Подписано: «Гобольский».

«Положение духовной школы за последние два года». Описывается движение в российских семинариях, начавшееся в 1905 г. на «академической почве», позже переросшее в политическое. Описываются последовавшие репрессии со стороны семинарского начальства. Указывается, что задачей общероссийского семинарского союза является «подготовка из своих членов сознательных

¹ ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 181. Л. 19.

борцов за свободу». Статья подписана «С. Степанов» и имеет дату – 1 марта 1907 г.

«О борьбе». В статье доказывается необходимость борьбы. Статья подписана «Иванов».

«Платформа союза». Написана, вероятно, на основе введения к уставу семинарского союза.

«Отчет о деятельности комитета местной организации за февраль месяц». Приводятся сведения о проведенных собраниях. Так, на собрании 15 февраля были избраны председатель, секретарь, кассир, два редактора журнала, библиотекарь и техник. Библиотека переводилась на нелегальное положение. 18 февраля был заслушан отчет о положении дел и послан в ЦК. Также был принят устав Вятской организации. 24 февраля обсуждался вопрос об организации кружка учащихся для помощи политическим ссыльным и заключенным. Технику было поручено отпечатать воззвание товарищей из Вятки в «достаточном количестве экземпляров». 25, 26, 27 февраля обсуждался вопрос о сношениях с женским епархиальным училищем.

Также было решено вступить в сношения с местными отделениями партий С.Д. (социал-демократов) и С.Р. (эсеров) с просьбой дать лекторов.

«Отчет о состоянии финансов в организации».

«Устав Томской организации Всероссийского общесеминарского союза».

«Отчет о положении дел Томской организации союза, посланный в ЦК». В числе прочего указано, что проведена перепись желающих вступить в союз, оказалось 40 человек.

Заключение от редакции с правилами о распространении и пользовании журналом.

Второй номер журнала, по свидетельству полковника Романова, имел такой же рисунок обложки, за исключением номера (был указан номер 2). Содержание сводилось к следующему:

«Цель и значение союза (продолжение)».

Статья без заглавия

«13 марта»

«В маленькой норке»

«Кое-что о епархиальном училище (к товарищам епархиалкам)». Доказывается тюремный режим епархиального училища и призыв к епархиалкам хотя бы попытаться с этим бороться. Статья подписана «Степанов».

«Меня вешали» (рассказ)

«К вопросу о материалистическом понимании истории»

«Некролог на смерть К.П. Победоносцева», подписан «С. Степанов»

«Великий революционер». В статье доказывается, что Иисус Христос был первым революционером.

«Нечто»¹.

Из приведенной описи содержания становится ясно, что перед нами периодическое издание социал-демократической направленности. Состав авторов журнала по имеющимся материалам возможно реконструировать лишь частично. Так, довольно много текстов публиковалось за подписью «С. Степанов», однако студента с такой фамилией в списке, составленном в семинарии, не имеется. Если предположить, что Степанов – не фамилия, а отчество, то очевидным кандидатом становится Борисов Сергей Стефанович, сын священника Томской губернии, Бийского уезда, с. Черно-Ануйского, Стефана Борисова; он был указан в журналах заседаний правления семинарии как один из организаторов. Вероятно, он и скрывался за указанным псевдонимом. Псевдоним «Гр.» может относиться к Григорию Токареву – это вполне логично, учитывая, что им написана открывающая статья первого номера, имеющая

¹ ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 181. Л. 19–20.

очевидно программный характер. Пока сложно понять, кто скрывался под псевдонимами «Тобольский», а также «Иванов». Кроме того, по версии полковника Романова, не все статьи в обоих номерах были подписаны, так что авторство их установить, не имея перед глазами текстов, не представляется возможным.

Таким образом, имеющиеся в нашем распоряжении сведения позволяют реконструировать историю создания и краткого существования одного из самодеятельных журналов томских семинаристов начала XX в., оценить его полиграфическую базу, а также по косвенным данным в целом воссоздать его содержание и частично – авторский коллектив. В целом журнал «Союз», если судить по его описанию, составленному в жандармерии, вполне укладывался, с одной стороны, в практику работы сибирских социал-демократических организаций, с другой же – являлся по способам технического и организационного создания типичным ученическим самодеятельным изданием. Учитывая, что ранее студенты семинарии уже имели опыт создания такого рода изданий, наладить выпуск «Союза» не являлось для них непосильной задачей. Более того, как видно из приведенных выше документов, такой опыт не был единственным, однако история остальных самодеятельных изданий томских семинаристов требует отдельного изучения.

Журнал «Союз»: круг чтения семинаристов и их политические взгляды

Из росписи содержания журнала «Союз», выполненного полковником Романовым, видно, что взгляды авторов журнала, как и членов Томского отделения союза в целом, во многом носили следы идеологии партии социалистов-революционеров (ПСР). Отметим, что в целом деятельность ПСР в Сибири очень неплохо изу-

чена¹, как и их издательская работа². Установлено, что идеология ПСР, генетически связанная с народнической, имела в Сибири определенную специфику: группы эсеров здесь начали складываться преимущественно в городах, особенно в тех, которые тяготели к железной дороге, а в качестве основного объекта агитации (и, позже, – ядра организаций ПСР) выступали средние городские слои, в том числе учащаяся молодежь. Существенную роль сыграло и наличие в регионе большого количества ссыльных, в том числе представителей разных направлений народничества.

Однако назвать политические взгляды семинаристов – членов союза однозначно эсеровскими вряд ли возможно. Добавить некоторые черты к характеристике их мировоззрения позволяют протоколы допросов, сохранившиеся в следственном деле, посвященном

¹ Зиновьев В.П. Рабочее движение в Сибири в 1895–1917 гг. Статистический анализ // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 3. С. 13–18; Шиловский М.В. Общественно-политическое движение в Сибири второй половины XIX – начала XX в. Вып. 3: Социалисты-революционеры. Новосибирск, 1996. 84 с.; Шиловский М.В. Эсеры и сибирские областники в начале XX века // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук. Новосибирск, 1980. Вып. 1. № 1. С. 77–82; Толочко А.П. Политические партии и борьба за массы в Сибири в годы нового революционного подъема (1910–1914 гг.). Томск, 1989. 220 с.; Черняк Э.И. Эсеровские организации в Сибири в 1917 – начале 1918 гг.: (к истории банкротства партии). Томск, 1987. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000091435> (дата обращения: 25.02.2020); Курусканова Н.П. Эсеровские организации в Западной Сибири в период первой российской революции (1905–1907 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Омск, 1995.

² Курусканова Н.П. Издательская деятельность Сибирского союза ПСР в 1904–1916 гг. // Общественная мысль, движения и партии в России XIX–XX вв. (конференция четвертая). Брянск, 2001. С. 42–46; Курусканова Н.П. Подпольные типографии сибирских эсеров накануне и в годы Первой российской революции // Клио. № 2 (17). СПб., 2002. С. 151–160; Курусканова Н.П. К истории издательской деятельности томских эсеров в период первой русской революции (400-летию Томска посвящается) // Известия Томского политехнического университета. 2004. Т. 307, № 2. С. 186–191.

Томскому отделению союза. Также известно, что у Томского отделения имелась своя библиотека¹, фрагменты которой, как представляется, и были обнаружены при обысках.

В ходе обысков в августе 1907 г. у некоторых членов союза были изъяты не только документы, фотографии и письма, но также и то, что характеризовалось жандармами как запрещенная литература. Списки изъятых книг приобщались к протоколам, что и дает возможность рассмотреть – хотя бы частично – круг чтения семинаристов. Заметим, что эти списки имеют ряд особенностей, не всегда позволяющий однозначно идентифицировать издания, найденные у студентов. Должностные лица, составлявшие списки, не являлись, разумеется, специалистами-библиографами, поэтому в протоколах практически отсутствует указание имен авторов изъятых книг, заглавия приводятся фрагментарно и не всегда точно, также не всегда указано издательство и количественная характеристика (количество страниц). Учитывая, что в 1905–1907 гг. ряд популярных политических изданий выходил в разных издательствах и городах, точная идентификация их затруднена. Также случаются описания «оптом», например: «письма и брошюры разного содержания – 16 шт.»². Почерки, которыми составлены списки, также не всегда хорошо читаемы, что не упрощает задачу. Тем не менее довольно большое количество изданий все же удалось идентифицировать. Изложим общие выводы, не концентрируясь на том, у кого именно из студентов были найдены те или иные книги; в данном случае более важной представляется общая картина.

Среди изъятых изданий были представлены программы существовавших на тот момент в России партий; уже здесь видна определенная пестрота политических воззрений. Так, у Ивана Гирсанова и Николая Плотникова было изъято по экземпляру «Проекта про-

¹ ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 181. Л. 19 об.

² Там же. Л. 182.

граммы партии социалистов-революционеров»¹, а у Иннокентия Дагаева – «Программа конституционно-демократической партии» в двух экземплярах². Также у Дагаева был изъят «Полный сборник платформ всех русских политических партий»; вероятно, тот же сборник имел в виду и составитель протокола обыска в доме Андрея Орлова, в протоколе указана «Брошюра Политические партии»³. Имеется ряд изданий, посвященных работе Государственной думы⁴.

В изобилии представлены в списках изъятых агитационные материалы и периодика, ориентированные преимущественно на крестьян и составленные, как правило, в эсеровской среде. Это и многочисленные газеты и листовки «Земля и воля»⁵, газета красноярской организации ПСР «Голос революции»⁶, газета всероссийского союза солдат и матросов «За народ»⁷. Отметим, что особой популярностью пользовалась листовка Всероссийского Крестьянского союза «Письмо от русских крестьян царю Николаю второму»⁸, которая была найдена у троих студентов: Петра Рыбкина⁹, Николая Плотникова (найдено 3 экз.)¹⁰, а у Антония Васильевского та же брошюра оказалась в 25 экз.¹¹, что однозначно указывает на использование ее в агитационных целях. Известно, что позже этот текст неоднократно перепечатывался, в том числе и в типографиях

¹ ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 181. Л. 97, 247.

² Там же. Л. 108.

³ Там же. Л. 152.

⁴ Там же. Л. 182, 247 об., 248.

⁵ Там же. Л. 146.

⁶ Там же. Л. 182.

⁷ Там же. Л. 146.

⁸ Письмо от русских крестьян царю Николаю Второму. [Нагасаки], 1907. 8 с. Электронная копия. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/54946-pismo-ot-russkih-krestyan-tsaryu-nikolayu-vtoromu-nagasaki-1907>

⁹ ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 181. Л. 149.

¹⁰ Там же. Л. 249.

¹¹ Там же. Л. 182.

Томска: Томским комитетом ПСР в феврале 1907 г.¹, а также в годы революции 1917 г.².

Примыкают к агитационным материалам также тексты песен и стихов, которые представлены у разных владельцев. Например, у Николая Плотникова была найдена тетрадь с вклеенными в нее текстами Марсельезы, песни «Дубинушка», Похоронного марша, «Песни пролетариев» и т.д.³

Сборник «Песни и стихи революции»⁴ был отобран у Константина Хоперского⁵, причем это единственный случай, когда к протоколу были приложены два экземпляра книги. Книга имела подзаголовок «Солдатский сборник», а над заголовком указано: «Книгоиздательство Константина Союзова». На допросе Хоперский показал, что купил сборники в одном из томских книжных магазинов, и что такая же книга продавалась в магазине П.И. Макушина⁶.

¹ Курусканова Н.П. К истории издательской деятельности томских эсеров в период первой русской революции (400-летию Томска посвящается)... С. 190.

² Да здравствует Народная воля! Исторический сборник № 1. Париж, 1907. 96 с. Электронная копия. URL: <http://www.e-heritage.ru/ras/view/publication/general.html?id=48843476> (дата обращения: 25.02.2020); Письмо от русских крестьян царю Николаю Второму. [Томск, 1917?]. 1 л. Электронная копия. URL: <https://ru.bidspirit.com/ui/lotPage/source/catalog/auction/3468/lot/111740/%D0%9F%D0%B8%D1%81%D1%8C%D0%BC%D0%BE-%D0%BE%D1%82-%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D1%85-%D0%BA%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%82%D1%8C%D1%8F%D0%BD-%D1%86%D0%B0%D1%80%D1%8E?lang=en> (дата обращения: 26.02.2020).

³ ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 181. Л. 248 об.

⁴ Песни и стихи революции. Солдатский сборник. Казань, 1906. 16 с.; См. о нем: Полищук Н.С. Песни первой русской революции // Советская этнография. 1985. № 6. С. 3–16.

⁵ ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 181. Л. 158.

⁶ Изъятые книги // Сибирская жизнь. 1906. 25 авг.; Воробьева Т.Л. Из истории развития книготорговли в Томске и Томской губернии в конце XIX – начале XX в. Статья вторая // Текст. Книга. Книгоиздание. 2014. № 3. С. 125.

Среди найденных книг имеются публицистические сочинения Л.Н. Толстого; так, у Иннокентия Дагаева была обнаружена брошюра «Неужели это так надо?»¹. Этот яркий публицистический текст автор подвергал неоднократным правкам; первоначально он вышел в ноябре 1900 г. в № 18 «Листков Свободного слова», позже статья была передана Толстым в журнал «Жизнь», однако ее печать запретила цензура. Впервые текст был полностью опубликован в «Обновлении» в 1906 г. В составе собрания, отобранного у Николая Плотникова, имеется брошюра Толстого «Голод или не голод»; она входила в широко известный цикл статей о голоде, написанных в 1890-х гг. С некоторыми купюрами текст был опубликован в газете «Русь» (1898, № 4–5, 2 и 3 июля), а позже был перепечатан многими газетами. Отдельно стоит отметить найденную у Александра Антропова² книгу «О Шекспире и драме». Как известно, этот литературно-критический очерк не только посвящен вопросу о сущности искусства, но и переходит в дискуссию об отношении к рабочему классу. Отдельными главами очерк печатался в газете «Русское слово» (1906, № 277–282, 12, 14–18, 23 ноября), а отдельным изданием был напечатан в 1907 г. И.Д. Сытиным.

Во множестве представлены труды отечественных представителей социалистических партий³. Среди них Б.М. Кнунянц «Какое избирательное право нужно рабочему классу»⁴, М. Минин (М.Л. Хейсин) «Чему учат социал-демократы»⁵, Л. Мович (Марко-

¹ ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 181. Л. 108.

² Там же. Л. 216.

³ Там же. Л. 152, 215, 247.

⁴ Кнунянц Б.М. Какое избирательное право нужно рабочему классу. СПб., 1906. 23 с. Электронная копия. URL: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/21731-knunyants-b-m-kakoe-izbiratelnoe-pravo-nuzhno-rabochemu-klassu-spb-1906> (дата обращения: 25.02.2020).

⁵ Минин М. (Хейсин М.Л.) Чему учат социал-демократы. Уфа, 1917. 32 с. Электронная копия. URL: <http://ebook.bashnl.ru/dsweb/View/ResourceCollection-3391?sort=Resource.resourceYear#Resource-19496> (дата обращения: 26.02.2020).

вич Л.З.) «Стачки рабочих в Западной Европе»¹, Ерманский О.К. «Наши ближайшие требования и конечная цель»². Видно, что среди авторов книг и брошюр представлены в основном авторы, идеологически связанные с РСДРП, в отличие от листовок, периодики и агитационных материалов, где превалировали материалы, связанные с ПСР. Также имеются и издания текстов зарубежных представителей марксизма: Ф. Лассаля, А. Бебеля, П. Лафарга, К. Маркса³. Тематика этих работ вполне отражает соответствующие политические взгляды: здесь рассматриваются вопросы избирательного права, восьмичасового рабочего дня, цензурной политики, возникновения и распределения прибыли и т.д. Отметим отдельно, что имеются и исторические труды: работа М. Ключкова «Земские соборы в старину»⁴, В.П. Алексеева «Народовластие в Древней Руси»⁵, Дитятин И.И. «Роль челобитий и земских соборов в управлении Московского государства»⁶ и др.

Особо следует сказать об издательствах, из которых были выпущены изъятые книги. Среди них издательство «Общественная польза», первая отечественная акционерная компания в области книжного дела, созданная еще в середине XIX в. Проработав 35 лет, предприятие вынуждено было закрыться, однако издания под маркой «Типография товарищества Общественная польза» выходили вплоть до 1917 г.; представлены они и в рассматриваемой выборке. Так, у Андрея Орлова была найдена книга Н.А. Рожкова

¹ Лев Мович (Маркович Л.З.) Стачки рабочих в Западной Европе. СПб., 1905. 29 с.

² Ерманский А.К. Наши ближайшие требования и конечная цель. М., 1906. 48 с.

³ ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 181. Л. 152, 215, 247 об., 248 об.

⁴ Ключков М. Земские соборы в старину. СПб., 1905. 48 с.

⁵ Алексеев В.П. Народовластие в Древней Руси. Ростов н/Д, 1904. 70 с. Электронная копия. URL: <http://e-heritage.ru/ras/view/publication/general.html?id=42109303> (дата обращения: 26.02.2020).

⁶ Дитятин И.И. Роль челобитий и земских соборов в управлении Московского государства. Ростов н/Д, 1905. 47 с.

«О формах народного представительства», выпущенная под этой маркой в 1905 г.¹ Отметим, что Н.А. Рожков являлся не только известным историком, но и членом ЦК РСДРП.

Известно, что в годы Первой русской революции целый ряд издательств выпускал книги социал-демократического направления исключительно с целью коммерческой выгоды. Одним из пионеров в этом отношении было одесское издательство «Буревестник»; его продукция представлена и среди рассматриваемых книг: так, у Николая Плотникова была изъята книга Ж. Лонгэ «Социализм в Японии» в переводе Веры Засулич². У этого же семинариста были конфискованы издания других одесских издательств: Бебель А. «Наши цели» (Одесса, издательство М.С. Козмана)³, работа Ж. Жореса «Аграрный социализм», напечатанная в типографии «Возрождение»⁴.

Занималось выпуском марксистской и социал-демократической литературы и петербургское издательство «Молот» А.С. Балиева, особенно широко его продукция оказалась представлена у Александра Антропова. Например, у него были изъяты работы П. Лафарга «Крестьянская собственность и экономическое развитие»⁵, С. Боркгайма «Движение чартистов»⁶, Б. Радина «Политические партии и формы государственного строя»⁷. Две книги этого же издательства были конфискованы у Андрея Орлова⁸.

¹ Рожков Н.А. О формах народного представительства. СПб., 1905. 31 с.

² Лонгэ Ж. Социализм в Японии. Одесса, 1905. 38 с.

³ Бебель А. Наши цели. Одесса, 1905. 32 с.

⁴ Жорес Ж. Аграрный социализм. Социализм и крестьянство. Одесса, 1905. 64 с.

⁵ Лафарг П. I. Крестьянская собственность и экономическое развитие; II. Аграрная программа и комментарии к ней. СПб., 1905. 23 с.

⁶ Боркгайм С. Движение чартистов. СПб., 1905. 63 с.

⁷ Радин Б. Политические партии и формы государственного строя. СПб., 1905. 24 с.

⁸ Кнунянц Б.М. Какое избирательное право нужно рабочему классу?...; Каутский К. Представительное правление. СПб., 1905. 96 с.

Упомянутая выше брошюра Л. Мовича вышла в Петербурге в издательстве «Голос»¹; это издательство было основано самим Марковичем и просуществовало с 1905 по 1906 г., успев выпустить около трех десятков книг.

Широко известна издательская деятельность купца-миллионера Ефима Дмитриевича Мягкова (1868–ок. 1930). Им были основаны издательства «Молодая Россия» (1905–1915), которое выпускало только эсеровские книги, а также «Колокол», где печатались и работы социал-демократов. Характерно, что продукция обеих издательств представлена в рассматриваемой выборке: так, два издания «Молодой России» обнаружилось у Александра Антропова².

Если говорить об изданиях «Колокола», у Николая Плотникова была изъята книга К.Н. Левина «Первый борец за свободу русского народа»³, выпущенная этим издательством; работа посвящена биографии А.Н. Радищева. Автор книги, публицист и преподаватель Кирик Никтич Левин (1876–1922), являлся участником литературно-лекторской группы при Московском комитете РСДРП.

Еще одним купцом-миллионером – Н.Е. Парамоновым – финансировалась работа издательства «Донская речь», располагавшегося в Ростове-на-Дону⁴.

¹ См.: Товарищество «Хронос»: Эпизод из истории демократического издательского дела в Петербурге в начале XX в. : сб. науч. тр. // Книжное дело в России во второй половине XIX – начале XX века. Л., 1990. Вып. 5. С. 76–91.

² ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 181. Л. 215.

³ Левин К.Н. Первый борец за свободу русского народа: жизнь и деятельность А.Н. Радищева. М., 1906. 46 с.

⁴ См. о работе издательства: Аистова Н.К. Ростовское книжное издательство «Донская речь» // Донской временник. Краеведение Ростовской области. URL: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m15/2/art.aspx?art_id=866 (дата обращения: 20.02.2020); Кошеверова С.В. Из истории издательского дела на Дону (к 100-летию «Донской речи») // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия Общественные науки. 2003. № 4. С. 16–21; Кошеверова С.В., Тарасова М.Н. Каталог

Бросается в глаза, что издательства сильно разбросаны территориально: помимо Москвы и Петербурга, представлены Нагасаки, Одесса, Ростов-на-Дону, Красноярск.

Как уже указывалось, у кружка была своя библиотека; наиболее крупные собрания запрещенных изданий были изъяты у Андрея Орлова¹, Александра Антропова² и самое обширное – у Николая Плотникова³; у последнего нашлось 63 экземпляра. Заметим, что библиотеки студенческих кружков и землячеств не являлись чем-то уникальным. Так, в одном из протоколов по рассматриваемому делу были обнаружены книги со штампом «Бюро сибирского кружка томских студентов»⁴, а также рукописный «Проект программы Сибирского кружка томских студентов»; они принадлежали студенту медицинского факультета Томского университета Николаю Сергееву Шабанову, брату одного из фигурантов дела, семинариста Ивана Сергеева Шабанова.

История Сибирского кружка томских студентов до сих пор не вполне изучена, хотя имеются отдельные публикации, посвященные ему⁵. Будучи создан 27 января 1907 г., кружок был легализован лишь в ноябре 1908 г., т.е. на момент рассматриваемого дела он являлся нелегальным. Поэтому в глазах полиции принадлежа-

издательства «Донская речь» Н.Е. Парамонова в Ростове-на Дону. Ростов н/Д, 2006. 330 с.

¹ ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 181. Л. 152–152 об.

² Там же. Л. 215–216.

³ Там же. Л. 247–249.

⁴ Там же. Л. 88.

⁵ Зинштейн И. Сибирский кружок // Сибирский студент. 1914. № 1. Стлб. 57–66. URL: <http://elib.tomsk.ru/purl/1-11495/> (дата обращения: 20.02.2020); Васенькин Н.В. Архивный фонд ОРКП НБ ТГУ. Вып. 5. Сибирский научный кружок. Опись архива. Томск, 2006. 14 с.; Васенькин Н.В. Сибирский научный кружок им. Г.Н. Потанина и его архив в Научной библиотеке ТГУ // Документ: история, теория, практика : сб. материалов V Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Томск, 27–28 октября 2011 г.). Томск, 2012. С. 448–453.

щие ему документы безусловно подлежали изъятию. Отметим, что библиотека кружка была действительно обширной, на 1914 г. она насчитывала порядка 400 экземпляров¹.

Итогом дела кружка томских семинаристов стало решение Томского окружного суда, вынесенное 19 июля 1910 г. В соответствии с приговором учащиеся семинарии Антропов, Бакин, Васильевский, Борисов, Гирсанов и ряд других (всего 11 человек) были приговорены к двухнедельному аресту; остальные 19 человек, проходившие по делу семинарского союза, были оправданы².

Подводя итог, отметим следующее. Рассмотренные документы позволяют частично реконструировать политические взгляды семинаристов, входивших в состав Томской организации общесеминарского союза и занимавшихся изданием журнала «Союз». Логично, что внимание студентов привлекли, в числе прочего, взгляды ПСР: подавляющее большинство учеников, вошедших в Томское отделение, происходило из семей сельского духовенства. При этом далеко не все были сыновьями священников, многие происходили из семей псаломщиков, а часть студентов уехала на лето не к родителям, а самостоятельно трудиться, в основном в качестве псаломщиков в сельских церквях. В целом очевидна их близость к крестьянскому быту, жизни; в протоколах есть и описания квартир, позволяющие сделать об этом заключение. Поэтому вполне понятно, что идеи ПСР – наследников народничества – нашли здесь благодатную почву. Однако вряд ли можно сказать, что все семинаристы, попавшие под облаву полиции, являлись последователями идеологии ПСР: изъятые книги создают впечатление определенной смеси разных политических взглядов, причудливо совмещавшихся в представлениях их владельцев. Это обусловлено, вероятно, не

¹ Зинштейн И. Сибирский кружок... Стб. 60.

² Томская жизнь. Дело о семинарском союзе // Сибирская жизнь. 1910. № 160. 22 июля.

столько личными политическими пристрастиями каждого из учащих, сколько отсутствием у них еще четкого представления о собственной политической позиции.

Если говорить о репертуаре изъятых книг в целом, среди них преобладают агитационная и политическая литература, а также отдельные исторические труды. Это не означает, что в круге чтения семинаристов отсутствовала литература художественная или религиозная: вероятно, она имелась, но при обысках не была отнесена к запрещенной, а потому не изымалась и не фиксировалась. Среди авторов изъятых произведений преобладали отечественные социалисты. Работы зарубежных марксистов оказались в основном в составе указанных выше крупных собраний, в основном в собрании Николая Плотникова.

В целом благодаря рассмотренным документам можно составить примерное представление о политическом направлении журнала «Союз» и о политических пристрастиях его авторов и Томского отделения общесеминарского союза в целом.

Технические аспекты печати сибирских самодеятельных журналов

Этот аспект производства самодеятельных ученических журналов не всегда привлекает внимание исследователей. Между тем он представляется важным, поскольку тесно связан с целым рядом организационных вопросов. Решившие издавать журнал учащиеся должны были не только создать редколлегию и наполнить редакционный портфель, но и решить вопрос с выпуском тиража. В случае самодеятельного журнала решение этой проблемы было далеко неочевидным; вполне возможно, что при ее решении учащиеся ориентировались на практики, выработанные взрослыми издателями подпольных газет, листовок и т.д. Частично указанный вопрос

уже поднимался в ряде публикаций, упомянутых выше, однако до сих пор данные по этому поводу не сводились воедино. Попробуем рассмотреть его на примере уже перечисленных самодеятельных ученических журналов, выходивших в Томске.

Существует целый ряд источников, позволяющих судить о том, какие техники тиражирования использовались издателями самодеятельных ученических журналов. В первую очередь, это собственно дошедшие до нас экземпляры соответствующих изданий. Отметим, что в отдельных журналах имеются вступительные статьи, в которых подробно рассказывается о журнале, редколлегии, а также и о способах тиражирования. Один из примеров – «Родная Сибирь», претерпевшая в указанном аспекте целый ряд эволюций: журнал выходил и в рукописном виде, позже печатался на гектографе, а затем издавался в литографированном виде.

Важным источником, позволяющим реконструировать практики тиражирования, являются архивные документы; выше описан пример журнала «Союз», прекрасно иллюстрирующий этот тезис¹. В числе прочего, там фигурируют акты изъятия гектографов, которыми пользовались учащиеся для публикации журналов². Такие материалы особенно важны в тех случаях, когда собственно номера изданий не дошли до настоящего времени по разным причинам.

Интересным источником может служить также периодика. В ряде томских газет размещались объявления о публикации ученических журналов, печатавшихся в томской губернской типографии³. Кроме того, некоторые косвенные данные может дать фельетон, посвященный самодеятельному журналу «Семинарская Заря»;

¹ ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 181.

² Там же. Л. 19, 20 об., 65.

³ Жилиякова Н.В., Карташова Т.П. «Информационная поддержка» школьной журналистики Сибири на страницах газеты «Сибирская жизнь» // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2018. Т. 15, вып. 3. С. 507–521.

этот пример также был подробно рассмотрен выше. Описанные в этой связи практики представляются весьма типичными.

Как видно, комплекс источников по затронутому вопросу довольно обширен и разнообразен. Он позволяет сделать выводы о том, какие техники тиражирования были в ходу. Если говорить о тех журналах, которые дошли до настоящего времени, уже при их рассмотрении видно, что использовались различные техники. Так, один из журналов – «Мысли учащихся средней школы» – выпускался типографским способом в типографии Томского губернского правления. На титульном листе он обозначен как «общеученический журнал», а извещение о втором номере, до сих пор не обнаруженном, было напечатано в «Сибирской жизни» в октябре 1917 г.¹ Известно, что издание осуществлялось под редакцией преподавателя томского среднего политехнического училища Н.К. Баумана. Место печати, а также информационная поддержка со стороны одной из ведущих томских газет позволяют предположить, что журнал продвигался как единый орган печати для учащихся города, причем при поддержке преподавателей. Поэтому «Мысли...» вряд ли можно назвать самостоятельным журналом в полном смысле этого слова – хотя, безусловно, содержательно он наполнен именно ученическими текстами.

Использовалась для тиражирования ученических журналов и литография. Так, сохранившийся номер журнала «Товарищ» литографирован в типографии Сибирского товарищества печатного дела с оригинала, напечатанного на пишущей машинке, имеются в нем и рисованные пером иллюстрации. Таким образом, процесс создания оригинала для тиражирования включал в себя две стадии: перепечатку текстов (для чего необходимо было иметь доступ к пишущей машинке), затем же на свободные, заранее отве-

¹ Сибирская жизнь. 1917. № 230. 21 окт.

денные места помещались иллюстрации. Это означает, что оригинал должен был быть тщательно спланирован, заранее необходимо было определить места для текста и иллюстраций, гармонично их распределить. Учитывая, что выпуском журнала занимались старшеклассники Первого сибирского коммерческого училища цесаревича Алексея, где упор делался в том числе и на инженерные специальности, высокий уровень итогового результата не удивляет.

Заметим, что пишущие машинки были довольно распространены в начале XX в. в Томске, о чем свидетельствует одно из дел, отложившихся в ГАТО. В числе прочих документов там имеется секретный запрос от начальника томского губернского жандармского управления на имя губернатора от 30 июня 1904 г.¹ «По встретившейся серьезной и спешной необходимости» ему потребовалось получить данные о числе всех пишущих машин, находящихся в работе. Ответы на запрос также прилагались; всего было учтено 16 пишущих машинок.

Также литографировался и один из номеров журнала «Родная Сибирь»; об этом свидетельствует как сохранившийся в фондах ТОКМ экземпляр, так и текст редакционной статьи, где указано, что после успеха первых двух рукописных номеров было решено выпустить третий номер литографированным, в количестве 300 экз.² Также редколлегия выражала благодарность В. Круповичу, учащемуся политехнического училища, благодаря усилиям которого оказалось возможно тиражирование третьего номера. В отличие от «Товарища», оригинал для литографирования изготавливался здесь вручную: номер переписан разными почерками, иллю-

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 56. Д. 32. Л. 214–214 об.

² Есипова В.А., Шевцов В.В. Томские самодеятельные журналы в процессах культурной идентификации учащейся молодежи // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 5 (43). С. 149.

страции также есть, но трудно судить, вносились ли они в текст позже или непосредственно при переписывании оригинала.

Отметим, что литографировать номер журнала было возможно в целом ряде томских полиграфических заведений, начиная от типолитографии Сибирского товарищества печатного дела, унаследовавшей оборудование и типографский материал П.И. Макушина – ее услугами и воспользовались для выпуска журнала «Товарищ». Литографские станки имелись также на предприятии С.П. Яковлева и литографии Сибирской железной дороги¹.

Часто использовалась для тиражирования и техника гектографирования². Так, гектографирован сохранившийся номер журнала «Лес», один из номеров «Родной Сибири», а из материалов следственного дела мы узнаем, что гектографом пользовались и издатели журнала «Союз» – учащиеся духовной семинарии. В обоих случаях, когда есть возможность ознакомиться с сохранившимися номерами, видно, что они переписаны от руки гектографскими чернилами. Интересно, что в акте изъятия имущества у семинарского студенческого кружка, выпускавшего журнал «Союз», указано, что найденный ящик с гектографской массой содержит следы красной краски, хотя чаще использовались чернила фиолетового цвета. Также в протоколах допросов семинаристов, принимавших участие в издании «Союза», имеются свидетельства, что членские

¹ Книжная культура Томска (XIX – начало XX в.). Томск, 2014. С. 39, 44–45.

² Заметим, что гектограф использовался не только для тиражирования неподцензурных ученических изданий. Также он применялся и другими группами, ведущими нелегальную издательскую деятельность. Например, эту технику широко использовали старообрядцы, примеры издательской продукции такого рода хранятся и в НБ ТГУ. Их обзор и полное описание были опубликованы: Есипова В.А. Старообрядческие гектографированные издания в собрании НБ ТГУ: обзор // Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии: К 90-летию Н.Н. Покровского. Новосибирск, 2020. С. 593–610.

вносы созданного ими кружка предполагалось потратить, в числе прочего, на новый гектограф¹.

В редакционной статье «Родной Сибири» обоснована причина обращения к новому способу тиражирования: «мы терпеливо ждали очереди у литографии 2 месяца». В итоге помощь с гектографированием оказал «сотрудник Колосов», номер был выпущен в количестве 30 экз.

В рассматриваемый период услуги гектографа уже не были сложно доступными в Томске. Если в последней трети XIX в. для приобретения гектографа требовалось специальное разрешение, то уже в 1913 г. магазин Михайлова и Макушина предлагал приобрести соответствующее оборудование всем желающим². Таким образом, в рассматриваемый период получить доступ к такого рода технике было нетрудно.

Наконец, отмечены и журналы, выпускавшиеся рукописным способом. Так, из редакционного отчета «Родной Сибири» известно, что первые два номера были переписаны от руки в количестве 3–5 экз. Также в фельетоне, посвященном «Семинарской заре», указано, что журнал выпускался в рукописном виде в количестве шести экземпляров.

Таким образом, учащиеся средних учебных заведений Томска в начале XX в. пользовались весьма разнообразными техническими способами для тиражирования самодеятельных журналов. Очевидно, что часть из рассмотренных техник тиражирования не была доступна студентам без содействия взрослых: в первую очередь это относится к типографии губернского правления. Доступ к литографским станкам также не являлся свободным – о том, что учащимся необходимо было здесь чье-то содействие, свидетельствуют благодарности, фигурирующие в редакционном отчете «Родной Си-

¹ ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 181. Л. 128 об.

² Сибирская жизнь. 1913. № 39. 16 фев.

бири». Гектограф было проще раздобыть, чем и пользовалась редакция семинарского журнала «Союз», но все равно необходимы были и собственно доступ к технике, и умение с ней обращаться. Наконец, самый доступный для учащихся способ тиражирования – рукописный – также использовался, но нельзя сказать, что он являлся преобладающим. В целом учащиеся использовали для тиражирования самодельных журналов все известные на тот момент техники малой полиграфии, исходя из имеющихся у них возможностей.

Самодельные ученические журналы Томска как источник по реконструкции организационных форм читательской активности

Представляется, что потенциал рассмотренных выше ученических журналов может быть использован и для изучения такой проблемы, как читательская рецепция и поведение читателя. Эта проблема гораздо менее изучена в принципе, в том числе и по причине отсутствия достаточного корпуса релевантных источников и слабой разработанности методик исследования. Один из вопросов здесь – каковы были организационные формы читательской активности.

Отметим, что изучаются различные формы деятельности по приобщению к чтению широкой аудитории – к таковым можно отнести различные общества, проведение публичных чтений, утр и вечеров, создание общественных библиотек и т.д.¹ Однако такие формы организации читательской аудитории являются по отношению к ней внешним фактором, в данном же случае речь идет прежде всего о формах самоорганизации.

¹ Книжная культура Томска (XIX – начало XX в.)... С. 104–214; Проблема читателя в Томске и Томской губернии в конце XIX – начале XX в. Томск, 2020. С. 29–42, 141–162.

Ученическая аудитория являлась одним из самых широких сегментов читательской аудитории Российской империи рассматриваемого периода¹. Создание самодеятельных журналов в этой среде происходило, в том числе, и как результат создания каких-либо организаций: кружков, творческих встреч и т.д. Эта сторона читательской активности в регионах изучена слабо, хотя имеются отдельные исследования².

Литературным кружкам и объединениям российской периферии посвящено не так уж много исследований. Собственно, и рассмотрение столичных явлений такого рода нельзя назвать очень активным, хотя имеется целый ряд фундаментальных работ³.

Возникает вопрос: можно ли использовать разработанный в рамках этих трудов инструментарий для анализа смежной сферы – читательской активности, которая иногда принимала формы читательских литературных кружков, самодеятельных журналов и т.д.

В словаре Манфреда Шрубы «Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов» выделены следующие типы литературных объединений: общества, кружки, салоны, псевдогруппировки, «фантастические» общества и творческие группировки.

При этом специально оговорено, что любительские литературные общества не рассматриваются⁴, а указанные выше читательские общества относятся, надо полагать, именно к ним. Имеется и

¹ Рейтблат А.И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М., 2009. С. 27.

² Проблема читателя в Томске и Томской губернии... С. 127–139, 179–206, 208–221.

³ Аронсон М., Рейсер С. Литературные кружки и салоны. Л., 1929. 312 с.; Шруба М. Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов : словарь. М., 2004. 448 с.

⁴ Шруба М. Литературные объединения... С. 8.

критика этих определений¹, но представляется, что в данном случае ее можно пока не принимать во внимание, так как это уже инструмент для более тонких исследований; в данном же случае речь идет пока о возможности изучения в принципе.

Для работы потребуются следующие определения, данные в справочнике М. Шрубы²:

«← общества (товарищества, союзы и т.п.): постоянно действующие объединения лиц, преследующих определенные цели и связанных друг с другом формально – уставом или положением, регулирующим вопросы состава членов, средств организации, порядка собраний и т.п. Характерная для данного типа объединений формальная структура рассчитана в большинстве случаев на легализацию (официальную регистрацию, утверждение устава властями и т.д.);

– кружки: группы литераторов, регулярно собирающихся для совместных занятий и объединенных общей тематической, эстетической, поэтологической, мировоззренческой и т.п. установкой (формулируемой, как правило, главой группы) или местом встречи ее членов (квартира руководителя, редакция журнала и т.п.). Кружок сродни обществу единством целей; от общества кружок отличается отсутствием формальной структуры;

– салоны (журфиксы, вечера и т.д.): регулярные встречи, проходящие в дни приемов для ограниченного, литературно и художественно заинтересованного круга людей, “вхожих” в дом хозяйки или хозяина. Салон близок кружку наличием центральной, объединяющей участников личности; разница между ними – в менее жестком составе участников;

– псевдогруппировки: фиктивные объединения (Лучисты, Орфисты); “группы”, состоящие из одного человека (Сциентисты,

¹ Лаппо-Данилевский К.Ю. Кружки, салоны... Как и что изучать? // Von Wengen (От немногих). СПб., 2008. С. 59–76.

² Шруба М. Литературные объединения... С. 7.

Сэнсэристы); объединения, так и не созданные и бытовавшие лишь в виде названия (Импрессионисты, Кларисты);

– “фантастические” общества (ремизовское Обезвельволпал и хлебниковское Общество председателей земного шара), имеющие немаловажное значение для русской культуры рассматриваемого периода;

– творческие группировки (Акмеисты, Кубофутуристы, Символисты, Эгофутуристы), выдвинувшие принципы соответствующих литературных направлений».

Наиболее существенны для избранной темы первые четыре типа объединений. Если структурировать основные признаки этих типов, то они будут выглядеть примерно так:

– общества:

А) постоянно действующие;

Б) имеющие общие цели;

В) связанные друг с другом формально (устав, положение, структура организации, членство и т.д.).

– кружки:

А) постоянно действующие;

Б) имеющие общие цели;

В) отсутствие формальной структуры.

– салоны:

А) постоянно действующие;

Б) имеющие общие цели;

В) менее жесткий состав участников.

– псевдогруппировки:

А) регулярность не установлена или установлено ее отсутствие;

Б) имеющие общие цели;

В) состав участников может сводиться к одному человеку.

Как видно, основные различия будут касаться форм и структуры связей внутри рассматриваемой группы, а также (в меньшей степени)

регулярности контактов между ее членами. При этом наличие общей цели является обязательным признаком всех типов объединений.

Кроме того, важно отметить и следующий факт. Часть ученических сообществ, занимавшихся, в числе прочего, изданием самостоятельных журналов, имела абсолютно явственный политический характер и являлась собственно политическими обществами, которые занимались, в числе прочего, пропагандой соответствующих взглядов через публикацию самостоятельных журналов.

К специфике этих изданий можно отнести: отчетливо выраженную политическую направленность, характер текстов, нередко носящих пропагандистский характер, наличие четко очерченного круга единомышленников и соответствующей организационной структуры, выражавшейся в наличии членства, ссудной кассы, иногда – общей библиотеки с соответствующим подбором литературы.

Для ученических кружков такого рода нередким сопутствующим признаком является «курирование» со стороны старших товарищей – обычно студентов вузов, являвшихся, к примеру, членами партии социалистов-революционеров¹. Эта очевидная специфика должна выводить такие издания в отдельный класс, и основание здесь заключается в том, что такого рода издания не являлись литературными, а литературная (например, журналистская) деятельность являлась для них лишь инструментом достижения цели. Следовательно, они не входили в приведенную классификацию в принципе – и именно это в данном случае важно, так как позволяет четко провести границу в типологии рассматриваемых изданий.

Основные данные об ученических журналах, проклассифицированные по предложенным критериям, представлены в таблице.

¹ Ищенко О.В. Кружковая деятельность учащейся молодежи Сибири в начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. Серия «История. Политология». 2008. № 4/3. С. 103–110.

**Самодетельные ученические журналы Томска конца XIX – начала XX в.
и их типологические признаки**

Заглавие	Издатель	Время и особенности	Регулярность	Цели	Связи
«Семинарский листок», «Молодая семинария»	Студенты Томской духовной семинарии	1896 г., декабрь. Подпольные газеты. Библиотека, ссудная касса. Политические издания	+	+	+
«Робкие голоса»	Студенты Томской духовной семинарии	Информация отсутствует	?	?	?
«Семинарская заря»	Студенты Томской духовной семинарии	1902–1903. Известен по архивным документам. Подан как литературный и научный, но проверить невозможно в силу отсутствия собственн изданий	?	?	?
«Союз»	Студенты Томской духовной семинарии	1907 г. Орган отделения Всероссийского общесеминарского союза. Библиотека, сбор денег на гектограф и журнал. Регулярные встречи. Политическое издание	+	+	+
«Товарищ»	Первое Сибирское коммерческое училище	1911–1912 г. Данных об организационной структуре нет. Литературный	?	+	?

Заглавие	Издатель	Время и особенности	Регулярность	Цели	Связи
«Мысли учащихся средней школы»	Политехническое училище	1916–1917 г. Общеученический (учащиеся средних учебных заведений Томска), литературный	+	+	+
«Лес»	Учащиеся	1917 г. Известны только псевдонимы. Данных об организационной структуре нет. Литературный	–	+	?–
«Родная Сибирь»	Краеведческий кружок (женская гимназия, Алексеевское реальное училище)	1918–1919 г. Областническое влияние. Библиотека, членские взносы. Регулярные встречи. Литературный	+	+	+

Примечание. Жирным шрифтом выделены те издания, с которыми удалось познакомиться *de visu*. Во второй половине таблицы в виде условных обозначений приведены данные о перечисленных источниках, в соответствии с при знаками, обозначенными в разделе «Методология и методика исследования». Знаком «+» обозначено наличие признака, знаком «–» – его отсутствие, «?» – случай, когда недостаточно достоверной информации для однозначного ответа на вопрос, имел ли место искомый признак или нет.

Кратко прокомментируем то, что отображено в таблице. Прежде всего, о некоторых изданиях, как уже было сказано, просто недостаточно информации, поэтому развернутый комментарий по ним не представляется возможным.

Более или менее полные сведения можно собрать по следующим журналам.

«Союз». Томская духовная семинария. Постоянно действующий: да. Орган Томского отдела Всероссийского общесеминарского союза, следовательно, являлся органом политической организации. В ее составе было около 40 человек, собирались членские взносы, проводились сходки, имелась библиотека, был приобретен гектограф. То есть присутствовала формальная структура. Регулярность: вышло два номера журнала, но есть сведения о нескольких «сходках» членов организации. Широта связей: как минимум имелись связи с центральной организацией Всероссийского общесеминарского союза: в первом номере содержался отчет Томского отдела, с припиской «посланный в ЦК». В одной из резолюций указывалось, что в качестве устава Томского отдела был принят устав, предложенный Вятской организацией. Дискутировались вопросы об установлении связей с «товарищами епархиалками» – ученицами епархиального женского училища. Также предполагалось обратиться к местным отделениям социал-демократической партии и партии социалистов-революционеров «с просьбой дать лекторов». То есть журнал «Союз» представлял собой классическую модель молодежного кружка при политической партии, что определило соответствующее содержание и назначение журнала.

«Товарищ». Первое Сибирское коммерческое училище цесаревича Алексея. Постоянно действующие: вероятно. Был ориентирован на довольно узкую аудиторию: изначально заявлялся как журнал, издававшийся учащимися старших классов. Формальной структуры, вероятно, не было. О регулярности сведений нет, со-

хранился только один номер журнала. При этом обращает на себя внимание техника воспроизведения – это литография с машинописи (кроме шахматного отдела, где представлена литография с рукописи), выполненная в типографии Сибирского товарищества печатного дела. Одна из крупнейших типографий города, очевидно, не выполняла заказы даром, поэтому следует предполагать либо поддержку со стороны преподавателей, либо связи кого-то из учащихся с представителями типографии. В любом случае, это свидетельство довольно широких связей организаторов журнала.

«Мысли учащихся средней школы». Политехническое училище. Постоянно действующие: да. Обращает на себя внимание заключительный раздел в известном на настоящий момент номере. Он озаглавлен «Хроника школьной жизни» и размещен на последней странице, перед оглавлением. Там сообщается, что «в 1916–1917 учебном году при Политехническом училище в г. Томске образовался ученический “Литературный кружок”». Далее идет подробное описание деятельности кружка: написание и чтение рефератов, литературные суды, постановки пьес. Завершается раздел сообщением о митинге учащихся 4 марта 1917 г., на котором был избран школьный комитет, «имеющий целью объединение учащихся всех средних учебных заведений г. Томска». Скорее всего, журнал «Мысли учащихся средней школы» являлся органом рассматриваемого кружка, тем более что руководителем от преподавателей являлся Н.К. Бауман – преподаватель именно Политехнического училища. Таким образом, регулярность встреч очевидна: они происходили как минимум на протяжении одного учебного года. Однако при этом жесткой формальной структуры не существовало, имелось скорее объединение по интересам.

Отметим в скобках, что традиции издания самодельных журналов в Политехническом училище имелись: журнал «Товарищ» издавался именно там, только в тот период учебное заведение функцио-

нировало как Первое Сибирское коммерческое училище (1904–1912 гг.). Важной представляется техника воспроизведения издания: это типографский набор, номер отпечатан в типографии Томского губернского правления. Как и в случае журнала «Товарищ», это может говорить о наличии контактов с соответствующей типографией и финансовых средств для оплаты выполнения тиража.

Если говорить о широте связей кружка, то она вполне сравнима с таковой для отдельных «взрослых» изданий. Так, судя по оглавлению, в номере представлены не только работы учеников старших классов (5–8 кл.), но также работы учащихся из других городов (Барнаул), в том числе и городов за пределами Сибири (Калуга).

«Лес». Постоянно действующие: маловероятно, сохранившийся номер журнала – второй, стало быть, их было как минимум два, но о дальнейшей судьбе издания неизвестно. Интересно, что на обороте нижней сторонки обложки указана цена: 15 коп. за номер – т.е. как минимум предполагалась продажа журнала. Издан на гектографе, поэтому тираж мог составлять до 100 экз.

О широте связей редколлегии говорить вряд ли приходится: хотя издание заявлено как «еженедельный журнал для юношества», достоверно известно только о двух активных сотрудниках: это «редактор-издатель Черный Ястреб» и «сотрудник Орион, один человек». Формальная структура, вероятно, отсутствовала. Вероятность регулярных встреч сотрудников журнала высока (хотя бы по техническим причинам).

«Родная Сибирь». Краеведческий кружок. Постоянно действующие: да. В одном из сохранившихся номеров журнала приводится отчет о деятельности журнала «Родная Сибирь» за 1918–1919 год. Отметим следующие признаки регулярности: наличие встреч («Проведено два собрания лиц, причастных к журналу»), наличие собственной библиотеки (количество книг в ней на про-

тяжении отчетного периода увеличилось со 100 до 225, а читателями были 30 человек). Имелось руководство журналом со стороны «старших товарищей»; в отчете названы две фамилии: П. Леонов и А. Баландин. Вышло как минимум 5 номеров, что говорит о высоком уровне организованности членов кружка. Формальной структуры не было, но связи между членами кружка были довольно сильны, о чем говорит наличие учета читателей и относительно регулярные собрания.

Если говорить о широте связей кружка, отметим тот факт, что в одном из номеров было опубликовано не печатавшееся ранее стихотворение Н.А. Некрасова; текст предоставил А.В. Адрианов, благодарность которому и была выражена. Таким образом, имелись связи не только внутри сообщества учащихся, но и со «взрослыми» представителями областничества. Техники воспроизведения: рукопись, гектограф, литография. Деньги добывали самостоятельно, в отчете описывается движение сумм.

В целом видно, что устойчивостью и регулярностью работы отличались те ученические издания, которые так или иначе имели регулярную поддержку со стороны взрослых. Трудно сказать, имела ли такая поддержка у журнала «Лес»; малочисленность редколлегии крайне небольшой объем издания (8 лл.) говорит, скорее, об обратном.

Из приведенных данных становится видна разница между организационной структурой и способами функционирования перечисленных изданий. К сожалению, информация есть не везде, но в тех случаях, когда она имеется, можно провести определенные разграничения.

Так, к изданиям политических обществ однозначно следует отнести журнал «Союз», который по определению являлся органом томского отделения Всероссийского семинарского союза. Высока вероятность того, что также политическими изданиями являлись

«Семинарский листок» и «Молодая семинария». На принадлежность их к обществам указывает факт наличия признаков четкой структуры: общественная библиотека, ссудная касса, а на политический характер – реакция семинарского начальства на обнаружение этих изданий, заключавшийся в исключении из семинарии участников издания, а в некоторых случаях – и временное закрытие семинарии. Вероятно, сюда же следует отнести и «Робкие голоса», но здесь выводы делать затруднительно в силу отсутствия информации (сохранились только упоминания об издании, характеристики нет).

К литературным изданиям однозначно относятся журналы «Товарищ» и «Лес». Сведений о модели их функционирования нет, но судя по составу авторов, следует отнести их к разным категориям из вышеописанных. Так, «Лес» в силу крайне узкого круга авторов, вероятно, можно отнести к органам псевдогруппировок: не исключено, что выпуском журнала занимались один-два человека. Круг авторов «Товарища» значительно шире, как и тематическое и жанровое разнообразие размещенных в нем текстов. По приведенной выше классификации его, возможно, имеет смысл отнести к категории органов, выпускавшихся кружками.

«Мысли учащихся средней школы» имеют ярко выраженную специфику, обусловленную наличием контроля за изданием со стороны преподавательского состава. Однако ряд признаков (типологическая принадлежность журнала к литературно-художественным по составу текстов, относительная регулярность выпуска – известно как минимум о двух номерах журнала и широкий состав авторов) позволяют говорить об этом издании как об органе кружка учащихся.

Особое место среди этих изданий занимает «Родная Сибирь». По составу текстов это литературно-художественный журнал. При этом он имеет довольно отчетливую областническую специфику и

ряд признаков, роднящих его с изданиями политических союзов и партий. К ним можно отнести: четкую организационную структуру, наличие членских взносов и библиотеки «сибирской литературы», присутствие руководства со стороны студентов томских вузов. Если классифицировать эту деятельность исключительно как литературную, то следует отнести «Родную Сибирь» к изданиям, выпускавшимся литературными обществами. Отметим в скобках, что по информации, имеющейся на данный момент, это издание являлось также наиболее «долгоиграющим» из известных сейчас: существует информация о выходе как минимум пяти номеров, что очень неплохо для самодеятельного издания.

Также следует отметить, что в Томске существовали учебные заведения, в которых самодеятельные журналы и группы учащихся, их выпускавшие, создавались регулярно. К таким учебным заведениям относятся в первую очередь Томская духовная семинария и Политехническое училище. Если в семинарии зарегистрировано создание в первую очередь политических изданий, то в Политехническом училище выпускались журналы литературного содержания. Это не значит, что в других учебных заведениях города такая деятельность отсутствовала – возможно, на настоящий момент мы просто не имеем данных о других изданиях, не дошедших до наших дней. Кроме того, в рассмотренных выше журналах принимали участие и представители других учебных заведений – например, частной гимназии Миркович. Кроме того, могли существовать и другие издания в указанных учебных заведениях, но о них в настоящее время просто неизвестно.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать заключение, что инструментарий, предложенный исследователями для изучения профессиональных литературных обществ, позволяет исследовать также и общества, являющиеся любительскими. Это представляется важным, поскольку исследование читательской

рецепции в принципе представляет собой серьезную исследовательскую проблему в силу ограниченности источников и слабой методологической разработки. Между тем использование такого источника, как самодеятельные журналы, дает возможность выявить различные формы читательского поведения и формирования различных видов активности, в том числе весьма сходных типологически с организационными формами, бытовавшими в профессиональной литературной среде.

Разумеется, отличия от профессиональных объединений не могли не существовать; конечно, любительские объединения не могли быть такими же устойчивыми и типологически разнообразными, как таковые же у профессиональных литераторов. Именно поэтому наиболее часто встречающейся формой являлся кружок, не предполагавший наличия формальной структуры (журналы «Товарищ», «Мысли учащихся средней школы»). Узость состава участников, нередкая, видимо, среди изданий такого рода, предопределила и существование псевдогруппировок, выпускавших самодеятельные издания; в их состав могли входить один–два человека («Лес»).

Однако имелись среди них и такие самодеятельные объединения, которые можно классифицировать как общества («Родная Сибирь»). Ряд признаков роднит их с объединениями политического характера, которые выходят за рамки рассматриваемого явления. Характерным признаком таких изданий является их довольно устойчивый характер – в сравнении с изданиями, которые выпускали кружки или псевдогруппировки.

Наконец, в соответствии с содержанием рассмотренных журналов следует выделять и группу политических изданий, являвшихся органами политических кружков. Среди описанных к таковым относится журнал «Союз».

Глава 7

Типологическое разнообразие изданий Томской губернии, не получивших цензурного разрешения

Журналистика развивалась в Томской губернии неравномерно. «Лидером» был, конечно, губернский центр, г. Томск: до революции здесь выходило около 40 газет и журналов разных типов – издания официальные и частные, специализированные, массовые, развлекательные и т.д. Достаточно интенсивно развивалась газетно-журнальная деятельность в Барнауле, в списке осуществленных изданий этого города около 15 газет и 5 журналов. Стремительно развивающийся Новониколаевск, возникший благодаря Транссибу, также активно включился и в издание периодики: с 1906 по 1917 г. здесь издавалось 11 газет и один журнал. В начале XX в. появились первые газеты в Бийске, всего их выходило четыре до 1917 г.; три газеты издавалось в Каинске.

Необходимо отметить, что количество изданий городов Томской губернии, включая газеты и журналы Томска, – величина, которую можно корректировать как в одну, так и в другую сторону, если учитывать, что некоторые издания – это газетные «цепочки», то есть одно издание под разными названиями. Примерами могут служить томская газета «Томский справочный листок» (1894–1895) – «Томский листок» (1895–1897) – «Сибирская жизнь» (1897–1919) (плюс «Сибирская мысль» (1906–1907), выходившая во время приостановки «Сибирской жизни»); барнаульская газета

«Барнаульский листок» (1909–1910) – «Алтайская газета» (1910–1912) – «Алтайский край» (1911–1912) и некоторые другие. Однако списки дореволюционных периодических изданий можно и дополнять названиями газет и журналов, которые не были реализованы (по разным причинам – экономическим, политическим, организационным), но модель их была разработана и представлена в Главное управление по делам печати в виде программы издания. Это «расширение» позволяет увидеть, в каких направлениях двигалась мысль будущих издателей, какие типы изданий они могли бы реализовать в более благоприятных условиях.

Одними из первых неосуществленных изданий, которые были задуманы в городах Томской губернии в начале XX в., были барнаульские газеты: «Барнаульский листок» (прошения на издание подавались в 1896¹ и 1903² гг.; в итоге газета под таким названием была разрешена только в 1909 г. П.В. Орнатскому), «Барнаульский бюллетень» (1898)³ и «Барнаульский листок объявлений» (1900)⁴. Инициатором их был один человек – бийский купец И.Д. Ребров, известный на Алтае предприниматель и просветитель, владелец нескольких частных типографий⁵. Несмотря на то, что Ребров с 1895 г. уже выпускал в Барнауле «Ежедневные телеграммы Российского телеграфного агентства», в прошениях ему последовательно отказывали под разными предложениями. Так, например, в деле об издании «Барнаульского листка» в 1903 г. есть пометка о том, что ходатайство Реброва об издании отклонено, так как «есть ос-

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 136. Л. 1–14.

² Там же. Оп. 14. Д. 126. Л. 1.

³ Там же. Оп. 13. Д. 71. Л. 1.

⁴ Там же. Д. 129. Л. 1–9.

⁵ Антипова И.В. И.Д. Ребров – основатель частного газетно-издательского дела на Алтае // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2017. № 7. С. 75–77.

нование предполагать, что он будет только издателем газеты, редактором же ее явится лицо государственное»¹.

Судьба некоторых изданий до сих пор остается под вопросом. Так, например, в архивах ГАТО сохранились сведения о том, что в Барнауле в 1906 г. было разрешено «издавать газету “Алтай” частному учителю Михаилу Онисифоровичу Курскому»². Однако неизвестно, было ли осуществлено это издание, если же нет – по каким именно причинам.

В 1908 г. по политическим мотивам было отклонено прошение о разрешении издания газеты «Голос Алтая» Ф.А. Штернешталю в г. Барнауле³. О ее предполагаемом издателе были собраны следующие сведения: Фроим Абрамович Штернешталь «служит в аптеке Крюгера аптекарским помощником, в политическом отношении неблагонадежен и у него по поручению помощника начальника Томского губернского жандармского управления недавно был произведен обыск, по которому найдено много нелегальной литературы»⁴, более того – он «в настоящее время содержится под стражей в Барнаульском тюремном замке»⁵. В итоге ходатайство о разрешении издавать в г. Барнауле газету под названием «Голос Алтая» было признано «не подлежащим удовлетворению в течение всего времени продолжения в этом городе военного положения»⁶.

В 1909 г. барнаульский мещанин Петр Петрович Панишин получил разрешение на издание в Барнауле «еженедельного внепартийного журнала, под названием “Молодые побегии”, по следующей программе: повести, рассказы, стихотворения, научные ста-

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 14. Д. 126. Л. 1.

² ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 693. Л. 41.

³ Там же. Д. 969. Л. 24–26.

⁴ Там же. Л. 24.

⁵ Там же. Л. 22.

⁶ Там же. Л. 26.

тьи, заметки, биографии ученых, художников, писателей, общественных деятелей, библиография, смесь, юмористика и объявления»¹. Журнал предполагалось издавать в типографии Шпунтовича, Орнатского и Ко. В деле имеется также уточнение о том, что согласно ходатайству редактора журнал планировалось выпускать не еженедельно, а раз в две недели². То есть разрешение было получено, но о существовании печатных номеров этого журнала неизвестно и его можно отнести к категории неосуществленных. Видимо, дело было в организации подобного типа издания, подразумевавшего привлечение значительного количества творческих работников, писателей и поэтов, которые смогли бы наполнять номера своими произведениями.

Программа журнала предполагала также участие людей, которые могли бы писать научные статьи, составлять биографии, вести библиографический отдел – все это было задачей непростой и с ней с трудом справлялись даже томские издатели литературно-художественных журналов «Молодая Сибирь» и «Сибирская новь»³.

А ведь в Томске в это время работали уже два высших заведения – Императорский Томский университет и Томский технологический институт имени Николая II, выходили многочисленные газеты и журналы, и не было недостатка ни в писателях, ни в поэтах, ни в ученых. Можно предположить, что журнал «Молодые победы» не был осуществлен из-за недостатка сотрудников, что не отменяет значимости самого факта – попытки основания литературно-художественного журнала в Барнауле в начале XX в.

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Д. 4. Ч. 2. Л. 1–3.

² Там же. Л. 3.

³ См.: Жилиякова Н.В., Шевцов В.В., Евдокимова Е.В. Периодическая печать Томской губернии (1857–1916): становление журналистики и формирование регионального самосознания. Томск, 2015. Т. 1. С. 171–173, 268–269.

Идея издания другого типа – газеты универсального содержания, в которой нашлось бы место и обзорам общественно-политической и экономической жизни, и научно-популярным темам, и юмористическим отделам, воплотилась в 1910 г. в прошении А.О. Кедринной об издании газеты «Обозрение Алтая».

Главным управлением по делам печати было разрешено издавать эту газету в Барнауле по программе, состоявшей из 31 пункта: «1) Месяцеслов, 2) Телеграммы Санкт-Петербургского телеграфного агентства, 3) Передовые статьи, 4) Фельетон, 5) Среди печати, 6) Корреспонденции, 7) На Руси, 8) По Сибири, 9) Церковная жизнь, 10) Среди рабочих, 11) Торгово-промышленная жизнь, 12) Письма в редакцию, 13) Изобретения и открытия, 14) Вести и слухи, 15) Заграничная жизнь, 16) Новости дня, 17) Библиография, 18) Биография, 19) Некрологи, 20) Злобы дня, 21) Наука и искусство, 22) Юмористика, 23) Городская хроника, 24) Уездная хроника, 25) Суд, 26) Театр и музыка, 27) Местная жизнь, 28) Спорт, 29) Смесь, 30) Справочный отдел и 31) Объявлений»¹.

Газета предполагалась ежедневной, ее печать должна была осуществляться в типографии издательницы, А.О. Кедринной. Однако издание не было осуществлено по невыясненным причинам – вполне возможно, экономического или организационного характера.

Однако потребность общества в массовой газете оставалась, что привело к появлению в 1911 г. проекта издания под названием «Сибирская копейка». В деле имеется следующая информация об этой газете:

«16 текущего июля за № 4618 и 4619 выдано мещанину г. Варшавы Владиславу Карловичу Кассенбергу свидетельство в том, что ему разрешается, под ответственным его редактированием, изда-

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Д. 201. Ч. 2. Л. 1.

ние в г. Барнауле газеты под названием “Сибирская копейка” по следующей программе:

- 1) правительственные и официальные известия,
- 2) статьи передовые и руководящие по вопросам политическим, финансовым и экономическим,
- 3) обзор местной жизни: хроника и статьи по вопросам городского хозяйства, дневник происшествий,
- 4) корреспонденции,
- 5) литературный отдел, статьи научные, беллетристика, критика музыкальная и художественная, библиография,
- 6) обзор печати,
- 7) агентские телеграммы,
- 8) справочники всякого рода, как то: календарь, метеорологический бюллетень, расписание поездов, движение поездов и т.п.,
- 9) специальный торгово-промышленный отдел: сведения о протестах векселей, платежных затруднениях и кредитоспособности фирм существующих, а равно сведения о вновь возникающих формах, оборотные средства, новые рынки сбыта товаров,
- 10) юмористический отдел: шаржи, шутки, злободневное обозрение,
- 11) почтовый ящик и
- 12) объявления¹.

Планировалось ежедневно издавать «Сибирскую копейку» в барнаульской типографии А.О. Кедриной (как и газету «Обозрение Алтая»), причем цена отдельного номера – одна копейка – должна была соответствовать названию газеты.

Новизна этого типа издания для Томской губернии состояла в том, что впервые была сделана попытка создать на местной почве аналог всероссийских «Газет-Копеек». Как писала С.Я. Махонина,

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Д. 134. Ч. 2. Л. 1.

в 1910-х гг. «самыми популярными изданиями бульварного типа стали “Газеты-Копейки”, которые вслед за Петербургом, как грибы, появлялись во многих городах России. Это были дешевые газеты (цена номера – 1 копейка, в крупных городах – 5 копеек), рассчитанные на малоимущие слои, на самого неподготовленного читателя, который активно приобщался к общественной жизни в период войн и революций»¹. По-видимому, прошение о создании «Сибирской копейки» было попыткой ответить на запрос местного общества о подобного рода издании, что соответствовало общероссийским тенденциям. К сожалению, о дальнейшей судьбе «Сибирской копейки» нет сведений, что позволяет на данный момент считать ее изданием неосуществленным.

Еще одно издание, связанное с именем А.О. Кедринной, это газета «День Барнаула». Об этом проекте можно узнать из переписки томского губернатора с местными уездными исправниками и полицмейстерами². Разрешение на издание газеты было выдано А.О. Кедринной в 1914 г., однако барнаульский уездный исправник писал о том, что «газета эта в свет не выходила, за недостатком рабочих рук и сотрудников»³. Благодаря этому сообщению становится понятно, что причины невыхода издания заключались не в его политической направленности или неблагонадежности издателей, а в невозможности организации работы редакции и отсутствии авторского коллектива.

Кроме перечисленных, в число неосуществленных изданий Барнаула входят газеты «Алтайская жизнь» (прошения от 1907 и 1910 гг.)⁴, «Алтайская мысль» (1910 г.)⁵, «Сельские нужды»

¹ Махонина С.Я. История русской журналистики начала XX в. М., 2002. С. 107.

² ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 1590. Л. 1–16.

³ Там же. Л. 10.

⁴ РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Д. 67. Ч. 2. Л. 1–3; Там же. Д. 186. Л. 1–3.

⁵ Там же. Д. 23. Л. 1–2.

(1911)¹, «Алтайское слово» (1913)² и журнал «Алтайский кооператор» (1911)³. Всего в начале XX в. по разным причинам не было осуществлено около 10 проектов газет и два журнальных проекта, подготовленных предполагаемыми издателями и редакторами Барнаула. Если учесть, что всего в городе выходило около 15 газет и пять журналов, то становится очевидно: издательское дело в Барнауле могло бы развиваться практически в два раза более интенсивно, если бы были реализованы все замыслы.

В Новониколаевске, городе, который был обязан своим возникновением и стремительным расцветом Транссибирской железнодорожной магистрали, развитие журналистики также шло очень активно. Из неосуществленных проектов, которые пытались воплотить в жизнь новониколаевские журналисты, прежде всего привлекает внимание юмористический журнал «Пересмешник». В архивном деле 1910 г. содержится информация о том, что «12 февраля текущего г. выдано отставному коллежскому секретарю Матвею Федоровичу Казакову свидетельство в том, что ему разрешается, под ответственным его, Казакова, редактированием, издание в г. Ново-Николаевске еженедельного юмористического журнала под названием “Пересмешник”, по следующей программе: 1) местная областная жизнь, 2) общественная жизнь в России и за границей, 3) Ново-Николаевская хроника, 4) фельетоны, 5) шаржи и карикатуры, преимущественно на местные злободневные темы и 6) объявления»⁴. Журнал должен был выходить в типографии Н.П. Литвинова – известного новониколаевского предпринимателя, журналиста, общественного деятеля. Отметим, что после кратковременного расцвета сатирической журналистики в

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Д. 91. Ч. 2. Л. 1–2.

² Там же. Д. 60. Л. 1.

³ Там же. Д. 109. Л. 1–2.

⁴ Там же. Д. 28. Л. 1–2.

период 1905–1907 гг. во всей Томской губернии в это время издавался только один сатирический журнал – «Силуэты жизни родного города» (1909) – «Силуэты Сибири» (1910), он печатался в Томске. Появление второго юмористического издания могло бы значительно оживить этот сегмент периодики, но, к сожалению, «Пересмешник» не был издан, причины этого на данный момент неизвестны.

Вторым необычным журнальным проектом Новониколаевска был детский журнал «Таежная тропинка», разрешение на его издание получил Н.П. Литвинов. Ответственными редакторами журнала были утверждены В.М. Бахметьев, Н.А. Гудков и Г.И. Жерновков. В архивном деле указано, что разрешается «издание в городе Новониколаевске детского литературно-художественного иллюстрированного журнала для детей старшего возраста (от 11 до 15 лет) под названием “Таежная тропинка” по следующей программе:

- 1) повести, рассказы, сказки, легенды и стихотворения,
- 2) настоящее и прошлое Сибири (историко-бытовые очерки и предания),
- 3) география, этнография и естествознание (племена и народы Сибири, путешествия, рассказы о растениях и животных),
- 4) очерки изобретений и открытий,
- 5) жизнеописание великих людей,
- 6) беседы о книгах,
- 7) почтовый ящик (переписка юных читателей между собою и редакцией),
- 8) разные разности (смесь, обо всем понемногу) и
- 9) объявления»¹.

Журнал предполагалось издавать два раза в месяц, объемом в 16 страниц, в собственной типографии Н.П. Литвинова.

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Д. 23. Ч. 2. Л. 1.

Нет сомнений в том, что столь обширная программа вполне могла быть выполнена силами самих новониколаевских журналистов, однако «Таежная тропинка» не была реализована из-за забастовки рабочих литвиновской типографии¹.

Большинство неосуществленных изданий Новониколаевска было связано с темой бизнеса, что соответствовало бурной коммерческой жизни нового города: это газеты «Листок дешевых объявлений» (прошение от 1908 г.)², «Ново-Николаевский общедоступный публикатор» (1911)³, «День кооперации» (1916)⁴, журнал «Указатель промышленности» (1909)⁵. В начале XX в. в Новониколаевске пытались выпустить свою газету и поляки, живущие в Сибири: они подавали прошение на издание газет на польском языке под названием *GlasJyberje* (Голос Сибири) (1913)⁶ и *PolakSyberyjski* (Поляк сибирский) (1916)⁷ – судьба этих изданий неизвестна, но предсказуема.

Из новых типов изданий, которые могли бы быть осуществлены в Новониколаевске, можно назвать однодневную газету «В знаниях – сила» (1913)⁸. Газеты такого типа нередко выходили в России в преддверии и во время Первой мировой войны: как правило, они были приурочены к общественным благотворительным акциям, служили для сбора средств на различные благотворительные цели. В Томске в эти годы выходили однодневные газеты «Белый цветок» (1914), «Студенческий день» (1915), «Отклики печати»

¹ История города. Новониколаевск – Новосибирск. Исторические очерки. Новосибирск, 2005. С. 776.

² РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Д. 98. Ч. 2. Л. 1–3.

³ Там же. Д. 114. Л. 1.

⁴ Там же. Д. 71. Л. 1–5.

⁵ Там же. Д. 193. Л. 1–2.

⁶ Там же. Д. 50. Л. 1–2.

⁷ Там же. Д. 108. Л. 1–2.

⁸ Там же. Д. 125. Л. 1–2.

(1915) и некоторые другие. В этот список могла бы войти и новониколаевская «В знании – сила», но она то же осталась неосуществленным изданием.

Всего в Новониколаевске по разным причинам не было осуществлено 11 газетных проектов, при этом в городе издавалось с 1906 по 1916 г. 11 газет; было подано также четыре прошения об издании журналов (оставшихся нереализованными). Издавался же только один журнал под названием «Обский кооператор» (1916–1919). Эта статистика свидетельствует об интенсивных поисках местными журналистами и издателями новых форм предоставления информации, о разработке новых типов изданий, которые хотя и не воплотились в жизнь, но показывали направление местной общественной мысли.

В Бийске на четыре издаваемые в городе газеты («Бийские ежедневные телеграммы Российского телеграфного агентства» (1903–1905), «Алтайские известия» (1908), «Бийский листок» (1910) и «Алтай» (1911–1919)) приходилось три прошения о выпуске новых изданий. Однако местные издатели остановились только на двух типах: коммерческий листок объявлений («Листок объявлений», прошение подано в 1908 г.)¹ и местная общественно-политическая газета («Бийская газета», 1912² и «Бийское слово», 1912³).

Еще один город Томской губернии, где до революции развивалась журналистика, – Каинск. Из трех местных газет две носили специализированный характер: это «Вестник Каинского общества молочного хозяйства» (1911–1913) и «Каинский сельскохозяйственный вестник» (1913–1917); третья – «Барабинская степь» (1916–1917) – была общественно-политической газетой. Каинские журналисты пытались в 1914 г. получить разрешение на издание

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Д. 35. Ч. 2. Л. 1–3.

² Там же. Д. 97. Л. 1–2.

³ Там же. Д. 169. Л. 1–3.

«Телеграмм Петроградского телеграфного агентства» (в 1914 г.¹ и в 1915 г.²), однако этот проект не был осуществлен.

Отдельные издания других городов Томской губернии не сохранились в печатном виде либо не найдены, однако мы знаем о существовании некоторых из них благодаря сохранившейся цензурной переписке. Так, например, в 1915 г. местные власти сообщали томскому губернатору о состоянии печатного дела во вверенных им районах. Большинство написали, что периодических изданий «не существовало и не существует» – в Колывани, Мариинске и Мариинском уезде, Кузнецке, Змениногорском уезде, и это подтверждается имеющимися сведениями об отсутствии органов периодики в данных местностях³. Однако оказалось, что «в с. Болотном Гондатовской волости <...> при типографии Нолинского мещанина Петра Вахрушина с 1 по 29 сентября 1914 г., с разрешения господина томского губернатора, издавались телеграммы Петроградского телеграфного агентства, но вследствие дешевизны и неимения рабочих рук это издание прекратилось и в настоящее время не производится»⁴. Сохранившихся экземпляров телеграмм, издававшихся в с. Болотном, в настоящее время не выявлено, однако переписка явственно свидетельствует о том, что такого рода издание выходило в течение месяца и должно учитываться в работах, посвященных истории развития журналистики в Томской губернии.

В 1915 г. было также выдано разрешение на издание в с. Усть-Чарышская пристань, Бийского уезда, «Телеграмм Петроградского телеграфного агентства»⁵. Как следует из сохранившегося архивного дела, разрешение на это издание было получено 19 декабря

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Д. 297. Ч. 2. Л. 1–3.

² Там же. Д. 70. Л. 1–4.

³ ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 1590. Л. 1–16.

⁴ Там же. Л. 1.

⁵ РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Д. 1. Ч. 2. Л. 1–4.

1914 г. губернским секретарем Михаилом Феофановичем Поповым, наблюдение за ним поручалось местному становому приставу¹. Причем первоначально телеграммы было разрешено издавать «без помещения в таковых каких бы то ни было объявлений»², затем и объявления были разрешены с увеличением цены с 3 до 5 коп. за экземпляр³. Не было проблем и с местом издания: в селе работала частная типография Поповой, в которой и планировалось печатать газету. В итоге до настоящего момента неизвестно, издавались ли «Телеграммы» в с. Усть-Чарышская пристань, однако немаловажна для истории региональной журналистики уже сама попытка основания собственного печатного органа, предпринятая местным чиновничеством.

Список изданий самого Томска также мог бы содержать гораздо больше наименований. Первое дело, которое носит название «Об отказе купцу А.О. Хаимовичу в разрешении издавать в гор. Томск газету “Сибирский вестник”», было начато 29 сентября 1869 г., когда в Министерство внутренних дел поступило прошение от томского купца 2-й гильдии Абрама Осиповича Хаимовича. Сибиряк уведомлял высокое начальство о намерении издавать в Томске газету «Сибирский вестник», сообщая о себе, что он «воспитывался в высшем учебном заведении», а новую газету желает подвергнуть предварительной цензуре. Печатать «Сибирский вестник» предполагалось в типографии Томского губернского правления⁴.

Прилагаемая программа газеты начиналась с развернутого обоснования необходимости нового издания. А.О. Хаимович обращал внимание на пользу, которую правительство может получить от прессы как организатора общественного мнения: «Распро-

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Д. 1. Ч. 2. Л. 1.

² Там же. Л. 2.

³ Там же. Л. 3–4.

⁴ Там же. Оп. 4. Д. 345. Л. 1.

страняться о том, что гласность есть самый главный двигатель общественного мнения и цивилизации, мы считаем излишним и вместо длинейших рассуждений об этой истине, принявшей окончательное значение аксиомы, ограничимся только следующими словами: никакие меры, никакие благодетельные реформы правительства не могут привести к желаемым результатам без содействия самого общества, содействия, возможного только при самой широкой гласности, олицетворяемой в печатном слове»¹.

Томский купец высказывал также мнение о том, что российское правительство признает влияние прессы на общество, и в этом оно «либеральнее и гораздо откровеннее, нежели многие и многие из западноевропейских кабинетов», так как «почти при каждом начинании общественной реформы, предпринимаемой нынешним царствованием, правительство обращалось к общественному мнению, и периодическая пресса наша довольно энергично разрабатывала те приемы администрации, которые *anfond* затрагивали гражданский строй наш или просто-напросто до корня изменяли наш быт, увековеченный и преданиями, и историей. Так начались и совершились реформы: уничтожения крепостного права, откупной системы, старого суда, телесного наказания и т.д.»².

Однако высказанные идеи, по наблюдениям Хаимовича, распространились еще не по всей России: «Сибирь – эта обширнейшая и богатейшая часть русского царства, – если не совсем, то частью участвовала в этих фазисах русской цивилизации, и тогда как возрастающая цифра периодических изданий в европейской России прямо служит доказательством потребности в самой широкой гласности, в азиатской продолжает оставаться полнейшая замкнутость и недосыгаемость для прессы»³.

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 4. Д. 345. Л. 2.

² Там же.

³ Там же.

Хаимович подчеркивал, что «в Сибири в настоящее время только и имеются официальные органы в форме губернских ведомостей, но они ни по своему назначению, ни по своему объему не могут удовлетворять всем вопросам общественной жизни». Тем не менее он отмечал определенные успехи в развитии пароходства в Сибири, торговли, золотопромышленности, горного дела и «других отраслей государственных богатств», выражал надежду на появление в скором времени «рельсового пути». Все это, по мнению предполагаемого издателя, делало совершенно ясным задачи сибирской частной газеты, сформулированные им следующим образом: «Прямое, честное обсуждение всех вопросов общественной сибирской жизни, неотступное, внимательное наблюдение за Сибирскими: земледелием, экономией страны, промышленностью, торговлей и мануфактурой – вот цель и программа предполагаемого издания»¹. Девизом газеты, добавлял Хаимович, будут слова «Царь и благо России», так как «Сибирский вестник», «чисто русский национальный орган, будет прямым врагом всего того, что не подходит под волю и предназначение нашего Великого Монарха и его правительства»².

Это длинное публицистическое вступление, предваряющее собственно программу, должно было, во-первых, продемонстрировать верноподданнические чувства и «благонадежность» автора, во-вторых, подчеркнуть понимание целей и задач журналистики издателем, в-третьих, обосновать необходимость нового органа печати в Сибири. Кроме того, текст являл собой образчик стиля предполагаемого редактора-издателя, его «самопрезентацию» – показывал эрудицию автора, его ориентацию в общественных проблемах и т.д.

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 4. Д. 345. Л. 2.

² Там же. Л. 3.

«Сибирский вестник» предполагалось издавать два раза в неделю, по воскресеньям и четвергам. Хаимович перечислял следующие отделы газеты:

«1. Правительственные указы и распоряжения по Сибири и другие официальные сведения.

2. Передовые статьи: экономического, хозяйственного, торгового, промышленного и мануфактурного содержания.

3. Внутренние известия и корреспонденции из всех сибирских местностей такого же характера.

4. Торговые известия о ценах на хлеб, жизненные припасы, рабочие руки и т.п.

5. Фельетон. Сюда войдут небольшие беллетристические рассказы из сибирской жизни и описания чисто географические и статистические.

6. Торговые и частные публикации»¹.

Кроме того, Хаимович объявлял о решении к воскресным номерам прилагать «фотографические снимки замечательных местностей и предметов Сибири». Цена газеты определялась как значительная сумма – 18 руб. в год, с учетом пересылки по России.

К делу было приложено свидетельство, выданное Томским городским полицейским управлением, согласно которому Хаимович «под судом и следствие не состоял и не состоит и поведения хорошего»², а также просьба от начальника Главного управления по делам печати к томскому губернатору об отзыве «как относительно предприняемого издания, так и о личности А. Хаимовича»³.

15 декабря 1869 г. требуемый отзыв был предоставлен в Главное управление. Томский губернатор Н.В. Родзянко, в целом, не встречал препятствий к изданию «Сибирского вестника», тем бо-

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 4. Д. 345. Л. 3.

² Там же. Л. 4.

³ Там же. Л. 5.

лее что печатать газету предполагалось в Томской губернской типографии, а это облегчало процедуру «цензурного рассмотрения помянутой газеты». Однако личность будущего издателя вызывала у губернатора большие сомнения, которыми он и поделился с вышестоящими органами. Прежде всего, он обратился к семье Хаимовича, сообщив в Главное управление по делам печати: «Отец его, еврей, назад тому лет 20, состоял в крестьянском звании, занимался в Каинском округе продажею в питейном заведении вина, потом, переехавши с семейством в г. Томск, приобрел себе недвижимую собственность, записался в гильдию и вел коммерческое дело. В 1860 г. Хаимович умер, оставив жену, трех дочерей и трех сыновей – Леонтия, Григория и Абрама, из коих первые два обучались в Томской гимназии, но не окончили курса, а Абрам Хаимович находился в Одесском лицее, а потом обучался некоторое время в Санкт-Петербурге. Определенных занятий Хаимовичи в настоящее время не имеют, а проживают на счет своих жен, взятых из богатых в свое время еврейских семей, кроме Абрама, который до сих пор холост, постоянного жительства в Томске не имеет и, так сказать, пробивается на счет своих собратьев. Посещая, при том ежегодно, неизвестно с какой целью Ирбитскую ярмарку, был также несколько раз в Санкт-Петербурге и за границей: в Берлине, Дрездене и других местах, откуда он возвратился в прошлом году»¹.

Отсюда губернатор делал вывод о том, что «Абрам Хаимович едва ли в состоянии издавать означенную газету, так как в настоящем случае не говорят в его пользу: ни воспитание его, ни материальные его средства и, наконец, ни образ его жизни, а потому, имея в виду, что он, по всей видимости, желает издавать эту газету только под своею фирмою, а главное руководство представить со-

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 4. Д. 345. Л. 5.

сланным в Томск на житье за политическую неблагонадежность кандидату Московского университета Блюмеру и за разные преступления Колосову, людям, хотя и довольно образованным, но сомнительного образа мыслей, я нахожу невозможным разрешить издание объявленной газеты, в виду высказанных условий, еврею Абраму Хаимовичу»¹.

Из сообщения губернатора становится понятно, что главным препятствием для разрешения издания газеты было опасение, что она попадет в руки политических ссыльных. По-видимому, сыграло отрицательную роль и еврейское происхождение Хаимовича. О своих подозрениях в неблагонадежности будущего издателя губернатор прямо не объявил, но очевидно, что ему казались таковыми поездки купца по стране и за рубеж без строго определенной цели.

19 декабря 1889 г. А.О. Хаимовичу было объявлено, что его ходатайство об издании в Томске газеты «Сибирский вестник» «признано не подлежащим удовлетворению»².

Обращает на себя внимание, что инициатором первого частного газетного проекта был именно купец: история развития журналистики в Сибири показывает, что во многих случаях частные предприниматели оказывали достаточно серьезную финансовую поддержку газетам и журналам. Заметим, что в Томске первую частную «Сибирскую газету» удалось организовать тоже местному предпринимателю, владельцу типографии и книжного магазина, П.И. Макушину.

Второе архивное дело «Об отказе Г.А. Калинину в разрешении издавать в гор. Томске газету «Сибиряк»» началось 21 августа 1869 г. На этот раз прошение министру внутренних дел подал отставной

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 4. Д. 345. Л. 5.

² Там же. Л. 8.

коллежской ассессор Гаврил Алексеевич Калинин¹. Он просил разрешение на издание еженедельной газеты, обращая внимание на то, что «одна только глубокая и верноподданническая преданность Престолу и Отечеству заставила меня решиться пожертвовать собственным капиталом и служить обществу всеми моими силами после моей беспорочной 20-летней службы по министерству народного просвещения»². К прошению Калинин прилагал копию своего формулярного списка и свидетельство Вятской полиции, где он содержал типографию. В Томске бывший чиновник также собирался открыть собственную типографию, в которой должна была выходить задуманная газета.

О целях и задачах «Сибиряка» Калинин писал следующим образом: «Наш Великий Монарх и его Правительство уже заботятся о распространении сибирской золотопромышленности, нашей торговле с Китаем на южной сибирской границе и вообще о развитии жизни и цивилизации в Сибири, – этом источнике русских богатств. Газета “Сибиряк”, по разрешении вашим высокопревосходительством ее издания, под моим редакторством сделается органом всего доброго и полезного русскому обществу, а ее девизом будет неуклонное исполнение великих предначертаний нашего Августейшего Монарха и Слава Матушки России»³.

В прошении Г.А. Калинин затронул также чрезвычайно важную тему, касающуюся цензурного дела. Сообщая, что он «имеет свою собственную типографию и горячее желание честно служить правительству и обществу», предполагаемый издатель-редактор желал подвергнуть газету предварительной цензуре и по этому поводу просил министра «назначить для моей газеты цензора в Томске

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 4. Д. 346. Л. 1.

² Там же.

³ Там же.

или из лиц подведомственных Вашему Высокопревосходительству или из лиц министерства народного просвещения»¹.

Программа Калинина для газеты «Сибиряк» была составлена из тех же элементов, что и в предыдущем случае: сначала подробное описание состояния сибирских дел, затем переход к задуманным отделам. Сходство приемов заставляет подозревать одну руку, которая составляла программы как А.О. Хаимовичу, так и Г.А. Калинину. Регион характеризовался в обоих случаях как богатый, но неизвестный в европейской части России, загадочный: «До сих пор Сибирь, эта богатейшая страна земного шара, представляя собою для большинства русской публики род *terra incognita*, известна только из двух-трех дельных записок путешественников да из тех коротеньких корреспонденций из сибирских местностей, которым по временам появляются в русских газетах и еще реже за границей. Точно в таком же уединении и без известности стоят относительно друг друга и самые сибирские местности, хорошо населенные и спокойно пользующиеся всеми дарами могучей богатой сибирской природы»². Обращает на себя внимание следующий факт: в обеих преамбулах к предполагаемым газетам Министерством внутренних дел уверялось, что Сибирь понимается исключительно как часть Российской империи под властью российского государя.

В программе «Сибиряка» в описаниях Сибири преобладало романтическое начало: «В глухих тайгах роется масса рабочего люда, добывая золото, в сочных девственных лесах пасутся тучные крестьянские стада, бесчисленные полноводные реки, кипящие рыбою, то там, то сям несут на себе небольшие лодочки рыбопромышленников, на обширных степях живут пока природною жизнью до миллиона дикарей, и вся эта изобильная и вся эта привольная сибирская жизнь не кипит той единопдушной деятельностью,

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 4. Д. 346. Л. 2.

² Там же. Л. 3.

которая сплачивает обыкновенно тверже и тверже человеческое общество и обеспечивает великое будущее самой страны»¹. Однако, указывал Калинин, страна развивается медленно, все делается «на авось», на всем лежит «оттенок какой-то апатии, спокойно неподвижности». Бывший чиновник сравнивал Сибирь и Калифорнию, которая «чуть ли не двое или вчетверо беднее сибирского изобилия», но темпы ее роста и общественной активности несравнимы с сибирскими, обращал внимание на положение торговли с Китаем.

Подводя итог своим размышлениям, предполагаемый редактор-издатель писал: «И все это взятое вместе, то есть как богатство почты и естественных произведений, так и развитие фабричной и мануфактурной деятельности горных промыслов и гражданского устройства посреди диких племен, очевидно нуждается в печатном органе, то задача “Сибиряка” и будет состоять в прямом содействовании к развитию сказанного»².

Отделы будущей газеты выглядели следующим образом:

1. Правительственные указы и распоряжения по Сибири.
2. Передовые статьи экономического хозяйственного, торгового, промышленного и мануфактурного содержания.
3. Внутренние известия о жизни и ходе того же самого соответственно в сибирских местностях.
4. Известия об открытиях золотопромышленных и горных, а равно и сведения о ценах рабочих рук и продуктов, так как недостаток этих сведений составляет одну из важных причин, задерживающих развитие торговли.
5. Фельетон: сюда войдут легкие беллетристические рассказы и небольшие критические статьи.
6. Торговые известия и частные публикации, и

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 4. Д. 346. Л. 3.

² Там же. Л. 4.

7. Политипажи, изображающие сибирские местности, народные типы и другие замечательные предметы»¹.

Газета «Сибиряк», как «Сибирский вестник», должна была выходить с приложением иллюстраций; разница заключалась в периодичности – не два раза, как ранее, а раз в неделю, по воскресеньям, и соответственно почти в два раза меньше указывалась цена – не 18, а 10 рублей за годовую подписку с пересылкой по России.

Из копии аттестата, приложенного к делу, можно узнать о том, что Г.А. Калинину на момент составления прошения было 45 лет, он окончил курс в Вятской губернской гимназии, учился в Императорском Казанском университете, был учителем арифметики и геометрии в Орловском уездном училище, Павловском писарском училище и в других учебных заведениях, был награжден «бронзовой медалью на Владимирской ленте в память войны 1852–1856 гг.»².

Программа газеты «Сибиряк» была утверждена начальником Главного управления по делам печати 20 сентября 1869 г.³, после чего генерал-губернатору Западной Сибири из Петербурга поступила просьба сообщить, не существует ли с его стороны «препятствий к удовлетворению сего ходатайства». Начальник Главного управления добавлял при этом, что ему кажется весьма полезной цель издания, и просил ускорить отзыв из Сибири, передав его содержание по телеграфу⁴. Одновременно просьба сообщить свое мнение о задуманной газете поступила в III отделение Собственной Е.И.В. Канцелярии⁵.

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 4. Д. 346. Л. 4.

² Там же. Л. 5.

³ Там же. Л. 7.

⁴ Там же. Л. 8.

⁵ Там же. Л. 9.

6 октября 1869 г. начальник Главного управления по делам печати получил конфиденциальное сообщение из III отделения о том, что Г.А. Калинин «представляется такою личностью, которой не может быть дозволено издание какого бы то ни было журнала или газеты»¹. Никаких подробностей более не сообщалось. На основании этого отзыва Главное управление по делам печати сообщило генерал-губернатору Западной Сибири (20 октября 1869 г.) и томскому полицмейстеру (23 октября 1869 г.) об отказе в разрешении задуманной газеты².

В архивном деле хранится еще один документ, связанный с несущественной газетой «Сибиряк», – это письмо начальнику Главного управления по делам печати из Омска из Главного управления Западной Сибири, составленное 7 ноября 1869 г. и полученное в Петербурге (судя по почтовому штемпелю) 27 ноября 1869 г.³ В письме сообщалось, что газета «Сибиряк», даже если бы ее разрешили к изданию, могла издаваться только в томской губернской типографии, но никак не в типографии Калинина, по следующим причинам:

«1) что томская городская полиция, при своих скудных средствах, будучи постоянно занята присмотром за населением города Томска, требующим бдительного надзора, не в состоянии строго блюсти за действиями частной типографии, как это требуется циркулярным предписанием Министра внутренних дел за № 165 1865 г. и

2) что за открытием в г. Томске частной типографии, доходы тамошней губернской типографии должны значительно понизиться, отчего может встретиться затруднение в приобретении 3.901 р., внесенные, по распоряжению министра внутренних дел, в распи-

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 4. Д. 346. Л. 10.

² Там же. Л. 11–12.

³ Там же. Л. 14.

сание расходов в 1869 г., на усиление средств Томского губернского правления»¹.

Таким образом, как первая, так и вторая попытки получить разрешение на издание частной газеты в Томске оказались безуспешными. В первом случае, несмотря на развернутую и вполне благонамеренную программу и на то, что печать газеты в томской губернской типографии было достаточно выгодным делом для губернского правления, причиной отказа стала опасность сотрудничества в газете политических ссыльных: это соображение перевесило все преимущества, которые могло бы получить местное общество от основания частного органа печати. Во втором случае подозрительной и, видимо, политически неблагонадежной оказалась сама личность предполагаемого редактора-издателя, причем это обнаружилось уже тогда, когда Главным управлением по делам печати была утверждена программа издания. Тем не менее сама попытка зарождения частной журналистики в конце 1860-х гг. показывает и потребность в ней сибиряков, и готовность наиболее активных членов местного сообщества заняться организационной стороной дела.

Относительно конца XIX – начала XX в., когда в Томске уже состоялся позитивный опыт выхода газетной периодики, в Государственном архиве Томской области хранятся дела о еще некоторых неосуществившихся газетных проектах. В деле «О разрешении издавать в Томске газету под заглавием “Сибирское слово” Сахарову»² содержится секретная переписка, которая началась 18 февраля 1891 г., когда томский губернатор Г.А. Тобизен получил конфиденциальное послание от начальника Главного управления по делам печати. В нем сообщалось: «Проживающий в Томске потомственный почетный гражданин Александр

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 4. Д. 346. Л. 14.

² ГАТО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 857. Л. 1–10.

Сахаров обратился в Главное управление по делам печати с ходатайством о разрешении ему издавать в городе Томске, с дозволения предварительной цензуры, под редакторством проживающегося в городе Томске инженера-технолога Александра Серебренникова, два раза в неделю, политическо-общественную и литературную газету под названием “Сибирское слово”, по прилагаемой при сем копии <...> желательно ли издание в городе Томске второй газеты, обладает ли проситель достаточными материальными средствами и возможно ли ожидать, что проектируемая г. Сахаровым газета будет вполне благонамеренного направления?»¹.

Газету «Сибирское слово» предполагалось издавать два раза в неделю, подписная цена была определена в 7 рублей в год с доставкой и пересылкой, за границу – 9 рублей.

Копия программы будущей газеты, сохранившаяся в архиве, позволяет познакомиться с ее содержанием. В газете предполагались следующие разделы:

«1. Правительственные распоряжения и узаконения по всем частям государственного Управления, преимущественно касающиеся Сибири.

2. Иностранная политическая хроника и внутренние известия, заимствуемые из правительственных и других повременных изданий.

3. Статьи, касающиеся местного края в историческом, статистическом, этнографическом, торгово-промышленном и других отношениях.

4. Статьи научного содержания; сведения об изобретениях и открытиях.

5. Изящная словесность, очерки, рассказы и проч.

6. Телеграммы политические и торговые.

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 857. Л. 1.

7. Городские известия и отчеты о заседаниях местной городской думы, разных обществ и собраний.

8. Известия из разных мест Сибири и Средней Азии.

9. Критика и библиография, разбор и оценка выходящих книг и журнальных статей, а также музыкально-театральные рецензии.

10. Разного рода объявления и справочные сведения по частям торговой, промышленной, судебной и т.п., календарные сведения, а также метеорологический бюллетень».

После получения этого запроса 26 марта 1891 г. томский губернатор обратился к начальнику томского губернского жандармского управления, и 9 апреля того же года получил от него требуемые сведения «о политической благонадежности почетного гражданина Александра Сахарова и инженера-технолога Александра Серебренникова, а также возможно ли ожидать, что проектируемая ими газета будет вполне благонамеренного направления». Глава губернской жандармерии не обнаружил доказательств политической неблагонадежности будущих издателей и констатировал, что «по нынешним данным нет причин препятствовать выходу газеты “Сибирское слово”». Однако в письме содержались и «те мотивы, которые дают повод сомневаться в благонамеренном направлении газеты»¹.

К этим мотивам относился, во-первых, факт существования в Томске частной газеты «Сибирский вестник», которая была «направления непредосудительного», и к тому же редактор ее «известен лично, как вашему превосходительству, так и мне». Правда, он тут же добавлял, что, «содержание статей этого органа печати, несмотря на все старания г. Картамышева, не удовлетворяют вкусам и требованию читающих, вследствие отсутствия хороших фельетонистов и корреспондентов». Начальник жандармерии сомне-

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 857. Л. 5.

вался, сможет ли задуманная газета «Сибирское слово» «создать» подходящий высокопрофессиональный редакционный коллектив из местных авторов, а следовательно, «поставленная в необходимость конкурировать с “Сибирским вестником”, должна будет обратиться к наиболее способному и образованному слою населения, а именно к политическим ссыльным»¹.

Начальник жандармерии смоделировал ситуацию после привлечения политических ссыльных в качестве сотрудников «Сибирского слова» следующим образом: «...по всей вероятности, первое время своего существования “Сибирское слово” поставит себе целью вытеснить “Сибирский вестник” и стать распространенной газетой, а вслед за тем, приняв вредное направление, повлечет закрытие ее, в то время, как она станет единственным органом печати, что и будет причиной нежелательного неудовольствия и волнения в обществе». В заключение он прямо напоминал губернатору о судьбе первого макушинского издания: «Вероятие изложенного предположения подтверждается и закрытием “Сибирской газеты”, в которой принимали участие политические ссыльные»².

Из имеющегося в архивном деле рапорта томского полицмейстера В.В. Ушакова выясняются и другие любопытные данные о предполагаемых издателях газеты. Полицмейстер сообщал, что «потомственный почетный гражданин Сахаров служит приказчиком в кондитерской лавке купца Толкачева, а инженер-технолог Серебренников – член Томской городской управы. По собранным мною сведениям оказалось, что оба эти лица никакими материальными средствами не обладают и живут исключительно получаемым ими жалованием. Для издания в г. Томске газеты “Сибирское слово” они рассчитывают получать от кого-то, остающимся пока неизвестным [подчеркнуто полицмейстером], денежное пособие».

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 857. Л. 5

² Там же. Л. 6.

В итоге собранные данные дали полицмейстеру основание заключить, что «как направление, так и состав самой редакции будут тождественными с закрытой, по распоряжению правительства, три года тому назад “Сибирской газетой”»¹. К тому же, как и «Сибирская газета», «Сибирское слово» предполагалось печатать в типографии Михайлова и Макушина, и это служило дополнительным аргументом против нового органа печати.

Выводом из всех предоставленных сведений стало следующее заключение: «Ввиду положительного отсутствия у Сахарова и Серебренникова материальных средств для издания газеты и сокрытия ими источника, откуда они получают таковые, невольно порождает сомнение в том, что цель и направление предполагаемой к изданию газеты “Сибирское слово” будут в интересах общества и государства»².

«Венцом» этой секретной переписки было обширное послание томскому губернатору от председателя томского губернского правления, датированное 4 октября 1891 г. и подводящее итог собранным данным. Прежде всего высокопоставленный губернский чиновник изложил собственное мнение о том, что «открытие второй политически-общественной газеты в г. Томске в принципе желательны в видах, во-первых, развития общественной мысли, во-вторых, конкуренции с существующим изданием “Сибирский вестник” и улучшением таким путем печатного органа общественной мысли университетского города»³. Однако, рассматривая ходатайства об учреждении «Сибирского слова», председатель правления считал, что эта газета не оправдывает возлагаемых на нее надежд. Он подробно остановился на тех моментах, которые вызывали у него особенное недоверие и серьезные опасения относи-

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 857. Л. 8.

² Там же.

³ Там же. Л. 9.

тельно новой газеты. Прежде всего, «первое условие для достижение этих целей – солидный образовательный ценз и литературная репутация лиц, становящихся по главе нового издания; но, насколько мне известно, гг. Сахаров и Серебренников впервые намереваются выступить на литературном поприще, и хотя последний получил высшее техническое образование, однако оно само по себе не служит гарантией правильного его отношения, в качестве редактора газеты, к социальным вопросам и способности быть руководителем органа общественного мнения»¹.

Высказав сомнение относительно идеологических установок будущих издателей, начальник губернского правления перешел к характеристике их материального положения: «Второе условие для удовлетворительной постановки издания – обеспеченные денежные средства издателя, с помощью которых оно на первых же порах было бы обставлено настолько прочно и привлекательно для читателя, чтобы возможна была конкуренция его с существующим в Томске и других городах Сибири изданиями. Между тем капиталистический ценз предполагаемого издателя “Сибирского слова” г. Сахарова, служащего приказчиком в кондитерской купца Толкачева, конечно, слишком недостаточен. А при таком условии новое издание, не имея своей типографии, уменьшая цену против “Сибирского вестника” на 2 рубля и будучи вынуждено привлекать к себе сотрудников с помощью более высокого вознаграждения, чем то, которым они вынуждены воспользоваться от существующего единственного издания, будет неизбежно нуждаться в материальных средствах и, для обеспечения себя большим числом подписчиков, конкурировать обычным в таких случаях способом – обругиванием и выставлением в невыгодном свете других местных изданий»². И здесь автор рапорта также обращается мыслями к «Си-

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 857. Л. 9.

² Там же.

бирской газете», которая, по его мнению, была «наглядным примером такой неблагоприятной деятельности».

Все вышесказанное начальник томского губернского правления резюмирует так: «Соображая, что все эти неблагоприятные для достижения вышеозначенных целей условия хорошо известны лицам, предпринимающим новое издание, следует допустить, что они в данном случае преследуют какие-либо скрытые цели, соображения которых в той или другой степени возможны при издании газеты целым кружком лиц, вкладывающим в создание свой капитал и даровой труд, в видах распространения в обществе своих кружковых воззрений. По некоторым данным можно предположить, что гг. Сахарову и Серебренникову не будет принадлежать руководящая роль в “Сибирском слове” и что действительные главные руководители этого издания намеренно скрывают свое участие в нем, так как известны местной администрации за людей политически неблагонадежных. На таких именно основаниях существовала в Томске бывшая “Сибирская газета”, закрытая правительством по причине вредного ее направления, причем главными сотрудниками и руководителями этого издания были политические ссыльные и другие политически неблагонадежные лица»¹. Образно говоря, «призрак» уже несуществующей «Сибирской газеты» стоял перед глазами у всех томских представителей власти, а мысль о ее «воскрешении» сразу же давала повод отказать в разрешении на издание «подозрительного» органа печати, подобного «Сибирскому слову». Что и было сделано.

Анализ конфиденциальной переписки губернской администрации раскрывает мотивы властей, запрещавших выход оппозиционных изданий. Это стремление создать бесконкурентную среду для газеты, которая удовлетворяла требованиям власти с идеологиче-

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 857. Л. 10.

ской точки зрения («Сибирский вестник»); желание оставить без собственного органа печати существовавшую в обществе оппозицию, представленную в данном случае политическими ссыльными и политическим неблагонадежными лицами; и конечно, вполне понятное стремление снять с себя ответственность в случае разрешения газеты вышестоящими начальниками.

В 1893 г. в Томске вновь была предпринята попытка основать газету, которая смогла бы конкурировать с «Сибирским вестником». В феврале 1893 г. действительный статский советник, кандидат права киевского университета Николай Николаевич Айгустов подал докладную записку на имя томского губернатора, в которой ходатайствовал об издании в Томске газеты «Сибирская летопись».

Размышляя о составе будущего издания, Айгустов замечал, что в сибирской периодике число сотрудников вообще невелико: «В “Сибирском вестнике”, например, число постоянных сотрудников, насколько мне известно, всегда ограничивалось 3–4 лицами»¹. В будущей «Сибирской летописи», считал Айгустов, могли бы принимать участие А.О. Станиславский, сотрудник «Сибирского вестника» с 1885 г., И.П. Кузнецов, бывший сотрудник «Сибирского вестника», а также В.А. Долгоруков, сотрудник «Сибирского вестника» «почти с самого основания его и с середины [сверху подписано: в декабре] 1889 г. по конец 1890 г., редактировавший его по поручению г. Картамышева <...>». Айгустов сообщал губернатору, что он может потратить на основание новой газеты 4–5 тыс. руб. Что же касается состава участников газеты, то, кроме Долгорукова, среди них не будет ссыльных, в отличие от «Сибирского вестника», где «до сего времени большая часть сотрудников – уголовные ссыльные и из прибывших в ссылку в недавнее

¹ ГАТО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 3740. Л. 120.

время; также значительная часть корреспондентов, начиная с иркутского, тоже ссыльные»¹.

В свою очередь председатель губернского правления в письме губернатору высказал мнение, что «прямая цель проектируемой газеты является конкуренция существующему» – «Сибирскому вестнику», а следовательно, и отвлечение от него подписчиков. Председатель сомневался, что это удастся, ведь и в качестве сотрудников в новую газету предполагалось привлечь все тех же участников «Сибирского вестника». Кроме того, по поводу Долгорукова высказывалось следующее суждение: «как мне известно», Долгоруковым закрыто участие в «Сибирском вестнике» и он является «действительным инициатором нового издания и должен быть его фактическим редактором». Поэтому, как писал председатель губернского правления, «я считаю необходимым коснуться здесь его литературных и нравственных качеств. Сосланный в Сибирь по делу червонных валетов Долгоруков постоянно занимался здесь мелкой адвокатурой, а с 1887 г. также сотрудничал в “Сибирском вестнике”. Будучи человеком довольно способным и образованным, Долгоруков, однако, по характеру своей адвокатской деятельности не возвысился над другими здешними адвокатами из ссыльных, эксплуатирующих в свою пользу невежество своих клиентов, в газете же оказался заурядным сотрудником, статьи и заметки которого отличались тривиальным содержанием и составляли литературный балласт, причем не замечено принципиальных воззрений и стремлений, а по большей части узкое и пристрастное отношение к трактуемому предмету, очевидно, в личных видах. Хотя Долгоруков в течение нескольких лет много работал для “Сибирского вестника”, но, насколько мне известно, всегда за построчную плату, не получая определенного содержания и, вопреки уверению

¹ ГАТО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 3740. Л. 123.

г. Айгустова, никогда не состоял фактическим редактором этой газеты». В целом, заключал председатель, Долгоруков «пользуется не особо лестной репутацией», и по мнению руководителя губернского управления, именно «Сибирская летопись» в итоге будет газетой ссыльных, в «Сибирском вестнике» же уголовных ссыльных всего двое и «они не влияют на газету»¹. В итоге ходатайство Айгустова об издании «Сибирской летописи» было отклонено.

Необходимо добавить, что В.А. Долгоруков в 1893 г. получил право выезда из Сибири, т.е. перестал быть в прямом смысле слова «уголовным ссыльным», и с 1895 г. начал выпускать ежегодник «Путеводитель по Сибири и Средне-Азиатским владениям России», а затем другие журналы и газеты. Дело, сохранившееся в архиве, свидетельствует о том, что желание Долгорукова стать издателем возникло еще в 1893 г., и он даже нашел человека, который мог бы стать «подставным лицом» в деле основания газеты (Айгустова), однако губернская администрация не поддержала этот проект. Разница во мнениях, высказанных относительно как Долгорукова (в частности относительно его фактического редактирования «Сибирского вестника»), так и газеты Картамышева (по поводу участия в ней уголовных ссыльных), была обусловлена, скорее всего, личными симпатиями высказывающихся, и потому эти суждения не могут быть восприняты как истинные, требуют некоторой корректировки.

Наряду с изданиями, разрешение на которые не были получены, имелись в Томске и такие, которые были разрешены, но не выпускались. Первой по времени получения разрешения на издание является ежедневная газета «Сибирь», редактор-издатель М.Н. Вознесенский, свидетельство от 19 декабря 1905 г. В томском архиве сохранилась секретная переписка о предполагаемом издателе газе-

¹ ГАТО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 3740. Л. 126.

ты. Так, 21 декабря 1905 г. томский полицмейстер рапортовал томскому губернатору о том, что «присяжный поверенный Михаил Николаевич Вознесенский состоял под гласным надзором полиции с 21 февраля по 30 ноября 1904 г., содержался по политическим делам в тюрьме, участвовал в демонстрациях и митингах революционеров; занимается адвокатурой, под судом и следствием не состоял и не состоит»¹. 16 января 1906 г. томскому губернатору пришли сведения из департамента полиции о том, что «присяжный поверенный Михаил Николаевич Вознесенский за участие в противоправительственной демонстрации в городе Томске 18 февраля 1903 г. был подвергнут, на основании высочайшего повеления 1 ноября 1903 г., тюремному заключению на три месяца и подчинен гласному надзору полиции в месте жительства на два года, но от надзора этого Вознесенский бы освобожден досрочно, на основании высочайшего повеления 4 декабря 1904 г. По полученным ныне сведениям, Вознесенский является одним из главных руководителей в г. Томске партии социалистов-революционеров и фактическим редактором газеты «Сибирский вестник», вместо официального редактора Сонины, причем газета эта издается в противоправительственном духе. Кроме того, Вознесенский принадлежит к партии сибирских сепаратистов»². Вероятно, участие Вознесенского в «Сибирском вестнике» и предопределило его отказ от реализации уже полученного разрешения на издание новой ежедневной газеты «Сибирь».

3 января 1906 г. было подано прошение от профессоров Томского технологического института В.А. Обручева и Е.Л. Зубашева, в котором они заявляли о своем желании «издавать в 1906 г. ежедневную литературно-политическую газету под названием «Жизнь

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 693. Л. 1.

² Там же. Л. 1–3.

Сибири», в Томске¹. На прошении синим карандашом надпись: «Разрешаю». Но газета так и не выходила, причина, конечно же, была связана с событиями Первой русской революции.

В 1906 г. в Томске было получено разрешение на издание газеты «Народное дело». Издатель – врач Н.В. Соколов, ответственные редакторы – «отставной сотник Сибирского казачьего войска» Г.Н. Потанин и потомственный почетный гражданин А.А. Силин, свидетельство от 4 января 1906 г. Томский полицмейстер свидетельствовал в рапорте от 3 января 1906 г. следующее: Соколов, Потанин, Силин «поведения и образа жизни хорошего. Потанин – публицист, состоял под особым надзором полиции с 23 февраля по 2 декабря 1905 г., под следствием и судом не состоит; Силин состоит сотрудником газеты “Сибирский вестник”, к ответственности он и Соколов по делам политического и уголовного характера не привлекались»². Возможно, что в этом случае свою роль сыграло тесное сотрудничество будущих издателей с «Сибирской жизнью», которая к этому времени перешла от братьев Макушиных в руки профессоров Малиновского и Соболева, в связи с чем активно расширился круг сотрудников обновляемой газеты.

18 января 1906 г. в Главное управление по делам печати был подан список вновь разрешенных томских повременных изданий: «Народные нужды» (Малиновский, Соболев), «Сибирь» (Вознесенский), «Время» (Базанов), «Вестник Сибири» (в документе было добавлено «примечание» о том, что «первый номер этой газеты был арестован, после чего газета более не выходит»), «Осы» (Федоров), «Народное дело» («примечание» к этому изданию гласило: «газета еще не начала издаваться»), «Жизнь Сибири» (также было добавлено «примечание» о том, что «газета еще не издается»)³.

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 56. Д. 400. Л. 60.

² Там же. Ф. 2. Оп. 12. Д. 693. Л. 47–54.

³ Там же. Л. 74–75.

Однако этот предварительный список был до конца года расширен как названиями выходящих изданий, так и теми, которые остались только в проекте.

12 апреля 1906 г. было выдано свидетельство о разрешении издания в г. Томске, при литературно-сатирическом листке «Осы», прибавления под названием «Сибирские новости», по следующей программе:

- 1) правительственные распоряжения;
- 2) хроника местная, сибирская, русская и судебная;
- 3) статьи;
- 4) фельетон злободневный, литературный и художественный;
- 5) смесь;
- 6) рисунки и карикатуры;
- 7) агентские телеграммы.

Далее добавлялось, что «прибавление “Сибирские новости” будет выходить от 3 до 5 раз в неделю <...> печататься прибавление будет в типографии П.И. Макушина в Томске»¹.

О том, почему не был реализован этот проект, сведений нет; однако в ГАТО хранится рапорт томского полицмейстера от 22 февраля 1906 г. о Константине Ивановиче Троицком (русский, 28 лет, отставной канцелярский служащий), который с 20 января 1906 г. редактировал «Осы» вместо первого редактор-издателя В. Федорова. Полицмейстер рапортовал: «Троицкий в настоящее время определенных занятий не имеет, проживает в д. Голдобино с 21 декабря минувшего года и за это время ни в чем предосудительном замечен не был, но так как Троицкий служил в службе движения Управления сибирской железной дороги, служащие которой, как известно из прокламации “Резолюция служащих сибирской железной дороги”, присоединились к партии социал-революционеров, то он, при-

¹ ГАТО. Ф. 2. Оп. 12. Д. 693. Л. 25.

став, отнести Троицкого к политически благонадежным считает с своей стороны опасным, тем более потому еще, что неизвестны причины, по которым Троицкий оставил службу на железной дороге»¹. Эта информация о Троицком позволяет предположить, что прибавление не стало выходить по причине отсутствия возможности придать легальному «прибавлению» характер эсеровского органа печати.

4 ноября 1906 г. губернатору подал заявление дворянин Евгений Николаевич Зандрок, в котором писал: «Предполагая издавать в г. Томске ежедневную литературную, экономическую и политическую газету под заглавием “Сибирские ведомости”, покорнейше прошу ваше превосходительство выдать мне надлежащее свидетельство на право издания газеты и утвердить меня ответственным редактором. При этом заявляю, что во время моего отсутствия редактировать и подписывать газету будет отставной коллежский секретарь Николай Филиппович Зандрок. Как я, нижеподписавшийся, так и Н.Ф. Зандрок удовлетворяем условиям, дающим право на редактирование. Газета будет печататься в типографии Макушина по нижеследующей программе: передовые статьи по вопросам политическим, экономическим и общественным, корреспонденции из городов Сибири и Европейской России, фельетоны, местная хроника, обзор печати, обзор жизни Сибири, хроника русской жизни, справочный отдел, смесь, объявления. Подписная цена предполагается на год 5 рублей»². Томский полицмейстер, в ответ на запрос о благонадежности Зандрока, сообщил, что он «служит заведующим конторой страхового общества “Саламандра”, ни в чем предосудительном замечен не был, но, как известно, за служащими названной конторы жандармской полицией установлено строгое наблюдение». В свою очередь Николай Филиппо-

¹ ГАТО. Ф. 2. Оп. 12. Д. 693. Л. 17, 21.

² Там же. Л. 224.

вич Зандрок тоже служил в «Саламандре» кассиром, и также не был ни в чем заподозрен, однако, как и все служащие этого страхового агентства, находился под полицейским наблюдением. Вероятно, это обстоятельство обусловило отказ в разрешении нового издания¹.

Несмотря на то, что часть газет, чье издание было разрешено в 1905–1906 гг., по различным причинам не смогла увидеть свет, это свидетельствовало о возросшем интересе сибиряков к изданию периодики.

В период послереволюционного «затишья», в 1910–1914 гг., в Томске вновь были возобновлены попытки изданий новых газет и журналов. 8 апреля 1910 г. подал прошение о разрешении в Томске издавать журнал под названием «Речи Сибири» присяжный поверенный Михаил Иннокентьевич Преловский². В секретной переписке, посвященной выяснению степени благонадежности будущего издателя, были приведены следующие сведения (документ от 21 апреля 1910 г.): «Преловский Михаил Иннокентьевич в 1906 г. привлекался <...> по делу социал-демократической организации и кассы ее, обнаруженной в г. Томске; был арестован, но, по распоряжению Омской судебной палаты, из-под стражи освобожден под залог в размере 300 руб. В том же году по распоряжению временного томского генерал-губернатора подвергался административной высылке под гласный надзор полиции в Нарымский край на время состояния губернии на военном положении»³.

Антиправительственная деятельность Преловского началась еще в 1903 г. и выражалась в следующих действиях: «...являлся главным распорядителем социал-демократической партии по приобретению для партии оружия с целью вооруженного восстания.

¹ ГАТО. Ф. 2. Оп. 12. Д. 693. Л. 224–228.

² Там же. Л. 108.

³ Там же. Л. 109.

Оратор на заседаниях общества попечения о начальном образовании <...> Производил денежные сборы на нелегальные цели распространял преступную литературу. Совместно с другими лицами устраивал платные развлечения, сборы с которых поступали на противоправительственные цели. Совместно с частным поверенным Якушевым составил после 18 октября 1905 г. от имени всех присяжных поверенных заявление о неприятии ими к защите дел полицейских чиновников, городских, казаков и вообще лиц администрации, причем в этом же заявлении предлагалось всем присяжным поверенным перейти на помощь рабочему освободительному движению. Вел преступную агитацию среди нижних чинов местного гарнизона, состоял членом в местной социал-демократической вооруженной дружине, главнейший руководитель деятельностью местных кружков социал-демократической организации и всей томской партии»¹.

Как адвокат, М.И. Преловский выступал в судах защитником лиц, привлеченных к ответственности за антиправительственную деятельность. Участвовал в уличной вооруженной демонстрации 18 января 1905 г. Организовывал на своей квартире собрания по предвыборной агитации во вторую Государственную Думу. «Неоднократно подвергался обыскам, по которым, однако, ничего преступного обнаружено не было. По последним сведениям, полученным агентурным путем, но фактически пока не проверенным, Преловский состоит казначеем томской социал-демократической организации»².

Очевидно, что с такой характеристикой рассчитывать получить разрешение на основание в Томске журнала «Речи Сибири» было невозможно. Однако 13 июля 1910 г. В.А. Долгоруков сообщил о своем решении передать свою газету «Сибирские отголоски» в

¹ ГАТО. Ф. 2. Оп. 12. Д. 693. Л. 109.

² Там же. Л. 109–110.

собственность М.И. Преловскому, с тем, чтобы ее редактором стал Алексей Иванович Збукирев. В справке из томского окружного суда от 31 июля 1909 г. сообщалось, что уголовное преследование Преловского Омской судебной палатой было прекращено 29 июля 1906 г. Однако 15 июля 1910 г. Преловский выступил с просьбой – ходатайство о журнале «Речи Сибири» «оставить без движения впредь до особого заявления с моей стороны о рассмотрении названного ходатайства»¹. Таким образом, журнал «Речи Сибири» не был воплощен в жизнь, поскольку его вероятный издатель «переключился» на издание газеты «Сибирские отголоски» (в октябре 1910 г. переименованную в «Сибирское слово»).

Газета «Сибирская жизнь» сообщала еще об одном нереализованном проекте: «Томский частный учитель Е.В. Никитин возбуждает пред томской администрацией ходатайство о разрешении ему издавать в г. Томске педагогический журнал под названием “Сибирский школьный мир” по весьма широкой программе, состоящей из 32 журнальных отделов»²; причины, по которым было отказано учителю, не выяснены.

Накануне Первой мировой войны в Томске была предпринята попытка издания газеты *Bultenode Tomska Societo Esperantista* на языке эсперанто. 24 марта 1914 г. на имя томского губернатора от имени председателя правления томского общества эсперантистов инженера Константина Максимовича Стрижева поступило прошение с просьбой разрешить издавать газету по следующей программе:

«а) руководящие статьи (за исключением, согласно примечанию к параграфу 29 Устава общества, обсуждений вопросов политического, религиозного и национального характера),

б) статьи по истории эсперанто,

¹ ГАТО. Ф. 2. Оп. 12. Д. 693. Л. 115, 120, 124.

² Сибирская жизнь. Томск. 1910. № 102.

- в) хроника Томского общества эсперантистов,
- г) сообщения о событиях из жизни эсперантистов и эсперантских обществ в России и за границей,
- д) оригинальные и переводные рассказы, стихотворения и анекдоты,
- е) рецензии о выходящих произведениях эсперантистской литературы,
- ж) конкурсы, анкеты»¹.

Выход номеров *Bultenode Tomska Societo Esperantista* предполагался по мере накопления материала, в количестве 50–100 экземпляров, которые распространялись бы бесплатно. Поскольку средств на услуги типографии у общества не было, то К.М. Стрижев просил разрешение на приобретение им гектографа, которое было им получено 12 июня 1914 г. Томский полицмейстер сообщил губернатору, что сведений о политической неблагонадежности Стрижева не имеется, но у губернатора возник вопрос – кто будет наблюдать за этой газетой, ведь нужен человек, который бы знал язык эсперанто? Стрижев предложил свою же кандидатуру для наблюдения за газетой, а по дополнительной просьбе губернатора сообщил, что название газеты в переводе означает «Бюллетень-листок Томского общества эсперантистов»².

23 мая 1914 г. из Петербурга на имя томского губернатора пришло сообщение от Главного управления по делам печати: «...законных оснований к запрещению выпуска в свет статс-советником Стрижевым в г. Томске, под его же Стрижева ответственным редакторством газеты под названием “Bultenode Tomska Societo Esperantista” не имеется. Что же касается возложение наблюдения за упомянутою газетою на самого издателя-редактора ее, то таковое является совершенно недопустимым [подчеркнуто в

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 670. Л. 1–37.

² Там же. Л. 1, 6–8, 10.

деле красным карандашом. – *Н.Ж.*], так как оно совмещало бы в одном лице и обязанного возбуждать в надлежащих случаях судебные преследования за статьи, напечатанные в газете, и ответственность за те же самые статьи. Выбор же иного лица, которое должно исполнять по отношению к названному изданию обязанности, предусмотренные п. 8 приложения к уставу 114 Устава о цензуре и печати по прод. 1906 г. зависит от вашего превосходительства. При этом самый факт выхода в свет в г. Томске издания на языке эсперанто заставляет предполагать, что в этом городе есть лица, знающие этот язык»¹.

На требование губернатора срочно найти человека со знанием языка Стрижев предложил посылать номера на цензуру в Москву или в Ковно, где выходили газеты на эсперанто, но затем, 11 июля 1914 г., представил в качестве кандидатуры наблюдателя профессора Томского университета, одного из членов – учредителей томского общества эсперантистов, Алексея Александрович Кулябко².

Запросы по поводу А.А. Кулябко выявили, что он в предосудительных поступках замечен не был, политических благонадежен и вполне может быть цензором листка. 27 сентября 1914 г. Кулябко дал согласие «принять на себя временно и бесплатно обязанности наблюдающего за проектируемым изданием “Бюллетень Томского общества эсперантистов”»³. 18 октября 1914 г. редакцией было получено свидетельство о разрешении на издание газеты. Однако к настоящему времени номеров этого издания не найдено.

Таким образом, «несуществующие издания» Томска до революции были представлены как разрешенными, но не вышедшими наименованиями, так и теми, которые были запрещены властями.

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 670. Л. 13.

² Там же. Л. 14–15, 21.

³ Там же. Л. 23–27.

Рассмотренные архивные дела свидетельствуют о значительной активности жителей Томска в области издания периодики. На один реализованный проект здесь приходилось как минимум четыре не реализованных – по разным причинам. В качестве издателей периодики в Томске желали выступать профессора местных вузов, мещане, служащие, представители дворянства, учителя и т.д.

Главным критерием при рассмотрении прошений была политическая благонадежность будущих издателей и редакторов. Свои соображения по этому поводу высказывали начальник губернского правления и томский полицмейстер. В целом, понимая важность и значение периодической печати для развития края, местная власть, тем не менее, не стремилась поощрять газетную конкуренцию, с чем связано долгое существование «Сибирского вестника» в качестве единственной частной газеты Томска. Эту тенденцию переломил только П.И. Макушин, которому удалось в 1894 г. основать «Томский справочный листок».

По названиям и программам предполагаемых к изданию газет и журналов можно судить о том, что местная интеллигенция ориентировалась не только на общественно-политические, но и чисто литературные, и специализированные издания. В ряде случаев, не добившись успеха в деле основания нового органа печати, несостоявшиеся издатели переходили в редакции уже существовавших газет или (как это было с М.И. Преловским) становились во главе уже выходивших изданий.

Заключение

Проведенное исследование архивных дел, выполненное с учетом уже имеющихся сведений об истории становления и развития периодической печати в дореволюционной Томской губернии, позволяет сделать несколько выводов.

Цензурный контроль за «Томскими губернскими ведомостями», как и другими губернскими ведомостями Сибири со стороны губернаторов и генерал-губернаторов, с одной стороны, свидетельствовал о высоком уровне централизации управления на восточной окраине, с другой – в зависимости от взглядов управленцев мог способствовать более широкому содержанию неофициальной части. Так, по замечанию Сибирского комитета, «Иркутские губернские ведомости» публиковали статьи, не входящие в программу ведомостей и запрещенные циркулярами Главного управления цензуры (только с середины 1860 г. они стали распространяться на сибирские ведомости). Через опубликованные материалы выстраивались отношения не только между авторами и читателями, но и такие коммуникационные линии, как автор-цензор и редактор-цензор.

По линии административного и цензурного контроля тот или иной текст мог достичь Главного управления Западной (или Восточной) Сибири, Главного управления цензуры (с 1865 г. – Главное управление по делам печати) и Министерства внутренних дел. Для губернской администрации эти руководящие читатели были особенно важны – содержание ведомостей в дополнение к обязательным отчетам могло способствовать созданию благоприятного

или неблагоприятного впечатления о ее деятельности. Несмотря на правительственно-административный контроль, многие из губернских ведомостей в Сибири, как и в других губерниях и областях Российской империи, выходили за юридические рамки своего существования, находясь в большей зависимости от местной администрации, чем от центральных цензурных учреждений, от правоприменительной практики, чем от строгого соответствия прописанным в законе пунктам программы. Формулировка, разрешавшая публиковать в ведомостях «относящиеся до местности и сведения и материалы», допущение в них политического и юридического отделов, предоставление губернаторам возможностей использовать свою функцию наблюдения за газетой не только для сдерживания ее пунктами программы, но и для их расширительного толкования позволяют оценивать законодательные рамки издания губернских ведомостей как пластичные. Программа ведомостей была для правительственных изданий своеобразной уздой, средством их цензурного «одергивания» сверху, но она не создавала непреодолимых препятствий для редакторов, авторов и корреспондентов, принимавших на себя таковые обязанности по назначению, служебной необходимости или по личному убеждению и стремившихся сделать неофициальную часть интересной и полезной для читателя.

Знакомство с редакторскими списками официальной части «Томских губернских ведомостей» за первые годы существования газеты позволяет прояснить некоторые организационные вопросы и алгоритмы работы чиновников, являвшихся на первых порах основными участниками процесса создания первенца губернской периодики. Видно, что становление формы подачи официальных новостей происходило постепенно, ответственные за выпуск номера чиновники выполняли довольно значительный объем работ, включая и беловую переписку номеров для передачи в набор. Также из

знакомства с редакторскими экземплярами становится более ясен круг лиц, причастных к созданию газеты.

Обращает на себя внимание неравноценный объем материалов, в которых отражается цензурная часть бытования томской дореволюционной журналистики. Цензурные дела, посвященные трем первым частным газетам Томска – «Сибирской газете», «Сибирскому вестнику» и «Сибирской жизни», – состоят из сотен листов, часть из них объединяются в первый и второй тома, при этом архивные дела разбросаны по нескольким фондам, хранятся и в Российском государственном историческом архиве, и в Государственной архиве Томской области, а также в Центральном архиве Российской Федерации. Однако архивные дела, в которых запечатлена, например, цензурная история многочисленных изданий В.А. Долгорукова, невелики по объему и практически не содержат развернутых донесений, писем, которыми обменивались томский губернатор и Главное управление по делам печати и т.д., хотя репутация этого издателя также вызывала подозрения у местной администрации, считавшей его радикалом.

Это позволяет сделать предположение о том, что внимание цензурного ведомства сосредоточивалось преимущественно на изданиях, которые оказывали существенное влияние на формирование общественного самосознания, играли ведущую роль на газетно-журнальном рынке Томска и Сибири. С этой точки зрения становится понятно, почему долгоруковские «Дорожник по Сибири и Азиатской России», «Сибирский наблюдатель», «Сибирские отголоски» и другие органы печати, несмотря на то, что они выходили в одно время с вышеперечисленными газетами П.И. Макушина и супругов Картамышевых, достаточно долго фигурировали на томском рынке печати и точно так же находились под предварительной цензурой, тем не менее, не были предметом постоянных забот местных и столичных цензоров.

Обращение к архивному делу «Сибирской газеты», первой частной газеты в Томске и первой крупной частной газеты Западной Сибири, дает представление о том, как формировались отношения между цензурным ведомством и частной журналистикой в российской провинции, вдалеке от центров издательского дела и контролирующих его столичных чиновников. Уже на первом этапе становления газетной периодики в Томской губернии выявился масштаб влияния местной администрации на журналистику: от прихоти губернатора зависело, будет ли запрещен или разрешен новый орган печати, насколько жестко он будет контролироваться цензурой, будет ли защищен от нападок местных «тузов», обиженных на критику в печати, и т.д. Об этом свидетельствуют как безуспешные первые попытки П.И. Макушина основать частную газету в Томске, так и вся история возникновения, существования и прекращения «Сибирской газеты».

Взаимодействие «Сибирской газеты» и томской цензуры ознаменовалось несколькими очень наглядными эпизодами, которые показали, с одной стороны, «границы возможностей» журналистов, которые пока слабо представляли себе, что именно они могут предпринять в случае столкновения с цензурными запретами, с другой – недостаточную подготовленность местных чиновников к осуществлению контроля над печатью. Томские вице-губернаторы, на которых были возложены функции цензоров, были загружены основной работой и не горели желанием углубляться в тонкости цензурных установлений. Поэтому «Сибирская газета» испытала на себе практически весь спектр возможных вариантов взаимодействия с цензурой: и пропуск в печать нежелательных с точки зрения столичных цензоров материалов, и жесткое цензурирование отдельных номеров и их запрет, и приостановки выхода газеты, а затем ее прекращение совещанием четырех министров. Из-за незнания местных чиновников о способе цензурирования книжных

изданий стала возможной издательская деятельность «Сибирской газеты», которая добавила популярности и «веса» изданию в глазах местного общества.

Однако и в последующие годы воздействие местной администрации на периодику не стало меньше. Цензурная история «Сибирского вестника» показала, что от хорошего отношения губернатора зависело не только разрешение на издание, но и получение льгот при решении организационных и хозяйственных вопросов. Если отношения становились конфликтными, то решение таких вопросов затягивалось на годы, о чем свидетельствовала история с повышением цены на «Сибирский вестник»: сначала В.П. Картамышев годами просил о ее повышении, затем Г.В. Прейсман – о ее понижении.

В отличие от других томских газет, «Сибирский вестник» испытывал значительное давление со стороны администраций других сибирских губерний – иркутской и енисейской, губернаторы которых добились приостановки газеты в 1897 г. Этот цензурный сюжет требует особого внимания и значительных усилий при его исследовании, прежде всего из-за объема материала, а также учитывая необходимость обращения к истории Иркутской и Енисейской губерний в конце XIX в.

В глазах цензурного ведомства «Сибирский вестник» только первые годы существования подавал надежды на благонадежность и на то, что он сможет стать руководителем общественного мнения в желательном для местной администрации направлении. После смерти покровителя газеты, губернатора И.И. Красовского, цензурная репутация «Сибирского вестника» ухудшалась с каждым годом. Не спасало положение ни смена редакторов и издателей, ни усиление цензурных строгостей, вплоть до приостановок издания. В этом отношении газета невольно стала продолжателем «обличительного направления», против которого выступала в самом начале

своего существования. Однако объективные причины, связанные с положением сибирской периодической печати и ее зависимости от потребностей аудитории, требовали от «Сибирского вестника» именно такой позиции в отношении власти, несмотря на угрозу применения к нему карательных цензурных мер.

Вину за публикацию нежелательных материалов Главное управление по делам печати возлагало на местных цензоров, которые не обладали необходимой квалификацией для строгого наблюдения за печатью. Объяснения цензоров, которые оправдывали свой недосмотр, – еще одно перспективное направление для дальнейших исследований цензорского корпуса Томской губернии и истории сибирской журналистики.

Исследование архивного дела «Сибирского вестника» показало, что его материалы недостаточно полно введены в научный оборот. Ждут дальнейшего исследования документы, относящиеся к «прейсмановскому» периоду «Сибирского вестника»; возможны также подробные освещения сюжетов, связанных с «внутренней жизнью» газеты: попытки добиться разрешения на иллюстрирование газеты, конфликты газеты с представителями местного сообщества и др. Это также может быть осуществлено при продолжении работы, что позволяет считать настоящее исследование необходимым предварительным этапом, дающим возможность увидеть перспективы новых направлений изучения томской и сибирской периодики.

Архивное дело об издании в Томске газеты «Сибирская жизнь» является наиболее изученным из всех остальных, но даже здесь требовались систематизация накопленных сведений и раскрытие отдельных цензурных сюжетов. Так, рассмотренные дела, относящиеся к конкретным публикациям «Сибирской жизни» 1897–1898 гг., показывают, в частности, что по отношению к «Сибирской жизни» применялись не только карательные меры, но и «профилактические»: она постоянно вынуждена была отвечать на раз-

нообразные вопросы цензурного ведомства, касавшихся отдельных публикаций, отдельных предложений, методов предъявления информации. Это, конечно, затрудняло редакторскую и журналистскую деятельность, поскольку отвлекало сотрудников от работы, требовало внутренней цензуры, постоянных «оглядок» на возможные цензорские замечания.

Также было выявлено, что нередко местные цензоры играли роль «буфера» между отдельными активными читателями и газетой (как в случае с недовольством местного чиновника стихотворением газеты о школе), либо между Главным управлением по делам печати и газетой (эпизод с защитой В.В. Сапожниковым права газеты обсуждать деятельность местной власти). В этом отношении их деятельность требует дальнейшего исследования и, возможно, определенной переоценки.

Изучение архивного дела дает возможность также сделать вывод о том, что, поскольку цензура была вынуждена формулировать свои претензии не просто к газете в целом, а к конкретным материалам, это позволяло журналистам применять различные уловки, средства формы и содержания, чтобы завуалировать наиболее острые моменты. В этом отношении провинциальная пресса принципиально ничем не отличалась от столичной: она шла по ее стопам, училась на примере «старших товарищей», поскольку была поставлена в такие же и даже еще более суровые цензурные условия.

«Цензурный прицел», в котором существовала «Сибирская жизнь», серьезно затруднял ее деятельность. Арест номеров, огромные штрафы, налагаемые на газету, не давали «Сибирской жизни» развиваться в более быстром темпе. Однако, как и в случае с центральными газетами, цензурные репрессии, о которых становилось известно читателям «Сибирской жизни», убеждали аудиторию в том, что газета твердо стоит на стороне общества, защищает

его интересы даже в ущерб своим финансам. Это обеспечивало газете лояльность читателей и постоянный рост тиража.

Архивные дела, хранящиеся в РГИА и ГАТО, позволяют восстановить возможно более полную историю газеты, ее «тайную» часть, не всегда известную руководству газеты и ее сотрудникам. Совмещение сведений, разбросанных по архивным делам, дает возможность увидеть сложные взаимоотношения цензоров и журналистов, оценить степень вмешательства цензуры в процесс создания газеты.

Изученные материалы свидетельствуют о том, что степень жесткости цензуры в отношении «Сибирской жизни» во многом зависела от личности цензоров. Судя по претензиям, высказываемым Главным управлениям по делам печати, его не устраивало слишком лояльное цензурирование профессора С.С. Сапожникова, а работу местных чиновников, главным образом вице-губернаторов, столичные цензоры считали поверхностной. Сохранившиеся объяснения местных чиновников, которые не раз пропускали в печать статьи, которые должны были запретить, позволяют увидеть специфику цензорской работы в Томске, которая осуществлялась до 1903 г. непрофессионалами. Появление томского отдельного цензора, который затем был переименован в инспектора по делам печати, сделало цензурный надзор более строгим, но это привело к конфликтам с местной печатью, в которые было вынуждено вмешиваться Главное управление по делам печати.

Столичное цензурное ведомство выступало в разных ролях: в отдельных случаях оно выступало арбитром при решении споров газеты и цензора, иногда указывало на ошибки цензору с целью повышения качества цензурирования, но по большей части столичное цензурное ведомство стояло на стороне местных цензоров. Этот контроль обеспечивал соблюдение установленных цензурных правил, однако редакция постоянно пробовала «на крепость» цен-

зурные границы, пытаясь донести до своих читателей свое мнение и собственную оценку происходивших событий. Архивные дела, в которых отражена цензурная история «Сибирской жизни», свидетельствуют о том, что газета никогда не прекращала борьбы с цензурой, считая свободу слова одним из самых важных условий развития общества.

История томской журналистики не ограничивалась официальными (государственными и частными) изданиями. Как и в других городах Российской империи, в начале XX в. в Томске был представлен целый ряд неподцензурных самостоятельных ученических журналов. Анализ этой категории изданий затруднен в первую очередь их слабой сохранностью: лишь отдельные журналы дошли до наших дней хотя бы в количестве одного-двух номеров. Однако в ходе исследования была использована методика анализа данных об ученических журналах по косвенным данным. Такие данные можно извлечь как из публикаций местной прессы, так и из архивных материалов, в первую очередь – материалов жандармского управления. Исследование как сохранившихся номеров, так и перечисленных источников показывает широкий спектр самостоятельных школьных журналов Томска в начале XX в. – как тематически, так и жанрово. Часть выявленных журналов можно считать литературными, часть же имеет отчетливый политический оттенок. Обращает на себя внимание и разнообразие техник тиражирования такого рода изданий, что говорит о степени доступа учащихся к полиграфическим мощностям города.

Рассмотренный материал позволяет также поставить вопрос и с иной точки зрения, а именно проверить возможность изучения ученических самостоятельных изданий как проявления читательской рецепции, а следовательно, применить к ним соответствующих инструментарий. В монографии показано, что такая возможность действительно имеется, что дает возможность не только изу-

чить собственно издания, но и попытаться гипотетически реконструировать сообщества, занимавшиеся их выпуском.

В целом можно с уверенностью говорить о потребности томских учащихся в собственном периодическом органе. Такая потребность, очевидно, не была удовлетворена в рассматриваемый период, поскольку самодеятельные журналы возникали снова и снова. В каком-то смысле эти самодеятельные органы можно считать далекими предшественниками современных блогов и социальных сетей; они демонстрируют высокий уровень социальной и творческой активности томской учащейся молодежи.

Исследование архивных дел, связанных не только с реализованными изданиями, но и теми, которые не были осуществлены, позволяет говорить о разнообразии типологической картины развития журналистики в Томской губернии. Обращают на себя внимание несколько моментов, связанных с типологией этих нереализованных газетно-журнальных проектов.

Во-первых, типология большинства изданий, которые были задуманы не в губернском центре, а в других городах Томской губернии, совпадала с газетами и журналами Томска. В качестве примера могут служить новониколаевская однодневная газета «В знании – сила» (в Томске выходило несколько подобных изданий), барнаульский литературно-художественный журнал «Молодые побеги» (модель его во многом совпадала с томскими журналами «Молодая Сибирь» и «Сибирская новь»), новониколаевский юмористический журнал «Пересмешник» (аналогичный томскому сатирическому журналу «Силуэты жизни родного города») и некоторые другие. Появление замыслов этих изданий свидетельствовало о проникновении в широкую публику потребности в газетах и журналах разных типов, в которых отражалась бы местная специфика – в области благотворительности, литературного творчества, сатиры и юмора и т.д. Знание о том, что подобные издания плани-

ровались к выходу в разных городах Томской губернии, позволяет говорить о развитии журналистики «на местах», о зачатках формирования системы местной периодики.

Во-вторых, часть неосуществленных в Томской губернии замыслов журналов и газет отражала стремление создать органы периодики новых типов – таких, которые не были реализованы даже в Томске. Прежде всего, это проект новониколаевского детского журнала «Таежная тропинка»: в Томске существовал журнал «Материнская школа» (по дошкольному и школьному воспитанию), несколько изданий учащейся молодежи («Товарищ», «Мысли учащихся средней школы»), но ни одного издания, предназначенного для детей старшего возраста, в Томской губернии не выходило. Еще один проект, осуществление которого также расширило бы типологическую картину журналистики Томской губернии, – это барнаульская «Сибирская копейка», благодаря которой на рынке периодических изданий мог бы появиться местный аналог общероссийской «Газеты-Копейки». Наконец, это новониколаевские газеты на польском языке *Glas-Jyberje* и *PolakSyberyjski*: выход этих изданий мог бы сделать Томскую губернию одной из немногих российских провинций, в которой печатались бы подобного рода издания. Добавим, что вообще в Томской губернии был опыт изданий на татарском языке (газета «Сибиря»), и был опыт неосуществленного издания на языке эсперанто, однако неизвестны даже попытки основать в Томске или другом городе газету или журнал на польском языке.

Полученные сведения позволяют говорить о том, что изучение истории развития провинциальной журналистики было бы неполным без учета архивных данных, которые дают возможность увидеть потенциальные векторы развития типологической картины местной периодической печати.

Обращение к архивным материалам изданий Томской губернии начала XX в. обнаруживает, что количество документов, связанных с цензурой, после Первой русской революции 1905–1907 гг. резко уменьшилось.

В годы Первой русской революции был сделан значительный шаг вперед – к освобождению слова от цензуры. Манифест 17 октября 1905 г., провозгласивший свободу слова, повлек отмену всех циркулярных распоряжений министра внутренних дел о запрещении обсуждать в печати различные вопросы внутренней жизни России. Но после того, как революционное движение пошло на спад, наступило время реакции. Как писал современник описываемых событий, «на бумаге с декабря 1905 года у нас нет ни цензоров, ни предварительной цензуры. Но на деле и то и другое процветает»¹.

Тем не менее провинциальная периодическая печать освободилась от предварительной цензуры, и теперь дела не содержали многостраничной переписки редакторов и издателей с губернаторами, Главным управлением по делам печати, полицмейстерами, сопровождающей разрешение на выход издания и отмечающей любые нюансы его существования. Цензурные дела о газетах и журналах, издававшихся с 1906 по 1917 г., содержат в большинстве случаев несколько листов: уведомление о разрешении на издание, программу либо сведения о смене редактора/издателя, корректировке программы, смене названия и т.д. Объемных цензурных «томов», подобных тем, в которых отразилась история ведущих томских газет «Сибирская газета», «Сибирский вестник», «Сибирская жизнь», в начале XX столетия уже не было.

Однако все остальные томские газеты и журналы не могли соревноваться с перечисленными «лидерами» на газетном рынке

¹ Патрушева Н.Г. Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX – начале XX века : дис. ... д-ра ист. наук... Т. 2. С. 132.

Томской губернии. По масштабу, объему и значению издания 1906–1917 гг. могут рассматриваться как периодика «второго плана», хотя они и были разнообразны в типологическом аспекте, отвечали на запросы разных аудиторных групп, осваивали содержательные и оформительские модели. В этом отношении документы, которые относятся к издательской истории «правой» периодики Томска («Время», «Сибирские известия», «Сибирская правда», «Сибирский свет», «Томский вестник» и др.), журналов литературно-художественных («Молодая Сибирь», «Сибирская новь»), медицинских («Сибирский врач», «Здоровье для всех», «Белый цветок») и многих других, требуют особого внимания и отдельного исследования.

Еще одним типом архивных документов, которые на данный момент недостаточно полно вовлечены в научный оборот, являются отчеты томских цензоров о периодической печати. Как отмечают исследователи, к 200-летию русской печати Главное управление цензуры в 1903 г. законом от 8 мая в семи крупных городах, в том числе и в Томске, были назначены особые чиновники для исполнения цензурских обязанностей. Они подчинялись Главному управлению по делам печати и имели права штатных отдельных цензоров (получали вознаграждение, равное штатным окладам, – по 2 тыс. руб. в год каждому). В обязанности цензора входил надзор за выпускавшимися на подведомственной территории книгами и периодическими изданиями, контроль за фондами библиотек и книжных магазинов, постановками в театре. Таким образом, произвол губернатора и его чиновников был заменен цензурой профессионалов¹.

Отчеты томского цензора появляются в цензурных делах после 1903 г., в них содержится ценная информация: характеристики из-

¹ См.: Патрушева Н.Г. Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX – начале XX века : дис. ... д-ра ист. наук... Т. 2. С. 14.

даний, данные о тиражах, сведения об общественно-политическом направлении газет и журналов, а также об издателях и редакторах органов периодики. В качестве примера можно привести несколько отчетов из деятельности томского инспектора по делам печати Павла Виноградова.

В 1909 г. П. Виноградов составил для Главного управления по делам печати таблицу, в которой было семь столбцов: «1) Название повременных изданий, выходивших в 1909 г. в гг. Томске, Новониколаевске и Барнауле; 2) Сведения о лицах, издававших и редактировавших периодическое издание с указанием их 1) имени, отчества, фамилии 2) звания или сословия 3) вероисповедания и 4) образовательного ценза; 3) Подписная цена, 4) Издания, вновь появившиеся в 1909 г.; 5) Издания, прекратившиеся в 1909 г.; 6) Наименование изданий, на право выпуска коего в свет выдано установленное свидетельство, но которые не вышли; 7) Издания приостановленные в отчетном году 1) в административном порядке на основании исключительных положений 2) издания оштрафованные с указанием размера наложенного на них штрафа»¹.

Таблица систематизировала сведения о следующих изданиях и их руководителях:

Ежедневных:

В Томске: «Сибирская жизнь», «редакторы-издатели профессора Томского университета юридического факультета Михаил Николаевич Соболев и Иоанникий Алексеевич Малиновский, православного вероисповедания», «за некролог «Рахмет Авдебеков», напечатанный в № 163, был наложен штраф в 100 р.»².

«Сибирские отголоски», «редактор-издатель частный поверенный при Томском окружном суде Всеволод Алексеевич Дол-

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 735. Л. 170–172.

² Там же. Л. 171 об.–172.

горуков, православный. Кончил курс в морском кадетском корпусе»¹.

В Новониколаевске: «Народная летопись», «3 января вышел № 1, 17 ноября издание прекращено», «редактор-издатель – Николай Павлович Литвинов, пензенский мещанин, православный, кончил курс с фельдшерском училище»².

«Обская жизнь», «15 ноября вышел № 1», «редактор-издатель Андрей Каспарович Новицкий, крестьянин православный»³.

В Барнауле: «Барнаульский листок», «25 января вышел № 1», «редактор-издатель Пётр Васильевич Орнатский, надворный советник, православный, кончил курс в учительском институте»⁴.

Еженедельных:

«Сибирская правда», «редактор-издатель Иеромонах Игнатий, а после убийства его 9 мая дворянин Владимир Алексеевич Залесский, православный, обучался в военной прогимназии»⁵.

«Силуэты жизни родного города», еженедельный юмористический журнал, «редакторы-издатели: Всеволод Григорьевич Саввинов, обучался в гимназии до VI класса, православный, и Михаил Петрович Игнатьев, мещанин, домашнего образования, православный», «17 января вышел № 1 Силуэтов»⁶.

Издание двухнедельное:

Журнал «Молодая Сибирь», редактор-издатель студент Томского университета III курса Николай Николаевич Алексеев, православный», «26 февраля появился № 1 «Молодая Сибирь», «№ 9 и последний появился 18 сентября»⁷.

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 735. Л. 171 об.–172.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 173 об.–174.

⁶ Там же. Л. 175 об.–176.

⁷ Там же. Л. 173 об.–174.

Издания ежемесячные:

Журнал «Сибирский земледелец и садовод», «редакторы и издатели агрономы: Николай Николаевич Марсин и Игнатий Игнатьевич Пересвет-Салтан, православные»¹.

«Журнал Общества сибирских инженеров», «издание Общества сибирских инженеров. Редакторы инженеры путей сообщения Кронид Георгиевич Трубин и лаборант инженер-технолог Владимир Филиппович Юферев», «9 июня вышел № 1 журнала»².

Официальные издания 2 раза в месяц:

«Горные и золотопромышленные известия», «редактор-издатель горный инженер Э.К. Фрейсман»³.

Официальные ежемесячные издания:

«Известия Томского городского общественного управления», «редактор-издатель городской голова г. Томска Иван Максимович Некрасов»⁴.

«Врачебно-санитарная хроника», «издатель Томская городская управа, редактор врач-санитар»⁵.

К отчету прилагались характеристики изданий, выходявших в Томске в 1909 г. Наиболее развернутым и подробным было описание «Сибирской жизни», которое приводилось в главе, посвященной этому изданию. Кроме этого, цензор также обращал внимание на следующие газеты и журналы:

«Сибирские отголоски». Газета откликалась на вождения прогрессивной партии, не вдаваясь в крайности. Оригинальных передовых статей было мало. В рубрике фельетона довольно много места занимал роман из местной жизни с революционным пощи-

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 735. Л. 173 об.–174.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

бом: «В зареве пожара». Газета печаталась всегда в количестве 1 200 экземпляров, из которых часто $\frac{1}{4}$ оставалась в типографии. Материальное положение «Сибирских отголосков» плохое: редактор из своего кармана покрывал дефицит по изданию газеты, а дефицит за год простирался свыше 3 тыс. руб.

«Сибирская правда». Это еженедельная газета – орган томского отдела Союза русского народа. На каждом номере «Сибирской правды» печатался девиз: «Россия для русских, Православие, Самодержавие, русская народность». Газета в каждом своем номере имела 1 тыс. экземпляров. Во время редакторства иеромонаха Игнатия, зверски задушенного двумя учениками Томской церковно-учительской школы, в которой он был начальником, печаталось крупным шрифтом следующее: «Жиды должны быть выселены из России». Газета смело обличала некоторые злоупотребления, о которых находили неудобным что-либо печатать газеты левого направления, особенно подчеркивая дурные действия евреев и еврействующих. Обличительный тон «Сибирской правды», несомненно, приносит пользу. К сожалению, состав редакции был беден интеллигентными сотрудниками, помещающими свои статьи и заметки безвозмездно в «Сибирской правде».

«Силуэты жизни родного города». Этот еженедельный иллюстрированный юмористический журнал, осмеивая разного рода бытовые недостатки из жизни города Томска, главным образом, давал материалы, доставлявшие возможность читателю кое-что видеть в комическом освещении. Не касаясь вопросов политики, в разных рассказах журнал мог доставлять приятное развлечение. Журнал печатался изредка в количестве 1 тыс. экземпляров в одном номере, а чаще всего в количестве 600 экземпляров. В течение года вышло 43 номера. Материальное положение «Силуэтов жизни родного города» было незавидно, так как от годовичного издания получился дефицит, хотя и незначительный.

«Сибирский земледелец и садовод». Этот ежемесячный журнал исподволь приобретает более и более симпатий среди читателей, являясь пока единственным журналом в Сибири, разрабатывающим вопросы земледелия, маслоделия, пчеловодства и садоводства в применении к климатическим, бытовым и почвенным условиям Западной Сибири. Часто разного рода статьи пояснялись рисунками. В каждом номере печатались ответы на вопросы, которыми интересовались земледельцы, садоводы, маслоделы и пчеловоды, а также цены на продукты сельского хозяйства. Каждый номер журнала печатался в количестве 1 200 экземпляров.

«Журнал общества сибирских инженеров». Этот журнал, возникший в июне месяце, выходил в количестве 500 экземпляров в каждом номере. Характеристику журнала можно видеть из его программы, заключающейся в следующих отделах: 1) узаконения и распоряжения правительства в области промышленно-технической, 2) научно-технические статьи, 3) обзор технико-промышленной жизни Сибири, 4) библиографический отдел и обзор технической литературы и т.д. Многие статьи иллюстрировались рисунками, печатавшимися в цинкографии Сибирского товарищества печатного дела»¹.

В 1910 г. Павел Виноградов сообщал не только об изданиях, которые находились под его контролем, но и об их тиражах. Отчет содержал сведения о следующих органах периодики:

I. Ежемесячные журналы

1. «Журнал общества сибирских инженеров (500 экземпляров)»
2. «Сибирский земледелец и садовод» (1 000)
3. «Известия Томского городского общественного управления» (200)

II. Два раза в месяц

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 735. Л. 181–182.

1. Журнал «Горные и золотопромышленные известия»
2. «Молодая Сибирь», художественный журнал, посвященный литературе, общественной жизни, искусству и науке (1 000)

III. Еженедельные издания

1. «Сибирская правда», газета политическая, литературная и экономическая (1 000)
2. «Силуэты жизни родного города», литературный юмористический журнал с карикатурами, печатался в количестве экземпляров maximum 800, minimum 600.

IV. Ежедневные издания

1. «Сибирская жизнь», газета политическая, литературная и экономическая, печаталась в количестве maximum 10 500, minimum 7 600.
2. «Сибирские отголоски», политическая, общественная и литературная газета (1 200)

V. В неопределенное время выходил журнал

1. «Врачебно-санитарная хроника города Томска» (200)
2. «Справочный торгово-промышленный листок объявлений» (2 000)¹.

Кроме этого, тираж алтайского «Барнаульского листка» составлял 1 800–1 500 экземпляров, новониколаевской газеты «Обская жизнь» – 1 350–1 250 экз.

В примечаниях цензор уточнял: «Журнал “Молодая Сибирь”, издававшийся в Томске два раза в месяц, прекратился на № 10. Редактор журнала «Молодая Сибирь», студент Томского университета юридического факультета Алексеев лично заявил мне, что ему некогда заниматься изданием журнала, а нужно готовиться к сдаче выпускного экзамена»².

В феврале список расширился за счет таких изданий, как «Сибирское слово» (рубрика «Ежедневные издания»), «Сибирская прав-

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 735. Л. 67–68.

² Там же. Л. 68.

да» и «Брак и семья» («еженедельные издания»), «Циркуляры Западно-Сибирского учебного округа» и «Врачебно-санитарная хроника г. Томска» («официальные, ежемесячные»); кроме того, были упомянуты также «Томские епархиальные ведомости» и «Томские губернские ведомости» («официальные, два раза в неделю»).

Кроме томских изданий, Павел Виноградов перечислял органы периодики, издающиеся в пределах Томской губернии:

«а) в городе Новониколаевске:

- 1) “Обская жизнь”
- 2) “Обской вестник”

б) в г. Барнауле:

- 1) “Алтайская газета”
- 2) “Жизнь Алтая”

в) в г. Бийске:

- 1) “Алтай”¹.

Уточнения на этот раз состояли в указании изданий, которые начали издаваться в 1911 году: это были «Брак и семья» в Томске, «Жизнь Алтая» в Барнауле и «Алтай» в г. Бийске.

Эти два примера показывают, что обращение к отчетам томского цензора способно значительно расширить наше представление о развитии томской журналистики в начале XX в. Поэтому работа с отчетами – еще одно возможное направление исследований, которое намечено благодаря настоящему исследовательскому проекту.

Завершая его, научный коллектив отнюдь не ставит точку – впереди ждет дальнейшая работа с архивными материалами, поиск малоисследованных сюжетов и введение в научный оборот малоизвестных сибирских изданий. А это значит, что у нашей книги – открытый финал!

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 735. Л. 162–163.

Алфавитный указатель имен

- Абрамова М. 241, 242
Адрианов А.В. 91, 95, 102, 104, 105, 120, 159, 160, 175, 183, 184, 188, 192, 194, 196, 225, 236, 300
Азанчевский-Азанчеев В.Н. 193, 217
Айгустов Н.Н. 334, 336
Александр II 44, 46
Александр III 122, 132, 138
Александрович 145
Алексеев В.П. 279
Алексеев Д.В. 235
Алексеев Н.Н. 361, 365
Анисьин А.Ф. 101, 120, 147, 163, 167
Антропов А. 280–283
Анучин В.И. 235
Анучин Д.Г. 54, 55
Арефьев В.С. 192
Арефьев Н.В. 145, 149
Арсеньев К.К. 8
Асташев И.Д. 39
Баев И.П. 146
Баженов Н.А. 265, 266
Байтов Г.Б. 188, 192, 222–224, 231–233, 236
Бакин 283
Баландин А. 241, 242, 300
Балиев А.С. 280
Барахович М. 240
Бауман Н.К. 241, 286, 298
Бахметьев В.М. 312
Бебель А. 279, 280
Бейлин М.Р. 188, 192, 220, 221
Белинский В.Г. 191
Беляев Н.Я. 142
Бергман Э.Э. 188, 232
Берльгард А.В. 225
Бессонов 261
Бисмарк 69
Бицюк И.Е. 61
Богаевский Н. 68
Боголепов М.И. 145, 236
Болдовский 261
Большанин Г. 134
Борисов С.С. 265, 272, 283
Борисяк А.А. 251
Боркгайм С. 280
Бруннов А.П. 203
Булгаков В. 194
Булыгин А. 77, 82–84, 86, 87
Булюбаш А.П. 120, 147, 164, 165, 171
Бунге А.А. 156
Бычков А.И. 192

- Вагин В.И. 41, 42
Валуев П.А. 8, 16, 46, 47
Васильевский А. 276
Васильчиков 66
Вахрушин П. 315
Вейсман Р.Л. 146
Велио И.О. 92
Венцель К.К. 43
Вергежский И. 193
Виноградов П.Т. 25, 60, 155,
229, 360, 364, 366
Витте С.Ю. 155
Владиславлев 145
Вознесенский М.Н. 191, 192,
337
Войцеховский А.М. 91
Вологодский П.В. 145, 192
Волховский Ф.В. 21, 26, 98,
100, 124
Воронин Н. 241
Воскресенский М.Н. 155
Вяземский П.П. 54, 55, 108–110,
116–118, 132
Вяземский С.А. 258
Вяткин Г.А. 146, 193
Гаршин В.М. 194
Гасфорд Г.Х. 37
Георгиевский Д.А. 66
Герасимов П. 193
Герцен А.И. 194
Гершельман С.К. 66
Гибер фон Грейфенфельс Н.А.
231
Гильзен Мершейд фон 79
Гиляров М.А. 20, 24, 101
Гиппиус З.Н. 145
Гирсанов И. 275, 283
Глебов М. 200
Головачев А.М. 192
Головнин А.В. 16
Голубев П.А. 100, 192
Гомберц С. 240
Гончаров И.А. 16
Горбатовский Ю.О. 192
Горемыкин И.Л. 21, 227
Горохов 214
Гран П.К. 223, 231
Грацианов А.А. 154
Гребенщиков Г. 194
Григорьев В. 90
Гудков Н.А. 312
Гурьев Н.А. 145
Гусев А. 102, 139
Гусельников Н.Г. 67
Дагаев И. 276, 278
Дельвиг Д.Н. 203, 258
Деспот-Зенович А.И. 47
Дитятин И.И. 279
Дмитриев-Мамонов А.И. 104,
123
Долгоруков В.А. 144, 185, 334–
336, 342, 349
Достоевский Ф.М. 78
Дудинский В.Н. 224
Думбадзе 67
Дурново Н.Н. 160

- Дуров А.В. 62
Екатерина II 15
Еленев Ф.П. 20, 109
Емельянов Н.Н. 145
Ерманский О.К. 279
Ершов П.П. 37
Ефимов А.И. 91–93, 101, 104, 108–110, 208
Желябов А. 107
Жерновков Г.И. 312
Жорес Ж. 280
Забиранников М.П. 234
Загибалов М.Н. 142, 146, 147, 154
Загоскин М.В. 41
Залесский В.А. 361
Зандрок Е.Н. 340
Зандрок Н.Ф. 340, 341
Засулич В. 280
Збукирев А.И. 343
Золотницкий Н.П. 164
Зубашев Е.Л. 225, 236, 337
Зубашева О.А. 235
Иванов П. 241
Игнатий, иеромонах 265, 361
Игнатъев А.П. 166, 168, 170
Игнатъев М.П. 361
Изгоев А. 193
Иконников В. 265
Илличевский 53
Ионов Г. 241
Казаков М.Ф. 311
Казнаков Н.Г. 50, 52, 93
Калинин Г.А. 89, 321–326
Калугин 261
Каплин Т.В. 188, 232, 234, 235
Картамышев В.П. 141–144, 147, 148, 150–152, 155–158, 160–167, 171, 185, 187
Картамышева М.Ф. 142, 145, 153, 154, 167–169, 171, 172, 187
Карташов В.А. 223
Кассенберг В.К. 308
Катков М.Н. 106
Кауфман 66
Кедрина А.О. 308–310
Кибальчич Н. 107
Клеменц Д.А. 98, 100, 146, 183, 184
Клочков М. 279
Клюге 145
Кнунянц Б.М. 278
Козлов Г.И. 188, 223, 233
Козман М.С. 280
Колосов Е.Е. 235
Кон Ф.Я. 192
Короленко В.Г. 124
Корф М.А. 53, 81
Корш Е.В. 57–60, 91, 105–108, 118, 136, 144, 159, 172, 186, 187
Костров Н.А. 51–53, 96
Котович Ал. 8
Краевский А.А. 55
Красиков Т.Ф. 102
Красовский А.В. 16

- Красовский И.И. 59, 120, 127, 129, 130, 143, 147, 161, 163, 173, 351
Кретковский К.Ф. 50
Крупович В. 287
Крутовский Вс.М. 225, 231, 236
Кузнецов Д.Л. 48–50
Кузнецов И.П. 334
Кузнецов С.К. 145, 166, 183–185
Кулябко А.А. 345
Купрессова О. 241
Курский М.О. 306
Кутайсов 205
Лаврентьев Л.И. 218, 221
Лакс А.И. 120, 147, 158, 159, 164, 165, 167, 170
Лалетин А.И. 41, 77
Лассаль Ф. 279
Латкин М.М. 144
Лафарг П. 279, 280
Левин К.Н. 281
Лемке М.К. 8
Ленгник Ф.В. 192
Леонов Г. 241
Леонов П. 241, 242
Лепешинский П.Н. 192
Лерхе Г.Г. 50–52
Литвинов И. 211
Литвинов Н.П. 311, 312, 361
Ломачевский А.А. 150
Ломоносов М.В. 240
Лонгэ Ж. 280
Любимов 82
Любомудров А.А. 65, 66
Лютер Ф.А. 255
Макарий (Невский), епископ 261
Макушин А.И. 188, 192, 197, 225, 236
Макушин П.И. 88–95, 102, 104, 106, 108–110, 118, 137, 142, 179, 188–192, 197, 203, 204, 207, 208, 210–212, 217, 220, 288, 289, 321, 330, 331, 339, 340, 346, 349, 350
Малеев В.Л. 188, 221
Малиновский И.А. 66, 188, 192, 193, 217, 221, 222, 225, 227, 235, 238, 360
Мамин-Сибиряк Д.А. 26
Маркс К. 63, 279
Марсин Н.Н. 362
Маршанг И.Б. 64
Мезьер А.В. 8
Мейер В.Э. 62, 64, 67–69
Менагиос Д.С. 103, 122, 123, 131
Мерцалов В.И. 20, 24, 52, 55–59, 90, 91, 93, 94, 101, 104–106, 115, 118, 119, 123
Мещерин Ф.С. 37, 38, 40, 76–79, 83, 87
Милютин А.И. 25
Минин М. (Хейсин М.Л.) 278
Миркович О.В. 241, 244, 247, 302

- Михайлов В.В. 142, 179, 289, 331
Михайлов П.В. 127, 128
Михайлович А. 145
Мович Л. (Маркович Л.З.) 278, 281
Морозов Б. 240
Мультиановский П.М. 235
Муравьев Н.Н. 42, 44
Муромов И.Г. 91, 104
Мягков Е.Д. 281
Некрасов И.М. 362
Некрасов Н.А. 191, 245, 300
Никитенко А.В. 8, 16
Никитин Е.В. 343
Никитин И.С. 239
Николаев А.Р. 119–121, 123, 156, 158, 190
Николай II 21, 22, 65, 259, 307
Новицкий А.К. 361
Нолькен фон К.С. 67, 217–220
Оболенский В.А. 84, 85
Обручев В.А. 220, 235, 337
Озерский А.Д. 39
Оленин П.В. 154
Омулевский И.В. 125, 126, 131
Орлов А. 276, 279, 280, 282
Орлова Н.И. 142, 145
Орнатский П.В. 305, 307, 361
Павлинский И.С. 266
Павлов В.А. 201
Павлов О.Г. 38, 76, 77, 82–84, 87
Панишин П.П. 306
Пантелеев Н.И. 204–207
Парамонов Н.Е. 281
Пересвет-Салтан И.И. 362
Петр I 15
Петухов Н.Н. 119–121, 123, 128–131, 165, 172, 175, 176
Писарев Д.И. 191
Плеве В.К. 22, 166, 259
Плотников Н. 275–277, 280
Победоносцев К.П. 272
Покровский 250, 251
Поливанов Г. 265
Полонский Я.П. 194
Полянский П.М. 144
Попов М.П. 103, 134, 135
Попов М.Ф. 316
Попова М.Л. 48, 316
Потанин Г.Н. 42, 48–52, 104, 120, 146, 156, 175, 183, 192, 194, 209–216, 225, 231, 235, 236, 338
Праволамский М.С. 38, 40, 76–79, 87
Прейсман Г.В. 142, 144, 145, 147–153, 351
Прейсман Е.А. 145
Преловский М.И. 341–343
Пудовиков В.Е. 102
Пятов А.Н. 25, 154, 203, 210, 216
Радин Б. 280
Радищев А.Н. 281
Ребров И.Д. 305

- Редько 64
Рейснер М.А. 192, 203
Родзянко Н.В. 52, 319
Рожков Н.А. 279, 280
Розин Н.Н. 188, 220, 221
Романов С.А. 226, 267, 269–271, 273
Рыбкин П. 276
Сабинин Л.Х. 145
Савваитский М. 261, 262
Саввинов В.Г. 361
Салтыков-Щедрин М.Е. 249
Сапожников В.В. 192, 198, 199, 235, 353, 354
Сахаров А. 327–333
Светлицкий К.Н. 152
Святин В. 265
Северный Ив. 145
Сергеев Н.С. 133–136
Серебренников А. 328, 330, 332, 333
Серебренников С. 265
Силин А.А. 338
Синегуб С.С. 192
Скабичевский А.М. 8
Скалозубов Н. 193
Смердынский А. 265, 266
Снежинский 135
Соболев М.Н. 188, 192, 193, 217, 221, 222, 225, 235, 236, 338, 360
Соин Н.Н. 142, 145, 147, 154, 155
Соколов Н.В. 338
Соловьев М.П. 150, 153
Солодовников В. 205
Сперанский М.М. 53, 106
Станиславский А.О. 145, 334
Станюкович К.М. 26, 98
Старк Э.А. 256
Столыпин П.А. 69, 225–229, 235, 236
Стрижев К.М. 343–345
Суворин А.С. 56
Супруненко А.П. 52
Сухопаров Н.И. 55
Сухотин Н.Н. 146, 155
Сысоев 240
Сыгин И.Д. 278
Таловский П.А. 223, 232
Теляковский Л.К. 162
Тимофеев А.М. 192
Титов Н.И. 135, 136
Тобизен Г.А. 147, 150, 160, 161, 190, 327
Токарев Г.А. 264, 265, 267, 272
Толкачев Н.А. 139, 330
Толстой Д.А. 59, 130, 137–139
Толстой Л.Н. 152, 194, 278
Троицкий К.И. 339, 340
Трубин К.Г. 362
Гюменцев Г.К. 181, 184
Гютчев Ф.И. 16
Уваров С.С. 16
Уманец С.И. 149, 153, 202
Усов Ф.Н. 51

- Успенский Г.И. 26
Ушаков В.В. 148, 330
Федоров В.И. 192
Феоктистов Е.М. 8, 16, 158, 165, 166
Философов 66
Флеер Г.Ф. 154
Флоринский В.М. 182
Фрейсман Э.К. 362
Фризель П.И. 50, 51, 84
Фром В.К. 154, 155
Хаимович А.О. 89, 316, 321, 323
Хаминов И.С. 143
Хвостов В.И. 53
Хирьяков А.М. 145
Хоперский К. 277
Чадов С.Д. 192
Чеканинский А.И. 145
Черепанов С.Ф. 192
Черневич П.Л. 145
Чернов 84, 87
Черносвитов Р.А. 43
Чернышевский Н.Г. 194
Чехов А.П. 194
Чичагов 68
Чугунов С.М. 184
Чудновский С.Л. 105, 106, 120, 184
Чудов В. 265, 268
Шабанов И.С. 282
Шабанов Н.С. 282
Шалопаева Е. 241, 242
Шатилов М.Б. 188, 232
Шашков С.С. 209–216
Швецов С.П. 146, 192
Шебалин 261
Шевич В. 186
Шевченко Т.Г. 252
Шеремет М.П. 233
Шестаков М.А. 102
Шидловский И.П. 103, 132, 133
Шипицын А.Н. 146, 191, 192, 231, 235
Шишков В. 194
Шруба М. 291, 292
Штевен И.В. 224
Штернешталь Ф.А. 306
Штильке В.К. 67, 192
Щапов 211, 213
Щукин Н.С. 51, 181
Энгельгардт Н. 8
Эссен П.К. 50
Юферев В.Ф. 362
Ядринцев Н.М. 48–52, 59, 183, 213, 216
Яковлев С.П. 288
Якушев 342
Яницкий 195

Научное издание

Наталья Вениаминовна ЖИЛЯКОВА,
Валерия Анатольевна ЕСИПОВА, Вячеслав Вениаминович ШЕВЦОВ

**«СЕКРЕТНО. КОНФИДЕНЦИАЛЬНО»:
ЦЕНЗУРНАЯ ИСТОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ
ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX в.)**

Редактор Ю.П. Готфрид
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Подписано к печати 27.04.2022 г. Формат 60×84¹/₁₆.
Бумага для офисной техники. Гарнитура Times.
Печ. л. 25,5. Усл. печ. л. 23,7.
Тираж 500 экз. Заказ № 4853.

Отпечатано на оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Тел. 8+(382-2)–52-98-49
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

ISBN 978-5-907442-58-0

9 785907 442580 >